

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

1(115)'2026

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2026. – Вып. 1 (115). – 164 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2026. – Issue 1 (115). –
164 p. – (Free price).

ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(115)'2026

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <https://politlinguistika.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2026

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

1(115)'2026

Scientific journal

Founder: FSA HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <https://politlingvistika.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания

Е. В. Дзюба Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

С. В. Иванова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания

В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

С. Л. Кушнерук Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Лю Хун Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

В. А. Маслова Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

П. Серю Лозаннский университет, Швейцария

О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

З. К. Темиргазина Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан

Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария

Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Амиров В. М.	Личный блог политика: тематическая палитра и особенности репрезентации авторской позиции	12
Бубнова И. А.	Языковая личность как продукт культурно-исторического развития общества: современные тренды	19
Пономаренко И. Н. Сегал Н. А. Чудинов А. П.	Метафорический образ <i>Третьего Рима</i> в русском языковом сознании (на материале художественных текстов и современной публицистики)	29
Руженцева Н. Б.	Идиостиль автора-публициста (на материале ранних произведений М. Булгакова)	35
Стексова Т. И.	Интерпретация слова <i>нравственность</i> в средствах массовой информации	44

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Борущкова Я. В. Сидорова Н. А.	Основы политкорректности в современной ораторской речи политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки	51
Глебович Т. А. Паньков Д. В.	Школьный конфликт в СМИ: о типах медийной репрезентации	61
Присяжных В. Г.	Лексико-семантические маркеры речевой субстратегии «сохранения коллективного лица» в конфликте «КНР — провинция Тайвань»	70
Распаева Г. Д. Джамиль А.	Особенности метафорических моделей в пакистанском, российском и американском политическом дискурсе (2018–2024)	80
Сидельникова Е. А. Яковлева Е. В.	Религиозный дискурс как инструмент косвенной политизации (на примере рождественских посланий Патриарха Кирилла и Папы Франциска, 2022–2024 гг.)	87
Ткаченко О. А.	Имя для парламентской коалиции: от традиций до цифровой лингвокреативности	93
Ян Линь	Способы образования китайских политических эвфемизмов	102

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Касумова Т. Р. Тиллоева С. М.	Особенности перевода арабских фразеологизмов, выражающих метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык	110
Коновалова Н. И. Михайлова О. А. Михайлова Ю. Н.	Российский общественно-политический дискурс как «экспериментальное поле» адаптации иноязычных аббревиатур	119

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ли Ян	Исследование стратегий перевода на русский язык безэквивалентной лексики: на примере «Курса лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования» 128
Пэн Сыци	Репрезентация концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России (2004–2025): лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ 138
Чанг Джуй Ченг	Прагмалингвистический анализ метафор движения в политическом дискурсе: перевод и интерпретация 153
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 162	

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Amirov V. M.	Personal Blog of a Politician: Topical Range and Specificity of Representation of the Author’s Position	12
Bubnova I. A.	Linguistic Personality as a Product of Cultural and Historical Development of Society: Current Trends.....	19
Ponomarenko I. N. Segal N. A. Chudinov A. P.	A Metaphorical Image of the Third Rome in Russian Linguistic Consciousness (Based on Fiction Texts and Media Publications)	29
Ruzhentseva N. B.	The Idiostyle of an Author-Publicist (Based on the Material of M. Bulgakov’s Early Works)	35
Steksova T. I.	Interpretation of the Word <i>nравstvennost'</i> in Russian Media	44

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Borushkova Ya. V. Sidorova N. A.	Basic Principles of Political Correctness in Contemporary Public Speech of Political Leaders of Francophone West Africa.....	51
Glebovich T. A. Pan'kov D. V.	School Conflict in the Media: On the Types of Media Representation.....	61
Prisyazhnykh V. G.	Lexico-Semantic Markers of the Speech Substrategy of “Collective Face Saving” in the “PRC—Taiwan” Conflict.....	70
Raspavaeva G. D. Jamil A.	Specific Features of Metaphorical Models in Pakistani, Russian and American Political Discourse (2018–2024).....	80
Sidelnikova E. A. Iakovleva E. V.	Religious Discourse as a Tool for Indirect Politicization (Based on the Christmas Messages by Patriarch Kirill and Pope Francis, 2022–2024)	87
Tkachenko O. A.	Naming a Parliamentary Coalition: From Traditions to Digital Linguocreativity	93
Yang Lin	Methods of Formation of Chinese Political Euphemisms	102

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Kasumova T. R. Tilloeva S. M.	Specific Features of Translation of Arabic Phraseologisms Based on the Conceptual Metaphor “Life is a Path” into Russian	110
Konovalova N. I. Mikhaylova O. A. Mikhaylova Ju. N.	Russian Socio-Political Discourse as an “Experimental Field” for Adapting Foreign-Language Abbreviations	119

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Li Yang	Some Strategies for Translating Non-Equivalent Vocabulary Into Russian: A Case Study of “Understanding Xi Jinping’s Educational Philosophy”	128
Peng Siq	Representation of the Concept of “partnerstvo” in the Diplomatic Discourse of the Russian Foreign Ministry (2004—2025): A Lexico-Semantic and Rhetorical-Discursive Analysis	138
Chang, Jui-Cheng	Linguopragmatic Analysis of Motion Metaphors in Political Discourse: Translation and Interpretation	153
Manuscripts Requirements		162

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на официальном сайте научного журнала <https://politlinguistika.ru>, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.
Интернет-сайт: <https://politlinguistika.ru/>

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).

Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.9

Валерий Михайлович Амиров

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, vestnik-va@mail.ru, SPIN-код: 3493-3986,

<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>

Личный блог политика: тематическая палитра и особенности репрезентации авторской позиции

АННОТАЦИЯ. В статье на основе обширного теоретического и эмпирического материала изучаются основные подходы к репрезентации авторской позиции в персональных (личных) политических блогах.

Определено место личных блогов политиков в системе политической блогосферы, которая рассматривается в качестве неформального пространства для обсуждения общественной повестки дня. Охарактеризованы основные задачи, решаемые блогерами-политиками, выделен и проанализирован медиаинструментарий, с помощью которого политические блогеры реализуют свой авторский замысел: информирование читателей (зрителей); представление читателям законодательских инициатив; сообщение о мероприятиях, осуществленных для защиты прав избирателя; организация общественной дискуссии; аналитические обзоры публикаций средств массовой информации; комментирование и опровержение публикаций и заявлений политических оппонентов; изложение личных взглядов, имеющих морально-ценностное значение.

Кроме того, раскрыта возможность использования личного политического блога в качестве онлайн фокус-группы для изучения общественного мнения.

В качестве эмпирического материала выбраны блоги известных российских политиков, размещенные на различных платформах, всего изучено более 300 публикаций, посвященных различным проблемам общественно-политической жизни страны, региона и города, в телеграм-каналах, «Живом журнале» и на страницах социальной сети «ВКонтакте».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая блогосфера, блоги политиков, политические деятели, российское общество, медиаинструментарий, языковая репрезентация, репрезентация авторской позиции, фокус-группа, авторская позиция, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-ресурсы, интернет-дискурс, интернет-тексты, общественно-политическая жизнь.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Амиров Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, email: vestnik-va@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Амиров, В. М. Личный блог политика: тематическая палитра и особенности репрезентации авторской позиции / В. М. Амиров. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 12-18.

Valeriy M. Amirov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, vestnik-va@mail.ru, SPIN code: 3493-3986, <https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>

Personal Blog of a Politician: Topical Range and Specificity of Representation of the Author's Position

ABSTRACT. The article, based on extensive theoretical and empirical material, examines the main approaches to representing the author's position in personal political blogs.

The article determines the place of personal blogs of politicians in the system of political blogosphere, which is considered as an informal space for discussing public agenda. The author characterizes the main problems solved by bloggers-politicians and describes and analyzes the media toolkit used by political bloggers to realize their authorial intention: informing readers (viewers); presenting legislative initiatives to the audience; reporting on measures taken to protect voter rights; organizing public discussion; providing analytical reviews of media publications; commenting on and refuting publications and statements of political opponents; presenting personal views of moral and value significance.

In addition, the study highlights a possibility of using a personal political blog as an online focus group to study public opinion.

Blogs of well-known Russian politicians posted on various platforms were selected as empirical material; in total, more than 300 publications have been studied on various problems of the socio-political life of the country, region and city, on Telegram channels, LiveJournal, and on the pages of the social network Vkontakte.

KEYWORDS: political discourse, political blogosphere, blogs of politicians, politicians, Russian society, media toolkit, linguistic representation, representation of author's position, focus group, author's position, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet resources, Internet discourse, Internet texts, socio-political life.

AUTHOR'S INFORMATION: *Amirov Valeriy Mikhaylovich, Doctor of Philology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Amirov V. M. (2026). Personal Blog of a Politician: Topical Range and Specificity of Representation of the Author's Position. In Political Linguistics. No 1 (115), pp. 12-18. (In Russ.).*

Личные блоги политиков становятся в последние годы неотъемлемой чертой общественно-политической коммуникации. Персональные блоги ведут главы регионов и городов, чиновники всех рангов, депутаты законодательных органов различных уровней, лидеры политических объединений, активисты-общественники. Персональные политические блоги — часть обширного и разнообразного политического сегмента блогосферы, развивающиеся в соответствии с тенденциями трансформаций этого сегмента. Они оказывают большое влияние на внутривнутриполитическую жизнь страны, определяют темы и задают тон общественных дискуссий по принципиальным вопросам развития российского социума.

Блоги многих российских политических лидеров пользуются огромным интересом граждан, которые получили возможность увидеть и оценить позицию автора по тому или иному вопросу внешней или внутренней политики, важнейшим событиям общественной жизни, резонансным фактам, что называется, из первых рук. Аудитория блогов ряда известных политических деятелей насчитывает миллионы подписчиков, что является убедительным доказательством актуальности и несомненных перспектив развития такого способа коммуникации.

Постараемся рассмотреть проблематику особенности репрезентации авторской позиции блогера-политика на примере нескольких блогов известных российских политических деятелей как федерального, так и регионального уровня. При этом будем исходить из того, что политическая блогосфера — один из сегментов современной системы массовых коммуникаций. На это, например, указывает Ю. И. Нестеренок, который в своем диссертационном исследовании отмечает, что «политические блоги относятся к новейшим средствам массовой коммуникации, непосредственно влияющим на трансформацию коммуникативных практик»¹.

Многими исследователями отмечается рост научного интереса к политической блогосфере. При этом, например, К. О. Квятковский полагает, что «изучение дискурса политической блогосферы распадается на ряд направлений исследований, поддержанных политической лингвистикой, теорией

политических коммуникаций, политической дискурсологией, политической социологией и др.» [Квятковский 2010: 292]. Количественное и качественное развитие «личной» политической блогосферы на фоне стремительного совершенствования традиционного медиаинструментария можно было бы считать не вполне логичным, если бы не одно важное обстоятельство — сама политическая деятельность становится все более и более персонифицированной. Возможность в любое время высказать свою точку зрения по тому или иному факту общественного бытия, прокомментировать события и тенденции расширяет спектр каналов коммуникации, облегчает цитирование в СМИ, добавляет владельцу блога харизмы. «На сегодняшний день активность политиков в Интернет-пространстве растет как на федеральном, так и на региональном уровнях, что говорит о понимании значимости сетевых ресурсов, которые служат для формирования имиджа политического деятеля, инициатив или продвижения конкретных политических институтов», — пишет об этом в своей статье А. Р. Милорава [Милорава 2019: 137].

Одной из чрезвычайно важных сторон сетевой политической коммуникации является ее интерактивность, большое значение как для аудитории как потенциального политического электората, так и для политиков, использующих каналы связи в целях изучения общественного мнения, отслеживания и анализа наиболее дискуссионных точек общественной жизни. В этом смысле интересно мнение Т. С. Болховитиной и В. В. Огневой, которые, рассуждая о практике и перспективах использования Интернета в политической коммуникации, указывают на то, что «объединение возможностей интерактивной коммуникации и регулярного обмена информацией как для групп людей, так и для общества и власти создает возможности аккумуляции гражданской информации и использования ее при принятии важных политических решений. Коммуникация, по сути дела, становится важнейшим средством легитимации власти» [Болховитина, Огнева 2013: 19].

Неслучайность роста внимания публичных политиков к блогингу видит И. М. Шатин, который полагает, что «блоги в Интернете стали вести многие высокопоставленные

¹ Нестеренок Ю. И. Политический блогинг в политико-коммуникативных процессах современной России : дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 151 с.

чиновники, представители государственной власти разных уровней. Увеличилось число политических деятелей, обозначивших свое присутствие в блогосфере, что привело к появлению специальных сервисов в Интернете, призванных оценивать активность и рейтинги популярности блогов чиновников, политиков и общественных деятелей» [Шатин 2011: 154].

«Личная» политическая блогосфера стала значимым сегментом политического блогинга и направления ее развития, вне всякого сомнения, нуждаются в изучении и тщательном анализе. Между тем научных разработок по этой теме относительно немного, хотя сама политическая блогосфера изучается давно, системно и плодотворно.

Можно условно выделить несколько подходов к исследованию политической блогосферы.

Среди этих подходов — рассмотрение политической блогосферы как **неформального пространства для обсуждения общественной повестки дня**.

Так, например, Э. А. Сулейманов отмечает в качестве значимости блогосферы то обстоятельство, что она «предоставляет возможность выражать собственную позицию, высказывать то, что думаешь посредством текста, видео- и аудио-контента. Блоги — это то пространство, где можно объяснять происходящие события в России и мире, привлекая внимание общественности к проблемам, давать полезную или не полезную информацию интернет-пользователям, общаться в комментариях, а также вступать в диалог с блогером для быстрого и удобного получения обратной связи от аудитории» [Сулейманов: 29].

Примерно этой же точки зрения придерживается Д. Ш. Усманова, которая констатирует наличие у блогосферы функции маркера, позволяющего определить, насколько повестка дня, презентуемая средствами массовой информации, соответствует ожиданиям широкой аудитории. Исследователь пишет о том, что «блоги как один из наиболее сфокусированных и наиболее четко поддающихся количественному анализу каналов коммуникации являются важным маркером для определения соответствия повестки дня и ожиданий аудитории. Простое сопоставление социально-политической проблематики традиционных СМИ и популярных блогов очерчивает границы между освещенными традиционными СМИ проблемами и неосвещенными, но интересующими аудиторию» [Усманова 2015: 5]. Примерно в том же научном ключе рассуждает и Е. В. Лазуткина: «Блогосфера — это территория

свободных информационных потоков, и возникающие в ней межличностные связи являются важнейшим фактором распространения мнений и информации» [Лазуткина 2016: 52].

Отмечая значение политической блогосферы как института публичной политики, Л. И. Никовская пишет о том, что «новым и весьма продвинутым институтом публичной политики в контексте формирующегося сетевого общества становится блогинг, который стал стремительно формироваться на основании демократичности горизонтальной сетевой коммуникации и способности к самоорганизации социальных сетей» [Никовская 2022: 8].

Вместе с тем в работах специалистов содержатся положения, устанавливающие **связь блогосферы с информационно-пропагандистскими механизмами**. П. В. Ушанов указывает на то, что «политическая блогосфера, которая на настоящий момент оформилась в качестве структурного элемента современных информационно-пропагандистских комплексов, в качестве центра притяжения и объединения сторонников конкретных форм политического сознания» [Ушанов 2023: 39].

Некоторые исследователи видят в блогосфере **систему, влияющую на политическую коммуникацию**. К таким ученым относится, например, Ю. В. Ирхин, предполагающий в своей статье, что «блогосферу можно понимать как систему, оказывающую влияние на характер политической коммуникации через процесс и результаты информационного запроса. В этом смысле блогосфера выступает в качестве особой, динамичной, культурно-психологической, социальной общности, члены которой демонстрируют определенную иерархию» [Ирхин 2015: 8]. В этом же ключе рассуждает и О. Н. Морозова, которая пишет о «политическом интернете» более широко и в контексте интернет-коммуникации: «Политический Интернет занимает особое место в общей совокупности интернет-коммуникации. Он связан с вопросами идеологии (политической, экономической, культурной жизни, международных отношений и пр.) и призван информировать, разъяснять и оценивать, способствовать формированию мировоззрения и убеждений» [Морозова 2011: 156].

Личные блоги политиков — один из ключевых сегментов политической блогосферы, без них политическое медиапространство современной России не было бы полным. С помощью публикаций в блоге политик реализует ряд стратегий, которые сложно или даже невозможно реализовать в публикаци-

ях «классических» средств массовой информации или в ходе официальных выступлений. Среди этих стратегий — **стратегия соучастия** (политик предстает перед аудиторией облеченным доверием населения гражданином, которому знакомы и близки нужды и чаяния его избирателей), **стратегия неформального общения** (политик говорит на языке, понятном читателям блога, часто используя просторечную или даже сниженную лексику), **стратегия открытости и доверительности** (политик отвечает на реплики и комментарии своих читателей, соглашаясь с ними или вступая в дружескую дискуссию).

Исследуя влияние личных блогов политиков на аудиторию, А. Н. Рябушко высказывает мысль о том, что «помимо повышения открытости и доступности власти, установления новых социальных связей, блоги стали инструментами для решения прикладных политических задач и выполнения смежных функций» [Рябушко 2012: 35]. Среди этих задач автор выделяет замеры общественного мнения, трансляцию в публичное пространство социально значимой информации, лоббирование, прогнозирование информационных рисков и поиск кадров [Там же: 36–37].

Анализируя жанровые и языковые особенности этого сегмента отечественной блогосферы, М. А. Фокина пишет о том, что «блоги политиков имеют строго ограниченную тематику, продиктованную образом автора» и предлагает четко отличать их от «блогов на политическую тему», устанавливая, таким образом, связь между образом политического деятеля, тематической палитрой и языком реализации его персонального блога [Фокина 2014: 188].

Кроме того, личный блог политика может рассматриваться в качестве неформальной фокус-группы для изучения мнения населения по готовящимся законодательным инициативам, нормативным актам. Комментарии в блоге, оценки, представленные в виде «лайков», «классов» и иных форм одобрения или неодобрения, служат серьезной и достоверной базой для анализа, помогают в работе на перспективу, хотя, возможно, и не обладают той точностью качественного исследования, которая обеспечивается «традиционной» фокус-группой или онлайн-выдами фокус-группами в формате чата или в формате форума, о которых пишет Ш. Ф. Фарахутдинов [Фарахутдинов 2020: 20]. Для блогера-политика гораздо важнее здесь эмоциональные оценки, аргументация аудитории, обсуждающей его публикации, вносимые предложения. Для него принципиально значимо чувствовать пульс своего элек-

тората, и блог обеспечивает возможность мониторинга общественного настроения, динамики его изменений.

Политические деятели России реализуют свои блоги на различных платформах, ориентируясь на запросы своей аудитории. В последние годы наиболее популярными для размещения персонального политического блога являются мессенджер «Telegram» и социальная сеть «ВКонтакте», имеющие функции блогговых платформ. Однако ряд политиков-блогеров по-прежнему предпочитают «Живой журнал», когда-то исключительно популярный у российских пользователей, но и сегодня сохраняющий статус одной из востребованных блогговых платформ. Кроме того, политиками часто используется кросс-платформенная стратегия, когда созданный пост сразу распространяется в их же блоги на нескольких связанных платформах.

Для выявления закономерностей и иллюстрирования выводов используем метод проблемно-тематического анализа, подразумевающего изучение анализируемых материалов посредством выявления ключевых тем и проблем, на которых сосредотачивает свое внимание автор.

Рассмотрим практику ведения политиками федерального и регионального уровней своих персональных блогов на примере телеграм-каналов *председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Вячеслава Володина*, председателя Социалистической политической партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова, председателя Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации Геннадия Зюганова, полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе Артёма Жоги, губернатора Челябинской области Алексея Текслера, блога в «Живом журнале» депутата Государственной думы РФ Андрея Альшевских, блога в «ВКонтакте» председателя Екатеринбургской городской думы Анны Гурарий. Всего нами изучено более 300 публикаций этих политиков за период с 1 ноября по 30 декабря 2025 года.

Личные блоги политиков позволяют авторам сформировать и поддерживать свой привлекательный образ, сократить дистанцию между собой, представителем власти, облеченным полномочиями, и рядовым гражданином-избирателем. При этом именно политик-блогер определяет тему публикации, ход и логику обсуждения публикуемой информации и высказанного им мнения. Исходя из понимания этого, персональную политическую блогосферу имеет смысл рас-

смагивать и в качестве отчета самого автора о своей политической деятельности, о выполнении наказов избирателей, о работе политической партии (общественного движения) к которой он принадлежит, возможности представления идеологических позиций, отстаиваемых в медиапространстве. Достигаются эти цели с помощью следующего медиаинструментария:

– информирования читателей (зрителей) о социально значимых событиях и инициативах, реализованных или инициированных автором и его политическими соратниками: «Дал старт всероссийской благотворительной акции „Ёлка желаний“ в Уральском федеральном округе. Снял с новогоднего дерева сразу девять шаров с мечтами ребят. Пожелания очень разные, в основном — это впечатления» (телеграм-канал Артёма Жюги); «Наша фракция внесла в Государственную Думу 248 законодательных инициатив. Значительная часть из них — прямой отклик на наказания избирателей» (блог в «Живом журнале» Андрея Альшевских); «В Нагайбакском районе на базе школы в Фершампенуазе открылся первый в регионе современный агротехнологический класс... Именно так, шаг за шагом, мы растим свои кадры для села и укрепляем агропромышленный комплекс» (телеграм-канал Алексея Текслера). В первом случае автор демонстрирует примерность в реализации благотворительной программы, ориентируя своих читателей по принципу «делай, как я» в вопросах благотворительности, помощи нуждающимся. Вторая цитата подводит годовой итог законодательной деятельности фракции, к которой принадлежит автор-депутат, и представляет избирателям факт масштабной законодательной работы в государственных интересах. Отдельно подчеркивается, что законодательные инициативы — прямой отклик на наказания электората. О шагах в решении еще одной задачи государственной важности в регионе пишет автор третьего текста, подчеркивая значение подготовки местных кадров для агросектора;

– представления читателям и зрителям блога законодательских инициатив, подготовленных политиком в целях улучшения условий жизни населения: «В ряде субъектов РФ компенсируют оплату проезда, но далеко не всем пациентам, ведь бюджет таких региональных программ ограничен. Поэтому призываю Минздрав обеспечить оплату проезда и проживания для иногородних пациентов в рамках специальной общероссийской госпрограммы» (телеграм-канал Сергея Миронова). Высказываясь по

одной из наиболее актуальных для значительной части населения проблеме и предлагая ее конкретное решение, политик демонстрирует и знание темы, и понимание нужд своего электората, и квалифицированное видение способа разрешения ситуации;

– сообщения о мероприятиях, осуществленных для защиты прав избирателя: «Обидно — не то слово. Мой земляк отдал службе четверть века и столкнулся с безразличием. Как только получил жалобу, я сразу же инициировал прокурорскую проверку. По ее итогам надзорное ведомство подтвердило неправоту медицинского начальства и предписало тому исправиться» (блог в «Живом журнале» Андрея Альшевских); «Благоустройство парка Блюхера — разрабатываем концепции парка с учётом мнений жителей и студенческих проектов — от природы и арт-пространств до спортивных маршрутов, уважая историю территории» (блог в ВК Анны Гурарий). Авторы текстов репрезентируют готовность к конкретным действиям для защиты прав простого человека и жителей города в целом, они демонстрируют внимание к обращениям граждан, свои усилия по оказанию помощи своим избирателям, переход от формулы «вы сказали — мы сделаем» к формуле «вы сказали — мы выполнили», что чрезвычайно важно для публичной политики;

– организации общественной дискуссии по проблематике, имеющей общественный резонанс: «Поступают обращения о платных услугах в электронных школьных дневниках... Подобное недопустимо. В электронных дневниках все услуги должны быть бесплатными. А как вы считаете?» (телеграм-канал Вячеслава Володина). Политик комментирует ситуацию, вызывающую повышенное внимание избирателей, представляет собственную негативную оценку, которая совпадает с оценкой большей части аудитории, и предлагает обсудить тему вместе и готов выслушать аргументы семей, ежедневно отправляющих своих детей в школу. Таким образом оценка политика будет подкреплена мнением тысяч людей, что добавляет ей убедительности и легитимности;

– комментирования политиком событий, представляющих общественный интерес: «Ответ тут может быть только один: государство обязано поддержать! Не драть три шкуры, а помогать: снижать нагрузку, давать развиваться тем, кто кормит страну, создает рабочие места, платит налоги и в целом способствует экономическому росту» (телеграм-канал Геннадия Зюганова). Автор обращается к ключевой теме государственной политики в

сфере предпринимательства. Обращая при этом внимание на то обстоятельство, что развитие предпринимательства важно и для самых простых людей. Пост эмоционален, он риторически обращен не только к государству, но и к широкому кругу избирателей, демонстрируя заботу о них с помощью формирования принципов поддержки государством предпринимательской инициативы;

– создания аналитических обзоров публикаций средств массовой информации по тем или иным вопросам, находящимся в сфере деятельности политика: «*Как и обещал, рассказываю о некоторых результатах работы наших депутатов за неделю в рамках новой рубрики „Справедливая Россия“ помогает»*» (телеграм-канал Сергея Миронова). Глава политической партии систематизированно информирует в своем блоге избирателей о проделанной его фракцией работе. Пост выполняет как информационную функцию, так и решает задачу привлечения внимания избирателей к усилиям политической партии, осуществленным в интересах электората;

– комментирования и критики публикаций и заявлений политических оппонентов: «*Мы, коммунисты, всегда говорили о необходимости длинных дешевых денег, целевого кредитования, как необходимых условий экономического роста и научно-технического прогресса»* (телеграм-канал Геннадия Зюганова). Политик вступает в заочную дискуссию со своими оппонентами, проводящими в жизнь жесткий монетарный курс, апеллируя к понятной и поддерживаемой избирателем линии на экономический рост и научно-технический прогресс;

– изложения личных взглядов, имеющих морально-ценностное значение для аудитории: «*Для меня мамыны нежные руки — безусловная любовь, бесконечная поддержка, самая тихая гавань и надежная крепость»* (блог в ВК Анны Гурарий); «*Благодарю организаторов конкурса „Это у нас семейное“, который является частью национального проекта „Семья“. Конкурс не только про соревнование. Это про объединение, про силу поддержки и семейные ценности»* (телеграм-канал Алексея Текслера). Цитата из первой публикации обращена к самому широкому кругу читателей, акцентируя внимание на непреходящих ценностях, интимизируя коммуникацию и сближая политика на основе глубокого понимания его эмоций с самым широким кругом избирателей. Вторая цитата тоже обращает нас к морально-ценностной парадигме, где главное место занимает семья.

Таким образом, можно констатировать, что личные блоги политиков являются эф-

фективным инструментом коммуникации автора с его аудиторией, позволяющим осуществлять общение максимально оперативно и по всему спектру общественно-политических тем, интересующих избирателя. Преимуществами такой формы коммуникации являются ее неформальность, возможность комментирования для своего читателя происходящих событий, быстрого донесения до аудитории смыслов новых политико-экономических и общественных инициатив. Личные политические блоги предоставляют их авторам-политикам широкий спектр медиаинструментов для организации дискуссии, изучения общественного мнения, реагирования на конкретные вопросы и заявления пользователей.

Личные политические блоги являются неотъемлемой частью сегмента политической блогосферы, развиваются в соответствии с общими тенденциями трансформации политической блогосферы, включая правовую регламентацию, были и остаются ключевым инструментом взаимодействия политика со своим избирателем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болховитина, Т. С. Интернет-коммуникативное взаимодействие власти и общества в регионе: поиск рациональной парадигмы / Т. С. Болховитина, В. В. Огнева // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2013. — Т. 6. — №3. — С. 19–26. — EDN QOUIFL.
2. Ирхин, Ю. В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы / Ю. В. Ирхин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2015. — Т. 8, №5. — С. 6–17. — EDN UXKDXF.
3. Квятковский, К. О. Политическая блогосфера: основные направления зарубежных научных исследований / К. О. Квятковский // Дискурс-Пи : научно-практический альманах. — 2010. — Вып. 9–10. — С. 292–294. — EDN TQLIRD.
4. Лазуткина, Е. В. Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы Рунета / Е. В. Лазуткина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2016. — Т. 15, № 6. — С. 51–59. — EDN WVP1RB.
5. Милорава, А. Р. Роль блогосферы в политическом процессе России / А. Р. Милорава // Молодой ученый. — 2019. — № 11 (249). — С. 136–137. — EDN ZAHFGX.
6. Морозова, О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы / О. Н. Морозова // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 156–161. — EDN NDWVMD.
7. Нестеренок Ю. И. Власть и политические блоги: проблемы взаимодействия / Ю. И. Нестеренок // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2013. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-politicheskie-blogi-problemy-vzaimodeystviya>.
8. Никовская, Л. И. Блогинг как стремительно растущий институт публичной политики в контексте формирующегося сетевого общества / Л. И. Никовская // Социально-политические исследования. — 2022. — № 4 (17). — С. 5–17. — DOI 10.20323/2658-428X-2022-4-17-5-17. — EDN MTSSXX.
9. Сулейманов, Э. А. Блогосфера как новая среда коммуникации / Э. А. Сулейманов // Коммуникология. — 2022. — № 10 (3). — С. 22–32. — DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-3-22-32. — EDN BRADLK.
10. Рябушко, А. Н. Влияние политических лидеров через личные блоги / А. Н. Рябушко // Власть. — 2012. — № 11. —

С. 35–37. — EDN PIQKEV.

11. Усманова, Д. Ш. Региональная блогосфера как дискуссионная политическая и социальная площадка / Д. Ш. Усманова // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 3–16. — EDN TRZSPP.

12. Ушанов, П. В. Русскоязычная блогосфера: традиции и инновации в политической коммуникации / П. В. Ушанов // Россия и АТР. — 2023. — № 4. — С. 37–49. — DOI 10.24412/1026-8804-2023-4-37-49. — EDN PWGKFY.

13. Фарахутдинов, Ш. Ф. Онлайн фокус-группы: методические особенности и эвристические возможности / Ш. Ф. Фарахутдинов // Социология. — 2020. — № 6. — С. 16–22. — EDN VVVXOF.

14. Фокина, М. А. Жанровые и языковые особенности блогов политиков / М. А. Фокина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 187–192. — EDN TJAQWD.

15. Шатин, И. М. Социальные среды современной политики: блогосфера / И. М. Шатин // Вестник РГГУ. Политология. Сер.: Социально-коммуникативные науки. — 2011. — № 1. — С. 149–157. — EDN NDSSBL.

REFERENCES

1. Bolkhovitina, T. S., Ogneva, V. V. (2013). Internet-kommunikativnoye vzaimodeystviye vlasti i obshchestva v regione: poisk ratsional'noy paradigmy = Internet Communicative Interaction of Government and Society in the Region: Search for a Rational Paradigm. *Problem Analysis and Public Administration Design*, 6(3), 19–26. EDN QOUIFL.

2. Irkhin, Yu. V. (2015). Kommunikativnyy, politicheskiy i upravlencheskiy potentsial blogosfery = Communicative, Political, and Management Potential of the Blogosphere. *Problem Analysis and Public Administration Design*, 8(5), 6–17. EDN UXKDXF.

3. Kvyatkovskiy, K. O. (2010). Politicheskaya blogosfera: osnovnyye napravleniya zarubezhnykh nauchnykh issledovaniy = Political Blogosphere: Main Directions of Foreign Scientific Research. *Discourse-Pi: Scientific and Practical Almanac*, 9–10, 292–294. EDN TQLIRD.

4. Lazutkina, Ye. V. (2016). Lidery mneniy v informatsionnom prostranstve blogosfery Runeta = Opinion Leaders in the Information Space of the Runet Blogosphere. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 15(6), 51–59. EDN WVPIRB.

5. Milorava, A. R. (2019). Rol' blogosfery v politicheskom protsesse Rossii = The Role of the Blogosphere in the Political Process in Russia. *Young Scientist*, 11(249), 136–137. EDN

ZAHFGX.

6. Morozova, O. N. (2011). Politicheskaya internet-kommunikatsiya: yeye rol', funktsii i formy = Political internet-communication: its role, functions and forms. *Political Linguistics*, 1(35), 156–161. EDN NDWVMD.

7. Nesterenok, Yu. I. (2013). Vlast' i politicheskiye blogi: problemy vzaimodeystviya = Power and Political Blogs: Problems of Interaction. *State and municipal administration. The scientific notes of SKAGGS*, 3. Available from <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-politicheskiye-blogi-problemy-vzaimodeystviya>.

8. Nikovskaya, L. I. (2022). Bloging kak stremitel'no rastushchiy institut publichnoy politiki v kontekste formiruyushchegosya setevogo obshchestva = Blogging as a Rapidly Growing Institution of Public Policy in the Context of the Emerging Network Society // *Socio-political studies*, 4(17), 5–17. DOI 10.20323/2658-428X-2022-4-17-5-17. EDN MTSSXX.

9. Suleymanov, E. A. (2022). Blogosfera kak novaya sreda kommunikatsii = The blogosphere as a new communication environment. *Communicology*, 10(3), 22–32. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-3-22-32. EDN BRADLK.

10. Ryabushko, A. N. (2012). Vliyaniye politicheskikh liderov cherez lichnyye blogi = The Influence of Political Leaders through Personal Blogs. *Power*, 11, 35–37. EDN PIQKEV.

11. Usmanova, D. Sh. (2015). Regional'naya blogosfera kak diskussionnaya politicheskaya i sotsial'naya ploshchadka = The Regional Blogosphere as a Political and Social Discussion Platform. *Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*, 2, 3–16. EDN TRZSPP.

12. Ushanov P. V. (2023). Russkoyazychnaya blogosfera: traditsii i innovatsii v politicheskoy kommunikatsii = The Russian-Language Blogosphere: Traditions and Innovations in Political Communication. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 37–49. DOI 10.24412/1026-8804-2023-4-37-49. EDN PWGKFY.

13. Farakhutdinov, Sh. F. (2020). Onlayn fokus-gruppy: metodicheskiye osobennosti i evristicheskiye vozmozhnosti = Online Focus Groups: Methodological Features and Heuristic Potential. *Sociology*, 6, 16–22. EDN VVVXOF.

14. Fokina, M. A. (2014). Zhanrovyye i yazykovyye osobennosti blogov politikov = Genre and linguistic peculiarities of blogs of politicians. *Political Linguistics*, 4(50), 187–192. EDN TJAQWD.

15. Shatin, I. M. (2011). Sotsial'nyye sredy sovremennoy politiki: blogosfera = Social Environments of Contemporary Politics: The Blogosphere. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Political Science. Series: Social and Communicative Sciences*, 1, 149–157. EDN NDSSBL.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 81'23
 ББК Ш100.6

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ирина Александровна Бубнова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Одинцово, Россия,
 i.bubnova@odin.mgimo.ru, SPIN-код: 8509-4941

Языковая личность как продукт культурно-исторического развития общества: современные тренды

АННОТАЦИЯ. *Статья написана в русле психолингвистических и нейролингвистических исследований мышления и порождения речи человеческим мозгом и «Большими языковыми моделями» (LLM) и направлена на выявление негативных последствий неконтролируемого и постоянного использования LLM в социальной сфере, прежде всего в образовании. Мышление и речь рассматриваются как высшие психические функции, продукт культурно-исторического развития, которые формируются в ходе овладения человеком знаками и превращения его в личность как высшее, общественное по природе единство. В заданном аспекте анализируются различия в принципах развертывания мысли, генерации и понимания речи между LLM и мозгом, которые обусловлены субъективностью человеческой мысли и ее интерпретации, берущими начало в телесной воплощенности сознания и познания и включенности личности в социальные отношения. Доказывается, что в образовательном процессе замена модели коммуникации «человек — человек» на модель «человек — цифра» ведет: 1) к изменению структуры социальных действий; 2) исключению совместной практической деятельности как ключевого фактора формирования и перестройки всех психических процессов и превращения индивида из биологической сущности в личность; 3) изменению принципов работы мозга, в котором не формируются зоны, отвечающие за долговременную память и связанные с «живым» словом как знаком-посредником между человеком и миром. Новизна и теоретическая значимость результатов исследования состоит в обосновании положения о том, что изменение модели опосредования кардинально изменяет саму концепцию обучения, выводя за ее пределы понятие зоны ближайшего развития, сформулированное Л. С. Выготским, и, соответственно, перестраивает всю интеллектуальную деятельность человека. Делается вывод о том, основным следствием постоянного и неконтролируемого использования LLM является «выученная пассивность», ведущая в перспективе к деградации мозга и потере субъектности, в силу чего применение нейросетей в социальной сфере требует более взвешенного подхода, позволяющего нивелировать отрицательные эффекты их воздействия на мозг и личность человека.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковая личность, высшие психические функции, психические процессы, мышление, порождение речи, головной мозг, социальная сфера, субъективный план, модель коммуникации, модель опосредования, концепция обучения, зона ближайшего развития, негативные последствия, психолингвистические исследования, нейролингвистические исследования, культурно-историческое развитие.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, email: i.bubnova@odin.mgimo.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Бубнова, И. А. Языковая личность как продукт культурно-исторического развития общества: современные тренды / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 19-28.*

Irina A. Bubnova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch) in Odintsovo, Russia, i.bubnova@odin.mgimo.ru, SPIN code: 8509-4941

Linguistic Personality as a Product of Cultural and Historical Development of Society: Current Trends

ABSTRACT. *The article is in line with psycholinguistic and neuro-linguistic studies of thinking and speech generation by the human brain and “Large Language Models” (LLMs) and is related to the identification of negative consequences of uncontrolled and continuous use of LLMs in social sphere and specifically in education process. Thinking and speech are considered as higher mental functions, a product of cultural and historical development, which are formed during the process of acquisition of signs by a person and their transformation into a personality as a higher, social entity by nature. In view of this, the study analyzes the differences between LLMs and the brain in the principles of unfolding of thought and generation and understanding of speech, which are due to the subjectivity of human thought and its interpretation, originating in the bodily nature of consciousness and cognition and the involvement of personality in social relations. The study argues that the replacement of the “person-person” communication model with the “person-digital gadget” model in the education process leads to: 1) a change in the structure of social actions; 2) the exclusion of joint practical activities as a key factor in the formation and restructuring of all mental processes and the transformation of the individual from a biological entity into a personality; 3) a change in the principles of work of the brain in which the parts responsible for long-term memory and associated with the “living” word as an intermediary sign between the person and the world are not formed.*

*The novelty and theoretical significance of the research results lies in the substantiation of the idea that reshaping the mediation model radically changes the very concept of learning, taking the concept of the **zone of proximal development**, formulated by L.S. Vygotsky, beyond its boundaries and, accordingly, rebuilds all human intellectual activity. It is concluded that the main consequence of the constant and uncontrolled use of LLMs provokes “learned passivity”, which in the long run leads to brain degradation and loss of subjectness, as a result of which the use of neural networks in the social sphere requires a more balanced approach to offset the negative effects of their impact on the brain and human personality.*

KEYWORDS: *linguistic personality, higher mental functions, mental processes, thinking, speech generation, brain, social sphere, subjective plan, communication model, mediation model, education concept, zone of proximal development, negative effects, psycholinguistic studies, neuro-linguistic studies, cultural-historical development.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bubnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Odintsovo, Moscow Region, Russia.*

FOR CITATION: *Bubnova I. A. (2026). Linguistic Personality as a Product of Cultural and Historical Development of Society: Current Trends. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 19-28. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие «Большие языковые модели» (англ. Large Language Models, далее LLM) не просто приобрели огромную популярность, но и стали широко использоваться в самых разных профессиональных сферах, исполняя обязанности чат-бота, администратора социальных сетей, бот-журналиста, создающего новости, персонализированную рекламу и выступающего в роли автора аналитических материалов, адаптированных под требования законов страны, официальную идеологию и предпочтения читателей либо зрителей той или иной вещательной корпорации, функционируя в качестве переводчиков и виртуальных «преподавателей», а также реализуя многие другие задачи, ранее осуществлявшиеся людьми. И в этом процессе замены человека машиной, связанной с технологическим прогрессом, не было бы ничего необычного: вся история человечества — это история его технического и технологического совершенствования, определявшая социальные трансформации в обществе и тип личности, характерный для конкретной ступени социально-исторического развития. Однако сегодня речь идет не просто об инновационных преобразованиях в широком смысле этого слова, реформирующих окружающую индивида среду, но об искусственном интеллекте (далее ИИ), который изменяет не только процесс овладения знаниями, получения и переработки информации, но и саму природу человеческого общения. Значительная часть научного сообщества и предпринимательских кругов, рассматривая эти перемены в положительном ключе, настаивает на более активном внедрении LLM не только в специфические сегменты бизнеса и производ-

ства, но и в повседневную действительность. Их оппоненты, признавая преимущества использования таких моделей в определенных отраслях, одновременно указывают на риски, которые возникают при неконтролируемом внедрении искусственного интеллекта в различные сферы жизнедеятельности личности.

В образовании оживленные дискуссии по поводу использования LLM стимулировал инцидент, произошедший в РГГУ в 2023 г., когда студент публично заявил, что успешно защищенная им ВКР с 82 % оригинальности была сгенерирована чат-ботом ChatGPT за 38 часов¹. В течение двух лет, прошедших с момента получения выпускником диплома², в академическом сообществе обсуждается, с одной стороны, насколько опасно использование нейросетей с точки зрения создания подобного типа работ, статей, диссертаций, отзывов, распространения ложных сведений, фальсификации данных, дегуманизации образования [Ивахненко, Никольский 2023; Лукичев, Чекмарев 2024 и др.], с другой, какие преимущества дает использование LLM в этой сфере. В последнем случае акцентируется возможность обеспечить персонализацию процесса обучения, повысить вовлеченность студентов, поддерживая разные учебные стили посредством предоставления адаптивного контента (здесь имеется в виду модель «VAK», предложенная более тридцати лет назад американскими педагогами Ритой и Кеннетом Данном как способ объяснить индивидуальные различия в способностях к обучению у детей, которая позже не нашла экспериментального подтверждения, см., например: [Деан 2018]), организовать немедленную обратную связь, гарантировать равный доступ к учебным ресурсам,

¹ Студент РГГУ защитил диплом, написанный ChatGPT. URL: <https://habr.com/ru/news/714216/> (дата обращения: 03.10.2025).

² Выпускник РГГУ, написавший диплом с помощью ChatGPT, получил документ о высшем образовании. URL: <https://habr.com/ru/news/714216/> (дата обращения: 03.10.2025).

передать часть языковых функций LLM, что, как предполагается, может сыграть положительную роль в образовательной и исследовательской практике и т. д. [Гаркуша, Городова 2023; Лукинский, Горшенева, Лавриненко 2023; Константинова, Ворожихин, Петров, Титова, Штыхно 2023; Сысоев, Филатов 2023; Кричевский 2025 и др.]. Помимо обсуждения практических вопросов применения ИИ и, в частности, LLM, формулируются и более общие проблемы, связанные с эпистемологическим сдвигом «в представлениях о „знании как таковом“.<...> о том, что меняется в смыслах, прежде привычно вкладываемых в такие понятия, как „знание“, „познание“, „обучение“, „творчество“ и т. п., применительно к ситуации с ChatGPT, как и к перспективе вмешательства систем с ИИ в образовательную деятельность в целом» [Ивахненко, Никольский 2023], о субъектности в образовании и науке, связанной с заменой человека как активного субъекта языковой моделью и последствиях данных процессов.

То, как конкретно цифровые технологии, в том числе LLM, влияют на мозг человека, на его мышление и речь, чаще становится предметом внимания нейробиологов, нейрофизиологов, психологов [Rowan 2010; Spitzer 2012; Greenfield 2014; Kalbitzer 2016; Гринфилд 2018; Деан 2020; Дойдж 2018; Kosmyna, Hauptmann et al. 2025 и др.], и существенно реже — тех, кто непосредственно вовлечен в процесс образования и воспитания, хотя, как представляется, этот аспект взаимодействия двух интеллектов — естественного, человеческого, и поддельного (artificial — это не только *искусственный*, но и *рукотворный*, *поддельный*, и даже *протез*) требует не меньшего внимания исследователей, учитывая тот факт, что именно в данной социальной сфере закладываются основы личности, ее миропонимания и мировоззрения, ее система ценностей, которой в последнее время уделяется значительное внимание на уровне государства.

Объектом анализа в нашей работе является специфика структуры LLM и мозга человека, **предметом** — особенности мышления и речи искусственного и человеческого мозга.

Цель работы — выявление векторов и возможной степени влияния LLM на естественный процесс мышления и речи в условиях постоянного использования этих моделей в процессе образования как важнейшем социальном институте.

Методологическую базу анализа составляют:

– положение о слове, благодаря владению которым «человек превосходит всех живот-

ных, потому что оно делает возможным общение мысли, связывает людей в общество» [Потебня 2010: 7], сформулированное и разработанное в трудах А. А. Потебни;

– положение о социальной детерминированности таких целостных психических образований, как личность или сознание [Леонтьев 1981];

– положение о единстве деятельности и сознания личности [Рубинштейн 2012];

– положение о личности как о высшей надбиологической целостности, развитое в работах А. Н. Леонтьева: «личность не есть простое биологическое единство, это есть высшее единство, историческое (общественное) по своей природе. Это единство — личность — не дано изначально. Человек не рождается в качестве личности. Личность человека возникает в ходе развития его жизни» [Леонтьев 1994: 195], а также положение о языковой личности, которая «как объект исследования сливается с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле, что закономерно, поскольку по определению языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» [Караулов 1987: 38];

– основные положения культурно-исторической концепции Л. С. Выготского о высших психических функциях как продукте культурно-исторического развития, которые формируются в ходе овладения человеком знаками [Выготский 2006].

СПЕЦИФИКА МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ: БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ VS МОЗГ ЧЕЛОВЕКА

«Большие языковые модели», или LLM, — это вариативные математические модели, разновидность алгоритмов сильного ИИ, моделирующие структуру человеческого мозга и рассчитанные на «понимание» и генерацию текста на «естественных» человеческих языках. Представляя собой наиболее продвинутый вариант современных нейросетей, обучающихся на крупных массивах текстовых материалов, они отличаются крайне сложной структурой и считаются одними из наиболее перспективных направлений развития искусственного интеллекта.

Источниками данных, которыми оперирует любая модель, помимо книг, научных статей, текстов новостей и форумов, являются материалы базы Common Crawl, содержащей в себе отсканированные сведения из Интернета. Базу для «мышления» и «производства речи» LLM составляют токены — фрагменты слов, текстов, символов, превращенные в числа, которые затем преобразуются в векторы, передаваемые внутри

трансформера, где при помощи специально-го механизма self-attention, в основе которого лежат механизмы внимания и свертки [Vaswani A., Shazeer N. M., Parmar N. et al. 2017], предсказывается возможность появления следующего токена, т. е. выстраивается наиболее вероятная конструкция высказывания. Обученная модель быстро генерирует любой текст, что, на первый взгляд, выглядит как процесс экстерниоризации внутренней мысли в ходе ее развертывания во внешнюю речь.

Однако в реальности такое «мышление» LLM представляет собой просто линейное движение от токена к токenu, т. е. из процесса производства текста исключено главное звено — значение как речевой и интеллектуальный феномен «словесной мысли или осмысленного слова» в индивидуальном сознании языковой личности говорящего, та ключевая единица, в которой отражается «в наипростейшем виде единство мышления и речи» [Выготский 2006: 555–556]. Иначе говоря, «мышление» и «речь» LLM построено на принципах ассоциации/структуры, исключая специфические отношения между словом и значением и приравнивающих их к любым всевозможным отношениям между предметами. В этом случае единая структура, объединяющая слово и вещь, аналогична, по мнению Л. С. Выготского, любой структурной связи между вещами, не содержащей «в себе ничего специфического для слова как такового» [там же: 959]. Критикуя подобного рода концепции функционирования речевого мышления, существовавшие в психологии еще с конца XIX в., Л. С. Выготский замечает, что в подобном «понимании речи и в выражении мысли в слове не содержится ничего нового и специфического по сравнению с любым актом припоминания и ассоциативного связывания» [там же: 957] и оно полностью противоречит реальности, где «Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание <...> Это течение мысли совершается как внутренне движение через целый ряд планов, как переход мысли в слово и слова в мысль» [там же: 963].

Не менее важным отличием между «мышлением» ИИ и мышлением человека оказывается то, что в слове, используемом в процессе создания текста LLM, отсутствует чувственный образ предмета, в нем, если говорить словами А. А. Потебни, есть «единственное содержание, <...> только звук, т. е. внешняя форма и этимологическое значение» [Потебня 2010: 90–91], в то время как в этом же слове в индивидуальном сознании,

кроме объективного, присутствует еще одно содержание — субъективное, а само оно представляет собой «объединение образа, обобщения, анализа образа» [там же: 224]. Именно благодаря наличию в слове двух планов содержания, подчеркивает А. А. Потебня: «...речь только возбуждает умственную деятельность понимающего, который, понимая, мыслит своею собственною мыслию <...> содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимозвестная величина, что думать при слове именно то, что другой, значит перестать быть собой и быть этим другим, что потому понимание другого в том смысле, в каком обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзия, как та, будто мы видим, осязаем и проч. самые предметы, а не свои впечатления» [там же: 118–119]. Иными словами, реальная мысль человека, всегда опосредованная каким-то мотивом, изначально субъективна: в любом речевом сообщении наряду с объективным содержанием передается и аффективное отношение к нему человека, т. е. смысл, для сообщения которого субъект речи выбирает из множества возможных связей слов не всегда самые частотные, актуализирующиеся с большей вероятностью в том или ином контексте, как это делает LLM, но наиболее значимые для говорящего.

Но и этим не ограничиваются различия между LLM и человеком. Языковая личность в процессе мышления одновременно с использованием синтагм всегда вводит лексическую единицу в систему определенных парадигматических отношений, образующих понятия и представляющих собой «симультанный синтез» отдельных фрагментов информации, и в реальном процессе мышления эти операции «являются двумя самыми общими психофизиологическими условиями, которые необходимы для превращения мысли в речь и для развертывания высказывания» [Лурия 2002: 113] [курсив автора. — И. Б.]. Полный же цикл порождения речи человеческим мозгом, согласно модели Леонтьева — Ахутиной [Ахутина 2007, 2022], включает в себя несколько этапов синтаксирования — смыслового, семантического и поверхностного, при этом создание поверхностной структуры не задано определенным алгоритмом, «встроенным» в мозг: ее конфигурация определяется сетевым механизмом распределительной активации смысла [Залевская 2014; Dell 1986; Morsella et al. 2002; Thompson et al. 2014; Walenski et al. 2019] и детерминирована «конкурирующим взаимодействием» всех трех операций синтаксирования [Bates 1976; Bates et al., 1982].

Таблица 1

Процессы мышления, речепроизводства и понимания: основные отличия между LLM и мозгом человека

LLM	Мозг человека
Не является субъектом деятельности	Субъект деятельности, мышление и речь всегда опосредованы мотивом
Дискретный принцип работы	Аналоговый принцип работы
Слово равно вещи	«слово есть объединение образа, обобщения, анализа образа» [Потебня А. А. Мысль и язык. 2014: 224]
В основе производства и понимания речи лежит вероятностная конструкция высказывания	Несколько этапов синтаксирования, создание и конфигурация поверхностной структуры речи не подчиняется алгоритму, но определяется сетевым механизмом распределительной активации смысла, на который воздействуют все три операции синтаксирования
Формализованно-модельная искусственная реальность, восприятие и понимание ограничено	Чувственные образы предмета безгранично своеобразны, воспринимаемая реальность и понимание беспредельны

Но фундаментальная черта, отличающая мыслящую личность от нейросети, заключается в том, что человек — это живой организм, субъект деятельности, сознание и познание которого воплощены телесно [Varela et al. 2017, Деан 2018], не изолированы от мира (что обуславливает безграничность восприятия и понимания) и возникают в процессе взаимодействия между телом, окружающей средой и мозгом, включающим в себя типы клеток, обеспечивающих «ключевые типы репрезентаций и вычислений, необходимые для LoT (языка мысли)» [Kazanina et al. 2023; Деан 2022], которые используются для формирования когнитивных карт и обслуживают как пространственную, так и эпизодическую память [Marozzi et al. 2012].

LLM не субъектна, у нее отсутствуют сенсорные системы, в основе ее функционирования, в отличие от аналогового, характерного для живого мозга, лежит дискретный принцип: модель генерирует текст за счет заложенной в нее **в результате обучения человеком** сложнейшей системы взаимосвязей между разными словами в предложениях, причем такой сигнал прерывен, он принимает только определенные, фиксированные значения в отдельные моменты времени, создавая некую формализованно-модельную искусственную реальность, лишь приближенную к настоящему, которая и ограничивает производство и понимание речи нейросетью.

Таким образом, мозг человека, по крайней мере в настоящее время, значительно сложнее нейросетей (см., например, [Деан 2020], что и обуславливает фундаментальные различия в процессах мышления (в отношении нейросети этот термин нельзя понимать буквально) и производства речи между ними (см. табл. 1).

ВЕКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ LLM НА МЫШЛЕНИЕ, РЕЧЬ И МОЗГ ЧЕЛОВЕКА

Новое заболевание — цифровое слабоумие — было выявлено в 2007 г. южнокорейскими врачами, которые «отметили у взрослых молодых людей участвовавшие случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств» [Шпитцер 2014: 2]. Но, как замечает тот же М. Шпитцер: «Слабоумие — это не одна лишь забывчивость. <...> В гораздо большей степени речь идет о снижении умственной работоспособности, утрате навыков мышления и способности к критической оценке фактов, неумении ориентироваться в потоке информации» [там же: 7], и число людей с этими нарушениями, по данным последних исследований, продолжает расти.

Несмотря на то, что в Международной статистической классификации болезней (МКБ-10) диагноз «цифровое слабоумие» за двадцать лет, прошедшие с момента появления данного термина, так и не появился, специалистами в области изучения мозга на сегодняшний день получено множество данных о влиянии цифровых технологий на мозговую деятельность и поведение человека, подтверждающих, что широкомасштабное и неконтролируемое использование в социальной сфере, прежде всего в образовании, цифровых устройств, таких как смартфоны, компьютеры, поисковые системы, ведет к нарушению всех когнитивных функций. Объяснение этого феномена лежит в фундаментальном свойстве мозга — его пластичности и способности к изменениям: любой поступок, переживание, ощущение, восприятие и мышление оставляют свои следы памяти в синапсах, увеличивающихся от нагрузки и посте-

пенно исчезающих, если их не используют. Иначе говоря, новые синапсы возникают только в процессе интенсивного интеллектуального труда, если же мозг не работает, то его нейрональная аппаратная часть постоянно сокращается.

В аспекте нашей работы необходимо подчеркнуть, что формирование мозга с момента рождения человека идет в двух направлениях. Первое — это развитие быстродействующих соединений между модулями, второе — создание и усложнение следов, возникающих в процессе обучения в самом широком смысле этого слова, которое обязательно должно проходить на реальных вещах и в реальном мире [Spitzer 2012; Greenfield 2014; Деан 2018, 2020]. При отсутствии телесного опыта овладения предметом и способом действия с ним, что является основным отличием использования цифровых технологий с раннего детства, в сознании, а точнее, в мозге как его физиологической основе, не возникают ни пространственное отображение реальности, ни те модули, где сохраняются детали произошедших событий и связанные с ними «перцептивные переживания», и, следовательно, субъективные восприятия того или иного объекта, которые и должны стать фундаментом субъективного плана содержания значения слова.

Соответственно, при регулярном использовании нейросетей мозг активно не работает, там не формируются зоны, отвечающие за долговременную память, неразрывно связанную с опытом овладения миром и кодирования его в слове, что является ключевой характеристикой зрелой личности, так как только при помощи слова как знака-посредника человек может управлять своей мыслью, всеми психическими процессами и поведением, становящимся все более разумным и волевым по мере накопления знания, полученного эмпирическим путем, зафиксированного в сложных модулях мозга, а затем проанализированного, в том числе и при помощи чувственных данных.

Именно благодаря этой непрерывной работе мышление, сопровождающее процесс познания и понимания, можно охарактеризовать как постоянное движение по герменевтическому кругу вверх по спирали. Такое непрекращающееся течение мысли, экстериорирующейся вовне в речи, кардинально отличается от ее генерации LLM своей разумностью, где разум, уже с точки зрения современной нейробиологии, как замечает С. Гринфилд, представляет собой персонализацию мозга через адаптивную пластичность локальных длительных связей

между его клетками, где запечатлены различные факты, ситуации и люди, и эти «жестко соединенные» зоны в активированном состоянии влекут за собой настоящий взрыв высокоуровневой деятельности и запускают гораздо более обширный ансамбль, обозначаемый как сознание или единое нейронное пространство (термин С. Деана), масштабность и глубина которого определяется соответствующими вкладами внешней сенсорной информации и усвоенных когнитивных стимулов [Гринфилд 2018; Деан 2018].

При постоянной работе с цифровыми устройствами, в том числе с LLM, модель опосредования трансформируется, и посредником между человеком и миром, человеком и мыслью, человеком и его речью становится не живое слово [Потебня 2010; Залевская 2014] как ключевой участник мышления, процессов порождения и понимания речи, а цифра, кардинально перестраивающая всю интеллектуальную деятельность человека в нескольких направлениях:

– LLM «вытесняет» преподавателя, меняя, соответственно, саму концепцию обучения и, по сути, выводя за его пределы одно из важнейших понятий — понятие *зоны ближайшего развития*, которое, по определению самого Л. С. Выготского, связано с развитием высших психических функций, прежде всего речи и мышления. Согласно мысли Л. С. Выготского, само обучение есть развитие [Выготский 1935], причем такое обучение заключается не в прямой помощи преподавателя, но в выстраивании специфической формы взаимодействия, в ходе которой создается некое многомерное пространство еще не реализованных перспектив развития [Цукерман 2006]. LLM не способна к созданию такой области интрапсихического, она просто замещает работу мозга, становясь для него неким «протезом»;

– слово при использовании LLM становится «пустым» знаком, лишенным индивидуального значения, так как в этом случае не возникают чувственно-двигательные впечатления, а глубина умственной работы, переработка информации, необходимая для усвоения знаний, заменяется на поверхностный поиск и простое копирование и объединение предложенных нейросетью текстов;

– LLM постепенно замещает долговременную память, снижается внимание и самоконтроль, что ведет к некритичному восприятию информации и, соответственно, к деформации процессов мышления, прежде всего — логического;

– упрощенный язык LLM не позволяет сформироваться внутреннему метаязыку «в

системности его элементов и связей, встроенных в функционирование живого, чувствующего человеческого организма, взаимодействующего со средой (во всем многообразии ее проявлений)» [Функциональная... 2022: 151], негативно воздействуя на навыки чтения, письма и понимания текста.

Все эти последствия неконтролируемого применения LLM, поисковых систем и других цифровых устройств в образовании ярко проявляются в экспериментах, где нейробиологи фиксируют не только значительно различающиеся паттерны нейронных связей, отражающие расходящиеся когнитивные стратегии при работе с LLM, поисковыми системами и полностью самостоятельным выполнении задания, но и последствия взаимодействия с ИИ, выражающиеся в неспособности студентов вспомнить и пересказать собственный текст, написанный сетью достаточно примитивным и клишированным языком [Kosmyna, Hauptmann et al. 2025]. Что касается психолингвистов, психологов, педагогов и других специалистов, работающих в смежных областях, то они все чаще отмечают рост числа детей с различными речевыми нарушениями, свидетельствующими об ослаблении всех когнитивных функций, прежде всего нарушении способности к абстрактному мышлению и пониманию текста [Гридина, Коновалова 2025; Золотова, Мягкова 2024; Мягкова 2024 и др.], а также устойчивую тенденцию к снижению уровня владения языком, связанную с систематическим использованием нейросетей, в том числе LLM, поисковых систем и различных цифровых устройств [Бутова 2025а,б; Бутова, Гуц 2025; Гридина, Коновалова 2022, 2024; Иволина 2025; Бубнова 2020; Дорофеева, Никифорова, Мягкова 2024; Пищальникова, Степыкин 2025; Старцев, Хлебников, Джабраилов 2021 и др.].

ВЫВОДЫ

1. Живой мозг существенно превосходит ИИ в гибкости, способности использовать информацию оптимальным образом и усовершенствовать свою работу в процессе научения. В отличие от мозга, LLM не способны создавать ни чувственные образы, ни абстрактные знания и переносить их на новые ситуации. Как LLM, так и другие нейросети, используемые в разных сферах жизни общества, в том числе в образовании, являются лишь инструментом, а негативные последствия их применения обусловлены человеческими действиями.

2. Неконтролируемое использование LLM в образовании как социальном институте, играющем ведущую роль в обеспечении фун-

даментальных потребностей общества, ведет к изменению модели коммуникации: место «живого» слова занимает цифра, а включенность в социальные действия, в практическую совместную деятельность с другими людьми как ключевой фактор формирования и перестройки всех психических процессов и превращения индивида из биологической сущности в личность [Леонтьев 1994; Леонтьев 1981; Выготский 1935] замещается простым нажатием кнопки на клавиатуре.

3. Постоянное использование LLM приучает человека двигаться по «горизонтальной плоскости», не используя свои умственные способности в полном объеме, а такая «выученная пассивность» неизбежно будет вести к деградации мозга и потере субъектности, т. е. того человеческого, что отличает личность от любого живого биологического существа.

4. LLM и другие цифровые средства сегодня стали неотъемлемой частью жизни современного человека, поэтому их применение в социальной сфере требует более продуманного подхода, который позволит, извлекая пользу, одновременно нивелировать отрицательные эффекты их воздействия на мозг и личность человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ахутина, Т. В. Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой: 1967—2005 / Т. В. Ахутина // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 13–27. — EDN LJNFXD.
- Ахутина, Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского: основы и верификация / Т. В. Ахутина // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. — 2022. — Т. 164. — Книга 1—2. — С. 7—27. — DOI 10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27. — EDN TIRPGE.
- Бубнова, И. А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта / И. А. Бубнова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 5–10. — DOI 10.26170/pla20-01-01. — EDN GATKTB.
- Бутова, Л. О. Диагностика современных тенденций речевой деятельности в интерьере региональных портретов русской языковой личности / Л. О. Бутова // Сибирский филологический журнал. — 2025. — № 2. — С. 247–259. — DOI 10.17223/18137083/91/19. — EDN JCRFGD.
- Бутова, Л. О. Трендовое исследование семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков (на примере глаголов *думать*, *вспоминать*) / Л. О. Бутова // СибСкрипт. — 2025. — Т. 27. — № 4. — С. 644–655. — DOI 10.21603/sibscript-2025-27-4-644-65. — EDN QCFHFQ.
- Бутова, Л. О. Особенности идентификации слов незрелыми носителями русского языка: трендовое исследование / Л. О. Бутова, Е. Н. Гуц // Вопросы психолингвистики. — 2025. — № 1 (63). — С. 44–61. — DOI 10.30982/2077-5911-2025-63-1-44-61. — EDN HBSNEA.
- Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. — Москва : Смысл, 2006. — 1136 с. — ISBN: 5-699-13728-9. — EDN QXPJBZ.
- Выготский, Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения / Л. С. Выготский. — Москва ; Ленинград : Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1935. — 137 с.
- Гаркуша, Н. С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов / Н. С. Гаркуша, Ю. С. Городова // Профессиональное образование и рынок труда. — 2023. — Т. 11. — № 1. С. 6–23. — DOI 10.

52944/PORT.2023.52.1.001. — EDN NBBIRG.

10. Гридина, Т. А. Рецептивные и ономазиологические практики в коммуникативной деятельности младших школьников с общим недоразвитием речи / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы психолингвистики. — 2025. — № 3 (65). — С. 60–73. — DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-60-73. — EDN MORZIA.

11. Гридина, Т. А. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24. — № 1. — С. 253–265. — DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017. — EDN HNEZJM.

12. Гридина, Т. А. Слышать — это больше, чем понимать слова : рецензия на книгу: Норман Б. Ю. Грамматика слушающего. Москва: ФЛИНТА, 2024. — 320 с / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 3 (61). — С. 123–133. — DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133. — EDN CLVSPX.

13. Гринфилд, С. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката / С. Гринфилд. — Санкт-Петербург : Питер, 2018. — 569 с. — ISBN 978-5-496-03109-7.

14. Деан, С. Сознание и мозг: как мозг кодирует мысли / С. Деан. — М.: Карьера Пресс, 2018. — 415 с. — ISBN 978-5-00074-192-4.

15. Деан, С. Как мы учимся. Почему мозг учится лучше, чем любая машина... пока / С. Деан. — М.: Бомбора, 2020. — 348 с. — ISBN 978-5-04-113024-4.

16. Деан, С. Прямо сейчас ваш мозг совершает подвиг: как человек научился читать и превращать слова на бумаге в миры и смыслы / С. Деан. — Москва : Эксмо, 2022. — 400 с. — ISBN 978-5-04-114203-2.

17. Дойдж, Н. Пластичность мозга / Н. Дойдж. — Москва : Бомбора, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-04-091502-6.

18. Дорофеева, И. В. К вопросу об использовании средств искусственного интеллекта в лингвистике / И. В. Дорофеева, Л. В. Никифорова, Е. Ю. Мягкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2024. — № 1 (80). — С. 217–224. — DOI 10.26456/vtfilol/2024.1.217. — EDN ETOFCR.

19. Залевская, А. А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход / А. А. Залевская. — Лондон : Международная академия наук и высшего образования, 2014. — 180 с. — ISBN 978-1-909137-44-8. — EDN YTRMCZ.

20. Золотова Н. О. Чтение и понимание в условиях цифровизации современного образования / Н. О. Золотова, Е. Ю. Мягкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2024. — № 2 (81). — С. 23–36. — DOI 10.26456/vtfilol/2024.2.023. — EDN MEKCMV.

21. Ивахненко, Е. Н. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? / Е. Н. Ивахненко, В. С. Никольский // Высшее образование в России. — 2023. — Т. 32. — № 4. — С. 9–22. — DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22. — EDN TZHINU.

22. Ивонина, А. С. Синтаксическая сложность иноязычного текста как фактор его понимания в ситуации учебного билингвизма / А. С. Ивонина // Вопросы психолингвистики. — 2025. — № 2 (64). — С. 80–97. — DOI 10.30982/2077-5911-2025-64-2-80-96. — EDN PDSBIV.

23. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 262 с. — EDN PWFIXL.

24. Константинова, Л. В. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л. В. Константинова, В. В. Ворожихин, А. М. Петров, Е. С. Титова, Д. А. Штыхно // Открытое образование. — Т. 27. — № 2. — 2023. — С. 36–48 — DOI <http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48>. — EDN VPMIZK.

25. Кричевский, М. Л. Большие языковые модели при решении педагогических задач / М. Л. Кричевский // Образовательные ресурсы и технологии. — 2025. — № 2 (51). — С. 102–111. — DOI 10.21777/2500-2112-2025-2-102-111. — EDN IHLMBE.

26. Лавриненко, И. Ю. Использование чат-ботов gpt в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект / И. Ю. Лавриненко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 18–25. — DOI 10.24412/2225-8264-2023-2-18-25. — EDN UIAZUW.

27. Леонтьев, А. Н. Философия психологии: из научного наследия / А. Н. Леонтьев. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 287 с. — ISBN 5-211-02628-4.

28. Леонтьев, А. А. Личность как историко-этническая категория / А. А. Леонтьев // Советская этнография. — 1981. — № 3. — С. 35–44.

29. Лукинский, И. С. Использование искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации научной деятельности: pro et contra / И. С. Лукинский, И. А. Горшенева, А. В. Сумина // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2023. — № 1. — С. 99–102. — DOI 10.24412/2658-638X-2023-1-99-102. — EDN UDCZFC.

30. Лукичев, П. М. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования / П. М. Лукичев, О. П. Чекмарев // Вопросы инновационной экономики. — 2024. — Т. 14. — № 2. — С. 463–482. — DOI 10.18334/vines.14.2.120731. — EDN MKEVSE.

31. Лурия, А. Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования / А. Р. Лурия. — Москва : Издательский центр «Академия», 2002. — 352 с. — ISBN 5-7695-1011-0.

32. Мягкова, Е. Ю. «Внутренняя грамматика» и грамматическая ошибка / Е. Ю. Мягкова // Вестник Тверского государственного университета. — Серия: Филология. — 2014. — № 4. — С. 230–235. — EDN TAFSWZ.

33. Пищальникова, В. А. Изменение характера предсказания в речевом действии: экспериментальное исследование / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2025. — № 14 (3). — С. 43–61. — DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61. — EDN STOPWQ.

34. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-87604-213-2.

35. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — 713 с. — ISBN 978-5-459-01141-8.

36. Старцев, М. В. «Цифровое слабоумие» молодежи как проблема современного образования / М. В. Старцев, В. В. Хлебников, М. А. Джабраилов // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». — 2021. — Т. 20. — № 2 (48). — С. 69–75. — DOI 10.20310/1810-231X-2021-20-2(48)-69-75. — EDN MIJKKP.

37. Сысоев, П. В. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 276–301. — DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301. — EDN SPHXKZ.

38. Функциональная неграмотность как объект психолингвистики : моногр. / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин, И. А. Бубнова, З. Г. Адамова, Е. Ю. Мягкова, Т. В. Кружлина, Л. О. Бутакова ; под ред. В. А. Пищальниковой. — Москва : Р. Валент, 2022. — 216 с. — ISBN 978-5-93439-640-5. — EDN YUULSH.

39. Цукерман, Г. А. Взаимодействие ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития / Г. А. Цукерман // Культурно-историческая психология. — 2006. — № 4. — С. 61–73. — EDN KGXEPV.

40. Шпитцер, М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / М. Шпитцер. — М.: АСТ, 2014. — 288 с. — ISBN 978-5-17-079721-9.

41. Bates, E. Functionalist approaches to grammar / E. Bates, B. MacWhinney // Language Acquisition: The State of the Art / ed. by E. Wanner, L. R. Gleitman. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. — P. 173–218.

42. Bates, E. Language and Context: The Acquisition of Pragmatics / E. Bates. — New York : Acad. Press, 1976. — 375 p. — ISBN 0-12-081550-8.

43. Dell, G. S. A spreading activation theory of retrieval in language production / G. S. Dell // Psychological Review. — 1986. — Vol. 93. — P. 283–321.

44. Greenfield, S. Mind Change. How digital technologies are leaving their marks on our brains / S. Greenfield. — [S. l.] : Random House, 2014. — 368 p.

45. Kalbitzer, J. Digitale Paranoia: Online bleiben, ohne den

Verstand zu verlieren / J. Kalbitzer. — [S. l.] : Beck Paperback, 2016. — 208 s.

46. Kazanina, N. The neural ingredients for a language of thought are available / N. Kazanina, D. Poeppel. // *Trends in cognitive sciences*. 2023. Vol. 27, Iss. 11. — P. 996–1007. — DOI 10.1016/j.tics.2023.07.012. — EDN QWUVST.

47. Kosmyna, N. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task / N. Kosmyna, E. Hauptmann, Y. T. Yuan, J. Situ, X.-H. Liao, A. V. Beresnitzky, I. Braunstein, P. Maes. — DOI 10.48550/arXiv.2506.08872. — URL: <https://arxiv.org/abs/2506.08872> (date of access: 11.10.2025).

48. Marozzi, E. Place, space and memory cells / E. Marozzi, K.J. Jeffery // *Current Biology*. — 2012. — Vol. 22. — N 22. — P. R939–R942.

49. Morsella, E. Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production / E. Morsella, M. Miozzo // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. — 2002. — Vol. 28. — No. 3. — P. 555–563. — DOI 10.1037/0278-7393.28.3.555. — EDN GXXKCB.

50. Rowan, Cris A. *Virtual Child: The terrifying truth about what technology is doing to children* / Publisher: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2010. — 48 p. (In Eng.)

51. Spitzer, M. *Digitale Demenz: wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen*. — München : Droemer, 2012. — 367 S. (In Germ.)

52. Thompson, C. K. Neural basis of sentence processing: Evidence from neurolinguistic and neuroimaging studies / C. K. Thompson, A. Kiehl // *The Oxford Handbook of Language Production*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2014. — P. 47–69. (In Eng.)

53. Varela, F. J. *The embodied mind* / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. — Revised edition. — Cambridge, Mass : MIT Press, 2017. — 328 p. — (Cognitive science and human experience).

54. Vaswani, A. Attention is All you Need / A. Vaswani [et al.] // *Neural Information Processing Systems*. — 2017. — arXiv:1706.03762. — URL: <https://doi.org/10.48550/> (date of access: 17.10.2025).

55. Walenski, M. Neural networks for sentence comprehension and production: An ALE-based meta-analysis of neuroimaging studies / M. Walenski, E. Europa, D. Caplan, C. K. Thompson // *Human Brain Mapping*. — 2019. — Vol. 40, Iss. 8. — P. 2275–2304. — DOI 10.1002/hbm.24523.

REFERENCES

1. Ahutina, T. V. (2007). Model' porozhdeniya rechi Leont'eva — Ryabovoj: 1967—2005 = The Leontiev—Ryabova model of speech generation: 1967—2005. *Issues of Psycholinguistics*, 79–104. Moscow: Smysl. EDN LNJFXD.

2. Akhutina, T. V. (2022). Model' porozhdeniya rechi shkoly L. S. Vygotskogo: osnovy i verifikatsiya = The Vygotsky School Model of Speech generation: fundamentals and verification. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences*, 164(1–2), 7–27. DOI 10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27. (In Russ.) EDN TIIPGE.

3. Bubnova, I. A. (2020). Rol' tsifrovoy sredy v organizatsii individual'nogo mental'nogo opyta = The role of the digital environment in organizing individual mental experiences. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 18, 5–10. DOI 10.26170/pla20-01-01. EDN GATKTB.

4. Butakova, L. O. (2025). Diagnostika sovremennykh tendentsij rechevoj deyatelnosti v inter'ere regional'nykh portretov russkoj yazykovoj lichnosti = Diagnostics of modern trends of speech activity in the interior of regional portraits of the Russian linguistic personality. *Siberian Philological Journal*, 2, 247–259. DOI 10.17223/18137083/91/19. EDN JCRFGD.

5. Butakova, L. O. (2025). Trendovoe issledovanie semanticheskikh i grammaticheskikh svyazey glagolov v assotsiativno-verbal'noj seti podrostkov (na primere glagolov dumat', vspominat') = A trend-based study of semantic and grammatical relationships of verbs in the associative-verbal network of adolescents (using the example of verbs to think, to recall). *SibSkript*, 27(4), 644–655. DOI 10.21603/sibskript-2025-27-4-644-65. EDN QCFHFQ.

6. Butakova, L. O., Guts, E. N. (2025). Osobennosti identifikatsii slov nevzroslymi nositelyami russkogo yazyka: trendovoe issledovanie = Features of word identification by non-adult native

speakers of Russian: a trend study. *Issues of Psycholinguistics*, 1(63), 44–61. DOI 10.30982/2077-5911-2025-63-1-44-61.

7. Vygotskij, L. S. (2006). *Psikhologiya razvitiya cheloveka = Psychology of human development*. Moscow: Izd-vo Smysl; Izd-vo Eksmo, 1136 p. ISBN 5-699-13728-9. EDN QXPJBZ.

8. Vygotskij, L. S. (1935). *Umstvennoe razvitie detej v protsesse obucheniya = Mental development of children in the learning process*. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 137 p.

9. Garkusha, N. S., Gorodova, Yu.S. (2023). Pedagogicheskie vozmozhnosti ChatGPT dlya razvitiya kognitivnoj aktivnosti studentov = Pedagogical possibilities of ChatGPT for the development of cognitive activity of students. *Professional Education and the Labor Market*, 11(1), 6–23. DOI 10.52944/PORT.2023.52.1.001. EDN NBBIRG.

10. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2025). Retseptivnye i onomasiologicheskie praktiki v kommunikativnoj deyatelnosti mladshikh shkol'nikov s obshchim nedorazvitiem rechi = Receptive and onomasiological practices in the communicative activities of younger schoolchildren with general speech underdevelopment. *Issues of Psycholinguistics*, 3(65), 60–73. DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-60-73. EDN MORZIA.

11. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Metod veroyatnostnogo prognozirovaniya kak instrument psikholingvisticheskogo analiza kreolizovannogo teksta: vospriyatie kodov sotsial'noj reklamy = Probabilistic forecasting method as a tool for psycholinguistic analysis of creolized text: perception of social advertising codes. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 24(1), 253–265. DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017. EDN HNEZJM.

12. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2024). Slyshat' — eto bof'she, chem ponimat' slova: Retseziya na knigu Norman B. Yu. Grammatika slushayushchego = Hearing is more than understanding words: Book Review by Norman B.Y. Grammar of the Listener. *Issues of Psycholinguistics*, 3(61), 123–133. DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133. EDN CLVSPX.

13. Greenfield, S. (2018). *Odin den' iz zhizni mozga. Nejrobiologiya soznaniya ot rassveta do zakata = One day in the life of the brain. The Neurobiology of Consciousness from Dawn to Dusk* (Transl. from Engl.). St. Petersburg: Piter, 569 p. ISBN 978-5-496-03109-7.

14. Dean, S. (2018). *Soznanie i mozg: kak mozg kodiruet mysli = Consciousness and the Brain: Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts*. Moscow: Kar'era Press, 415 p. ISBN 978-5-00074-192-4.

15. Dean, S. (2020). *Kak my uchimsya. Pochemu mozg uchitsya luchshe, chem lyubaya mashina... poka = How We Learn: Why Brains Learn Better Than Any Machine... for Now*. Moscow: Bombora, 348 p. ISBN 978-5-04-113024-4.

16. Dean, S. (2022). *Pryamo sejchas vash mozg sovershaet podvig: kak chelovek nauchilsya chitat' i prevrashchat' slova na bumage v miry i smysly = Reading in the Brain*. Moscow: Eksmo, 400 p. ISBN 978-5-04-114203-2.

17. Dojdzh, N. (2018). *Plastichnost' mozga = Brain plasticity*. Moscow: Bombora, 544 p. ISBN 978-5-04-091502-6.

18. Dorofeeva, I. V., Nikiforova, L. V., Myagkova, E. Yu. (2024). *K voprosu ob ispol'zovanii sredstv iskusstvennogo intellekta v lingvistike = On the use of artificial intelligence in linguistics*. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 1(80), 217–224. DOI 10.26456/vtfilol/2024.1.217. EDN ETOFCP.

19. Zalevskaya, A. A. (2014). *Interfejsnaya teoriya znacheniya slova: psikholingvisticheskij podkhod = Interface theory of word meaning: a psycholinguistic approach*. London: Mezhdunarodnaya akademiya nauk i vysshogo obrazovaniya, 180 p. ISBN: 978-1-909137-44-8. EDN YTRMCZ.

20. Zolotova, N. O., Myagkova E. Yu. (2024). *Chtenie i ponimanie v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obrazovaniya = Reading and understanding in the context of the digitalization of modern education*. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 2(81), 23–36. DOI 10.26456/vtfilol/2024.2.023. EDN MEKCMV.

21. Ivakhnenko, E. N., Nikol'skij, V. S. (2023). *ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? = ChatGPT in Higher education and science: a threat or a valuable resource?* *Higher Education in Russia*, 32(4), 9–22. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22. EDN TZHIIU.

22. Ivonina, A. S. (2025). *Sintaksicheskaya slozhnost' inoya-*

zychnogo teksta kak faktor ego ponimaniya v situatsii uchebnogo bilingvizma = Syntactic complexity of a foreign language text as a factor of its understanding in the situation of educational bilingualism. *Issues of psycholinguistics*, 2(64), 80–97. DOI 10.30982/2077-5911-2025-64-2-80-96. EDN PDSBIB.

23. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* = Russian language and linguistic personality. Moscow: Nauka, 262 p. EDN PWFIXL.

24. Konstantinova, L. V., Vorozhikhin, V. V., Petrov, A. M., Titova, E. S., Shtykno D. A. (2023). *Generativnyj iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: diskussii i prognozy* = Generative artificial intelligence in education: discussions and forecasts. *Open Education*, 27(2), 36–48 DOI <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48>. EDN VPMIZK.

25. Krichevskij, M. L. (2025). *Bol'shie yazykovye modeli pri reshenii pedagogicheskikh zadach* = Large language models in solving pedagogical problems. *Educational Resources and Technologies*, 2(51), 102–111. DOI 10.21777/2500-2112-2025-2-102-111. EDN IHLMBE.

26. Lavrinenko, I. Yu. (2023). *Ispol'zovanie chat-botov gpt v protsesse obucheniya anglijskomu yazyku v neyazykovom vuze: teoreticheskij aspekt* = The use of gpt chatbots in the process of teaching English at a non-linguistic university: a theoretical aspect. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*, 12(2), 18–25. DOI 10.24412/2225-8264-2023-2-18-25. EDN UIAZUW.

27. Leont'ev, A. N. (1994). *Filosofiya psikhologii: iz nauchnogo naslediya* = Philosophy of psychology: from the scientific heritage. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 287 p. ISBN 5-211-02628-4.

28. Leont'ev, A. A. (1981). *Lichnost' kak istoriko-etnicheskaya kategoriya* = Personality as a historical and ethnic category. *Soviet Ethnography*, 3, 35–44.

29. Lukinskij, I. S., Gorsheneva, I. A., Sumina, A. V. (2023). *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v kachestve instrumenta optimizatsii nauchnoj deyatel'nosti: pro et contra* = The use of artificial intelligence as a tool for optimizing scientific activities: pro et contra. *Psychology and Pedagogy of Service Activity*, 1, 99–102. DOI 10.24412/2658-638Kh-2023-1-99-102. EDN UDCZFC.

30. Lukichev, P. M., Chekmarev, O. P. (2024). *Riski primeneniya iskusstvennogo intellekta v sisteme vysshego obrazovaniya* = The risks of using artificial intelligence in the higher education system. *Issues of Innovative Economics*, 14(2), 463–482. DOI 10.18334/vinec.14.2.120731. EDN MKEVSE.

31. Luriya, A. R. (2002). *Pis'mo i rech': Nejrolingvisticheskie issledovaniya* = Writing and Speech: Neuro-linguistic Research. Moscow: Izdatel'skij tsentr «Akademiya», 352 p. ISBN 5-7695-1011-0.

32. Myagkova, E. Yu. (2014). *“Vnutrennyaya grammatika” i grammaticheskaya oshibka* = “Internal grammar” and grammatical error. *Bulletin of Tver State University*, 4, 230–235. EDN TAFSWZ.

33. Pishchal'nikova, V. A., Stepykin, N. I. (2025). *Izmenenie kharaktera preditsirovaniya v rechevom dejstvii: eksperimental'noe issledovanie* = Changing the nature of predication in a speech action: experimental research. *Scientific Dialogue*, 14(3), 43–61. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61. EDN STOPWQ.

34. Potebnaya, A. A. (2010). *Mysl' i yazyk* = Thought and language. Moscow: Labirint, 240 p. ISBN 978-5-87604-213-2.

35. Rubinshtejn, S. L. (2012). *Osnovy obshchej psikhologii* = Fundamentals of General Psychology. Piter: Izdatel'stvo Sankt-Peterburg, 713 p. ISBN 978-5-459-01141-8.

36. Startsev, M. V., Khlebnikov, V. V., Dzhabrailov M. V. (2021). *«Tsifrovoe slaboumie» molodezhi kak problema sovremennogo obrazovaniya* = “Digital dementia” of youth as a problem of mod-

ern education. *Psychological and Pedagogical Journal “Gau-deamus”*, 20(2/48), 69–75. DOI 10.20310/1810-231X-2021-20-2(48)-69-75. EDN MIJKKP.

37. Sysoev, P. V., Filatov, E. M. (2023). *ChatGPT v issledovatel'skoj rabote studentov: zapreshchat' ili obuchat'?* = ChatGPT in students' research work: ban or teach?. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 28(2), 276–301. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301. EDN SPHXKZ.

38. Pishchal'nikova, V. A., Stepykin, N. I., Bubnova, I. A. et al. (2022). *Funktional'naya negramotnost' kak ob'ekt psikholingvistiki*. Monografiya = Functional illiteracy as an object of psycholinguistics. The monograph. Moscow: R.Valent, 216 p. EDN YUULSH.

39. Tsukerman, G. A. (2006). *Vzaimodejstvie rebenka i vzroslogo, tvoryashchee zonu blizhajshego razvitiya* = The interaction of a child and an adult, creating a zone of proximal development. *Cultural-historical psychology*, 4, 61–73. EDN KGXEPV.

40. Shpittser, M. (2014). *Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg* = Anti-brain: digital technologies and the brain. Moscow: Izdatel'stvo: AST, 288 p. ISBN 978-5-17-079721-9.

41. Bates, E. (1976). *Language and Context: The Acquisition of Pragmatics*. New York: Acad. Press, 375 p.

42. Bates, E., MacWhinney, B. (1982). *Functional approaches to grammar*. *Language Acquisition: The State of the Art*, 173–218. Cambridge: Cambridge Univ. Press. (In Eng.)

43. Dell, G. S. (1986). *A spreading activation theory of retrieval in language production*. *Psychological Review*, 93, 283–321.

44. Greenfield, S. (2014). *Mind Change. How digital technologies are leaving their marks on our brains*. Random House, 368 p.

45. Kalbitzer, J. (2016). *Digitale Paranoia: Online bleiben, ohne den Verstand zu verlieren*. Beck Paperback, 208 s.

46. Kazanina, N., Poeppel, D. (2023). *The neural ingredients for a language of thought are available*. *Trends in cognitive sciences*, 27(11), 996–1007. DOI 10.1016/j.tics.2023.07.012. EDN QWUVST.

47. Kosmyna, N. et al. (2025). *Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task*. Available at Oct. 11, 2025 from <https://arxiv.org/abs/2506.08872>. DOI 10.48550/arXiv.2506.08872.

48. Marozzi, E., Jeffery, K. J. (2012). *Place, space and memory cells*. *Current Biology*, 22(22), R939–R942.

49. Morsella, E., Miozzo, M. (2002). *Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production*. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 28(3), 555–563. DOI [http://dx.doi.org/10.1037/0278-7393.28.3.555](https://doi.org/10.1037/0278-7393.28.3.555). EDN GXKHCB.

50. Rowan, Cris A. (2010). *Virtual Child: The terrifying truth about what technology is doing to children*. Publisher: CreateSpace Independent Publishing Platform, 248 p.

51. Spitzer, M. (2012). *Digitale Demenz: wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen*. München: Droemer, 367 S.

52. Thompson, C. K., Kielar, A. (2014). *Neural basis of sentence processing: Evidence from neurolinguistic and neuroimaging studies*. *The Oxford Handbook of Language Production*, 47–69. Oxford: Oxford Univ. Press.

53. Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (2017). *The embodied mind, revised edition: Cognitive science and human experience*. Cambridge, Mass: MIT Press, 328 p.

54. Vaswani, A. et al. (2017). *Attention is All you Need*. Neural Information Processing Systems. arXiv:1706.03762. Available at Oct. 17, 2025 from <https://doi.org/10.48550/>.

55. Walenski, M., Europa, E., Caplan, D., Thompson, C. K. (2019). *Neural networks for sentence comprehension and production: An ALE-based meta-analysis of neuroimaging studies*. *Human Brain Mapping*, 40(8), 2275–2304. DOI 10.1002/hbm.24523.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.3

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Ирина Николаевна Пономаренко¹, Наталья Александровна Сегал², Анатолий Прокопьевич Чудинов³

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, irnik20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7330-7383>

² Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, SPIN-код: 1068-7693, natasha-segal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

³ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, SPIN-код: 4516-4166, ap_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

Метафорический образ *Третьего Рима* в русском языковом сознании (на материале художественных текстов и современной публицистики)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению особенностей метафорического моделирования образа *Третьего Рима* в русском языковом сознании. На материале текстов разных жанров доказывается расширение значения исследуемой конструкции, показаны ее широкий ассоциативный потенциал и особенности семного варьирования при реализации в разных типах контекстов. Утверждается, что на диахроническом срезе происходит существенная трансформация концепции *Третьего Рима*, который начинает представляться не только как феномен религиозной мысли, апеллирующий к России как к православному центру, хранительнице идей христианского мира, преемнице Римской империи и Византии, но и как инструмент политической идеологии, отраженный в языке и не связанный напрямую с определенной конфессией. Актуальные социополитические события обуславливают тот факт, что метафорический образ *Третьего Рима* в современной публицистике становится определенным ориентиром, отражающим цели и задачи специальной военной операции и иных шагов, предпринимаемых Россией во внутренней и международной политике. Создание возвышенного конструктивного образа с глубокими историко-философскими корнями, попытка одновременного аккумуляирования в метафорической единице цели и идеи всего российского общества, связь и преемственность прошлого и будущего государства предопределяют значимую роль прецедентной конструкции *Третий Рим* как одной из ключевых составляющих современного медийного пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафоры, метафорическое моделирование, метафорические модели, метафорические единицы, метафорические образы, трансформационный потенциал, публицистика, медиатексты, медиадискурс, языковое сознание, коннотация, русский язык, Третий Рим.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Пономаренко Ирина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, email: irnik20@mail.ru.

Сегал Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и общего языкознания, и. о. декана факультета русского языка и литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия, email: natasha-segal@mail.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: ap_chudinov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пономаренко, И. Н. Метафорический образ *Третьего Рима* в русском языковом сознании (на материале художественных текстов и современной публицистики) / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 29-34.

Irina N. Ponomarenko¹, Natal'ya A. Segal², Anatoliy P. Chudinov³

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia, irnik20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7330-7383>

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, SPIN code: 1068-7693, natasha-segal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

³ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ap_chudinov@mail.ru, SPIN code: 4516-4166, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

A Metaphorical Image of the *Third Rome* in Russian Linguistic Consciousness (Based on Fiction Texts and Media Publications)

ABSTRACT. The article explores the specific features of metaphorical modeling of the image of the *Third Rome* in the Russian linguistic consciousness. Based on the material of texts of different genres, the study proves the expansion of the meaning of the construction under consideration, demonstrates its broad associative potential and the specific features of semantic variability in different types of contexts. It is argued that the diachronic cross-section shows a significant transformation of the concept of the *Third Rome*, which begins to be presented not only as a phenomenon of religious thought that appeals to Russia as an Orthodox center, the guardian of the ideas of the Christian world, and the successor of the Roman Empire and Byzantium, but also as a tool of political ideology reflected in language and not directly associated with a specific denomination. The current socio-political events serve as the tangible evidence of the fact that the metaphorical image of

© Пономаренко И. Н., Сегал Н. А., Чудинов А. П., 2026

the Third Rome in contemporary journalism has become a benchmark that reflects the goals and objectives of the special military operation and other steps taken by Russia in its domestic and international policies. The creation of an elevated and constructive image with deep historico-philosophical roots, the attempt to simultaneously encapsulate in the metaphorical unit the goals and ideas of the entire Russian society, and the connection and continuity between the past and the future of the state all contribute to the significant role of the precedent construction of *the Third Rome* as a key component of contemporary media landscape.

KEYWORDS: metaphors, metaphorical modeling, metaphorical models, metaphorical units, metaphorical images, transformation potential, journalism, media texts, media discourse, linguistic consciousness, connotation, Russian language, Third Rome.

AUTHOR'S INFORMATION: Ponomarenko Irina Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Modern Russian Language, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Segal Natal'ya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and General Linguistics, Acting Dean of the Faculty of Russian Language and Literature, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Ponomarenko I. N., Segal N. A., Chudinov A. P. (2026). A Metaphorical Image of the *Third Rome* in Russian Linguistic Consciousness (Based on Fiction Texts and Media Publications). In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 29-34. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Политические, экономические, ценностные и иные угрозы, все отчетливее нависающие как над каждой отдельной личностью, так и над всем мировым сообществом, определяют необходимость твердого видения цели, правильного выбора тех нравственных ориентиров, которые способны стать консолидирующей основой определенной нации. На ежегодном заседании Всемирного Русского народного собора в Москве 28 ноября 2024 г. Первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Сергей Кириенко подчеркнул, что «идеологическая и духовная война не прекратится. Она продолжится и продолжится даже жестче»¹. Почти десять лет назад, в 2016 г., философ А. Г. Дугин обратил внимание на тот факт, что нельзя вести идеологическую войну, не имея идеологии, а такая война для России, защищающей свои ценности и интересы, философу представлялась неизбежной: «На наших глазах отношения между Россией и Западом нагнетаются. В западной прессе поднята беспрецедентная кампания по очернению России. Все условности попораны, Россию клеймят последними словами, уже не выбирая ни поводов, ни выражений. Русские — зло, потому что они зло. Точка»². Современные военнополитические события, затрагивающие интересы России напрямую или же в косвенной форме, подтверждают идею о необходимости поиска ценностных ориентиров, способных объединить российское общество. В актуаль-

ных лингвистических и лингвополитологических исследованиях подчеркивается, что создание широкого спектра образных средств, моделирующих идеологическую основу медиaprостранства, является одной из важных задач современной лингвополитологии и медиалингвистики, поскольку именно метафора «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [Лакофф 2004: 118]. Ценность и значимость процесса метафорического моделирования как основы формирования современного медиатекста видится А. П. Чудинову в том, что «при метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора — это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка» [Чудинов 2003: 53]. Проводя разносторонний анализ метафоры как элемента языка политики и медиaprостранства, Э. В. Будаев подчеркивает, что «система метафорических моделей в политическом дискурсе или дискурсе СМИ служит индикатором состояния общественного сознания, в ней отражается мировидение действительности независимо от желания и интенций участников коммуникации» [Будаев 2020: 181].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Изучение ключевых работ, посвященных анализу языка современной публицистики (ис-

¹ Вызовы для «русского мира» обсудили на ежегодном заседании Всемирного Русского Народного Собора. URL: <https://tvspb.ru/news/2024/11/28/vyzovy-dlya-russkogo-mira-obsudili-na-ezhegodnom-zasedanii-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora> (дата обращения: 09.01.2026).

² Дугин А. Г. Идеологическая война Запада // Katehon. URL: <https://katehon.com/ru/directives/ideologicheskaya-voyna-zapada> (дата обращения: 09.01.2026).

следования Е. Н. Басовской [Басовская 2020], Э. В. Будаева [Будаев 2020; Будаев, Чудинов 2020], Н. Д. Голева [Голев, Шпильная 2021], Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2021], О. Л. Михалевой [Михалева 2008], Е. А. Нахимовой [Нахимова, Чудинов 2016], И. Н. Пономаренко [Пономаренко, Крыжановская, Сегал 2020], Н. А. Сегал [Чудинов, Сегал, Мищенко 2023], С. А. Серовой [Серова 2022], А. П. Чудинова [Чудинов, Сегал, Мищенко 2023; Чудинов 2003; Чудинов, Будаев, Солопова 2020] и др.), позволяет говорить о том, что для современного носителя русской лингвокультуры языковые единицы образной системы играют важную роль, не только привлекая внимание массового читателя, но и формируя его картину мира, основу ценностных представлений. **Целью** предлагаемой статьи является комплексный и системный анализ метафорического образа **Третьего Рима** в русском языковом сознании в диахронии и синхронии. **В объем материала исследования** входит как научная теоретическая литература, посвященная изучению особенностей языка политики и актуального медиапространства, так и непосредственно публицистические тексты печатного и электронного характера, фиксирующие особенности реализации языковой единицы **Третий Рим** в русскоязычном медиадискурсе. Комплексный анализ особенностей метафорического моделирования образа **Третьего Рима** определил необходимость обращения и к художественной литературе, представленной произведениями постсоветского периода. Общий каталог контекстов включает в себя более 320 словоупотреблений. Центральными **методами** при написании статьи стали описательный и интерпретационный методы, метод метафорического моделирования, элементы компонентного и количественного анализа, а также контекстологический анализ и дистрибутивный метод.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования:

- доказана ценность и значимость языковых единиц образной системы как центрального элемента актуального медиапространства, формирующего картину мира массового адресата;
- выявлен динамический характер устойчивой конструкции **Третий Рим** в диахронии и синхронии с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов;

- определен семантико-прагматический и ассоциативный потенциал метафорического образа **Третий Рим** в современном медийном поле, установлены ключевые метафорические модели, организованные на основе исследуемой конструкции;

- подтверждено центральное место устойчивой конструкции **Третий Рим** в медиадискурсе социополитической направленности.

ОБСУЖДЕНИЕ

1. История становления устойчивой конструкции «Третий Рим»

В современном российском обществе постулируется идея о предназначении народа и государства, его высшей ценности для прошлого, настоящего и будущего. В русской лингвокультуре данная идея не является новой и апеллирует к высоким смыслам, сформулированным в первой четверти XVI века и восходящим к образу **Третьего Рима**. В исторических источниках зафиксировано, что монах псковского Елеазарова монастыря Филофей в посланиях 1523–1524 гг., адресованных дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и великому князю Московскому Василию III, подчеркивал значимую роль «Рима земного», которую должна была занять Москва. Согласно дошедшей до нас версии послания Филофея, «*первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать*»¹. *Важно подчеркнуть, что образы центров-хранителей православных традиций среди славянских народов начали возникать задолго до начала XVI века* (например, Белград у сербов, Великое Тырново у болгар), однако единственным в то время независимым православным царством, укреплявшим свои позиции, оставалось Русское государство. С течением времени концепция «**Третьего Рима**» претерпевала различные трансформации: от идеи славянофильского движения, в рамках которого Россия рассматривалась «как естественный противовес Западу, где необходимо сохранить традиционные ценности и культурную идентичность, избегая излишнего заимствования и копирования» [Ермаков, Бондарь 2025], до идеологии Советского времени, постулировавшей мысль о том, что «*держава важнее отдельных человеческих судеб, идеология огромного государства, над территорией которого никогда не заходит солнце*, — это и есть воплощение идеи „Москва — третий Рим“» [Гусейнов 2004].

¹ Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю великому Василию Ивановичу всея Руси // БАН, собр. Ф. Плигина. — № 57, 21.5.15, рук. XVII в. А. 121 об.

2. Метафорический образ «Третьего Рима» в художественной литературе и публицистике постсоветского времени

Обращение к художественным текстам и публицистике постсоветского времени позволяет заключить, что в народном сознании данного исторического периода не просто сохраняются все существующие идеи и концепции, но и появляются новые, отражающие актуальные для того времени социополитические события и ожидания. Обратим внимание на наиболее характерные языковые факты.

1. Образ христианского центра, Святой Руси: «...мы, русские, собрались, чтобы подтвердить слова Христа, что и из камней Господь может сделать себе сынов Авраама, доказать, что теперь именно мы — хранители истинной веры, **Третий Рим, Новый Израиль**» (Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря, 1997–2002); «**Святая Русь — именно таково наше историческое самоименование — есть последнее Богоизбранное православное царство в конце мировой истории: третий Рим**» (Священник Виктор Пантин. Предисловие, 2002).

2. Концепция уникальности, особого пути: «А как только мы говорили, что Москва — **Третий Рим**, что у нас какой-то особый евразийский путь, то моментально все заканчивалось полицейщиной» (Борис Немцов, Елена Трегубова. «Мы и правда не из разведки!!!» // «Коммерсантъ-Власть», 2002); «И задачу свою **Третий Рим** видел в том, чтобы Россия шла особым, отличным от остальной Европы путем» (Морис Симашко. Пятый Рим. Главы из книги // «Октябрь», 2001).

3. Мессианская идея: «Идея мессианства, начав свое путешествие по российской истории с теории «Москва — **Третий Рим**», в XVIII–XIX веках приобрела имперскую окраску, а в XX веке трансформировалась в коммунистический призыв строительства нового общества, дорогу к которому для всего человечества прокладывал уже не „народ-богоносец“, а „советский народ-первопроходец“» (Игорь Андреев. «Грабли» истории // «Знание — сила», 2012); «Мы... щит между двух рас — монголов и Европы»; особая мессианская роль; «„Россия — **третий Рим**“, т. е. Россия — последний оплот единственно верного и спасительного христианского вероучения, Православия и истинно благочестивой и добродетельной жизни, Святая Русь; трагическая расщепленность национального русского сознания и вера в заботливого царя-батюшку, и бунтарски анархическая ненависть к порядку, и регламентации, широкий характер с противоречивыми крайностями» (Василий Вельков. «Блажен,

кто посетил сей мир...» // Интернет-альманах «Лебедь», 14.12.2003).

4. Национальная идея: «Москва есть **третий Рим**, второй Иерусалим и в то же время — „Российский Акрополь“» (Анна Чайковская. Половина практики // «Знание — сила», 2006); «**Единственная национальная идея, которая у нас была: „Москва — Третий Рим“**» (Александр Казинцев. «Псков предлагал другой путь...» (2004) // «Наш современник», 15.10.2004).

5. Идеология Советского государства: «Кусочек особой, коминтерновской Москвы, не уваривавшейся в одну советско-русскую кашу с единственным (русским) языком и единой верой в **советский Третий Рим**» (Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка, 1998).

6. Образ Москвы: «Вот какая хорошая у нас столица, **Третий Рим**, порт пяти морей и сердце Родины — город Москва» (Ольга Демьянова. Вот, например // «Столица», 01.04.1997); «Москва — **Третий Рим**, сакральный город; живая, творящаяся на протяжении многих веков мистерия; пространство, плотно застроенное символическими объектами, и количество смыслов, скрытых в этих символах, стремится к бесконечности; раз за разом реальные исторические персонажи, а с ними и литературные, реализуют один и тот же инвариант» (Л. А. Данилкин. Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе, 2009).

Десакрализация образа «**Третьего Рима**» в постсоветских текстах определила возможность реализации языковой игры, основанной на созвучии сочетаний «Третий Рим» (идеальное пространство) — «третий мир» (слабая по уровню развития страна): «**Третий Рим, мир то есть, это, скажем, мы, Африка и Польша**» (Виктор Пелевин. Жизнь насекомых, 1993).

3. Метафорический образ «Третьего Рима» в Telegram-каналах 2021–2025 гг.

Социополитические и культурные события последних лет определили значительные изменения как в частотности использования конструкции (анализ русскоязычных Telegram-каналов за 2021–2025 гг. позволил выявить более 200 контекстов с интегральным компонентом «**Третий Рим**», что значительно превышает частотность фиксации конструкции в более ранние эпохи), так и в реализуемых смыслах. Проведенный анализ позволяет заключить, что в актуальном медиaprостранстве на первый план выступает идея консолидации, объединения общества на основе верных нравственных ориентиров и общего будущего: «**Владимир Путин без преувеличения вернул Россию на путь её**

исторического предназначения — **Имперский путь Третьего Рима**. Несмотря на все трудности наших дней, большинство русских людей смотрят в будущее с оптимизмом. В отличие от 1990-х, не стесняясь своей русскости, традиций и ценностей» (Константин Малофеев, 07.10.2024). Подчеркнем, что сакральный характер конструкции «**Третий Рим**» в современных Telegram-каналах не ассоциируется с конкретной личностью, а становится следствием особой связи между Высшими силами и русским народом: «Тогда, в далёком 1170 году, русские православные люди вступили в самую настоящую гражданскую войну. На радость врагам Руси и Святого Православия. Но Пресвятая Богородица уже избрала Русскую землю Своим уделом. И Божий Промысл о великом будущем Третьего Рима, Катехона, уже был уготован» (Царьград, 10.12.2024). Именно православные смыслы и лучшие идеи Российской империи, заложенные в образе «**Третьего мира**», как видно из текстов СМИ, должны стать основой современной идеологии: «Главная экспортная модель русской идеологии 21 века — Истинная Православная Вера и современное переосмысление русского имперского стиля. Москва — **Третий Рим**, а не Орда или СССР 2.0» (Сыны монархии, 07.02.2025).

«**Третий Рим**» в актуальном медиапространстве представляется как один из цивилизационно значимых символов, гордость за который пронизывает все исторические эпохи развития нашего государства: «Русская традиция это не капуста в бороде и перекудывание публицистов XIX века всмятку, русская традиция — открывать всемирные законы природы и через десять лет после Смуты уже стоять на берегу Тихого океана, русская традиция — открывать Антарктиду и принимать в гражданство потомков шотландских королей и немецких князей, русская традиция — это **Третий Рим**, космос, атом и великая страна мечтателей, изобретателей, учёных, воинов, поэтов, писателей, моряков и лётчиков, педагогов и генетиков, металлургов и виноделов» (Дмитрий Конаныхин, 28.01.2024).

Одной из особенностей многих текстов современных СМИ представляется идея о том, что «**Третий Рим**» не является данностью, а только создается, и в его создании должен принимать участие каждый гражданин России: «Россия болезненно, но творчески движется к статусу **Третьего Рима**, после которого „четвертому не быть“. И русским людям нужно не наблюдать за этим процессом по телевизору, а участвовать в нем. Миллионы сформировавшихся,

патриотичных людей нужны нам здесь и в демографическом, и в культурно-творческом, и в приходском христианском смысле» (Протоиерей Андрей Ткачев, 04.07.2025). Военно-политические события, частью которых является современная Россия, определяют создание новых образов, постулирующих идею о том, что защита ценностей должна происходить с оружием в руках: «**Третий Рим давно представляет собою дзот**. // Небо меняет цвет. Уходит за горизонт» (Захар Прилепин, 24.12.2020).

Анализ показал, что более 30 % контекстов за период 2021–2025 гг. направлены на создание образа идеального государства, наделенного могуществом и самостоятельностью, имеющего глубокие корни и верные нравственные ориентиры, готового противостоять тем, кто хочет разрушить его цивилизационные основы: «Неоднократно говорил: если хочешь добиться результата в геополитике — иди на обострение. Англичане, судя по всему, правда испугались потери своего восточноевропейского актива и решили немного сдать назад. Москва этого делать не будет и сохранит свое достоинство и величие: проблемы англичан не должны волновать **Третий Рим**» (Старше Эдды, 14.02.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамика ценностных ориентиров, изменение идеологических установок, экономические, политические и военные катаклизмы определяют и изменение арсенала образных средств, моделирующих картину мира носителя определенной лингвокультуры. При всем разнообразии языковых единиц образной системы для русской культурной традиции наиболее характерными являются те, которые несут в себе глубокие смыслы, уходят корнями в глубину эпох и на разных этапах развития общества получают различное осмысление. Проведенный анализ позволяет заключить, что в русской языковой картине мира одной из таких единиц является устойчивая конструкция «**Третий Рим**», появившаяся в языке и культуре в первой четверти XVI века и до сих пор не утратившая своей актуальности. Являясь сакральным и идеологическим символом, мистическим образом или национальной идеей, в течение многих веков она отражала и продолжает отражать ценности и приоритеты, характерные для определенного исторического периода, декларировать смыслы, стремление к которым является важным для народного единства, сохранения и развития государства. Реалии современности определяют расширение ассоциативного поля

устойчивой конструкции, появление новых смыслов и значений. Именно комплексный анализ устойчивой конструкции «Третий Рим», проведенный на диахроническом и синхроническом срезах, позволяет установить особенности изменения национальных ценностей и приоритетов, отраженных в системе языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басовская, Е. Н. Фактор адресата медиатекста и речевая тактика создания образа читателя / Е. Н. Басовская // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 4 (38). — С. 196–203. — DOI 10.24411/2070-0695-2020-10422. — EDN YABPRB
2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2. — EDN EJKDK.
3. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. — 2020. — № 2 (25). — С. 103–113. — DOI 10.26170/FK20-02-09. — EDN CSTMYX.
4. Голев, Н. Д. Обыденная медиакommunikация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления / Н. Д. Голев, Н. Н. Шпил'ная // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 1. — С. 23–34. — DOI 10.21638/spbu22.2021.102. — EDN VJZDEI.
5. Гусейнов, Г. Ч. Д. С. П.: советские идеологии в русском дискурсе 1990-х / Г. Ч. Гусейнов. — Москва : Три квадрата, 2004. — 272 с. — ISBN 5-94607-024-X.
6. Добросклонская, Т. Г. Лингвомедийное конструирование события в новостном дискурсе / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика. — 2021. — Санкт-Петербург : Медиана-пир, 2021. — Вып. 8 : Язык в координатах массмедиа. — С. 108–112. — EDN IOELQV.
7. Ермаков, Е. Н. Идеиные основы славянофильства концепция «Москва — Третий Рим». Влияние на русскую общественную мысль / Е. Н. Ермаков, И. А. Бондарь // Вестник науки. — 2025. — № 2 (83). — Т. 1. — С. 897–902. — EDN LGQHMF.
8. Лаккофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лаккофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.
9. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : URSS, 2008. — 252 с. — ISBN 978-5-397-00227-1.
10. Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены как доминанта идентичности публициста / Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов // Филология и человек. — 2016. — № 2. — С. 107–115. — EDN WGCEEL.
11. Пономаренко, И. Н. Асимметричная основа антитезы с оппозицией свой / чужой в современных медиатекстах / И. Н. Пономаренко, В. А. Крыжановская, Н. А. Сегал // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 111–116. — DOI 10.20916/1812-3228-2020-3-111-116. — EDN ILXDDG.
12. Серова, С. А. Ключевые слова текущего момента как маркеры времени в языке массовой коммуникации новейшего периода / С. А. Серова // Медиакультура цифровой эпохи: состояние, проблемы, перспективы : кол. моногр. — Тамбов : Державинский, 2022. — С. 115–132. — ISBN 978-5-00078-659-8.
13. Чудинов, А. П. Деривационные механизмы моделирования окказиональной лексики в русскоязычном медиапространстве (на примере приставки де-) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 59–69. — DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-58-67. — EDN KJUBGB.
14. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.
15. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта, 2020. — 236 с. — ISBN 978-5-9765-4326-3. — EDN GUGOYK.

REFERENCES

1. Basovskaya, E. N. (2020). Faktor adresata mediateksta i rechevaya taktika sozdaniya obraza chitatatelya = The factor of the addressee of the media text and the speech tactics of creating the image of the reader. *The sign: a problematic field of media education*, 4(38), 196–203. DOI 10.24411/2070-0695-2020-10422. EDN YABPRB.
2. Budaev, E. V. (2020). Sopotavitel'naya politicheskaya metaforologiya = Comparative Political Metaphorology. St. Petersburg: Naukoemkie tehnologii, 464 p. ISBN 978-5-6044793-2-2. EDN EJKDK.
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2020). Sovremennaya rossijskaya politicheskaya metaforologiya (2011–2020 gg.) = Modern Russian Political Metaphorology (2011–2020)]. *Philological class*, 2(25), 103–113. DOI 10.26170/FK20-02-09. EDN CSTMYX.
4. Golev, N. D., Shpil'naya, N. N. (2021). Oby'dennaya mediakommunikatsiya kak sociorechevaya sfera: postanovka problemy i granicy proyavleniya = Everyday Media Communication as a Socioreferential Sphere: Problem Statement and Boundaries of Manifestation. *Media Linguistics*, 8(1), 23–34. DOI 10.21638/spbu22.2021.102. EDN VJZDEI.
5. Guseynov, G. Ch. (2003). Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-x = Soviet Ideologems in Russian Discourse in the 1990s. Moscow: Tri kvadrata. 272 p. ISBN 5-94607-024-X.
6. Dobrosklonskaya, T. G. (2021). Lingvomedijnnoe konstruirovaniye soby'tiya v novostnom diskurse = Linguo-Media Construction of Events in News Discourse. *Media Linguistics. Iss. 8. Language in the Coordinates of Mass Media*, 108–112. St. Petersburg: Mediapapir. EDN IOELQV.
7. Ermakov, E. N., Bondar', I. A. (2025). Idejny'e osnovy slavyanofil'stva koncepciya «Moskva — Tretij Rim». Vliyaniye na russkuyu obshhestvennyuyu my'sl' = The ideological foundations of Slavophilism: the concept of “Moscow as the Third Rome.” Its influence on Russian social thought. *Bulletin of Science*, 2(83, Vol. 1), 897–902. EDN LGQHMF.
8. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). Metafor'y, kotory'mi my zhivem = The metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS, 256 p. ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.
9. Mixaleva, O. L. (2009). Politicheskij diskurs: specifikya manipulyativnogo vozdeystviya = Political Discourse: The Specificity of Manipulative Influence. Moscow: LIBROKOM, 256 p. ISBN 978-5-397-00227-1.
10. Naximova, E. A., Chudinov, A. P. (2016). Precedentny'e fenomeny kak dominanta idiositilya publicista = Precedent Phenomena as a Dominant of the Publicist's Idiostyle. *Philology and a Man*, 2, 107–115. EDN WGCEEL.
11. Ponomarenko, I. N., Kry'zhanovskaya, V. A., Segal, N. A. (2020). Asimmetrijnaya osnova antitezy s oppozitsiej svoj / chuzhoj v sovremenny'x mediatekstax = The asymmetrical basis of the antithesis with the opposition of self / other in modern media texts. *Questions of cognitive linguistics*, 3, 111–116. DOI 10.20916/1812-3228-2020-3-111-116. EDN ILXDDG.
12. Serova, S. A. (2022). Klyuchevy'e slova tekushhego momenta kak markery vremeni v yazy'ke massovoj kommunikatsii novejshego perioda = Keywords of the current moment as markers of time in the language of mass communication in the latest period. *Digital Age Media Culture: Status, Challenges, and Prospects*, 115–132. Tambov. ISBN 978-5-00078-659-8.
13. Chudinov, A. P., Segal, N. A., Mishhenko, A. N. (2023). Derivatsionny'e mexanizmy modelirovaniya okkazional'noj leksiki v russkoyazy'chnom mediaprostranstve (na primere prstavki de-) = Derivational mechanisms of modeling occasional vocabulary in the Russian-language media space (using the prefix de-). = *Bulletin of the South Ural State University*, 27(3), 59–69. DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-58-67. EDN KJUBGB.
14. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 248 p. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.
15. Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (2020). Politicheskaya metaforologiya: diskursivny'j povorot = Political Metaphorology: A Discursive Turn. Moscow: Flinta, 236 p. ISBN 978-5-9765-4326-3. EDN GUGOYK.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-9(Булгаков М. А.)
 ББК Ш141.12-51+ШЗ3(2Рос=Рус)-6-8,4

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.29

Код ВАК 5.9.9; 5.9.1

Наталья Борисовна Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, verbalis@mail.ru, SPIN-код: 9753-5994

Идиостиль автора-публициста (на материале ранних произведений М. Булгакова)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена феномену идиостиля в публицистическом дискурсе. С точки зрения автора статьи, проявления идиостиля в СМИ советской эпохи сдерживались целым рядом внешних и внутренних ограничений, препятствующих самовыражению публициста. Это экстралингвистические препятствия (цензура и идеологическая составляющая), а также система дискурсивных, концептуальных и стилистических ограничений. Модель публицистического идиостиля имеет оппозитивный характер. В ее основе лежит целый ряд противопоставлений: объективность — субъективность, конвенциональность — индивидуальность, императивность — свобода, стереотипность — креативность, фон — фигура, традиции — новизна, языковой стандарт — слог, индивидуальная манера изложения, норма — отклонения от нормы, идеал пользования языком — отклонения от идеала, одноподчиненность — разнонаправленность стилистических ориентаций, а также единичность употребления того или иного языкового средства и его повторяемость (регулярность, сквозной характер). Отталкиваясь от оппозиции «императивность — свобода», автор статьи трактует идиостиль автора-публициста как индивидуальный, субъективизированный способ текстообразования, детерминирующий создание формы, максимально свободной относительно выбора темы, внешней оценки и идеала пользования языком. Идиостиль характеризует повторяющаяся совокупность однотипных способов и средств текстообразования. Предложенная в статье методика выявления идиостилевых особенностей публицистического текста создана на материале фельетонов, заметок и статей М. Булгакова 1919–1926 годов — периода, допускающего достаточно высокую свободу авторского самовыражения. Методика предполагает большой объем публицистического материала, минимальные внутренние и внешние ограничения для текстообразования, множественность однотипных средств текстообразования, их высокую регулярность в индивидуальном дискурсе автора-публициста. Методика учитывает также специфические способы порождения текста (номинации субъекта, лексическую сочетаемость, систему выразительных средств языка, окказиональные образования и аббревиатуры, намеренные деформации кодифицированной формы слова, средства выражения оценочных значений, особенности использования текстовых категорий), а также не прямые способы подачи информации, релевантные для восприятия текста (подтекст, намек, импликация). В целом при характеристике идиостиля автора-публициста можно опираться на инвариантные признаки, которые соотносятся с жанровой моделью текста, включающей план содержания, план выражения и план восприятия. В свою очередь, вариативные признаки достаточно разнообразны и зависят как от собственно лингвистических, так и от целого ряда экстралингвистических факторов текстообразования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, публицистика, публицистический дискурс, публицистические тексты, русский язык, М. А. Булгаков, публицистический идиостиль, признаки идиостиля, методика анализа идиостиля, текстообразование.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Идиостиль автора-публициста (на материале ранних произведений М. Булгакова) / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 35-43.

Natal'ya B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, verbalis@mail.ru, SPIN code: 9753-5994

The Idiostyle of an Author-Publicist (Based on the Material of M. Bulgakov's Early Works)

ABSTRACT. The article deals with the phenomenon of idiostyle in journalistic discourse. From the point of view of the author of the article, the manifestations of idiostyle in the media of the Soviet era were controlled by a number of external and internal restrictions that hindered the self-expression of the author-publicist. Those restrictions included extralinguistic obstacles (censorship and ideological component), as well as a system of discursive, conceptual and stylistic constraints. The model of journalistic idiostyle has an oppositional character. It is based on a number of oppositions: objectivity – subjectivity, conventionality – individuality, imperativeness – freedom, stereotypicality – creativity, background – figure, tradition – novelty, linguistic standard – style, individual manner of presentation, norm – deviations from the norm, ideal language use – deviations from this ideal, unidirectionality – multidirectionality of stylistic orientations, as well as unique use of a particular language form versus its repeatability (regularity and reiteration). Drawing on the opposition “imperativeness – freedom”,

the author of the article interprets the idiostyle of the author-publicist as an individual, subjectivized way of text formation, determining the creation of a form that is absolutely free in the choice of the topic, external assessment and an ideal of language use. The idiostyle is characterized by a repetitive repertoire of similar methods and means of text formation. The method of identifying individual stylistic features of a journalistic text suggested in this article is based on the material of feuilletons, notes and articles by M. Bulgakov published over the period of 1919-1926 – a time period allowing for a fairly high degree of freedom of artistic expression. This method presupposes a large volume of journalistic material, minimal internal and external restrictions on text formation, a multiplicity of similar means of text formation, and their high regularity in the individual discourse of the author-publicist. The method also takes into account specific ways of text formation (subject nomination, lexical combinability, system of expressive means of language, occasional formations and abbreviations, intentional deformations of the codified form of the word, means of expressing evaluative meanings, and specific features of the use of text categories), as well as indirect ways of presenting information relevant to the perception of the text (subtext, hint, implicatures). In general, when characterizing the idiostyle of an author-publicist, one can rely on invariant features that correspond to the genre model of the text, which includes the plane of content, the plane of expression and the plane of perception. In turn, the variable features are quite diverse and depend on both linguistic proper and a whole number of extralinguistic factors of text formation.

KEYWORDS: Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, journalism, journalistic discourse, journalistic texts, Russian language, M.A. Bulgakov, journalistic idiostyle, typical features of idiostyle, methods of idiostyle analysis, text formation.

AUTHOR'S INFORMATION: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Ruzhentseva N. B. (2026). The Idiostyle of an Author-Publicist (Based on the Material of M. Bulgakov's Early Works). In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 35-43. (In Russ.).

Феномен идиостиля максимально ярко проявляется в тех сферах коммуникации, где минимизировано внешнее давление и тем самым созданы условия для свободного проявления творческой индивидуальности производителя речи. Это: 1) устная разговорная речь; 2) ораторские выступления (развлекательная речь, экспромты, импровизации); 3) письменная речь (свободные жанры, эссеистика); 4) интернет-дискурс (до появления ИИ, который активно способствует компиляциям, штампованности, клишированности, однотипности сюжетов и стилистических решений огромного массива текстов). В свою очередь, на материале ранних произведений М. Булгакова мы попытались исследовать феномен идиостиля в публицистике 1919–1927 годов — времени, когда были живы дореволюционные традиции журналистики, но требования открытой партийности и социально-классовой оценочности газетного текста еще не сформировались. Сказанное детерминировало максимальную для того времени свободу выражения мысли у публицистов и возможность для ученых-филологов исследовать идиостиль на материале произведений одного из самых блестящих российских авторов XX в.

Вопросы идиостиля художественного и публицистического текста давно привлекают

внимание исследователей [Богин 1997; Григорьев 1983; Золян 1989; Какорина 1996; Макович 2004; Мерлин 1986; Пищальникова 1992; Солганик 1990; Тарасова 2004; Чернышева 2007¹; Шаповал 1999²; Щукин 1978³; Эпштейн 1988 и др.]. Изучение идиостиля художественного текста начато еще Ю. Тыняновым [см., например: Тынянов 1977; Тынянов, Якобсон 1928]. Однако большая часть российских исследований идиостилевой специфики публицистического текста относится к последней четверти XX в. и началу XXI в. именно потому, что на становление и развитие идиостиля в советскую эпоху влиял целый ряд сдерживающих факторов — ограничений, препятствующих самовыражению автора. Они включают:

1. Экстралингвистические ограничения: цензура и идеологическая составляющая СМИ.

Об идиостиле автора-публициста стали говорить с конца 80-х г. XX в. именно в связи с отменой цензуры. До этого времени исследователи отмечали единство публицистических текстов, восходящее к идеологическим установкам, несмотря на тематическую дифференциацию изданий, ср. мнение А. Н. Васильевой: «И в то же время язык советской газеты в целом един, а языковая специфика (лексика, словосочетания) и специфика сти-

¹ Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия» : автореф. дис. ... канд филол. наук. 2007.

² Шаповал В. В. Имидж автора в публицистике (роль сленговых и иных заимствований, маркированных как «чужое слово»). 1999. URL: <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval20.htm>.

³ Щукин В. Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1978. 18 с.

листической манеры в каждой газете имеют частный характер, не разрушающий этого единства. Это единство корнями уходит в содержательное единство, в морально-политическое единство общества и непосредственно связано с такими существенными сторонами газеты, как:

- отбор общественно актуального из бесконечного разнообразия жизненной информации;
- установка на выявление прогрессивных тенденций в развитии жизни общества;
- направленность на активное утверждение прогрессивного в сознании и действиях масс» [Васильева 1982: 18].

По этому же поводу В. Г. Костомаров писал: «Тоталитаризм и авторитарность создавали видимость некой однозначности и чистоты, в которой нетерпимыми признавались любые отклонения от нормы» [Костомаров 1999: 39].

В свою очередь, А. Н. Васильева выделяет два основных принципа (тенденции), детерминирующих проявления языкового стандарта в советских СМИ.

Первый принцип — это широкое использование в газетах элементов научной речи, что обусловлено «быстрым повышением культурного уровня и социальной активности широких народных масс»: «Современный массовый читатель привычен к строю книжно-аналитической речи, и она все более свободно и естественно вступает на страницы газет. В газете происходят общеязыковые адаптации значительной части ранее узкотерминологической лексики и словосочетаний» [Васильева 1982: 11].

Второй принцип определяется «сочетанием разных стилей — при их частичной нейтрализации и одновременно при частичном сохранении исконной стилистической окраски... Общественно-обиходная речь составляет основной полунейтральный фон газетно-публицистического стиля» [Там же].

Таким образом, согласно А. Н. Васильевой, основой газетно-публицистического стиля газетной эпохи является стандарт, сформировавшийся на базе частичного полистилизма с актуализацией (в зависимости от авторской интенции) отдельных элементов книжных стилей или обиходной речи.

2. Дискурсивные ограничения: давление дискурса, уменьшающее стремление автора к самовыражению (авторизации дискурса), ограничение свободы пишущего, ср.:

«Субъект в современной массовой коммуникации не просто функционален — он

выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, причем в структуре его целей все большую роль начинает играть стремление к самовыражению. Авторизация газетного дискурса неразрывно связана с тремя видами „свобод“, завоеванных прессой: тематической свободой (возможностью избрания в качестве предмета описания или оценки любого фрагмента действительности), прагматической свободой (отсутствие внешней обусловленности оценки), стилевой свободой (преобладание в тексте слога над стандартом» [Платонова, Виноградов 1996: 256].

Следует заметить, что максимально возможную свободу самовыражения имели в 80-е гг. XX в. лишь отдельные издания, и прежде всего — «Литературная газета», ср.: «В середине 80-х годов „Литературная газета“ была трибуной советской интеллигенции и местом выражения допустимо свободных идей, мнений и дискуссий, своеобразным советским Гайд-парком. Это было возможно потому, что „Литературная газета“ не являлась органом ЦК КПСС, а находилась в достаточно условном подчинении Союзу писателей СССР. Уровень ведения и качество дискуссий, опубликованных в „Литературной газете“, заслуживает особого внимания... Еще одним отличительным признаком „Литературной газеты“ от других изданий было то, что корреспонденты не только брались за освещение самых острых и актуальных тем как в политической, так и в социальной жизни, но и не боялись давать им собственную оценку, которая так и не совпадала с общепринятой. Это было возможно благодаря высокому уровню образования и культуры корреспондентов и сотрудников редакции»¹. Но другим изданиям была недоступна даже та степень авторизации газетного дискурса, которая была в те годы у «Литературной газеты».

3. Концептуальные ограничения.

Концептуальные ограничения предполагают влияние на текстовый материал концепции издания, включающей идеологию издания, тип издания, тематику, содержание, структуру издания и ряд других параметров [Коньков 2007: 19].

4. Стилистические ограничения.

Они предполагают учет жанровой модели издания, структурных признаков и стиля издания, особенностей заголовочного комплекса, а также системы используемых экспрессивных средств [Там же: 19]. Что касается языка советской газеты, то «в целом

¹ Чаковская А. Э. Либеральные тенденции в эпоху застоя 1980–1985 гг.: на материале «Литературной газеты»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 3–4.

советский период характеризуется закреплением языковых и речевых норм, которые приобретают незыблемый, догматический характер, охватывают практически все сферы языковой жизни. В газетах это ведет к шаблонизации языка и речи, к господству книжной речи в ущерб разговорной, к преобладанию официоза» [Солганик 2008-а: 472]

Кроме того, ограничивающим фактором проявления авторской индивидуальности может быть феномен языкового вкуса, в известной степени влияющего на формирование единой творческой манеры у целого ряда авторов, ср.: «Вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе (недаром говорят о вкусах общества и эпохи)... Таким образом, вкус — это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [Костомаров 1999: 30–32]. Можно утверждать, что до конца 80-х гг. языковой вкус определяли «глобальная идеологизированность идей, а не только партийной прессы; ориентация на формирование единого и цельного мировоззрения как на необходимый и наиболее важный результат деятельности органов печати; главенствующее положение особого типа оценочности, при котором оценочные знаки симметрично распределяются по идеологическим объектам („наше“ — „+“, „не наше“ — „-“)» [Платонова, Виноградов 1998], в связи с чем проявления индивидуальности автора-журналиста были в значительной степени ограничены.

Увеличение идиостилевых проявлений в публицистике в 90-е гг. XX в. связано с понятием «языковая мода», предполагающим минимизацию внешних ограничений: «Мода есть крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро преходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества... В 90-е годы предполагается мода на индивидуальность, непохожесть, нестандартность, соответственно и на продолжение смещения несоразмерного, какофония, вплоть до увеличения абсурда» [Костомаров 1999: 43–36].

Сказанное дает основания утверждать, что идиостиль в наибольшей степени проявляется при отсутствии или минимальном количестве **сдерживающих творческую индивидуальность факторов.**

Как следствие, в основе модели публицистического идиостиля лежит целый ряд противопоставлений (первый член оппози-

ции маркирует сдерживающие факторы, а второй — уход от них):

1. **Объективность — субъективность**, проявляющиеся, например, в характере повествования о той или иной ситуации (обобщенно-объективное восприятие — субъективизированное восприятие ситуации героем текста): «Человек социальный в структуре категории автора обязательно предполагает анализ социальных проблем, объективно-субъективное отношение к действительности... Человек частный в структуре категории автора предполагает соответственно анализ с позиций частного человека, субъективно-объективное отношение к действительности...» [Солганик 2008б: 460–461].

2. **Конвенциональность** (например, требования к отдельным текстам) — **индивидуальность** творческой манеры, ср. мнение Т. А. Чернышевой о текстах политического дискурса: «Конвенциональность, на основе которой можно сделать вывод о проявлениях индивидуальности, представлена институциональным дискурсом, программными константами функционального стиля (публицистического), жанровой спецификой»¹.

3. **Императивность** (например, внешние идеологические установки) — **свобода** (уход от внешних установок).

4. **Стереотипность**, шаблонизированность — **творчество**, креативность.

5. **Социальное — частное** (например, автор — «человек социальный — человек частный» [Солганик 2008а: 460].

6. **Инвариантность** (например, параметры, заданные темой, стилем, жанром и другими факторами текстообразования) — **вариативность** (например, авторизованные модификации жанра).

7. **Фон** (например, нейтральный стиль речи, «на котором другие стили речи воспринимаются как маркированные» [Басовская 2005: 50] — **фигура** (эмоционально-экспрессивные, социальные и национальные элементы).

8. **Традиции — новизна.**

9. **Языковой стандарт — слог, индивидуальная манера изложения.**

10. **Норма (узус) — отклонение от нормы** (например, окказиональные элементы, разговорные варианты слов).

11. **Идеал пользования языком — отклонение от идеала.**

12. **Однонаправленность стилистических ориентаций** (например, «рерайт» в газете «Коммерсант», подразумевающий

¹ Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: автореф. дис. ... канд филол. наук. 2007.

«специальные усилия, направленные на то, чтобы каждый текст был не только отредактирован, но приведен в соответствие с жесткими структурно-содержательными требованиями» [Коньков 2007: 20] — **стилистическая разнонаправленность** текстов («Экспресс-газета»).

Кроме того, для модели идиостиля очень важен учет такого противопоставления, как **единичность** (употребления того или иного языкового или речевого средства) и его **повторяемость** (регулярность, сквозной характер). Это противопоставление носит двоякий характер: повторяться могут как штампы, клише, идеологемы (проявления языкового вкуса эпохи), так и языковые средства, характерные **именно для данного автора публицистического текста**.

Таким образом, **идиостиль автора публицистического текста — это индивидуальный, субъективизированный способ текстообразования, детерминирующий создание формы, максимально свободной относительно выбора темы, внешней оценки и идеала пользования языком. Идиостиль характеризует повторяющаяся (сквозная, регулярная) совокупность однотипных способов и средств текстообразования.**

Как следствие, обращение к исследованию феномена идиостиля эффективно в тех случаях, когда в наличии есть большой объем материала, развернутый во времени (индивидуальный дискурс автора-публициста), и факторы текстообразования (экстралингвистические и лингвистические), которые обеспечивают **максимальную свободу авторского самовыражения**.

В свою очередь, идиостиль автора художественного произведения складывается под влиянием гораздо большего числа факторов текстообразования, чем идиостиль автора-публициста. Так, индивидуальность самовыражения в художественном творчестве обеспечивают биография художника слова, дружеские и творческие союзы, тип личности писателя или поэта, его психологические особенности и др. Что же касается интернет-дискурса, в котором отражены черты современной разговорной речи, и в том числе просторечные элементы, идиостиль ярче всего проявляется в словотворчестве (ср., например, негативно-оценочные наименования родственников в текстах бытовой направленности: *свекровь — свекобра; маменькин сынок — мамсик, мамозависимый, свекрениш; тесть — тествязвр* и др.).

Одним из способов исследования идиостиля является сопоставление текстов нескольких авторов при наличии общих оснований (конвенции). Так, Т. А. Чернышевой сделана попытка изучения идиостиля М. Соколова, С. Лескова, А. Архангельского, А. Лифшица, С. Новопрудского, выступавших в роли колумнистов в газете «Известия». Объединяющими факторами для этой группы авторов являются: а) одна газета — «Известия» за 2003–2006 гг. (единая идеологическая позиция — центристская); б) единая жанровая форма всех текстов — колонка обозревателя; в) один формат дискурса — политический; г) единый стиль — публицистический; д) наличие единого аксиологического ядра публикаций колумнистов — мысли о «сохранении государственности, апелляции к ценностям общества»; е) общая доминанта идиостиля аргументативного типа. Как следствие, центральной оппозицией, лежащей в основе изучения идиостиля авторов-публицистов, является оппозиция «конвенциональное — индивидуальное»: «С одной стороны — текст определяется рамками политической формации, к которой принадлежит его автор; с другой — текст представляет собой ярко авторизованную модификацию общей мысли»¹. По аналогичному принципу, предполагающему учет конвенционального — индивидуального в сопоставительном ключе, анализируются и публикации других журналистов. Это, например, предпринятая нами попытка выявления идиостилевых особенностей статей Д. Терентьева и А. Чуйкова в «Аргументах недели» [Руженцева 2023] и другие исследования этого же плана.

Без сомнения, сопоставительное изучение идиостилевых особенностей в аспекте конвенции (дискурсивной, идеологической, жанровой и др.), с одной стороны, и проявлений индивидуальности — с другой, является продуктивным способом исследования идиостиля автора-публициста, т. е. того способа выражения мысли, который **характерен, типичен** именно для этого производителя речи. Однако такой способ не учитывает того множества барьеров, которые **конвенции как система ограничителей** накладывают на творческую индивидуальность автора. Поэтому мы отталкиваемся не от оппозиции «конвенциональность — индивидуальность», а от **минимизации внешних и внутренних ограничений**, сдерживающих авторскую индивидуальность (оппозиция «императивность — свобода»).

¹ Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: автореф. дис. ... канд филол. наук. 2007.

Сказанное определяет тот факт, что материалом для изучения идиостилевой специфики публицистического текста мы выбрали публикации М. Булгакова начала 20-х гг. XX в. С одной стороны, это время максимальной свободы авторского самовыражения, и прежде всего — по причине неустоявшегося языка газеты: «Первый период в истории языка газеты XX в. (с 1917 г. до конца 1920-х гг.) можно определить как период формирования нового качества, нового облика языка газеты, поиска новых средств выражения, соответствующих задачам времени, выработки новых форм речи. Революция расшатала прежние государственные, идеологические устои и поставила вопрос о том, каким должен быть в новых условиях язык газет...» [Солганик 2008б: 463–464].

Разумеется, М. Булгаков-публицист не был полностью свободен от влияния сдерживающих индивидуальность факторов. В первых, это цензура, под влиянием которой находилось в те годы все литературное творчество, ср.: «Характерен в этом отношении случай, который произошел на вечере у Ангарского. Как обычно в писательской среде, и здесь зашел разговор о цензуре, говорили разное, но чаще всего нападали на нее, говорили о писательской правде и лжи. В разговоре принимали участие В. Вересаев, Н. Никандров, В. Кириллов, Н. Ляшко, В. Львов-Рогачевский... Булгаков знал, что в такой разношерстной аудитории не следует ему выступать и говорить то, что думает о цензуре, но не сдержался и пожаловался на цензуру, которая снимает у него то фельетоны, то целые куски из повестей: так трудно работать, трудно быть самим собой» [Петелин 1995: 32]. Однако цензура в первой половине 20-х гг. не имела всеобщего прескрипционного характера. Характер жесткого императива имели главным образом принципы, которыми «должен был руководствоваться Главлит при запрещении издания или распространения произведений. Это:

- 1) агитация против Советской власти;
- 2) разглашение военной тайны республики;
- 3) возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений;
- 4) возбуждение националистического и религиозного фанатизма;
- 5) носящих порнографический характер» [Жирков 2001].

Во-вторых, значительная часть булгаковских фельетонов написана для ведомственных изданий: газет железнодорожников «Гудок» и «Дрезина», газеты «Голос работников просвещения», а также журналов «Железнодорожник», «Медицинский работник»,

поэтому автор был ограничен как тематически, так и объемом и жанровым корпусом газеты. Но цензурные ограничения, перечисленные выше, М. Булгаков периодически обходил, выражая неприятие нового мира косвенным образом. Примером может служить высказывание императора Николая Второго, который приснился кондуктору Хвостикову:

— *Так вот: взять этого сукиного сына и повесить его на багажной веревке на тормозе, — распорядился государь император.*

— *За что же, товарищ император? — спросил Хвостиков, и в голове у него все перевернулось кверху ногами.*

— *А вот за это самое, — бодро ответил государь император, — за профсоюз, за «вставай, проклятьем заклеимленный», за кассу взаимопомощи, за «весь мир насилья мы разроем», за портрет, за «до основанья, а затем»... и за тому подобное прочее. Взять его!» («Гудок», 27 февр. 1925).*

В свою очередь, жанрово-стилистическая свобода автора, которая базируется на идее отбора, сочетания и употребления речевых средств, в публицистике М. Булгакова, по сути, безгранична.

С другой стороны, огромное влияние на публицистику М. Булгакова оказала его творческая индивидуальность, не позволяющая подходить «ко всем явлениям жизни, быта, войны, революции с узкоклассовых, партийных позиций» [Солганик 2008б: 464]. Творческая индивидуальность М. Булгакова определяется его происхождением, биографией, образованием и другими субъективными факторами текстообразования, не позволяющими доминировать «человеку социальному» в типовой структуре образа автора-публициста 20-х гг., ср.: «Обобщенный автор данного периода — это прежде всего человек революционного, классового сознания... Из двух главных граней категории автора (человек социальный — человек частный) преобладает человек социальный, радикальный, воинствующий, непримиримый и беспощадный. Таков идеальный, обобщенный тип автора данного периода» [Солганик 2008б: 463–464].

Однако М. Булгаков как автор — это «человек частный»: «Человек частный в структуре категории автора предполагает соответственно анализ с позиций частного человека, субъективно-объективное отношение к действительности, что отражается в речи обычно в высокой авторской модельности, преобладании Я-предложений и т. д.» [Солганик 2008б: 461].

Материалом исследования идиостиля М. Булгакова-публициста являются тексты, написанные и опубликованные в газетах,

журналах и альманахах с 1919 по 1927 г. Это газеты «Грозный», «Кавказская газета», «Коммунист», «Рабочий», «Литературная газета», «Литературное приложение», «Бакинский рабочий», «Иллюстрации „Петроградской правды“», «Голос работников просвещения», «Дрезина», «Вечерняя Москва», «Неделя», «Красная газета», «Заря Востока», но главное — широко известные газеты «Накануне» и «Гудок», а также журналы «Рупор», «Заноза», «Россия», «Железнодорожник», «Красный перец», «Красная нива», «Красный журнал для всех», «Красная панорама», «Медицинский работник», «Журналист» и альманахи «Возрождение», «Бузотер», «Смеяч» и «Недра». Это более 150 текстов (повестей, рассказов, фельетонов, очерков, зарисовок), объединенных впоследствии в Собрании сочинений М. Булгакова в 1–3 томах из десяти (М.: Изд-во «Голос», 1995; составление, предисловие, подготовка текстов В. Петелина). В отдельных случаях привлекался материал повестей М. А. Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце» и романа «Белая гвардия», так как эти произведения создавались примерно в то же время и испытали на себе большое влияние индивидуальной манеры письма Булгакова-публициста. Представим нашу методику анализа идиостиля на материале этих текстов. Она предполагает:

1. Большой объем публицистического материала (как минимум, несколько десятков текстов).

2. Наличие совокупности произведений, написанных автором при минимальных внешних и внутренних ограничениях (давление экстралингвистических идеологических факторов, давление публицистического дискурса, давление концепции издания и др.).

3. Множественность однотипных средств текстообразования в рамках избранного материала.

4. Высокую регулярность ряда однотипных средств текстообразования в индивидуальном дискурсе, развернутом во времени. Это могут быть специфические способы порождения текста:

- способы номинации субъекта, от имени которого идет речь;
- способы именования лица;
- особенности лексической сочетаемости;
- сравнения, метафоры, метонимические переносы (и другие выразительные средства языка);
- окказионализмы и аббревиатуры;
- намеренные деформации кодифицированной формы слова;
- средства выражения оценочных значений, специфика интенсификаторов;

– особенности текстообразования (фразеологизация речи, стилизации, аллюзийность, тип пафоса (иронический и др.), оппозитивность;

– особенности репрезентации текстовых категорий (модальности, тональности, определенности/неопределенности, абсурда и др.), а также

– особенности восприятия текста (подтекст, намеки, конвенции, имплицатуры) и приемы создания образа.

Мы сознательно не обращаемся к такому характерному идиостилевому признаку публицистики М. Булгакова, как театрализация повествования. Это требует особой методики анализа диалогической речи, множественно представленной в его фельетонах и заметках и требующей сопоставления с речью героев драматических произведений, что является перспективой нашего исследования языка и стиля великого русского писателя.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам привести все (или большую часть) указанных речевых средств, маркирующих стиль Булгакова-публициста. В качестве такого маркера приведем лишь намеренные деформации кодифицированной формы слова и их функции в булгаковских текстах.

Намеренные деформации кодифицированной, нормативной формы русского слова встречаются в большинстве указанных публикаций М. Булгакова и вводятся в текст:

а) **для речевой характеристики персонажа** — человека из народа или группы лиц: *увольниться (в цирк), дерь-жер, беривтон (баритон), заскочуть с хлангу (фланга), порцигар, ланпы, инпиратор, использовывають, они скрымшись (скрывшись), граждане; кипиратив, пахаронють, просю, как не жил на свете, Ордер пожалте; У нас и Небели-то нету; Испоатация труда; А как **обзаботиться топить** — их нету!; Триллионы называл **триллиардаму**; **Ак-казия**, — пробормотал некий, озлобленно почесывая левую бровь; В воскресенье — чистый срам, **голье**, ну, в чем мать родила, по всей реке лежат. Только вот — **дожжик!** В трамвай на скаку сиганул. На 50 лимонов **штрахують**; По-нашему, если отчетность на год отстала — **пустяки!** А **поихнему** — преступление; **Вишь**, у ей бельмо, как блин; И я **голоснул** с речью, как **сознательный человек, стоящий на позициях культурработы**; **Батюшки? Откуда ж зайтить-то?**; **Запротоколить четырех злоумышленников**; **Вы даром бремените землю**; **Что же таперича делать?** — спросил председатель; **Ишь, трудно ему докладать. Хучь плачь! Фициально ответил; не все собрамшись; Они у меня по-***

ездиют! Выдать ему одно место в сартире второго класса до Тамбова;

б) для стилизации речи неносителей русского языка: *По иному пути пайдем! Не нады нам больше этой парнографии: «Горе от ума» и «Ревизора». Гоголи. Моголи. Свои пьесы сачиним; Скидай сапоги, кажу тебе! И если ты не поморозие, так я тебе росстриляю...; Сыняя дывызья! Покажи себя! — как колотушка, стукнул голос полковника Мащенко; Хлеб... пусти вагон... Карасни... Китай-са...;*

в) для создания комического эффекта: *Угрызаемый хвост; Производство «Сандаль». Вероятно, сандалий; Лучше бы я ромовой бабки купила. На, зеленые; Вы скандалистка, вам надо валерьянкины капли пить!; Ладно, бывают алистократы, с портфелями карманы вырезают;*

г) для имитации детской речи: *Конфету какую хочешь, такую и бери. — Вот я эту большую хоцу.*

Отступления от нормативной речи могут лежать и в основе текстовых фрагментов, ср.:

- *Кондукторша на остановках кричит: «Местов нету!» Кондуктор влез — ужаснулся, говорю, извините, никакого правонарушения нету. Запложено — и ездим («Площадь на колесах». Журнал «Заноза». 1924, № 9).*

- *Кличут вас, — объяснила Дунька, — идите скорейча, ждуть!*

— *Которые ждуть? — беспокожно осведомился Опишков.*

— *Собрание... Народу собрамшись видимо-невидимо...*

— *Чай-то пить будешь? — спросила супруга.*

— *А, не до чаю мне, — забубнил Опишков, надевая штаны, — масса ждуть, чтобы ей ни дна ни покрывки («Сотрудник с массой, или свинство по профессиональной линии!» Гудок. 24.08.1924).*

- — *Это сумасшедший! — завизжали сзади женские голоса.*

— *Выплювывайтесь вон!!!*

Пассажиры побагровел и растерянно забормотал:

— *Да нельзя мне выплунуться, я бы и рад. Обитрахуют, у меня билеты сюды.*

(«Война воды с железом». Гудок. 02.11.1924)

- *Так вот, получите, пожалуйста. Замечательное местечко. Сидеть можно, курящее, просторно и отдельно. Кульвер, проводи господина адмирала!*

Водник прочитал резолюцию, покачнулся, глаза вытаращил и сказал:

— *Большое мурси!*

Было написано:

«Выдать ему одно место в сартире второго класса до Тамбова» («Война воды с железом». Гудок. 02.11.1924)

Таким образом, при характеристике идиостиля автора-публициста можно, на наш взгляд, опираться на инвариантные признаки и вариативную составляющую. Инвариантные признаки соотносимы с жанровой моделью текста, включающей план содержания, план выражения (субъектную и речевую организацию, а также текстовые категории) и план восприятия (подтекст и иные виды имплицатур). Вариативные признаки идиостиля достаточно разнообразны и зависят от собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, и в том числе — от широко взятого контекста эпохи, в которую создавалось публицистическое произведение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басовская, Е. Н. Стилистика и литературное редактирование / Е. Н. Басовская. — Москва : Издательство Иполлитова, 2005. — 248 с. — ISBN: 5-93856-067-5. — EDN ZWBGMQ.
2. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуализации / Г. И. Богин // Жанры речи. — Саратов, 1997. — № 1. — С. 12–23. — EDN YNQGZH.
3. Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1982. — 198 с.
4. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев. — Москва : Наука, 1983. — 225 с.
5. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. — Москва : Аспект-Пресс, 2001. — 367 с. — ISBN: 5-7567-0145-1. — EDN TPFKPF.
6. Золян, С. Т. От описания идиолекта к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) / С. Т. Золян // Язык русской поэзии XX века. — Москва : Ин-т русского языка АН СССР, 1989. — С. 238–259.
7. Какорина, Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты (Особенности использования стререотипов) / Е. В. Какорина // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — Москва : Наука, 1996. — ISBN 5-02-011248-8.
8. Коньков, В. И. Стилиобразующая концепция в средствах массовой информации / В. И. Коньков, А. Н. Потсар // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, 2007. — С. 18–20. — ISBN 978-5-288-04362-8.
9. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языковой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 320 с. — ISBN 5-86547-070-1.
10. Макович, Г. В. Регулярные языковые способы представления авторизованных модификаций в современном газетном дискурсе / Г. В. Макович // Языковая игра. Онтогенез речевой деятельности. Дискурсивная презентация языковой личности / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2004. — С. 194–199. — ISBN 5-7186-0017-1.
11. Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. — Москва : Педагогика, 1986. — 256 с. — EDN RZYUSP.
12. Пищальникова, В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. — Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 1992. — 73 с. — EDN ZCLUKD.
13. Петелин, В. В. Год перемен и надежд. Вступит. статья / В. В. Петелин // Собр. соч. в 10 томах. Т. 2. Роковые яйца. Повести, рассказы, фельетоны, очерки, март 1924 – март 1925 / М. Булгаков. — Москва : Голос, 1995. — С. 5–40. — ISBN 5-7117-0306-4.

14. Платонова, О. В. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки / О. В. Платонова, С. И. Виноградов // *Культура русской речи*. — Москва : НОРМА-ИНФРА, 1998. — С. 253–264. — EDN ORUMZL.
15. Руженцева, Н. Б. Авторизация дискурса СМИ: к проблеме прагматической и стилиевой свободы журналиста / Н. Б. Руженцева // *Политическая лингвистика*. — 2023. — № 2 (98). — С. 12–21. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_01. — EDN RBBVRR.
16. Солганик, Г. Я. Выразительные ресурсы публицистики / Г. Я. Солганик // *Поэтика публицистики*. — Москва : Изд-во МГУ, 1990. — 160 с. — ISBN 5-211-01771-4.
17. Солганик, Г. Я. О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // *Язык средств массовой информации*. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2008а. — С. 471–478. — ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
18. Солганик, Г. Я. Стилистика публицистической речи / Г. Я. Солганик // *Язык средств массовой информации*. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2008б. — С. 456–468. — ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
19. Тарасова, И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля / И. А. Тарасова // *Языкознание*. — 2004. — № 1. — С. 86–98. — EDN ZTPBWH.
20. Тынянов, Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино* / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.
21. Тынянов, Ю. Н. Проблема изучения литературы и языка / Ю. Н. Тынянов, Р. О. Якобсон // *Новый ЛЕФ*. — 1928. — № 12. — С. 36–47.
22. Эпштейн, М. Концепты. Метаболы. О новых течениях в поэзии / М. Эпштейн // *Октябрь*. — 1988. — № 4. — С. 194–203.
- REFERENCES**
1. Basovskaya, E. N. (2005). *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie = Stylistics and literary editing*. Moscow: Ippolitov Publishing House, 248 p. EDN ZWBGMQ.
2. Bogin, G. I. (1997). *Rechevoy zhanr kak sredstvo individualizatsii = Speech genre as a means of individualization. Genres of speech, 1*, 12–23. Saratov. EDN YNQGZH.
3. Vasilyeva, A. N. (1982). *Gazetno-publitsisticheskiy stil' rechi = Newspaper and journalistic style of speech*. Moscow: Russian language, 198 p.
4. Grigoriev, V. P. (1983). *Grammatika idiosyncrasy: V. Khlebnikov = Grammar of idiosyncrasy: V. Khlebnikov*. Moscow, 225p.
5. Zhirkov, G. V. (2001). *Istoriya tsensury v Rossii XIX–XX vv. = The history of censorship in Russia of the XIX–XX centuries*. Moscow: Aspect-Press, 367 p. ISBN: 5-7567-0145-1. EDN TPFKPF.
6. Zolyan, S. T. (1989). *От описания идиолекта к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) = From the description of idiolect to the grammar of idiosyncrasy. Russian Russian poetry of the twentieth century*, 238–259. Moscow: The language of Russian poetry of the twentieth century. Moscow: Institute of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences.
7. Kakorina, E. V. (1996). *Novizna i standart v yazyke sovremennoy gazety (Osobennosti ispol'zovaniya stereotipov) = Novelty and standard in the language of a modern newspaper (Peculiarities of the use of stereotypes). Poetics. Stylistics. Language and Culture*. Moscow: Nauka. ISBN 5-02-011248-8.
8. Konkov, V. I., Potsar, A. N. (2007). *Stileobrazuyushchaya kontseptsiya v sredstvakh massovoy informatsii = The style-forming concept in the mass media. Russian speech in the mass media: a stylistic aspect*, 18–20. St. Petersburg: St. Petersburg State University. ISBN 978-5-288-04362-8.
9. Kostomarov, V. G. (1999). *The linguistic taste of the epoch. From observations on the language practice of the mass media*. St. Petersburg: Zlatoust, 320 p. ISBN 5-86547-070-1.
10. Makovich, G. V. (2004). *Regulyarnye yazykovye sposoby predstavleniya avtorizovannykh modifikatsiy v sovremennom gazetnom diskurse = Regular linguistic ways of presenting authorized modifications in modern newspaper discourse. Language game. Ontogenesis of speech activity. Discursive presentation of a linguistic personality*, 194–199. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 2004. ISBN 5-7186-0017-1.
11. Merlin, V. S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti = An essay on the integral study of individuality*. Moscow: Pedagogika, 256 p. EDN RZYUSP.
12. Pischalnikova, V. A. (1992). *Problema idiostilya. Psikholingvisticheskiy aspekt = The problem of idiosyncrasy. The psycholinguistic aspect*. Barnaul: Altaysk Publishing House University, 73 p. EDN ZCLUKD.
13. Petelin, V. V. (1995). *God peremen i nadezhd = The Year of changes and hopes. Introd. article. Collected works in 10 volumes of M. Bulgakov. Vol. 2*, 5–40. Moscow: Golos. ISBN 5-7117-0306-4.
14. Platonova, O. V., Vinogradov, S. I. (1998). *Pragmatika i ritorika diskursa v periodicheskoy pechati. Sfera sub'ekta i vyrazhenie otsenki = Pragmatics and rhetoric of discourse in the periodical press. The sphere of the subject and the expression of assessment. Culture of the Russian speech*, 253–264. Moscow: NORMA-INFRA. EDN ORUMZL.
15. Ruzhentseva, N. B. (2023). *Avtorizatsiya diskursa SMI: k probleme pragmaticheskoy i stilevoy svobody zhurnalista = Media discourse authorization: towards the problem of pragmatic and stylistic freedom of a journalist. Political linguistics, 2*(98), 12–21. DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_01. EDN RBBVRR.
16. Solganik, G. Ya. (1990). *Vyrazitel'nye resursy publitsistiki = Expressive resources of journalism. Poetics of journalism*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 160 p. ISBN 5-211-01771-4.
17. Solganik, G. Ya. (2008a). *O yazyke i stile gazety = About the language and style of the newspaper. The language of mass media*, 471–478. Moscow: Academic project; Alma Mater. ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
18. Solganik, G. Ya. (2008b). *Stilistika publitsisticheskoy rechi = Stylistics of journalistic speech*, 456–468. *The language of mass media*, 471–478. Moscow: Academic project; Alma Mater. ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
19. Tarasova, I. A. (2004). *Kategorii kognitivnoy lingvistiki v issledovanii idiostilya = Categories of cognitive linguistics in the study of idiosyncrasy. Linguistics, 1*, 86–98. EDN ZTPBWH.
20. Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino = Poetics. The history of literature. Cinema*. Moscow: Nauka Publ., 574 p.
21. Tynyanov, Yu. N., Jakobson, R. O. (1928). *Problema izucheniya literatury i yazyka = The problem of studying literature and language. New LEF, 12*, 36–47.
22. Epstein, M. (1988). *Kontsepty. Metabolы. O novykh techeniyakh v poezii = Concepts. The metabolites. On new trends in poetry. October, 4*, 194–203.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'367.7
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-3

ГРНТИ 16.21.47; 16.21.51

Код ВАК 5.9.1; 5.9.9

Татьяна Ивановна Стеклова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, steksova@inbox.ru, SPIN-код: 3836-9126

Интерпретация слова *нравственность* в средствах массовой информации

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена функционированию слова *нравственность* в современных средствах массовой коммуникации. Отвлеченное понятие *нравственность* вызывает затруднения в его дефиниции не только у рядовых носителей русского языка, но и различается у специалистов разных гуманитарных наук: как социальное явление, общественный и правовой институт и как синоним совести, т. е. внутреннее духовное качество человека. При этом отмечается, что частотность употребления этого слова в русском языке в целом и в печати в частности неуклонно снижается. Целью работы является интерпретация этого слова в центральных и региональных СМИ и попытка объяснения причин снижения частотности словоупотребления. Языковой материал был извлечен из газетного подкорпуса НКРЯ. В качестве метода анализа использовался анализ синтагматических связей указанной лексики. Кроме того, использовались методы статистического анализа. В результате исследования делается вывод о том, что самыми популярными оказываются сочетания *общественная нравственность* и *высокая нравственность*; снижение частотности употребления слова *нравственность* в современной печати отражает общую тенденцию в русском языке. В качестве причин данного процесса предполагаются следующие: проблема нравственности становится далеко не приоритетной на фоне других проблем; «туманное» представление о том, что следует понимать под нравственностью, приводит к размыванию и опустошению лексического значения слова, хотя, вероятно, можно говорить и о развитии его многозначности; использование коллокаций *общественная нравственность* и *высокая нравственность* стали штампами (прилагательные утрачивают свое конкретное определительное значение) и средством манипулирования общественным сознанием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, нравственность, коллокация, интерпретация слов, синтагматика, словоупотребление, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Стеклова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, email: steksova@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Стеклова, Т. И. Интерпретация слова *нравственность* в средствах массовой информации / Т. И. Стеклова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 44-50.

Tat'yana I. Steksova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, steksova@inbox.ru, SPIN code: 3836-9126

Interpretation of the Word *npravstvennost'* in Russian Media

ABSTRACT. The article deals with the functioning of the word “*npravstvennost'*” (*morality*) in modern Russian mass media. The abstract concept of *morality* causes difficulties in its definition not only among ordinary native speakers of the Russian language, but also differs among specialists in different humanities: as a social phenomenon, a public and legal institution, and as a synonym for conscience, i.e., an inner spiritual quality of a person. It is noted that the frequency of use of this word in the Russian language in general and in the press in particular is steadily decreasing. The aim of the work is to interpret this word in federal and regional media and to try to explain the reasons for the decrease in the frequency of the word usage. The practical language material has been extracted from the newspaper subcorpus of the NCRL. Analysis of the syntagmatic connections of the specified lexeme is the main research method of this study. In addition, statistical analysis methods were used. As a result of the study, it is concluded that the word combinations “*obshchestvennaya npravstvennost'*” (*public morality*) and “*vysokaya npravstvennost'*” (*high morality*) are the most popular combinations in the texts under study, and the decrease in the frequency of the use of the word “*npravstvennost'*” in modern press reflects a general trend in the Russian language. The reasons for this process are assumed to be the following: the problem of morality loses its priority against the background of other problems; a “vague” idea of what should be understood by morality leads to blurring and neutralization of the lexical meaning of the word, although it may be possible to talk about the development of its polysemy; the collocations “*obshchestvennaya npravstvennost'*” and “*vysokaya npravstvennost'*” have become clichés (the adjectives lose their specific attributive meaning) and means of manipulating public consciousness.

KEYWORDS: Russian language, morality, collocation, word interpretation, syntagmatics, word usage, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media.

AUTHOR'S INFORMATION: Steksova Tat'yana Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Modern Russian and Methods of Its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

FOR CITATION: Steksova T. I. (2026). Interpretation of the Word *npravstvennost'* in Russian Media. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 44-50. (In Russ.).

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Дефиниция понятия нравственности — задача совсем непростая, несмотря на общеупотребительность данного слова и кажущуюся ясность [Гаращук 2015.] Поиск статей с ключевым словом *нравственность* в eLibrary.ru выдает около трех тысяч статей по разным гуманитарным специальностям (юридические науки, социология, философия, педагогика и др.). Если ограничить поиск только языкознанием, то в результате получим 668 статей. Сфера интересов исследователей касается разграничения понятий *мораль* и *нравственность* и смежных с ними [Бобков 2005; Чагинская 2008; Юрченкова 2020], описания концепта нравственности [Стукало 2012; Ник 2023], проблемы нравственности в художественной литературе и шире — в искусстве вообще [Энеева 2007; Сигида 2010; Гриценко 2015], проявления нравственности в педагогике [Овинова 2006; Гриценко 2015], в других профессиональных сферах [Воскресенская 2009; Иванченко 2021; Осин 2022].

Интерес к этому понятию проявляют не только ученые, но и непрофессионалы, носители русского языка. Обращение к статистике запросов в «Яндекс Вордстат» (<https://wordstat.yandex.ru/>) показало, что на слово *нравственность* было

в ноябре 2024 — 383 331 запрос;
в июле 2025 — 42 643 запроса.

Как показывает статистика, количество запросов значительно снизилось.

В топе запросов со словом *нравственность* «*Нравственность — это...*» занимает первую позицию.

Если обратимся к данным НКРЯ, то увидим аналогичную картину:

поиск в **основном подкорпусе** НКРЯ слова *нравственность* дает **6803** примера за период с 1776 г. по 2021 г.

Пик частотности — 1828 г. — 73, 95;
2020 г. — 11, 28.

Поиск в **газетном подкорпусе** (Центральные СМИ) выдает **4688** примеров с этим словом (с 1983 по 2021 г.)

Пик частотности — 1997 г. — 16,02
Нижняя точка — 2021 — 3,59.

Региональные СМИ — *нравственность* — 325 примеров

Разумеется, эти показатели заставляют задуматься о причинах снижения интереса к данному понятию, попытаться определить роль СМИ в этом процессе. Подобная работа уже была предпринята в 2014 г. О. М. Афанасьевой. Предметом ее исследования стал ключевой концепт русской культуры «нравственность», отраженный в медиатекстах центральных российских СМИ. Для нее было

важно определить, какие представления о нравственности передаются получателю информации. В качестве основного метода исследования был выбран метод выявления и анализа лексико-семантического поля с архисемой «нравственность». О. М. Афанасьева исследовала медиатексты различной тематики, созданные разными авторами в период с января по март 2014 г. (публикации были отобраны методом случайной выборки; рассматривалось более 80 тыс. словоупотреблений). В результате работы автор приходит к выводу о том, что концепт «нравственность» имеет сложную структуру. Он включает в себя другие социально значимые концепты — «честь» и «ответственность», «долг» и «уважение», «совесть». Изученные ею медиатексты показали, что смысл этих концептов, как и смысл самого концепта «нравственность», в интерпретации современных журналистов не обладает отчетливостью. Слова, входящие в лексико-семантическое поле, авторы медиатекстов используют редко. По ее мнению, эти ключевые концепты русской культуры не являются ключевыми концептами журналистского материала. Подчеркнем, что это исследование базировалось на материале 2014 г., а как показала статистика НКРЯ, к 2021 г. произошло еще большее снижение случаев интересующего нас словоупотребления.

По мнению ряда исследователей, трактовка собственного значения слова всегда обусловлена контекстом. В этом был убежден А. А. Потебня, по мнению которого значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует [Потебня 1999]. Солидарен с ним и Ельмслев, который писал: «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» [цит. по: Шмелев 1973: 57]. Это утверждение представляется вполне убедительным, особенно по отношению к толкованию отвлеченных понятий, таких как *нравственность*. И хотя Д. Н. Шмелев не согласен с этой точкой зрения, он все-таки отмечает, что значения, которые можно было бы назвать «контекстными», противопоставляя их «собственным» значениям слов, возникают, в частности, в результате специфического сочетания слов [Шмелев 1973]. В качестве примера можно привести сочетание «читать мораль», где позитивная оценка лексемы *мораль* за счет

устойчивости сочетания превращается в отрицательную.

Именно поэтому задачей нашего исследования был анализ синтагматических связей интересующего нас слова. Любопытно было посмотреть на функционирование слова *нравственность* в СМИ, выявить наиболее частотные коллокации, понять, что за ними скрывается.

Для сбора материала был использован газетный подкорпус НКРЯ, как центральных, так и региональных изданий.

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЛЕКСЕМЫ *НРАВСТВЕННОСТЬ* С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

На первом этапе были выбраны примеры на сочетаемость существительного *нравственность* с согласованным прилагательным.

Поиск в газетном корпусе (Центральные СМИ) «**прилагательное + нравственность**» — 914 примеров.

Пик частотности (1984) — 5, 44.

2021 — 0,91.

Региональные СМИ — «прилагательное + Нравственность» — 60 примеров.

1. *Законом вводятся штрафы за любые высказывания в унижительной или оскорбляющей общественную нравственность форме, в том числе через СМИ и Интернет* (Чиновников будут штрафовать за хамство // Парламентская газета, 2020.12.30).

2. *В качестве примера он припомнил слова режиссера Андрея Кончаловского об упадке национальной нравственности, сказанные им четыре года назад: «Я русский, и скучаю по своей Родине, но я ее не вижу».* (Звягинцев выявил смысл скандального заявления актера Серебрякова // Известия, 25.02.2018).

3. *Десятилетия назад ревнители театральной нравственности попрекали Любимова этими криками, как сейчас корят режиссеров «голыми задницами», ничего другого не замечая.* (Выставка о Юрии Любимове сделана по законам театра // Ведомости, 2017.08.30).

4. *И попытки все это запретить являются возрождением советской нравственности, которая позволяла, не дрогнув, переписывать чужие книги* (Мат вместо революции // lenta.ru, 24.01.2015).

5. *К защите христианской нравственности от нацистской идеологии (в христианстве «несть ни эллина, ни иудея») присоединялась защита родной земли («почвы»), которая со времён Крещения Руси воспринимается как «сосуд истинной веры»* (Армия как общественный институт //

Парламентская газета, 2020.02.21).

6. *Поэтому требовать от наших толстосумов высокой нравственности — это как от дамы лёгкого поведения ожидать нецелованности* (Ольга Шаблинская. Писатель Юрий Поляков: пора вводить налог на справедливость // Аргументы и факты, 2020.04.10).

7. *Но как приходят к власти демократические политики? Соревнуясь в высокой нравственности? Нет, они идут к власти, участвуя в беспощадной конкурентной борьбе, поливая друг друга грязью* (Андрей Камакин. Константин Малофеев: «Появилась боязнь, что Путин уйдет» // Московский комсомолец, 13.03.2018).

8. — *Монархи тоже не всегда являют собой примеры высокой нравственности* (Андрей Камакин. Константин Малофеев: «Появилась боязнь, что Путин уйдет» // Московский комсомолец, 13.03.2018).

9. *Конечно, в его случае она по большей части выглядит откровенно, но, если задуматься, это не намного хуже всеместного лицемерия и тех популистских обещаний, выверенных образов и фальшивой нравственности, которые «продают» более профессиональные политики* (Секс в большой политике // lenta.ru, 11.10.2016).

10. *Конечно, эти люди сами идут на то, чтобы прослыть борцами с лицемерной нравственностью* (Борис Межуев. Назло бабушке // Известия, 20.08.2012).

Как показывают эти примеры, сочетания с относительными прилагательными указывают нам на носителей, субъектов нравственности (примеры 1–5), а сочетание с качественными прилагательными характеризуют саму нравственность (примеры 6–10).

Из всех сочетаний коллокация *общественная нравственность* представлена в 390 примерах, т. е. почти 48 %; коллокация *высокая нравственность* функционирует в 113 примерах, это 14 %. В региональных СМИ из 60 примеров *общественная нравственность* — 23 примера (более 38 %); *высокая нравственность* — 21 пример (35 %).

В топе запросов «Яндекс Вордстат» «*общественная нравственность*» занимает четвертое место.

Этот запрос также показал тенденцию к сокращению:

ноябрь 2024 — 12 093 запроса;

июль 2025 — 2978.

Любопытно в этом плане и распределение запросов по регионам: так, индекс интереса в целом по России составляет 100,47 %;

Москва — 110,45 %

Урал — 92,31 %.

Сибирь — 97,32 % (причем очень сильно различается индекс интереса в разных городах региона. Так, в Омске — 72,41 %, а в Иркутске — 8,43 %).

Напомним, что индекс интереса показывает отношение отображаемых запросов в регионе к их доле среди всех запросов к «Яндексу». 100 % означает, что регион или город не выделяются по уровню интереса к теме запросов, 150 % — интерес в 1,5 раза выше, 50 % — вдвое ниже, чем в целом.

Остановимся на анализе этих самых частотных сочетаний подробнее.

Общественная нравственность

Итак, сочетание *общественная нравственность* является самым частотным. Кроме того, встречаются сочетания, где носителем нравственности являются представители какой-либо нации, профессиональной группы, возрастной группы, государства:

*Ученый рассказал «Ленте.ру», зависит ли наша мораль от генетики, почему известные люди чаще меняют свои убеждения и отличается ли чем-то **российская нравственность** от европейской* (Беседовала Наталья Гранина. «Нам все время страшно» // lenta.ru, 09.09.2015).

*Весь свод депутатской **нравственности** уложился в шесть страничек* («Пособие по лицемерию» // Известия, 17.11.2002).

*В этой связи Фулуньгун выступает не просто за восстановление гражданских прав и свобод, но за возрождение традиционной **китайской нравственности** и культуры, история которой насчитывает 5 тысяч лет* (Игорь Чубайс. Философ Чубайс: как вернуться на российский маршрут // Московский комсомолец, 09.01.2017).

*«Просто депутаты делились своими вариантами решения проблемы **подростковой нравственности**».* (Александр Родионов. На Среднем Урале вновь предложили ввести «комендантский час» для подростков, не достигших 16 лет // Новый регион 2, 05.06.2008).

Но возникает закономерный вопрос, что понимать под *общественной нравственностью*? Ведь в одном обществе могут быть представители разных наций, разных профессий, разных религиозных конфессий и т. д. Депутатская и театральная нравственности входят ли в одну и ту же общественную нравственность? Следует ли думать, что коллокат *общественная нравственность* является синонимом коллокату *государственная нравственность*?

Проблема определения понятия общественной нравственности волнует не только лингвистов. Так, юрист Е. А. Иванченко понимает под общественной нравственностью

уникальное социальное явление, общественный и правовой институт, характеризующийся сложной социальной природой. По мнению автора, общественная нравственность — это объект правовой охраны в уголовном и административном законодательстве Российской Федерации [Иванченко 2021]. Следовательно, следует ли понимать лексику *общественная* как *государственная*, т. е. распространяющаяся на всех граждан государства? Значит ли это, что у депутатов, моряков и актеров, к примеру, должна быть одна и та же общественная нравственность? Судя по статье, Е. А. Иванченко отвечает на этот вопрос утвердительно. Елене Анатольевне «менее понятными представляются какие-либо попытки градации нравственности». Она не может согласиться, в частности, с региональной «привязкой» уровня нравственности [там же, с. 92]. Тем не менее, автор утверждает, что «нравственным нормам свойственна зависимость от конкретной исторической эпохи и от политических, социальных процессов в обществе. Представления о допустимом и недопустимом могут радикально меняться на протяжении сравнительно короткого временного промежутка» [там же, с. 92]. В качестве примера она напоминает восприятие деятельности спекулянтов как безнравственной и переоценку той же самой деятельности, осуществляемую предпринимателями как вполне нравственную.

Итак, юридическое понимание общественной нравственности ограничивает нас правовыми рамками одного государства в определенный исторический момент. Но такое «правовое» понимание не всегда совпадает с лингвистическим толкованием нравственности. Так, Ник Жером, сравнивая концепт *нравственность* в русском и французском языках, пишет: «Нравственность основана на непосредственной связи человека с Божественными космическими силами через его совесть, а мораль, этика и добродетель основаны на правилах и нормах, используемых в конкретной социальной группе. В русском понимании нравственный человек — тот, кто ведёт себя по совести, а во французском понимании моральный человек — тот, кто действует по социальным нормам и правилам» [Ник 2023]. И современная пресса дает основания для такого толкования:

*А **нравственность** — это исключительно внутренний регулятор — самоконтроль. Можно сказать, **нравственность** — это внутренняя мораль. Нравственный человек более глубок и сложен, чем моральный* (Новый домострой // Коммерсант, 14.10.2001).

Когда ты осознаешь, что время изменило моральные установки, то начинаешь понимать слова Хармса: «Я не люблю мораль, я **люблю нравственность**» (Дети с молотками // Известия, 14.11.2001).

С другой стороны, в прессе масса примеров понимания нравственности как соответствия социальным нормам и правилам.

Таким образом, общепринятого ответа на вопрос, что понимается под общественной нравственностью, не существует при том, что это сочетание является весьма устойчивым и частотным. Более того, если проанализировать все случаи употребления этого коллоката на страницах прессы, то также не складывается определенного понимания содержания этого сочетания, более того, на страницах прессы задают этот же вопрос:

Что в таком случае власть понимает под общественной нравственностью? (Сергей Савинов. РПЦ не имеет права снять с себя ответственность за грех общества // Независимая газета (приложение «НГ-Религии»), 15.07.1998).

И опять приходится согласиться с А. А. Потемной, который, разделяя точку зрения Гумбольдта, пишет о том, что никто не думает при использовании слова именно того, что и другой человек [Потемня 1999].

Высокая нравственность

Как уже было отмечено выше, сочетание с качественными прилагательными выражает субъективную оценку говорящего степени соответствия объекта речи общественной нравственности. Здесь самым частотным является сочетание *высокая нравственность*. Если говорить о степени соответствия, то, разумеется, должна быть точка отсчета, позволяющая выстроить шкалу соответствия. Такой точкой становится сочетание *нормальная нравственность*:

Для особи с нормальной нравственностью это естественно (Андрей Баранов, Ольга Бакушинская. Яд в крови Ющенко оказался «оранжевым» // Комсомольская правда, 17.12.2004).

Отклонение от этой отправной точки может быть оценено как негативно, так и позитивно: от *неустойчивой* до *низкой*, с одной стороны, и от *высокой* до *абсолютной*, с другой.

Депутат Владислав Косарев лаконично заявил: «То, что эти женщины уже делают, говорит об их неустойчивой нравственности, а обращение к президенту и попытка добиться легализации ещё ниже опускает их в глазах общества» (Депутаты парламента Казахстана против легализации в стране «коммерческого секса» // Парламентская газета, 2016.05.18).

*Мы обнаружили еще один недопустимый, патологический феномен: озлобленные души людей — носителей **низкой нравственности** и культуры, которые, при том, что вроде бы считают себя верующими и боголюбивыми, способны к активным и резким проявлениям социальной агрессии* (Нодар Броладзе. Нравственность должна быть основана на вере // Независимая газета (приложение «Содружество-НГ»), 28.07.1999).

*Директор музея Крис Каррон добавил, что выставляющиеся у них экспонаты должны принадлежать людям «с **высокой нравственностью**»* (Вещи Майкла Джексона убрали из детского музея после фильма о его педофилии // lenta.ru, 17.03.2019).

*«В год 70-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады мы отдаём дань памяти великому подвигу — подвигу людей, которые показали образец человеческой воли, стойкости и **высочайшей нравственности**», — сказал Председатель Госдумы Сергей Нарышкин* (В Госдуме открылась выставка о блокаде Ленинграда // Парламентская газета, 2014.02.04).

*Потому что **абсолютная нравственность** хоть и существует, но, увы, не совместима с жизнью* (Ирина Мак. Рожки да ножки // Известия, 14.09.2006).

Привлекает внимание тот факт, что оценка *высокая, высочайшая* чаще всего используется не в авторской речи, а в речи персонажей, которых цитирует автор текста.

Наличие двух полюсов соответствия нормативной нравственности порождает метафорическую оценку нравственности как здоровую и больную:

*Им не интересно, чтобы молодежь имела православную **здоровую нравственность**, нормальный, трезвый взгляд на жизнь* (Итоговый выпуск вечерний — 15.04.05 18:00 — Нижний Новгород // Новый регион 2, 16.04.2005).

*Мы превратились в народ с **больной нравственностью*** [Михайлов Николай. Олег Попцов: Можно наливать, но не обязательно пить // Труд-7, 28.05.2004].

Здоровая нравственность интерпретируется как истинная нравственность:

*Совмещая три плана действия: историко-легендарный (древняя Иудея), современно-бытовой (Москва 1930-х годов) и мистико-фантастический, он создал своеобразную форму философского романа, где поставлены «вечные» проблемы добра и зла, ложной и **истинной нравственности*** (15 мая // РИА «Новости», 15.05.2006).

Больная нравственность — ложная, она включает в свою сферу *неискреннюю, показ-*

ную, демонстрируемую, фальшивую и т. п. нравственность:

А неудачники очень часто пытаются компенсировать жизненные провалы показной нравственностью (Ольга Бакушинская. Никто не знает про секс // Известия, 12.09.2006).

Это лживая нравственность, которая отталкивает молодых людей (Дмитрий Стешин. Заграница нам поможет. Не рожать // Комсомольская правда, 11.01.2006).

Уж слишком много в ней по сравнению со знаменитым романом Александра Дюма откровенной белиберды и фальшивой нравственности, призванных потрафить вкусам современного американского зрителя... (Дмитрий Воскобойников. Эссе об усах // Комсомольская правда, 31.10.2011).

Сочетаемость лексемы нравственность с глаголами

Если нравственность метафорически через определения (*больная, здоровая*) осмысливается как живое существо, то логично предположить, что она может быть представлена как субъект действия. И действительно, запрос в поиске НКРЯ $N_1 + V$ (где N_1 — существительное *нравственность* в Им. п.) дает ряд примеров (хотя и очень малочисленных) сочетания с глаголами, называющими действия живых существ: она может *говорить, уберечь, уходить, погибнуть, зародиться и замирать, отсутствовать*:

«Это какое-то издевательство, бесчувственность и бессовестность», — заявил священнослужитель каналу «Царьград», добавив, что нравственность говорит о «большого молчания при большом страдании» («Питаются прахом»: священник осудил журналистов из-за Заворотнюк // Московский комсомолец, 28.09.2019).

Нравственность зарождается с детства, мы боремся против того, чтобы люди со злыми интересами помешали детям получить базовые основы этого мира (Беседовала Анастасия Чеповская. «Привыкайте, это Россия, это хардкор» // lenta.ru, 15.03.2016).

И в подобных случаях, как представляется, говорящий понимает нравственность как синоним совести, т. е. внутреннее духовное качество человека.

Но гораздо чаще, даже в случае занимаемой позиции подлежащего, *нравственность* выступает в качестве объекта в пассивной конструкции:

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классово-борьбы пролетариата (Андрей Зубов. Андрей Зубов: Дух Октября. Мы так и не смог-

ли избавиться от него себя и страну — даже за сто лет, прошедших после большевицкого переворота // Новая газета, 18.12.2017).

В метро тебе испачкают ноги, к тому же твоя нравственность будет травмирована окружающими: вот этот гастарбайтер, а этот выпил (Евгений Арсюхин. Миссия интеллигенции: изгадить себе жизнь, а потом ныть белугой // Комсомольская правда, 23.02.2014).

Более типичной и частотной становится синтаксическая конструкция, где данная лексема используется в качестве объекта воздействия. Можно *укрепить нравственность, разрушить нравственность, формировать нравственность, насадить нравственность, защищать нравственность, бдить нравственность* и под.

Запрос (S) + Pr + O *воздейств.* дал 113 примеров.

Частотность 1995 г. — 0,6,

2020 г. — 0,08.

Он предложил повысить медиаграмотность детей и формировать позитивный контент — выпускать детские СМИ и создавать познавательные сайты для детей, которые воспитывают нравственность, формируют позитивное восприятие мира. (Организаторов «групп смерти» остановит только тюремный срок // Парламентская газета, 2017.04.17).

Разумеется, есть общества, которые пытаются контролировать нравственность их членов — но тогда грех оказывается сладким запретным плодом, а повсеместное фарисейство приводит к тому, что мыслящих людей тошнит от слов «традиция», «нравственность» и «благочестие» (Ребенок — человек со своим свободным выбором. Этот выбор нельзя запретить. Но всегда можно разговаривать. Всегда можно убеждать // Новая газета, 28.04.2017).

Обсуждение законопроекта прошло в дискуссиях: парламентарии пытались решить, стоит ли ради нового метода воспитания у россиян чувства самоуважения менять сложившиеся традиции и культурные устои. А также пытаться регулировать нравственность законом (Должны ли учителя обращаться к школьникам на «вы» // Парламентская газета, 2015.10.08).

В большинстве из примеров этой группы демонстрируется понимание нравственности как свода правил, которые можно *регулировать, устанавливать, контролировать, укреплять* и которым должен соответствовать человек, а значит, его можно *научить, заставить, убедить* выполнять эти правила.

ВЫВОДЫ

Тенденция к снижению частотности употребления анализируемого слова в средствах массовой информации в целом подтверждает общую тенденцию. Причин можно, предположительно, назвать несколько:

- проблема нравственности становится далеко не приоритетной на фоне других проблем;
- «туманное» представление о том, что следует понимать под нравственностью, приводит к размыванию и опустошению лексического значения слова, хотя, вероятно, можно говорить и о развитии его многозначности;
- использование в СМИ коллокатов *общественная нравственность* и *высокая нравственность* стали либо штампами (прилагательные утрачивают свое конкретное определительное значение), либо средством манипулирования общественным сознанием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьева, О. М. Концепт «нравственность» в современном медиaproстранстве / О. М. Афанасьева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2014. — № 12 (134). — С. 204–214. — EDN SXSQSB.
2. Бобков, А. Нравственность и религия / А. Бобков // Высшее образование в России. — 2005. — № 5. — С. 127–130. — EDN IBLGUN.
3. Воскресенская, Е. В. Использование философского понятия «нравственность» в российском гражданском праве / Е. В. Воскресенская // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 1-1. — С. 44–46. — EDN OXKPWF.
4. Гаращук, С. С. Нравственность: к вопросу об определении понятия / С. С. Гаращук // Символ науки. — 2015. — № 8. — С. 142–144. — EDN UGBDEF.
5. Гриценко, О. А. Духовность и нравственность русской литературы как средство воспитания школьников / О. А. Гриценко // Форум. — 2015. — № 2 (5). — С. 20–24. — EDN RUEKKS.
6. Иванченко, Е. А. К вопросу о категории «общественная нравственность» как объекте правовой защиты / Е. А. Иванченко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2021. — № 2 (51). — С. 90–93. — EDN LQITRX.
7. Ник, Ж. Концепт «нравственность» в русской лингвокультуре глазами француза / Ж. Ник // Linguistica Juvenis. — 2023. — № 25. — С. 158–167. — EDN CTEONZ.
8. Овинова, Л. Н. Нравственность как педагогическое понятие / Л. Н. Овинова // Вестник ЮУрГУ. — 2006. — № 16. — С. 18–21. — EDN KZHQLP.
9. Осин, В. Н. Мораль, нравственность в современном философско-правовом аспекте / В. Н. Осин // Философия права. — 2022. — № 3 (102). — С. 38–44. — EDN GARTJU.
10. Потенция, А. А. Полное собрание трудов. Мысль и язык / А. А. Потенция; подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева; комментарии Ю. С. Рассказова. — Москва: Лабиринт, 1999. — 300 с.
11. Сигида, Л. И. Власть и нравственность в «Борисе Годунове» Пушкина и «Истории государства Российского» Карамзина / Л. И. Сигида // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2010. — № 3. — С. 48–52. — EDN MTXYQP.
12. Стукало, О. А. Репрезентация концепта «нравственность» в русских поговорках, пословицах и фразеологизмах / О. А. Стукало // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. — 2012. — № 2. — С. 59–61. — EDN PEMLQL.
13. Чагинская, Е. А. Совесть, мораль, нравственность по-русски и по-испански: взгляд лингвиста на «общечеловеческие ценности» / Е. А. Чагинская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2008. — № 2 (2). — С. 141–150. — EDN LNNGZU.
14. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. — Москва: Наука, 1973. — 279 с.
15. Энеева, Л. А. Культура, нравственность, литература / Л. А. Энеева // Русская словесность. — 2007. — № 4. — С. 65–69. — EDN IAJPBB.
16. Юрчёнкова, Н. Г. Концепты «честь» и «нравственность» в культурных практиках современного общества / Н. Г. Юрчёнкова // Центр и периферия. — 2020. — № 3. — С. 12–16. — EDN MNVQHM.

REFERENCES

1. Afanas'eva, O. M. (2014) Koncept "nравstvennost'" v sovremennom mediaprostranstve = The concept of "morality" in the modern media space. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 12(134), 204–214. EDN SXSQSB.
2. Bobkov, A. (2005) Nравstvennost' i religiya = Morality and religion. *Higher Education in Russia*, 5, 127–130. EDN IBLGUN.
3. Voskresenskaya, E. V. (2009). Ispol'zovanie filosofskogo ponyatiya «nравstvennost'» v Rossijskom grazhdanskom prave = The use of the philosophical concept of "morality" in Russian civil law. *Almanac of Modern Science and Education*, 1-1, 44–46. EDN OXKPWF.
4. Garashchuk, S. S. (2015). Nравstvennost': k voprosu ob opredelenii ponyatiya = Morality: on the issue of defining the concept. *Symbol of Science*, 8, 142–144. EDN UGBDEF.
5. Gricenko O.A. (2015) Duhovnost' i nравstvennost' russkoj literatury kak sredstvo vospitaniya shkol'nikov [Spirituality and morality of Russian literature as a means of educating schoolchildren] In: Forum. № 2 (5). P. 20-24. (In Russ.)
6. Ivanchenko E. A. (2021) K voprosu o kategorii «obshchestvennaya nравstvennost'» kak ob'ekte pravovoj zashchity [On the issue of the category "public morality" as an object of legal protection]. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2(51), 90–93. EDN LQITRX.
7. Nik, Zh. (2023) Koncept «nравstvennost'» v russkoj lingvo-kulture glazami francuza = The concept of "morality" in Russian linguistic culture through the eyes of a Frenchman. *Linguistica Juvenis*, 25, 158-167. EDN CTEONZ.
8. Ovinova, L. N. (2006). Nравstvennost' kak pedagogicheskoe ponyatie = Morality as a pedagogical concept. *Bulletin of SUSU*, 16, 18–21. EDN KZHQLP.
9. Osin, V. N. (2022) Moral', nравstvennost' v sovremennom filosofsko-pravovom aspekte = Morality, ethics in the modern philosophical and legal aspect. *Philosophy of Law*, 3(102), 38–44. EDN GARTJU.
10. Potebnya, A. A. (1999). Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk = Complete Works: Thought and Language (Text preparation by Yu. S. Rasskazov and O. A. Sychev; comments by Yu. S. Rasskazov). Moscow: Labirint, 300 p.
11. Sigida, L. I. (2010). Vlast' i nравstvennost' v «Borise Godunove» Pushkina i «Istorii gosudarstva Rossijskogo» Karamzina = Power and Morality in Pushkin's Boris Godunov and Karamzin's History of the Russian State. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 3, 48–52. EDN MTXYQP.
12. Stukalo, O. A. (2012). Reprеzentaciya koncepta «nравstvennost'» v russkikh pogovorkah, poslovicah i frazeologizmah = Representation of the concept of "morality" in Russian proverbs, sayings and phraseological units. *Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*, 2, 59–61. EDN PEMLQL.
13. Chaginskaya, E. A. (2008). Sovest', moral', nравstvennost' po-russki i po-ispanski: vzglyad lingvистa na «obshchechelovecheskie cennosti» = Conscience, Morality, Ethics in Russian and Spanish: A Linguist's View of "Universal Values". *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2(2), 141–150.
14. Shmelev, D. N. (1973). Problemy semanticheskogo analiza leksiki. = Problems of semantic analysis of vocabulary. Moscow: Nauka, 279 p.
15. Eneeva, L. A. (2007). Kul'tura, nравstvennost', literature = Culture, morality, literature. *Russian Literature*, 4, 65–69. EDN IAJPBB.
16. Yurchyonkova, N.G. (2020). Koncepty «chest'» i «nравstvennost'» v kul'turnyh praktikah sovremennogo obshchestva = The concepts of "honor" and "morality" in the cultural practices of modern society. *Center and Periphery*, 3, 12–16. EDN MNVQHM.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).

Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.133.1'42+81/27+808.51

ББК Ш147.11-51+Ш147.11-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Яна Владимировна Борушкова^{1✉}, Наталья Анатольевна Сидорова^{2✉}

^{1,2} Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

¹ borushkova.ya@yandex.ru✉, SPIN-код: 7254-1117

² natuzz@rambler.ru✉, SPIN-код: 6303-3292

Основы политкорректности в современной ораторской речи политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию политкорректности как ключевого элемента современной ораторской речи политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки. Предметом анализа выступают лексические и дискурсивные механизмы реализации политкорректности в публичных выступлениях африканских политиков, цель работы состоит в выявлении специфики политкорректной риторики, формирующейся под влиянием африканских устных практик. Эмпирической базой исследования послужил корпус из 48 публичных речей и интервью (около 32 тыс. слов), произнесенных в 2020–2025 гг. Методологию исследования составляют критический дискурс-анализ, контекстуальный анализ, семантико-прагматическая интерпретация и качественный отбор репрезентативных фрагментов.

В результате установлено, что политкорректность в западноафриканском политическом дискурсе приобретает преимущественно интегративную функцию, направленную на поддержание социального согласия, управление этноконфессиональным многообразием и предотвращение стигматизации уязвимых групп. На лексическом уровне это проявляется в доминировании инклюзивных номинаций, абстрактных обозначений конфликтующих сторон, эфемистических замен и стратегий позитивного ценностного фреймирования. Африканская политическая риторика сочетает универсальные формулы политкорректного смягчения с традиционными африканскими жанровыми моделями, такими как афористичность, апелляции к коллективной памяти и нравственным ценностям. Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях политического дискурса, межкультурной коммуникации, прикладной лингвистики и при подготовке курсов по риторике и политической коммуникации. В заключение подчеркивается, что политкорректность в речевой практике западноафриканских лидеров выступает не только языковым явлением, но и важным социальным инструментом, обеспечивающим баланс между культурным многообразием и политической стабильностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политкорректность, политическая корректность, политические деятели, политическая риторика, политические речи, публичные речи, речевые жанры, речевая деятельность, ораторская речь, африканские политики, эфемия, франкоязычные страны, лексические механизмы, дискурсивные механизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Борушкова Яна Владимировна, адъюнкт кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: borushkova.ya@yandex.ru.

Сидорова Наталья Анатольевна, профессор кафедры английского языка (второго), доктор филологических наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: natuzz@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борушкова, Я. В. Основы политкорректности в современной ораторской речи политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки / Я. В. Борушкова, Н. А. Сидорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 51-60.

Yana V. Borushkova^{1✉}, Natal'ya A. Sidorova^{2✉}

^{1,2} Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

¹ borushkova.ya@yandex.ru✉, SPIN code: 7254-1117

² natuzz@rambler.ru✉, SPIN code: 6303-3292

Basic Principles of Political Correctness in Contemporary Public Speech of Political Leaders of Francophone West Africa

ABSTRACT. The article explores political correctness as a key component of contemporary public speech of political leaders of Francophone West Africa. The study focuses on the lexical and discursive mechanisms of political correctness realization in public speeches delivered by African politicians. The research aim is to identify the specific features of politi-

cally correct rhetoric formed under the influence of African public speech traditions. The empirical base of the study comprises a corpus of 48 public speeches and interviews (approximately 32,000 words) made between 2020 and 2025. The research methods include critical discourse analysis, contextual analysis, semantico-pragmatic interpretation, and qualitative selection of representative fragments.

The analysis demonstrates that political correctness in West African political discourse performs primarily an integrative function aimed at maintaining social cohesion, managing ethno-confessional diversity, and preventing stigmatization of vulnerable groups. At the lexical level, this is reflected in the prevalence of inclusive nominations, abstract designations of conflicting parties, euphemistic substitutions, and strategies of positive value framing. African political rhetoric combines universal patterns of politically correct mitigation with traditional African rhetorical models such as aphoristic expression, appeals to collective memory, and moral values. The research results can be employed to study political discourse, intercultural communication, applied linguistics, and to design courses in rhetoric and political communication. The conclusion emphasizes that political correctness in the public speech practices of West African leaders functions not only as a linguistic phenomenon, but also as an important social instrument ensuring a balance between cultural diversity and political stability.

KEYWORDS: *political discourse, political correctness, politicians, political rhetoric, political speeches, speech genres, speech, public speech, African politicians, euphemy; Francophone countries, lexical mechanisms, discursive mechanisms.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Borushkova Yana Vladimirovna, Post-Graduate Student of Department of French Language, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.*

Sidorova Natal'ya Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of English as a Second Language, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Borushkova Ya. V., Sidorova N. A. (2026). Basic Principles of Political Correctness in Contemporary Public Speech of Political Leaders of Francophone West Africa. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 51-60. (In Russ.).*

Явление политической корректности все чаще становится объектом лингвистических исследований, оказывая существенное влияние на нормы публичного общения и на формирование стратегий речевого поведения в политическом дискурсе. В лингвистике и лингвокультурологии политкорректность рассматривается как сложный и многоаспектный феномен, расположенный на пересечении идеологических установок, социальных норм и языковой практики. Она выступает одновременно как элемент политической культуры, как инструмент речевого воздействия на адресата и как особый способ организации высказывания, направленный на предотвращение дискриминации, смягчение потенциально конфликтных тем и поддержание коммуникативного баланса в обществе.

Политическая корректность в современном гуманитарном знании описывается как совокупность речевых и поведенческих норм, направленных на предотвращение форм дискриминации в публичном пространстве. В толковом словаре «*Le Petit Robert de la langue française*» политическая корректность определяется как «дискурс или поведение, исключающие все, что могло бы социально ущемлять какую-либо группу меньшинства»¹. Возникновение этого феномена обычно связывают с социально-политическими процессами конца 1970-х годов,

когда в Соединенных Штатах активизировались движения, направленные на расширение прав и возможностей различных меньшинств. Первоначально политкорректность формировалась в контексте борьбы за равноправие афроамериканцев и женщин, а затем распространилась и за пределы США. В своей основе она опирается на признание ценности культурного многообразия, уважение к меньшинствам и стремление обеспечить их символическую и социальную защиту.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, возрастанием роли политкорректности в регулировании публичного политического дискурса, а с другой — недостаточной изученностью механизмов ее реализации в ораторской речи политиков франкоязычных стран Западной Африки. **Объектом** исследования является ораторская речь политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки, **предмет** исследования состоит в выявлении лексических и дискурсивных способов реализации политкорректности в публичных выступлениях политических деятелей. **Цель** работы заключается в том, чтобы описать основные механизмы политкорректного речевого поведения африканских франкоязычных политиков и определить их специфику по сравнению с общеевропейской традицией.

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений политиче-

¹ Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Édition 2015. Paris : Le Robert, 2015. 2838 p.

ских деятелей франкоязычных стран Западной Африки (Буркина-Фасо, Гвинея, Сенегал и др.), произнесенных в период с 2020 по 2025 г. и представленных в официальных стенограммах, публикациях национальных СМИ и видеозаписях выступлений. Общий объем корпуса составил 48 речей (около 32 тыс. слов). Анализ проводился в русле критического дискурс-анализа и политической лингвистики с опорой на методы контекст-анализа, семантико-прагматической интерпретации и качественной выборки репрезентативных примеров.

Явление политкорректности неразрывно связано с понятием политического дискурса, поскольку именно в политической коммуникации наиболее отчетливо проявляется зависимость речевых практик от социальных норм, идеологических установок и стратегий воздействия на адресата. Говоря о дискурсе в целом, Т. А. ван Дейк, один из ведущих теоретиков современного дискурс-анализа, подчеркивает, что связность дискурса проявляется не только на локальном уровне, но и на уровне общей смысловой организации текста. Подход Т. А. ван Дейка позволяет рассматривать политический дискурс как многоуровневую структуру, где единичные высказывания включены в более широкие смысловые построения. Для понимания политкорректной риторики важно, что макро-семантическая организация дискурса формируется не только логикой текста, но и фоновыми знаниями аудитории, социальными нормами и когнитивными моделями, через которые воспринимаются и интерпретируются политические события. Таким образом, речевые стратегии политика опираются на устойчивые социокультурные ожидания, определяющие, какие темы и какие способы их выражения считаются приемлемыми [van Dijk 1995: 282].

Переходя непосредственно к характеристике политического дискурса, необходимо выделить подход А. П. Чудинова, где он акцентирует внимание на прагматической направленности политического дискурса, рассматривая его как деятельность, ориентированную на формирование определенного общественного мнения и стимулирование социальных действий [Чудинов 2006: 6]. Исходя из этой трактовки, политическая риторика представляет собой не только передачу информации, но и создание интерпретационной рамки, в которой политическое событие получает определенную оценку и смысл. В этом контексте язык становится инструментом управления общественными настроениями и важнейшим ресурсом воздействия на адресата.

Как показывают европейские исследователи, взаимосвязь между языком, нормами и идеологическими механизмами отражается не только в речевой практике, но и в самой научной деятельности. Ж.-Л. Шис подчеркивает, что лингвистика никогда не существует вне политического контекста: «Бывает, что лингвистическое знание приходит на службу политике; что политическая идеология самого лингвиста влияет на его работу; или что разработанная им теория языка оказывает влияние на его политическую позицию или политическую деятельность» [Chiss 2011: 3]. Это наблюдение особенно важно для анализа политкорректности, поскольку интерпретация языковых норм в политическом дискурсе неизбежно сопряжена с осмыслением ценностей, социальных ожиданий и идеологических позиций как участников коммуникации, так и исследователя.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет ораторская речь политических деятелей как специфическая форма институционального дискурса. Под ораторской речью мы понимаем публичное монологическое высказывание, адресованное широкой аудитории, создаваемое в условиях официальной или полуофициальной коммуникации и ориентированное на персуазивное воздействие.

Важно также обратить внимание на специфику самой ораторской деятельности. В соответствии с классическим определением, предложенным А. А. Кохтевым, ораторская речь представляет собой «эффективное выражение мысли определенного содержания перед относительно компетентной аудиторией, имеющей сравнительно высокий уровень речевой культуры» [Кохтев 1992: 9–10]. В современных условиях политической коммуникации данная характеристика получает дополнительное измерение: сегодня ораторская речь является не только формой общения с подготовленной аудиторией, но прежде всего средством коммуникации с народом, требующим от политика умения донести мысль до широких масс, опираясь на разнообразные стратегии и тактики речевого воздействия.

Понимание природы политической речи также требует обращения к риторической традиции. Как подчеркивает Рут Амосси, опираясь на аристотелевскую триаду: «*ethos*», «*logos*» и «*pathos*»: «...самопрезентация оратора осуществляется через высказывание, которое формулируется в стремлении достичь согласия аудитории с его позицией <...> и реализуется через совокупность вербальных стратегий, где элементы этоса, логоса и пафоса тесно переплетены между собой» [Séverine 2011: 10].

Таким образом, современная политическая ораторская речь представляет собой сложный синтез интеллектуального, эмоционального и этического воздействия, направленный не только на рациональное убеждение, но и на формирование доверия, укрепление авторитета говорящего и создание желаемой интерпретации политической реальности. В условиях активного медийного сопровождения политики и высокой социальной чувствительности публичных тем именно сочетание аргументативной логики, эмоциональных апелляций и выстроенного речевого образа позволяет политикам эффективно взаимодействовать с различными группами населения.

В этом контексте политическая корректность выступает одним из ключевых параметров современной ораторской речи. Для публичного выступления политика недостаточно логической структурированности и эмоциональной выразительности: оно должно соответствовать действующим в обществе нормам речевой приемлемости. Политкорректное высказывание представляет собой не только отражение определенных идеологических установок, но и результат сложной адаптации риторических стратегий к ожиданиям многообразной аудитории, включающей представителей разных социальных, этнических, профессиональных и гендерных групп.

Учитывая тесную взаимосвязь политической риторики и социальных процессов, важно исследовать политкорректность в рамках комплексного подхода, принимающего во внимание как речевые, так и социокультурные факторы. При этом необходимо различать собственно лингвистические стратегии смягчения (эвфемизмы, нейтральные номинации) и глубинные социальные процессы, которые не могут быть изменены исключительно средствами речевого регулирования. Некоторые ученые рассматривают политический эвфемизм как дискурсивную тактику уклонения от правды, позволяющую частично скрывать или искажать социальную реальность за счет модификации ее вербального представления [Mironina, Porchesku 2023]. В этом контексте показательна также оценка французского

лингвиста Л.-Ж. Кальве: «То, что принято называть политкорректным дискурсом, пытаются заставить нас поверить в то, что мир можно изменить, изменив его наименования» (Calvet 2016)¹. При этом важно учитывать, что феномен политкорректности остается предметом широких и зачастую полемичных научных обсуждений. Представители различных исследовательских направлений дают ему неоднозначные трактовки: так, А. Конт-Спонвиль рассматривает политкорректность прежде всего как форму дискурсивного давления, способную маскировать реальные социальные противоречия [Comte-Sponville 2016], тогда как Д. Ван дер Гюхт, напротив, подчеркивает ее роль в снижении символического насилия и поддержании общественного согласия². Такое расхождение интерпретаций демонстрирует, что анализ политкорректности требует учета как критических, так и нормативно-прагматических подходов.

В широком смысле политическая корректность представляет собой совокупность речевых, поведенческих и нормативных установок, направленных на недопущение выражений, способных породить социальную, этническую, гендерную, конфессиональную или иную дискриминацию. В лингвистическом аспекте политкорректность выступает как регулирующий механизм выбора языковых средств, обеспечивающий смягчение конфликтного потенциала высказывания, устранение негативно маркированных номинаций и поддержание коммуникации в рамках социально и этически приемлемых норм. Как отмечает Е. В. Шляхтина, использование политкорректных обозначений связано с действием социальных норм, регулирующих публичное выражение мнений. Нарушение этих норм приводит к негативной социальной реакции, что формирует механизм контроля и самоконтроля в сфере речевой деятельности. Таким образом, политкорректность функционирует как система цензурирующих ограничений, направленная на поддержание этически приемлемого уровня публичной коммуникации³.

Продолжая идею Е. В. Шляхтиной о «жестком социальном контроле речевой ситуации», иными словами, о системе речевых

¹ Calvet, L.-J. Entretien avec Louis-Jean Calvet Entretiens, Le Coin des Assimilistes / L.-J. Calvet. — Éditions Assimil. — 16.06.2016. — URL: <https://blog.assimil.com/entretien-avec-louis-jean-calvet/> (date of access: 16.11.2025).

² Vander Gucht, D. Impertinence et autocensure : Le politiquement correct comme antidote aux idées reçues / D. Vander Gucht // La Chronique de la LDH. — 2013. — N. 155. — 12 p. — Bruxelles. — URL: https://www.liguedh.be/wp-content/uploads/2017/12/bonus_chronique_155_politiquement_correct.pdf (date of access: 15.11.2025).

³ Шляхтина, Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Шляхтина. — Ярославль, 2009. — 24 с.

ограничений, действующих в обществе, следует обратить внимание на один из ключевых механизмов таких ограничений — табу. Категория табу играет ключевую роль в формировании политкорректной риторики. Коммуникативные запреты могут иметь различную природу: от жестких ограничений, связанных с социальной неприемлемостью определенной лексики, до ситуационных запретов, обусловленных эмоциональным состоянием участников общения. В политическом дискурсе особое значение приобретают конвенциональные табу, запрещающие использование выражений, которые могут быть интерпретированы как дискриминирующие или стигматизирующие. Эти нормы задают границы допустимого высказывания и направляют выбор речевых стратегий [Карасик 2002: 57].

В политическом дискурсе политкорректность выполняет не только регулирующую и этико-коммуникативную роль, но и приобретает особую воздействующую функцию, направленную на формирование желаемого образа политика в глазах адресата. Поскольку адресатом политического общения выступает широкий круг реципиентов (в первую очередь потенциальный электорат), политкорректное высказывание становится инструментом управления восприятием, смягчения негативных ассоциаций, поддержания доверия и демонстрации уважения ко всем социальным группам. Именно благодаря политкорректности политик может избегать прямых и потенциально конфликтных формулировок, выстраивая стратегию убеждения в рамках социально приемлемых норм. В этой связи политкорректность оказывается не только нормативным ограничением, но и средством персуазивного воздействия, позволяющим говорить о социально чувствительных темах без утраты позитивного имиджа и без риска отчуждения части аудитории.

Ораторская речь политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки формируется на пересечении нескольких дискурсивных традиций. С одной стороны, она опирается на европейский, прежде всего французский, образец институциональной политической риторики, связанный с нормами публичного выступления, парламентских дебатов и политической коммуникации в условиях медийного пространства. С другой стороны, на нее существенно влияет африканская устная традиция, в которой особое место занимает слово старейшин, религиозных авторитетов (марабутов) и профессиональных певцов-сказителей (гриотов) и т. д. Для этой традиции характерны обращение к

пословицам и притчам, использование параболических сюжетов, апелляция к коллективной памяти, ориентация на идеалы социальной гармонии и общинной солидарности, а также дидактические формулы построения речи. Например, экс-президент Кот-д'Ивуара Лоран Гбагбо часто строит свою речь в форме наставлений, что характерно для африканских политиков, стремящихся ассоциировать себя с традиционно авторитетным старейшиной или духовным лидером племени (особенно это характерно для таких государств, как Того и Бенин, в меньшей степени Кот-д'Ивуар, где значительное место среди населения занимают традиционные африканские религии): *«Il faut avoir foi en ce qu'on fait»* — «Нужно верить в то, что делаешь». *«Celui qui veut être riche, il ne faut pas qu'il vienne faire la politique»* — «Кто хочет быть богатым, пусть не идет в политику» (Le président Laurent Gbagbo prodigue des sages conseils. 08.06.2020). В этих высказываниях прослеживаются элементы политкорректной смягченности и эвфемизации, поскольку оратор прибегает к универсальным нравственным максимам и нейтральным формулам морального наставления, что позволяет сохранять уважительный тон и снижает потенциальную конфликтность высказывания, маскируя политическое содержание под афористическую мудрость.

В многонациональных и социально неоднородных обществах франкоязычных стран Западной Африки эта функция политкорректности приобретает особую значимость. Здесь она становится механизмом лингвистического выравнивания, позволяющим политикам учитывать культурную специфику различных этнических, религиозных и социальных групп, минимизировать конфликтный потенциал высказываний и создавать ощущение инклюзивности и единства. Политкорректность в ораторской речи африканских политиков выступает не только нормой уважительного общения, но и стратегическим инструментом коммуникации, направленным на поддержание социального баланса и формирование образа лидера, который способен представлять интересы всего социального корпуса, а не отдельных его групп. Именно в этом контексте политкорректность реализует свои функции наиболее ярко, влияя на структуру высказывания, на использование эвфемистических средств и на выбор риторических приемов, которые оказывают воздействие на широкую аудиторию.

Особую роль в структуре политкорректного высказывания играет эвфемия. Эвфемизмы заменяют прямые номинации в сфере социальных отношений, выступая сред-

ством снижения социальной напряженности [Сеничкина 2008: 3]. В исследовании Н. В. Кузнецовой и Т. П. Карпухиной подчеркивается, что политкорректные термины во многих случаях строятся именно по принципу эвфемии, а «политкорректный эвфемизм» представляет собой разновидность не прямой коммуникации, ориентированной на смягчение восприятия ситуации посредством замены прямой номинации косвенной. При этом политкорректность часто «основывается на эвфемизации»: замена прямого наименования косвенным сопровождается семантическим переосмыслением, а также наложением различных словообразовательных и дискурсивных процессов. В таком понимании эвфемия перестает быть лишь стилистическим приемом смягчения; она становится центральным механизмом, через который реализуется ценностная и нормативная составляющая политкорректности [Кузнецова 2014: 77].

С учетом уже изложенных подходов к политической корректности в отечественной и европейской традиции, представляется важным обратиться к франкоязычным исследованиям, в которых феномен рассматривается именно как объект лингвистического анализа. Такой подход позволяет охарактеризовать политкорректность через конкретные языковые механизмы, такие как табуизация, эвфемизация, регуляция номинации, — а не через бинарную оппозицию «за» и «против», регулярно встречающуюся в научных дискуссиях по данной тематике в среде французских философов и социологов.

Так, Эммануэль Прак-Деренгтон, Доминик Диас и Мари-Лор Дюран предлагают уйти от привычной для публичного дискурса дихотомии «за» / «против» политкорректности и анализировать ее как совокупность речевых механизмов, связанных с табуизацией и эвфемизацией. Авторы также отмечают, что отличие современных дискуссий на тему политкорректности «заключается не в самой диалектике номинации (механизмы цензуры и самоцензуры существовали всегда), а в радикальном характере постановки вопроса. Запреты, которые ранее могли быть лишь внутренне усвоенными, в XXI веке становятся поводом для санкций, а слова, признанные „некорректными“, используются в вырванном из контекста виде для осужде-

ния тех, кто их произнес» [Dias, Durand, Prak-Derrington, 2021: 5].

Если исследователи Прак-Деренгтон, Диас и Дюран акцентируют внимание на динамике табу и механизмах двойственной природы политкорректных практик, то Патрисия фон Мюнхов расширяет этот подход в направлении общей теории дискурсивного регулирования. В ее работах политическая корректность не сводится к идеологическому явлению или к спору вокруг «правильных» или «неправильных» слов. Напротив, она вписана в структуру «дискурсивной культуры» («*culture discursive*»), которая является частью иерархизированной системы социальных представлений, определяющей, что можно / должно / нельзя / не следует говорить в данном сообществе об определенном социальном объекте и каким образом делать это. В этом контексте политкорректность выступает лишь одним из уровней дискурсивного контроля, направленного на предотвращение дискриминации, а также на смягчение формулировок в процессе дискуссий на чувствительные темы [Münchow 2021: 13–14].

Таким образом, политкорректность следует рассматривать не как исключительную идеологическую практику, а как элемент более общего механизма регулирования речевого поведения. Это позволяет сместить акцент в восприятии термина, избавляя его от излишне негативной коннотации, и продемонстрировать, что многие явления, воспринимаемые как политкорректные, в действительности представляют собой обычные процессы адаптации дискурсивных норм к изменяющимся социальным условиям.

В исследованиях французского лингвиста Алис Криг-Планк, помимо глубокого анализа семантики и прагматики самого понятия «политическая корректность», уделяется также особое внимание идее о том, что рассматриваемый термин используется в двух относительно различных значениях: во-первых, для обозначения согласованных, эвфемизирующих способов говорить (которые, как предполагается, циркулируют в широких массах, подверженных «духу времени»), во-вторых, с целью критики систематического использования языка в идеологическом ключе (которое предполагается характерным для строго определенной, организованной группы)¹. Такой подход позволяет увидеть политкорректность не как автоном-

¹ Krieg-Planque, A. Politiquement correct / Publicationnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics. Mis en ligne le 10 décembre 2021, Lyon : 2021. — P. 9. — URL: [https://www.academia.edu/70220977/Politiquement_Correct_notice_Publicationnaire_Dictionnaire_encyclop%C3%A9dique_et_critique_des_publics_2021_\(date_of_access:_15.11.2025\)](https://www.academia.edu/70220977/Politiquement_Correct_notice_Publicationnaire_Dictionnaire_encyclop%C3%A9dique_et_critique_des_publics_2021_(date_of_access:_15.11.2025)).

ное явление, а как одно из проявлений соперничества за интерпретацию реальности, за право определять допустимые и легитимные способы ее номинации. В дальнейшем анализе африканского политического дискурса эта перспектива оказывается особенно продуктивной, поскольку позволяет рассматривать политкорректность как ресурс формирования общественного согласия, управления культурным многообразием и стратегического конструирования образа политического лидера.

В контексте франкоязычных стран Западной Африки политкорректность в ораторской речи находит наиболее выраженное воплощение на лексическом уровне. Политический дискурс рассматриваемых нами государств формируется на пересечении французской институциональной риторики и местных устных традиций, вследствие чего для африканских политиков важно уметь удерживать равновесие между необходимостью прямо обозначать травматические темы (межэтнические распри, религиозный радикализм, низкий уровень жизни) и стремлением не допустить стигматизации конкретных групп. Это находит выражение в устойчивом предпочтении инклюзивных номинаций («*tous les Burkinabè*» — все буркинийцы, «*les filles et fils de notre pays*» — дочери и сыновья нашей страны, «*toutes les composantes de la Nation*» — все составляющие нашей Нации), абстрактных обозначений конфликтующих сторон («*communautés*» — сообщества/общины, «*groupes armés*» — вооруженные группировки, «*domination étrangère*» — иностранное господство) и позитивных формул, подчеркивающих ценность многообразия («*notre modèle de vivre-ensemble*» — наша модель сосуществования, «*cohésion sociale*» — социальная сплоченность, «*notre armée nationale, créée au lendemain de l'indépendance*» — наша национальная армия, созданная сразу после обретения независимости).

Показательным в этом отношении является программное выступление президента Буркина-Фасо Роша Марка Кристиана Каборе. Описывая задачу национального примирения, он подчеркивает необходимость коллективного участия и апеллирует к идее «совместной жизни» как нормативному идеалу:

«La réconciliation nationale que j'appelle de tous mes vœux doit aller au-delà des questions conjoncturelles pour nous permettre de définir ensemble les bases d'une société burkinabè fondée sur les valeurs cardinales du travail, de la probité, de la dignité et de la défense de l'intérêt national que nous léguerons à la postérité. Ce

pacte social doit être une œuvre mobilisatrice et fédératrice de tous les Burkinabè autour des changements de mentalités, de comportements et d'idées nécessaires pour la défense et la consolidation de l'État-Nation, de l'État de droit démocratique et de notre modèle de vivre-ensemble» (Recueil de discours du président du Faso 2020. 31.12.2020, p. 13). — «*Национальное примирение, к которому я всем сердцем призываю, должно выйти за рамки конъюнктурных вопросов и позволить нам совместно определить основы буркинийского общества, основанного на главных ценностях труда, честности, достоинства и защиты национальных интересов, которые мы передадим потомкам. Этот социальный пакт должен стать мобилизующей и объединяющей всех буркинийцев работой по изменению менталитетов, моделей поведения и идей, необходимых для защиты и укрепления национального государства, правового демократического государства и нашей модели сосуществования.*

В данном фрагменте обращает на себя внимание целый комплекс политкорректных лексических стратегий: отказ от конкретизации конфликтующих групп в пользу собирательного «*tous les Burkinabè*»; использование абстрактных ценностных номинаций («*valeurs cardinales*» — главные ценности, «*dignité*» — достоинство, «*intérêt national*» — национальный интерес); апелляция к «модели совместной жизни» («*notre modèle de vivre-ensemble*»), которая преподносится как общий, надэтнический и надконфессиональный ориентир. Таким образом, политик избегает прямого акцентирования расколов, выстраивая ораторскую речь вокруг общенациональной идентичности и позитивно маркированных целей.

Другой фрагмент того же выступления демонстрирует, как в условиях нарастающих этнорелигиозных напряжений политкорректность реализуется через эвфемизированное обозначение источников насилия и осуждение стигматизации целых групп: «*C'est pour quoi, nous devons nous départir de toutes les tentatives suicidaires de repli identitaire et de la stigmatisation de communautés entières, consécutives à l'action de groupes armés terroristes dans certaines localités de notre pays, parce qu'elles sont toutes attentatoires à la paix, à l'unité et à la cohésion nationale*» (Recueil de discours du président du Faso 2020. 31.12.2020, p. 13). — «*Именно поэтому мы должны отказаться от всех саморазрушительных попыток идентичностного замыкания и стигматизации целых сообществ, являющихся следствием действий вооруженных террористических групп на*

некоторых территориях нашей страны, поскольку все это подрывает мир, единство и национальную сплоченность».

Данный пример демонстрирует сразу несколько дискурсивных приемов. Во-первых, ответственность за насилие возлагается на «*groupes armés terroristes*» (вооруженные террористические группировки), то есть на абстрактного, этнически не охарактеризованного актора; при этом возможные этнические, региональные или конфессиональные маркеры намеренно опускаются. Во-вторых, вместо прямого названия уязвимых групп используется обобщенное выражение «*communautés entières*» (целых сообществ), где «*entières*» усиливает обвинительную коннотацию фразы. В-третьих, негативно оцениваемое поведение описывается через метафорическое, но политкорректное выражение «*tentatives suicidaires de repli identitaire*», которое фиксирует опасность «идентичностного замыкания», не указывая прямо на конкретные сообщества. Все это свидетельствует о стремлении затрагивать острые социальные темы в максимально нейтральных и эвфемизированных терминах.

Политкорректность в политической риторике особенно актуальна на международном уровне, когда франкоязычные африканские политики вынуждены балансировать между необходимостью избегать прямой конфронтации с западными партнерами и стремлением продвигать независимую национальную политику по снижению зависимости от них.

Такой пример демонстрирует выступление лидера переходного правительства Гвинеи Мамади Думбуя на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «*Mais j'ai envie de dire que la communauté internationale doit avoir l'honnêteté et la correction de ne pas se contenter de dénoncer les seules conséquences, mais de s'intéresser et de traiter les causes*» (Projet de discours de la délégation guinéenne au débat général de la 78ème session ordinaire de l'Assemblée générale des Nations Unies. 21.09.2023). — «Но я хотел бы сказать, что международное сообщество должно проявить честность и порядочность, не ограничиваясь лишь выявлением последствий, но также интересоваться причинами и обсуждать их».

Данный фрагмент демонстрирует характерную для политического дискурса Западной Африки стратегию политкорректного упрека, при которой говорящий критикует мировое сообщество, но делает это в форме, исключая прямую конфронтацию. Использование лексем «*honnêteté*» (честность) и «*correction*» (порядочность/корректность) позволяет Думбуя придать своему призыву нор-

мативно-этическую окраску, переводя критику из эмоциональной плоскости в плоскость морально обоснованных ожиданий.

Политкорректность в этом примере проявляется в двух аспектах:

1. Смягченная номинация адресата критики.

Вместо прямого обвинения конкретных государств или международных структур используется широкое и нейтральное обозначение «*la communauté internationale*» (международное сообщество), позволяющее избежать эскалации и сохранить дипломатический тон.

2. Эвфемистическая формулировка упрека.

Конструкция «*doit avoir l'honnêteté et la correction*» (должно проявлять честность и порядочность) фактически содержит требование признать ответственность, но выражена через позитивные качества, которые предполагается проявить. Таким образом критика в данном высказывании проявляется лишь косвенно, без прямых обвинений.

Кроме того, противопоставление «*les seules conséquences*» (лишь последствия) — «*les causes*» (причины) вписывается в риторику африканских лидеров, которые стремятся перенаправить международную повестку с обсуждения поверхностных проявлений кризисов на глубинные факторы, связанные зачастую с последствиями колониального прошлого, что представляет собой характерный элемент африканской политкорректности, проявляющейся на международном уровне.

Показательно также использование политкорректных стратегий в постколониальной риторике. Так, в Сенегале, где обсуждается переименование улиц с колониальными названиями, представители власти формулируют проблему не как конфликт с Францией, а как вопрос восстановления исторической справедливости: «*Imaginez des rues françaises portant le nom de dirigeants allemands de l'Occupation. Pourquoi Dakar devrait-elle garder les noms de colons dans ses rues?*» (Au Sénégal, les autorités veulent en finir avec les noms de rue français. 17.01.2025). — «Представьте французские улицы, носящие имена немецких руководителей периода оккупации. Почему Дакар должен сохранять имена колонизаторов на своих улицах?»

Это пример политкорректной стратегии сопоставления: вместо прямого осуждения колониального прошлого используется аналогия, позволяющая аудитории самостоятельно сделать вывод. Такой подход снижает агрессивность высказывания и придает ему рациональный и аргументативный характер.

Проведенное исследование позволило установить, что политическая корректность выступает неотъемлемым компонентом современной ораторской речи политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки, оказывая влияние как на выбор языковых средств, так и на способы построения политического высказывания в целом. На теоретическом уровне выявлено, что политкорректность формируется на пересечении социальных норм, идеологических установок и дискурсивных практик, а ее изучение требует опоры на комплексный подход, учитывающий когнитивные, культурные и прагматические факторы речевого взаимодействия. Многоаспектность данного феномена подтверждается тем, что он охватывает широкий спектр риторических механизмов: от табуизации и эвфемизации до стратегий позитивной самопрезентации, поддержания социального согласия и снижения конфликтности дискуссий.

Анализ африканского политического дискурса показал, что политкорректность в регионе приобретает специфические функции, связанные с постколониальным наследием, этноконфессиональным многообразием и высокой социальной напряженностью. В отличие от европейской традиции, где политкорректность часто рассматривается как контекстуемый идеологический маркер, в западноафриканском политическом пространстве она выполняет преимущественно интегративную роль, выступая средством поддержания национального единства, смягчения этнических и религиозных противоречий и легитимации власти через обращение к коллективным ценностям.

Африканская политическая ораторская традиция обнаруживает устойчивые лексические стратегии политкорректности: использование инклюзивных номинаций, избегание прямой этнической маркировки социальных групп, регулярное обращение к абстрактным конструкциям, подчеркивающим общенациональные ценности, и применение эвфемизмов для обозначения явлений, затрагивающих острые социальные и политические вопросы. Эти черты свидетельствуют о попытке политиков сформировать дискурс, минимизирующий поляризацию и направленный на конструирование единой политической идентичности.

Таким образом, политкорректность в ораторской речи франкоязычных политиков Западной Африки является не только лингвистическим явлением, но и важным социальным механизмом, обеспечивающим баланс между признанием культурного многообразия и поддержанием политической стабиль-

ности. Она способствует формированию дискурса, ориентированного на укрепление национального единства, предотвращение конфликтов и воспроизводство позитивного образа политического лидера.

ИСТОЧНИКИ

Recueil de discours du président du Faso 2020. — 31.12.2020. — URL: <https://www.presencedufaso.bf/recueil-de-discours-du-president-du-faso-2020/>.

Projet de discours de la délégation guinéenne au débat général de la 78ème session ordinaire de l'Assemblée générale des Nations Unies. — 21.09.2023. — URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/78/gn_fr_0.pdf.

Au Sénégal, les autorités veulent en finir avec les noms de rue français // *Le Monde Afrique*. Sénégal. — 17.01.2025. — URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/01/16/au-senegal-les-autorites-veulent-en-finir-avec-les-noms-de-rue-francais_6501627_3212.html.

Le président Laurent Gbagbo prodigue des sages conseils. — 08.06.2020. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OmxfXEHuQVs>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 331 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

2. Кохтев, Н. Н. Ораторская речь: стиль и композиция / Н. Н. Кохтев. — Москва: Изд-во МГУ, 1992. — 174 с. — ISBN 5-211-02838-4.

3. Кузнецова, Н. В. Языковые средства выражения политической корректности во французском политическом дискурсе / Н. В. Кузнецова, Т. П. Карпухина // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. — 2014. — № 13 (184). — EDN TFXGRJ.

4. Майорова, А. В. Эвфемия в политическом дискурсе / А. В. Майорова // *Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире*. — Будапешт; Киров, 2019. — С. 412–417. — EDN PFEBQX.

5. Саркисян, М. А. Лингвопрагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов и их перевод в политическом дискурсе / М. А. Саркисян. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2022. — 149 с. — ISBN 978-5-8209-2098-1. — EDN THCAXL.

6. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва: Флинта: Наука, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2. — EDN UVTHCP.

7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.

8. Шляхтина, Е. В. Политкорректность и эвфемия: характерные особенности современного существования (на материале английского языка) / Е. В. Шляхтина // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. — 2007. — № 9. — С. 285–292.

9. Chiss, J.-L. Théories du langage et politique des linguistes: présentation / J.-L. Chiss // *Langages*. — 2011. — Vol. 182, Iss. 2. — P. 3–10. — DOI 10.3917/lang.182.0003.

10. Comte-Sponville, A. L'avenir du politiquement correct / A. Comte-Sponville, D. Lecourt // *Les Carnets des Dialogues du Matin*. — Paris: Institut Diderot, 2016. — P. 9–36. — URL: <https://www.institutdiderot.fr/wp-content/uploads/2016/05/Lave-nir-du-politiquement-correct.pdf> (date of access: 14.11.2025).

11. Dias, D. Le politiquement correct: tabous, normes, transgressions / D. Dias, M.-L. Durand, E. Prak-Derrington // *ILCEA: Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie*, 42, Grenble. — 2021. — P. 3–10. — URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/11482> (date of access: 16.11.2025). — DOI 10.4000/ilcea.11482.

12. Dijk, T. A. van. Discourse semantics and ideology / T. A. van Dijk // *Discourse & Society*. — 1995. — Vol. 5, Iss. 2. — P. 243–289. — URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-1995-Discourse-semantics-and-ideology.pdf> (date of access: 15.11.2025). — DOI 10.1177/0957926595006002006. EDN JRJZMH.

13. Mironina A. Y., Porchesku G. V. Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse / A. Y. Mironina,

G. V. Porchesku // *Theoretical and Applied Linguistics*. — 2023. — Vol. 9, Iss. 2. P. 4–18. — URL: <https://rllinguistics.ru/en/journal/article/3133/> (date of access: 15.11.2025). — DOI 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1. — EDN QHNLRCR.

14. Münchow, P. von. Le politiquement correct: tabous, normes, transgressions / P. von Münchow // *ILCEA: Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie*, 42, Grenoble. — 2021. — P. 12–28. — URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/11482> (date of access: 16.11.2025).

15. Séverine, E. H. Ruth Amossy, La présentation de soi. Ethos et identité verbale / E. H. Séverine // *Semen* [En ligne]. — 2011. — 31, mis en ligne le 01 avril 2011, consulté le 30 octobre 2025. — URL: <http://journals.openedition.org/semen/9159> (date of access: 10.11.2025). — DOI <https://doi.org/10.4000/semen.9159>.

MATERIALS

Recueil de discours du président du Faso 2020 (2020, Dec. 31). Available from <https://www.presidenceufaso.bf/recueil-de-discours-du-president-du-faso-2020/>.

Projet de discours de la délégation guinéenne au débat général de la 78ème session ordinaire de l'Assemblée générale des Nations Unies (2023, Sept. 21). Available from https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/78/gn_fr_0.pdf.

Au Sénégal, les autorités veulent en finir avec les noms de rue français (2025, Jan. 17). *Le Monde Afrique. Sénégal*. Available from https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/01/16/au-senegal-les-autorites-veulent-en-finir-avec-les-noms-de-rue-francais_6501627_3212.html.

Le président Laurent Gbagbo prodigue des sages conseils (2020, Jun. 8). Available from <https://www.youtube.com/watch?v=OmxfxEHuQVs>.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. SBN 5-88234-552-2. EDN UGQAMP.

2. Kokhtev, N. N. (1992). *Oratorskaia rech': stil' i kompozitsiia* = Oratory speech: style and composition. Moscow. ISBN 5-211-02838-4.

3. Kuznetsova, N. V., Karpukhina, T. P. (2014). *Yazykovye sredstva vyrazheniia politicheskoi korrektnosti vo frantsuzskom politicheskom diskurse* = Linguistic means of expressing political correctness in French political discourse. *Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, 13(184). EDN TFXGRJ.

4. Mayorova, A. V. (2019). *Evfemiya v politicheskom diskurse* = Euphemism in Political Discourse. *Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World*, 412–417. Budapest ; Kirov. EDN PFEBQX.

5. Sarkisyan, M. A. (2022). *Lingvopragmaticheskiye osobeni*

nosti evfemizmov i disfemizmov i ikh perevod v politicheskom diskurse = Lingvopragmatic Features of Euphemisms and Dysphemisms and Their Translation in Political Discourse. Krasnodar: Prosveshcheniye-Yug, 149 p. ISBN 978-5-8209-2098-1. EDN THCAXL.

6. Senichkina, E. P. (2008). *Slovar' evfemizmov russkogo iazyka* = Dictionary of Russian euphemisms. Moscow: Flinta; Nauka. ISBN 978-5-9765-0219-2. EDN UVTHCP.

7. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* = Political linguistics. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.

8. Shlyakhtina, Ye. V. (2007). *Politkorrektnost' i evfemiya: kharakternyye osobennosti sovremennogo sushchestvovaniya (na materiale angliyskogo yazyka)* = Political Correctness and Euphemism: Characteristic Features of Modern Existence (Based on the English Language). *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 9, 285–292.

9. Chiss, J.-L. (2011). *Théories du langage et politique des linguistes: présentation*. *Langages*, 182(2), 3–10. DOI 10.3917/lang.182.0003.

10. Comte-Sponville, A., Lecourt, D. (2016). *L'avenir du politiquement correct* = The future of political correctness. *Les Carnets des Dialogues du Matin*, 9–36. Paris: Institut Diderot. Retrieved at November 14, 2025 from <https://www.institutdiderot.fr/wp-content/uploads/2016/05/Lavenir-du-politiquement-correct.pdf>.

11. Dias, D., Durand, M.-L., Prak-Derrington, E. (2021). *Le politiquement correct: tabous, normes, transgressions*. *ILCEA*, 42, 3–10. Available at Nov. 16, 2025, from <https://journals.openedition.org/ilcea/11482>. DOI 10.4000/ilcea.11482.

12. Dijk, T. A. van (1995). *Discourse semantics and ideology*. *Discourse & Society*, 5(2), 243–289. Available at Nov. 15, 2025 from <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-1995-Discourse-semantics-and-ideology.pdf>. DOI 10.1177/0957926595006002006. EDN JRJZMH.

13. Mironina, A. Yu., Porchesku, G. V. (2023). *Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse*. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9(2), 4–18. Available at Nov. 15, 2025 from <https://rllinguistics.ru/en/journal/article/3133/>. DOI 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1. EDN QHNLRCR.

14. Münchow, P. von (2021). *Le politiquement correct: tabous, normes, transgressions*. *ILCEA*, 42, 12–28. Available at Nov. 16, 2025 from <https://journals.openedition.org/ilcea/11482>.

15. Séverine, E. H. (2011). *Ruth Amossy, La présentation de soi. Ethos et identité verbale*. *Semen*, 31. Available at Oct. 30, 2025 from <http://journals.openedition.org/semen/9159>. DOI <https://doi.org/10.4000/semen.9159>.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 19.01.11; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9; 5.9.5

Татьяна Александровна Глебович¹✉, Даниил Васильевич Паньков²✉

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ tatanova11@gmail.com✉, SPIN-код: 7000-9207, <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-5965-0126>

² daniilpank916@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0000-2378-3819>

Школьный конфликт в СМИ: о типах медийной репрезентации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс репрезентации школьных конфликтных ситуаций в медиадискурсе. Анализируются практики конструирования конфликтов в рамках двух нарративов: институционального, представленного в федеральном издании, и бытового, репрезентуемого региональным порталом. В работе использованы методы структурно-тематического и критического дискурс-анализа, элементы анализа нарративной структуры для выявления закономерностей в практике конструирования конфликтных ситуаций в дискурсивном пространстве каждого СМИ. Эмпирическая база состоит из 137 материалов федерального издания «Газета.ру» и регионального портала «Е1.ру». В результате исследования выявлены пять типов репрезентации конфликта (иницирующий, усугубляющий, аналитический, медиативный, предупреждающий), фиксируется их частотное распределение по изданиям. Федеральные СМИ в основном фокусируются на институциональных решениях и нейтрализации конфликта, чаще используют предупреждающий или аналитический типы репрезентации конфликта. Указанные типы направлены на снижение остроты проблемы, на привлечение внимания к активной позиции государства. Региональный портал чаще прибегает к детализации и сенсационности, демонстрирует использование усугубляющего и инициирующего типов репрезентации конфликта, эскалирует его в публичном пространстве, инициирует эмоциональный отклик аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: педагогическая конфликтология, школьные конфликты, конфликтные ситуации, медийная репрезентация, типы репрезентации, дискурс-анализ, нарратив, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Глебович Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: tatanova11@gmail.com.

Паньков Даниил Васильевич, аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Глебович, Т. А. Школьный конфликт в СМИ: о типах медийной репрезентации / Т. А. Глебович, Д. В. Паньков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 61-69.

Tat'yana A. Glebovich¹✉, Daniil V. Pan'kov²✉

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ tatanova11@gmail.com✉, SPIN code: 7000-9207, <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-5965-0126>

² daniilpank916@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0000-2378-3819>

School Conflict in the Media: On the Types of Media Representation

ABSTRACT. This article examines representation of school conflict situations in media discourse. The authors analyze conflict construction practices within the framework of two narratives: the institutional narrative presented in federal publications and the everyday narrative posted on regional portals. The study employs the methods of structural-thematic and critical discourse analysis, as well as elements of narrative structure analysis, to identify regular patterns in the practice of constructing conflict situations in the discursive space of each media outlet. The empirical base consists of 137 materials from the federal publication *Gazeta.ru* and the regional portal *E1.ru*. The study has identified five types of conflict representation (initiating, aggravating, analytical, mediative, and preventive) and has revealed their frequency distribution across publications. Federal media primarily focus on institutional solutions and conflict neutralization, more often employing preventive or analytical types of conflict representation. These types are aimed at mitigating the severity of the problem and drawing attention to the active position of the state. The regional portal more often resorts to detail and sensationalism, demonstrates the use of aggravating and initiating types of conflict representation, escalates it in the public space, and triggers off emotional response from the audience.

KEYWORDS: pedagogical conflictology, school conflicts, conflict situations, media representation, types of representation, discourse analysis, narrative, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Glebovich Tat'yana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Periodical Press and Online Publications, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Pan'kov Daniil Vasil'evich, Post-Graduate Student, Department of Periodical Press and Online Publications, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Glebovich T. A., Pan'kov D. V. (2026). School Conflict in the Media: On the Types of Media Representation. In Political Linguistics. No 1 (115), pp. 61-69. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Общественная значимость конфликта личных интересов в замкнутом социуме школы очевидна. Каждый случай касается чувствительной социальной группы (детей), создает прецедент громкого публичного обсуждения. Совокупность историй о детских противоречиях формирует тематическую социально-коммуникативную практику школьного конфликта.

Возможности цифровых СМИ позволяют любому инфоповоду оказаться в центре внимания общества и влияют не только на последующее поведение аудитории, но и на степень привыкания к нестандартным ситуациям в детской и подростковой среде. Большой объем материалов с нарушающими традиционные конвенции [Кастельс, Киселева 2000] подробностями формирует у аудитории эмоциональный барьер, исключая сострадание, нормализует нарративный интерес к ситуации и безразличие к участникам. Как следствие, психологическое и физическое насилие, зародившееся в рамках замкнутой системы, разрастается, превращается из локальной ситуации в социальную проблему.

Современные российские и зарубежные исследователи уделяют большое внимание проблемам и самого социально-психологического происшествия (конфликт в школе) [Назаров, Авербух, Буйначева 2022], и специфике его публичных трансформаций [Волкова, Волкова 2017]. Среди научных трудов присутствуют как междисциплинарные, на стыке социологии, конфликтологии [Галимбекова 2023] и медиаисследований, так и узконаправленные, например, рассматривающие коммуникативные аспекты медиатизации названных конфликтов [Байгазанова 2024].

Для нас значимо положение Г. Маркузе, Г. Шиллера, Ф. Майера [Маркузе 2012; Шиллер 1980; Майер 2014] о том, что СМК выступают не только как инструмент информирования, но и как мощный фактор социального контроля, интегрируют идеологические, культурные и поведенческие паттерны в общественное сознание. Сам процесс интегра-

ции обусловлен потребностью человека в восприятии простой и достоверной истории, объясняющей картину мира и его основные законы¹, потребностью в принадлежности к группе (в том числе виртуальной, социально-коммуникативной)².

Это подтверждается и другими работами. Так Н. Кудри и А. Хепп рассматривают медиа как самостоятельную социальную силу [Couldry, Hepp 2017], способную активизировать или ослаблять конфликтные процессы. Аналогичную позицию занимает С. Хьярвард, указывая на то, что медиа не просто отражают реальность, но и активно конструируют ее, формируя новые конфликтные нарративы [Hjarvard, 2013].

Е. Л. Вартанова подчеркивает, что современные противостояния включают столкновение ценностей, интересов и идентичностей различных социальных групп [Вартанова 2021]. В свою очередь цифровые медиа-коммуникации, преодолевая институциональные и профессиональные границы, предоставляют акторам возможность непосредственного участия в конфликтной коммуникации.

Для рассмотрения публикаций, посвященных школьным конфликтам и соответствующим типам общественной коммуникации, мы обратились к определению нарратива (истории по своей сути), обладающего такими качествами, как доступность, простота, процессуальность [Шейгал 2007; Фэркло 1995], и пониманию изложенного как структуры, как цепи событий [Шейгал 2007]. Также опирались на общеизвестное понимание нарратива как «формы дискурса» [Шейгал 2007; Schiffrin 2006], обращаясь к последнему как к неотъемлемой части дискурсивной практики [Wodak 2009; Чепкина 2000].

В статье представлены наиболее яркие, на наш взгляд, примеры репрезентаций школьных конфликтов в сетевом издании «Газета.ru»³ и на городском портале «Е1.ru»⁴ (всего было исследовано 137 материалов за 2024–2025 гг.). Издания принадлежат к различным сегментам медиаполя, у них отличны концепции, цели, аудитория.

¹ Черненко Ю. Критическое мышление в век сторителлинга и коммуникативных уловок : [лекция] // Университет, открытый городу: Вышка на ВДНХ. Москва, МВЦ «Рабочий и колхозница», 27 августа 2019 г. URL: <https://www.hse.ru/lectorian/announcements/305358259.html> (дата обращения: 20.10.2025).

² Там же.

³ Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/>.

⁴ E1.ru. URL: <https://www.e1.ru/>.

В аналитической части исследовался процесс конструирования конфликтной истории, в качестве единиц анализа рассматривались ее структурные элементы (т. е. структура нарратива).

При работе с текстами публикаций было выявлено несколько типов репрезентации школьных конфликтов в медиасреде. Мы полагаем, что названные типы, реализуемые через структуру событийного изложения, не просто репрезентуют событие, но активно формируют определенную идеологию [Томин 2018] его восприятия.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ

Итак, СМИ формируют принципиально разные модели репрезентации конфликтов в зависимости от концепции издания и авторской цели. В одном случае это может быть институционализированное освещение, в другом создаются условия для стихийного развития агрессивного дискурса через насыщенную подробностями историю. На наш взгляд, их можно определить как институциональный (государственный) нарратив в случае федерального издания и как нарратив непосредственных и опосредованных участников в «E1.ru».

«Газета.ru» — одно из наиболее авторитетных российских интернет-СМИ, основанное в 1998 году, входит в медиахолдинг Rambler&Co, специализируется на оперативном освещении общественно-политических, экономических и культурных событий в России и мире. Контент сочетает классическую журналистику с цифровыми технологиями, особое внимание уделяется скорости публикации и аналитике. Материалы рассчитаны на широкую аудиторию: от политиков и бизнесменов до массового читателя.

По данным LiveInternet, «Газета.ru» входит в Топ-10 самых посещаемых новостных ресурсов Рунета, аудитория издания исчисляется миллионами пользователей, что подтверждает статус одного из лидеров российского медиапространства.

1) В Госдуме предложили привлечь старшеклассников к борьбе со школьным буллингом (Газета.ru. 15.03.2025).

Информационная публикация об инициативе Госдумы связана ссылкой и образует единый контекст с точкой зрения школьного психолога *«Психолог объяснила, как понять, что вашего ребёнка травят в школе»* (Газета.ru. 09.03.2025), а также с коротким видеороликом (он завершает оба материала)¹, наглядно демонстрирующим примеры насилия в школьном коллективе и рекомендации для родителей.

Структура репрезентации события. Нейтральный, информирующий лид представляет спикера (депутат Чернышов) и проблему (*«борьба с травлей»*). Главная мысль (необходимость привлечения учащихся) усиливается признанием проблемы на государственном уровне (констатация) и развивается в остальных тезисах через примеры из зарубежного опыта.

Структура конфликта представляет собой одноплановый, обобщенный и нейтральный конструкт. Практика межличностных взаимодействий в школах противоречит профилактическим мерам и порождает девиантные события в детских коллективах. Отметим, что названный конструкт наглядно, но без травматизации опредмечивается и иллюстрируется роликом, а также подробно разъясняется экспертом-психологом в связанной публикации (*«Как родитель, вы можете заметить, что ребенок стал тревожным... Если вас что-то настораживает — не давите на ребенка...»*). Отсутствие драматизации и эмоциональных оценок снижает потенциальную травматичность, проблема предстает как управляемая, решаемая в рабочем порядке под контролем компетентных специалистов.

Социальный контекст и интерпретация. Пространством репрезентации конфликта становится сфера коммуникации представителя социума (депутат) и государства (министр образования). В комментируемом материале, где представлены рекомендации специалиста, она расширяется примерами взаимодействия родителей и детей, родителей и школы, но это не нарратив героев, а еще одна текстовая иллюстрация.

В целом контекстом заявленного конфликта становятся мнения социально значимых персон и паттерны корректной дискуссии с элементами разъяснения. В этом контексте конфликт теряет ценностную значимость и нивелируется до технической задачи организации процессов внутришкольных взаимодействий. Вне рамок контекста остаются социально-этические причины возникновения школьной травли.

Тип репрезентации конфликта. Нейтральный тон изложения, минимизация и конкретизация противоречий, разъяснение аудитории способов выхода из школьных кризисов (с воспитательной интенцией) в процессе конструирования, акцент на законодательном уровне обсуждения (и высказываний) представителя государства позволяет определить тип репрезентации как **медиативный** (сглаживающий).

¹ URL: <https://clc.li/VqvRS>.

2) Школьники могут начать переводить в спецучреждения за травлю (Газета.ru. 05.04.2024).

Публикация связана активной ссылкой и контекстом с высказыванием замглавы Минпросвещения о заявленной проблеме «*Замминистра просвещения рассказал о поддержке инициатив по противодействию травле в школах*» (Газета.ru). Из второй публикации можно перейти на уже отмеченный материал, репрезентующий мнение психолога «*Психолог объяснила, как понять, что вашего ребенка травят в школе*» (Газета.ru).

Структура репрезентации события. Лид нейтрален и репрезентует ракурс постановки проблемы («...перевод школьников в спецучреждения за буллинг»). Главная мысль публикации (активное участие государства в борьбе со школьной травлей) констатируется в изложении позиции депутата и развивается в разъяснении положений будущего закона: «*проект закона предполагает меры ответственности для агрессоров и для тех, кто на постоянной основе занимается буллингом*».

Структура конфликта представлена через изменение официальной интерпретации школьных инцидентов: «*необходимо продумать либо направление его (агрессора) в специализированное учреждение, ... либо возможный формат домашнего обучения*». В ближайшее время агрессивные действия ребенка (детей) будут рассматриваться не как педагогическая проблема, но как конфликт гражданина с государственным институтом. Законодательное регулирование коммуникаций в детских коллективах демонстрирует масштаб проблемы и новый способ управления межличностными кризисами. Трансформация конфликта от ситуации в детском коллективе до полноценного правонарушения вступает в противоречие с распространенными представлениями о травле как о сугубо школьной проблеме.

Социальный контекст и интерпретация. Жесткие государственные решения демонстрируют отсутствие социальных механизмов и педагогического инструментария для разрешения проблемы. Нейтральный тон публикации подчеркивает (подсвечивает) односторонность наказывающих решений, становится триггером, смещающим фокус внимания аудитории и общества в целом с причин проблемы на личность малолетнего инициатора, конструирует образ потенци-

ального ребенка-агрессора как исключительно отрицательный.

Тип репрезентации конфликта. Корректная постановка вопроса, нейтральный тон и объясняющий тип рассуждений спикеров не означают какое-либо завершение или исчерпание школьных конфликтов. Демонстративная нейтральность может быть рассмотрена как предупреждающий, императивный посыл обществу о необходимости строгого воспитания детей и контроля за их поведением. Несмотря на подчеркнутую фактологичность и непредвзятость, публикация обладает значительным эмоциональным потенциалом и может спровоцировать разнообразные (и отнюдь не обязательно конструктивные) социальные реакции. В этой связи тип репрезентации конфликта может быть определен как **иницирующий**. В этой связи отметим, что материал вводит в публичную повестку новую, радикальную меру, которая не оставляет пространства для общественного диалога, но, возможно, в определенных реалиях является единственно действенной.

3) Без штрафов, но с привлечением полиции: что известно о первом в России законе против буллинга (Газета.ru. 21.12.2024)

Большой аналитический материал уже отмечался как контекстный, разъясняющий сообщение информационного. Врезка в основной части публикации ссылается на еще одну аналитику «*Буллинг в школе: кто становится жертвами травли и что грозит зачинщику*» (Газета.ru), в которой репрезентуются комментарии и рассуждения целого пула экспертов: психологов/психиатров и юристов. Таким образом история о школьной травле прирастает развернутым сюжетом об общественном и профессиональном противодействии девиантным сценариям. Эта корреляция становится тем более очевидна, поскольку во второй публикации аудитории предложены проактивные инструменты разрешения кризисных ситуаций: ссылки на проекты «*Травли.Нет*»¹ и «*Академия безопасности Ольги Бочковой*»² (одного из экспертов), а также на программы антибуллинг-мероприятий на сайте «*институт-воспитания.рф*»³. Кроме того, по завершении публикации открывается видеоролик⁴, который рассматривался ранее.

Структура репрезентации события. Лид представляет центральное событие обсуж-

¹ «Травли.Нет» <https://xn--80aejlonqph.xn--p1ai/>.

² «Академия безопасности Ольги Бочковой». URL: <https://bochkova.academy/>.

³ «институтвоспитания.рф». URL: <https://xn--80adrabb4aegksdjbfk0u.xn--p1ai/programmy-vozpitanija/>.

⁴ URL: <https://clc.li/VqvRS>.

дения — типичную ситуацию буллинга: «Обзывают, бьют, унижают: травля среди учеников — актуальная проблема для российских школ...» и стандартную реакцию общества: «однако ни родители, ни учителя зачастую не понимают, что с этим делать» нейтрально, без формирования эмоционального отклика. Такое решение неслучайно, поскольку главная мысль текста — законодательная реакция государства, должна разрешить проблему издевательств в детских коллективах.

В констатирующей части структуры зафиксировано содержание инициативы: «В будущем законе будет сформулировано понятие буллинга, ... полицию в борьбе с буллингом все же задействуют...», которое озвучивается должностным лицом (депутатом Артемом Метелевым). Развивающие тезисы представлены от лица эксперта-психолога, они фиксируют причины возникновения травли, иницирующие ее модели поведения учителей и родителей.

Структура конфликта. Проблема школьной травли представлена как взаимосвязанная конфликтная структура: конфликт между детьми (жертвой и агрессором), ребенком-агрессором и правовыми нормами, поведением учителя и профессиональными стандартами, усилиями психолога-медиатора и паттернами поведения в семье агрессивного ребенка.

Социальный контекст и интерпретация. Указанная структура репрезентуется через цитатный диалог представителя государства и эксперта. Эмоциональная полярированность спикеров (транслирующих идеи жесткого наказания и объясняющего воспитания) вписывается в парадигму доброго и злого участников коммуникации. Их эмоционально корректное и нейтральное взаимодействие адресовано различным представителям аудитории и рассчитано на интеллектуальный и эмоциональный отклик. Завершающие публикацию истории из практики (и мнение) анонимной учительницы заменяют собой авторский вывод, вносят эмоционально окрашенные примеры, предназначенные для личной оценки читателей, разбавляют жесткую (воспитательно-просветительскую по функциональной направленности и авторской интенции) структуру публикации простыми житейскими примерами.

Тип репрезентации конфликта. Подробный анализ правовых форм противодействия школьной травле, а также ее психологических причин и триггеров, наличие спикеров-экспер-

тов, нейтральный тон материала, использование конкретных и эмоционально вовлекающих, но абсолютно корректных примеров позволяет отнести тип репрезентации конфликта к **аналитическому**, направленному на поиск удовлетворяющих общество решений.

Сетевое издание «E1.ru»

Сетевое издание «E1.ru» — российское интернет-издание, основанное в 1996 году. Специализируется на новостях Екатеринбурга и Свердловской области. Третье по цитируемости областное интернет-СМИ по данным «Медиалогии»¹. Сайт представляет из себя городской портал, на котором пользователи могут читать региональные новости, участвовать в городском форуме, смотреть объявления. По данным Shkulev Media² на сайте «E1.ru» зарегистрировано более 2 миллионов человек. Средняя ежемесячная аудитория проекта составляет порядка 6,7 миллионов уникальных пользователей, которые просматривают более 159 миллионов страниц. Ежедневная посещаемость достигает 752 тысяч уникальных пользователей и 6,6 миллионов просмотров страниц.

Отметим, что если в федеральном издании государственный нарратив остается в рамках темы законодательных решений и экспертных комментариев, то в региональном меняется тип лежащего в основе конфликта насилия (с коммуникативно-психологического на физическое), а нарратив участников распадается на множество подтем. Остановимся на них подробнее.

1) История про подростковый секс

«Он с ней этого не делал». Что расказал уральский школьник, которого подозревают в групповом изнасиловании 11-летней (E1.ru. 14.03.2024)

История репрезентуется в ряде материалов: «„К ней пришло пять парней“. Новые подробности по делу о групповом сексе 11-летней школьницы» (E1.ru. 14.03.2024), «В Первоуральске трое восьмиклассников устроили групповой секс с 11-летней школьницей. Что им грозит?» (E1.ru. 14.03.2024) и т. д., связанных ссылками. В процессе переходов фиксируются рефлексии взрослых и высказывания экспертов, а также реакции подростков. В представленном случае структура нарратива [Купина, Битенская 1994; Клушина 2021] направлена на репрезентацию «голосов» (нарративов) героев, косвенно или прямо причастных к истории. Рассмотрим один из материалов.

Структура репрезентации события.

Лид кратко и безэмоционально фиксирует

¹ Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/>.

² Shkulev Media. URL: <https://shkulevholding.ru/>.

ситуацию, главная мысль сфокусирована на правовых последствиях сексуального инцидента. Констатирующие тезисы характеризуют участников и события, развивающие — перспективы развития ситуации, ее юридическую и этическую неопределенность.

Высказывания участников (в том числе подростков, знакомых с героями) ставят сложные вопросы о правовой регуляции подобных случаев, возрастных границах ответственности и адекватности наказания, создают пространство для правовой и этической дискуссии. Они объединены общим эмоциональным фоном сострадания: «...подруга восьмиклассника: — Я говорю ему: „А они понимают, что они сделали?“ Он говорит, они были не в таком состоянии, чтобы что-то понимать. Он сидел, ревел, что его посадят. Еле успокоился...».

Указанное качество эмоций публикации контрастирует с модусом предыдущих, где репрезентация события строилась на контрасте заявленного возраста героев и лексикона «взрослого» дискурса («секс», «групповой секс», «совращение» и т. д.), на подчеркнутой девиантности поведения подростков.

Структура конфликта. Конфликтная ситуация конструируется на основе оппозиции заявленного события (изнасилование) и его участников (дети). Конфликт развивается на нескольких уровнях: между правовым (независимо от возраста, деяние должно быть наказано) и педагогическим (участники — дети, требующие помощи, а не только наказания) подходами, между общественными моральными нормами и реальными практиками подросткового поведения.

Подобная структура формирует когнитивный диссонанс в процессе восприятия истории: естественное осуждение произошедшего и сочувствие ко всем участникам (включая родителей), понимание тяжести деяния и осознание молодости виновных, желание справедливого наказания и сомнения в адекватности уголовного преследования детей. Диссонанс не предполагает разрешения, может трансформироваться в пространство для общественной дискуссии.

Тип репрезентации конфликта. С точки зрения репрезентации, конфликтная ситуация формируется в совокупности текстов, в каждой имеет открытый финал, акцент на неопределенности. В то же время в каждом материале есть своя линия текстового автора (образа автора), который то интенсифицирует внимание аудитории безэмоционально репрезентованными, шокирующими подробностями («*мать нашла порнографию в телефоне сына и показала видео правоохранителям*»), то обращается к эмоциям и

интонациям сострадания. Это позволяет говорить об управлении конфликтом в рамках текстовой совокупности. Тип подобной репрезентации конфликта можно определить как вариативный, включающий **иницирующую, усугубляющую и аналитическую разновидности**.

2) История про школьную травму «Подговорил друга, а сам стоял в стороне». В екатеринбургской школе избили 11-летнего мальчика (E1.ru. 20.11.2024)

История с травмой не имеет продолжения в других публикациях, гипертекстовое окружение — сопутствующие ссылки — переводят на другие события, связанные со школьными конфликтами.

Структура репрезентации события. Лид и неразмытое фото демонстрируют детали происшествия, физиологические подробности «*сломали стенку глазницы*», «*у ребёнка было бы сотрясение мозга*» создают эффект достоверности и формируют травматический эмоциональный фон.

Главная мысль сфокусирована на жестокости инцидента, констатирующие и развивающие элементы — на характеристиках агрессора (его моральных качествах) и правомерных реакциях потерпевшей стороны.

Структура конфликта и контекст. Конфликт представлен как событие и как моральное нарушение: «*подговорил друга, а сам стоял в стороне, потому что ему нельзя*», но без дополнительного развертывания в сторону общественной, педагогической, нравственной проблематики. Поляризация мнений и включение в конфликтное поле дополнительных сфер присутствует только в комментариях к публикации, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности аудитории.

Отметим, что важную роль в конструировании конфликта играет система высказываний. Если цитаты институциональных участников (департамент образования, пресс-служба МВД) ожидаемы (они транслируют позицию права и соответствующего реагирования), то предложение родителей предполагаемую кульминацию. Конфликт не расширяется и не переходит на новый уровень: «...*мама пострадавшего, она же попросила о встрече с родителями юных хулиганов*», но снижает градус эмоционального напряжения и обрывается на уровне текстовой репрезентации благодаря правовому регулированию. Подобный тип можно определить как **медиативный** (сглаживающий), направленный на формирование представлений о возможности диалога в любых ситуациях.

3) История про издевательство

На Урале подросток с разбегу пнул одноклассницу ради видео. Рассказываем всё, что известно о конфликте (E1.ru. 16.11.2024)

События представлены в нескольких публикациях. Гипертекстовые переходы фиксируют дополнительные факты: «*На Урале парень с размаху ударил школьницу ногой. Ему грозит уголовное дело*» (E1.ru. 12.11.2024) и «*На Урале ни в чём не повинную семью затравили из-за скандального видео с подростком, пнувшим девочку*» (E1.ru. 15.13.2024), возникшие в связи с инцидентом, а также непосредственные рассказы косвенных участников конфликта или жертвы как таковой: «*„Бьют и харкаются“. Уральская школьница, которую жестко пнул парень, рассказала о травле со стороны одноклассников*» (E1.ru. 14.11.2024).

Полифоническая структура нарративного (сверхтекстового) [Купина, Битенская 1994] образования углубляет различные уровни в структуре конфликта. Остановимся на центральном материале этой истории.

Структура репрезентации события. Провокационный лид повторяет заголовок, детализирует произошедшее. Использование эмоциогенных речевых оборотов: «*прогрел на всю страну*», «*пнул с разбегу*», «*снимала всё на видео*» создает эффект сенсации, что подчеркивает драматизм.

Главная мысль разворачивается во внешнем плане истории: жестокий школьный инцидент запускает несколько уровней конфликта от непосредственно школьного до социально-правового. Констатирующие тезисы фиксируют волну общественной агрессии, демонстрируют кризис и в подростковой среде, и в общественных механизмах реагирования на насилие.

Развивающие тезисы смещают фокус внимания на роль социальных сетей и СМИ в усугублении конфликта и легитимизации неправомерных действий (самосуда). Подчеркивается, что общественная реакция в соцсетях демонстрирует кризис правосознания и подмену правовых механизмов стихийной расправой.

Структура конфликта. В публикации представлено несколько уровней конфликтного взаимодействия: между правовым реагированием (презумпция невиновности, законные процедуры) и стихийной расправой, анализом причин подростковой агрессии и социально-коммуникативной истерией, индивидуальной виной конкретных подростков и кризисом общественной морали в целом. Также в тексте формируется эмоциональное противостояние между сочувствием к жертве

и желанием справедливости (которое может реализоваться в преступных формах).

Социальный контекст и интерпретация. Кроме того, присутствует внутренний план истории. В частности, возникает диссонанс в понимании роли самого текста: он фиксирует проблему медиапровокации, но в собственной репрезентации воспроизводит ту же провокационную логику. Акцент на жестокости и «*видеосъемке*», подача инцидента как развлечения «*ради видео*», подробное описание угроз ребенку-однокласснику, проживающему в другом городе, и попытки насильственного взаимодействия с директором школы формируют эмоцию моральной паники, стимулируют дальнейшее развитие агрессии. В этом контексте упоминание (даже критическое) понятия «*самосуд*» легитимизирует идею неправомерного возмездия в сознании части аудитории.

Тип репрезентации конфликта. Текст не просто констатирует, но многочисленными подробностями и языковыми средствами стимулирует негативные общественные настроения. Материал фокусируется на сенсорных деталях, усиливающих эмоциональный шок, и результируется интерактивным опросом, где кнопку «*оставить его в покое*» (имеется в виду ребенок-агрессор) выбирает один процент пользователей. Подобный тип репрезентации конфликта можно определить как **усугубляющий**, ведущий не только к эскалации конфликта в рамках представленной истории, но и к агрессивному общественному противостоянию, трансформирующий реакции на событие и дискуссию о воспитании в социальный конфликт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования были определены пять типов репрезентации конфликта в освещении школьных инцидентов:

- 1) иницирующий: обозначает конфликтное противостояние, вскрывает причины, поднимает острые вопросы, которые до этого замалчивались;
- 2) усугубляющий: усиливает напряжение, стимулирует эмоциональные реакции, медиатизация приводит к эскалации конфликта;
- 3) медиативный (сглаживающий): демонстрируются пути выхода и поиск компромисса, фиксируются положительные изменения или примеры разрешения конфликтной ситуации;
- 4) аналитический: не усугубляет и не сглаживает конфликт, но подробно анализирует причины, преобладают экспертные мнения, отслеживается динамика проблемы, события демонстрируются объективировано, без яркой эмоциональной окраски, присутствуют статистические данные;

Таблица 1

	Е1.РУ	Доля от общ. кол. публикаций, %	Газета.Ru	Доля от общ. кол. публикаций, %
Иницирующий	26	18.98%	10	7.30%
Усугубляющий	28	20.44%	11	8.03%
Сглаживающий	19	13.87%	5	3.65%
Аналитический	7	5.11%	8	5.84%
Предупреждающий	3	2.19%	20	14.60%

5) предупреждающий: репрезентуются ситуации или паттерны, должны предотвратить конфликты в будущем, например, освещаются способы разрешения буллинга на раннем этапе или выстраивания диалога между школой и родителями.

Также были выявлены количественные показатели типов репрезентации школьных конфликтов в двух СМИ. Процентное соотношение представлено в таблице 1.

В целом региональное СМИ демонстрирует стремление к сенсационности и, как следствие, к доминированию иницирующего и усугубляющего типов репрезентации школьных конфликтов. В историях с большим количеством публикаций также были отмечены примеры метаконфликта истории (внешний и внутренний планы), вскрывающие противоречия между заявленной целью публикации и способами ее конструирования.

Издание федерального уровня чаще освещает конфликты нейтрально, с использованием предупреждающего или аналитического типов репрезентации. Названные подходы направлены на купирование причин и остроты проблемы, на привлечение внимания к активной позиции государственных институтов. Они демонстрируют воспитательную позицию по отношению к аудитории, ставят целью донести институциональные и этические требования в сфере воспитания детей и подростков. Вместе с тем смещение фокуса внимания с содержания конфликтных противоречий на процедурные вопросы создает лакуну в обсуждении этических причин сложившейся ситуации и детерминантов социального напряжения, проявляющегося в школьных событиях.

В целом на основании проведенного анализа мы можем говорить о различных типах школьного конфликтного нарратива в рассмотренных СМИ, способного не только удовлетворять запросы аудитории, но и управлять ее офлайн-поведением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байгазанова, Р. Т. Буллинг в контексте коммуникативных процессов / Р. Т. Байгазанова // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2024. — № 6 (144). — С. 1–12. — DOI 10.60797/IRJ.2024.144.140. — EDN IUyAWA.

2. Вартанова, Е. Л. Медиа и конфликты: исследование взаимодействия в актуальном академическом дискурсе / Е. Л. Вартанова, Д. В. Дунас, А. А. Гладкова // *Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика*. — 2021. — № 4. — С. 1–30. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. — EDN PLANZI.

3. Волкова, Е. Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова // *Вестник Мининского университета*. — 2017. — № 3 (20). — С. 1–11. — DOI 10.26795/2307-1281-2017-3-17. — EDN ZQXSDJ.

4. Галимбекова, Ф. С. Конфликт и буллинг как социальные явления в современном обществе / Ф. С. Галимбекова // *Проблемы современного образования*. — 2023. — № 2. — С. 51–56. — DOI 10.31862/2218-8711-2023-2-51-57. — EDN LDEQIA.

5. Кастельс, М. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование / М. Кастельс, Э. Киселева // *Мир России*. — 2000. — № 1. — С. 23–51. — EDN TFAJSH.

6. Клушина, Н. И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе / Н. И. Клушина // *Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал*. — 2021. — № 1. — С. 24–35. — EDN SYSVPI.

7. Купина, Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // *Человек — текст — культура : коллективная моногр.* / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1994. — С. 214–233. — EDN WZHFIR.

8. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. Юдин. Москва : Центр гуманитарных технологий, 2012. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5440> (дата обращения: 28.09.2025).

9. Назаров, В. Л. Буллинг и кибербуллинг в современной школе / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева // *Образование и наука*. — 2022. — № 2. — С. 169–204. — DOI 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205. — EDN DDEWPH.

10. Томин, Л. В. Аффективный диспозитив: идеология в средствах массовой информации и социальных медиа / Л. В. Томин // *Государство и граждане в электронной среде*. — 2018. — Вып. 2. — С. 59–64. — EDN DLWNXI.

11. Чепкина, Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) / Э. В. Чепкина ; науч. ред. Л. М. Майданова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 279 с. — ISBN 5-7525-0801-0. — EDN UWZESP.

12. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // *Политическая лингвистика*. — 2007. — Вып. 2 (22). — С. 86–93. — EDN JVKYEB.

13. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием : пер. с англ. / Г. Шиллер ; науч. ред. Я. Н. Засурский. — Москва : Мысль, 1980. — 326 с.

14. Couldry, N. *The Mediated Construction of Reality* / N. Couldry, A. Hepp. — Cambridge : Polity Press, 2018. — 256 p. — ISBN 0745686516, 9780745686516.

15. Fairclough, N. *Media Discourse* / N. Fairclough. — London : Edward Arnold, 1995. — 214 p. — ISBN 0-340-58889-6.

16. Mayer, F. W. *Narrative Politics: Stories and Collective Action* / W. M. Frederick. — New York : Oxford University Press, 2014. — 264 p. — DOI 10.1093/acprof.

17. Hjarvard, S. *The Mediatization of Culture and Society* / S. Hjarvard. — 1st ed. — London : Routledge, 2013. — 192 p. — DOI 10.4324/9780203155363.

18. Schiffrin, D. In Other Words: Variation in Reference and Narrative / D. Schiffrin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2006. — 390 p. — ISBN 1139449109, 9781139449106.

19. Wodak, R. Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. — London : SAGE Publications Ltd, 2009. — 204 p. — ISBN 184787455X, 9781847874559.

REFERENCES

1. Bajgazanova, R. T. (2024). Bulling v kontekste komunikativnyh processov = Bullying in the Context of Communicative Processes. *International Research Journal*, 6(144), 1–12. DOI 10.60797/IRJ.2024.144.140. EDN IUUYAWA.

2. Vartanova, E. L., Dunas, D. V., Gladkova, A. A. (2021). Media i konflikty: issledovanie vzaimovlijaniya v aktual'nom akademicheskom diskurse = Media and Conflicts: A Study of Mutual Influence in Current Academic Discourse. *Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*, 4, 1–30. DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. EDN PLANZI.

3. Volkova, E. N., Volkova, I. V. (2017). Kiberbulling kak sposob social'nogo reagirovaniya podrostkov na situaciyu bullinga = Cyberbullying as a Way of Social Response of Adolescents to a Bullying Situation. *Bulletin of Minin University*, 3(20), 1–11. DOI 10.26795/2307-1281-2017-3-17. EDN ZQXSDJ.

4. Galimbekova, F. S. (2023). Konflikt i bulling kak social'nye yavleniya v sovremennom obshchestve = Conflict and Bullying as Social Phenomenons in Modern Society. *Problems of Modern Education*, 2, 51–56. DOI 10.31862/2218-8711-2023-2-51-57. EDN LDEQLA.

5. Kastel's, M., Kiseleva, Je. (2000). Rossiya i setevoe obshchestvo. Analiticheskoe issledovanie = Russia and the Network Society. Analytical study. *The World of Russia*, 1, 23–51. EDN TFASJH.

6. Klushina, N. I. (2021). Narrativnye praktiki v sovremennom rossijskom mediadiskurse = Narrative practices in contemporary Russian media discourse. *The World of Linguistics and Communication: Electronic scientific journal*, 1, 24–35. EDN SYSVPI.

7. Kupina, N. A., Bitenskaya, G. V. (1994). Sverhtekst i ego raznovidnosti = Supertext and its varieties. *Man – text – culture: Collective monograph* (ed. by N. A. Kupina, T. V. Matveeva), 214–233. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

8. Markuze, G. (2012). Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva = One-Dimensional Man. A Study of the Ideology of Developed Industrial

Society (transl. from Engl. by A. Judin). Moscow: Center for Humanitarian Technologies. Available at Sept. 28, 2025 from <https://gtmarket.ru/library/basis/5440>.

9. Nazarov, V. L., Averbuh, N. V., Bujnacheva, A. V. (2022). Bulling i kiberbulling v sovremennoj shkole = Bullying and Cyberbullying in Modern Schools. *Education and Science*, 2, 169–204. DOI 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205. EDN DDEWPH.

10. Tomin, L. V. (2018). Affektivnyj dispozitiv: ideologija v sredstvakh massovoj informacii i social'nyh media = Affective Dispositif: Ideology in the Mass Media and Social Media. *The State and Citizens in the Electronic Environment*, 2, 59–64. EDN DLWNXI.

11. Chepkina, Je. V. (2000). Russkij zhurnalistskij diskurs: Tekstoporozhdajushhie praktiki i kody (1995–2000) = Russian Journalistic Discourse: Text-Generating Practices and Codes (1995–2000) (Scientific ed. L. M. Majdanova). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 279 p. ISBN 5-7525-0801-0. EDN UWZESP.

12. Shejgal, E. I. (2007). Mnogolikij narrativ = Multifaceted Narrative. *Political Linguistics*, 2(22), 86–93. EDN JVKYEB.

13. Shiller, G. (1980). Manipuljatory soznaniem = Manipulators of Consciousness (Transl. from Engl., Scientific ed. Ja. N. Zaslavskij). Moscow: Mysl', 326 p.

14. Couldry, N., Hepp, A. (2018). The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 256 p. ISBN 0745686516, 9780745686516.

15. Fairclough, N. (1995). Media Discourse. London: Edward Arnold, 214 p. ISBN 0-340-58889-6.

16. Mayer, F. W. (2014). Narrative Politics: Stories and Collective Action. New York: Oxford University Press, 264 p. Available at December 2, 2025 from <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199324460.001.0001>.

17. Hjarvard, S. (2013). The Mediatization of Culture and Society (1st ed.). London: Routledge, 192 p. Available at August 18, 2025 from <https://doi.org/10.4324/9780203155363>.

18. Schiffrin, D. (2006). In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 390 p. ISBN 1139449109, 9781139449106.

19. Wodak, R., Meyer, M. (2009). Methods of Critical Discourse Analysis. London: SAGE Publications Ltd, 200 p. ISBN 184787455X, 9781847874559.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.581'42+811.581'38+811.581'373+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш171.1-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Виктория Геннадиевна Присяжных

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, v.g.morgun@bk.ru, SPIN-код: 4702-7009

Лексико-семантические маркеры речевой субстратегии «сохранения коллективного лица» в конфликте «КНР — провинция Тайвань»

АННОТАЦИЯ. Представлен опыт выявления лексико-семантических маркеров речевой субстратегии «сохранения коллективного лица» в конфликтном медиадискурсе «КНР — пр. Тайвань», которая является составляющей общей стратегии «сохранения лица». Предметом исследования выступают лексико-семантические маркеры, реализующие названную субстратегию в новостных некреолизованных текстах официальных СМИ материкового Китая и Тайваня. Цель работы заключается в их системном (типологическом, количественном и функциональном) описании. Методологическую основу исследования составляют дискурс-анализ, коммуникативно-прагматический, контекстологический и интенциональный анализы, а также корпусный анализ с применением методов автоматической сегментации и статистической обработки текстов на китайском языке. Материалом исследования послужил созданный корпус из новостных публикаций порталов «人民日报» и «SET三立新聞網» за период 2022–2023 гг. В результате исследования выделены пять устойчивых тактик субстратегии «сохранения коллективного лица», описаны их профили и охарактеризована полевая организация их лексико-семантических маркеров (ядро и периферия). Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей политического медиадискурса, конфликтной коммуникации и межкультурной прагматики, а также использоваться в практике преподавания политической лингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайский язык, лексикология китайского языка, лексическая семантика, лексемы, лексические единицы, лексико-семантические маркеры, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, речевые стратегии, речевая субстратегия, речевые тактики, региональные конфликты, Китай, Тайвань.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Присяжных Виктория Геннадиевна, старший преподаватель кафедры восточных языков, Институт филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет; аспирант, г. Красноярск, Россия, email: v.g.morgun@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Присяжных, В. Г. Лексико-семантические маркеры речевой субстратегии «сохранения коллективного лица» в конфликте «КНР — провинция Тайвань» / В. Г. Присяжных. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 70–79.

Viktoriya G. Prisyazhnykh

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, v.g.morgun@bk.ru, SPIN code: 4702-7009

Lexico-Semantic Markers of the Speech Substrategy of “Collective Face Saving” in the “PRC—Taiwan” Conflict

ABSTRACT. This article examines lexico-semantic markers of the substrategy of “collective face saving” within the PRC—Taiwan conflict media discourse. This substrategy functions as a component of a broader strategy of face saving. The research object encompasses lexico-semantic markers realizing this substrategy in non-creolized news texts of official mainland China and Taiwan media. The aim of the study is to make their systemic (typological, qualitative and functional) description. The methodological basis integrates discourse analysis, communicative-pragmatic, contextological, and intentional analysis, alongside corpus-based methods using automatic segmentation and statistical processing of Chinese texts. The practical research material consists of a purpose-built corpus containing news publications from People’s Daily (《人民日报》) and SET News (《SET三立新聞網》) portals over the period from 2022 to 2023. The undertaken analysis identifies five stable tactics of “collective face saving”, describes their profiles, and characterizes field organization of their lexico-semantic markers (core and periphery). The findings may be of interest to scholars studying political media discourse, conflict communication, and intercultural pragmatics and can be used in the practical teaching of political linguistics.

KEYWORDS: Chinese language, Chinese lexicology, lexical semantics, lexemes, lexical units, lexico-semantic markers, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, speech strategies, speech substrategy, speech tactics, regional conflicts, China, Taiwan.

AUTHOR’S INFORMATION: Prisyazhnykh Viktoria Gennadievna, Senior Lecturer of Department of Oriental Languages, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; Post-Graduate Student.

FOR CITATION: Prisyazhnykh V. G. (2026). Lexico-Semantic Markers of the Speech Substrategy of “Collective Face Saving” in the “PRC—Taiwan” Conflict. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 70–79. (In Russ.).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Конфликт между материковым Китаем и Тайванем представляет собой одно из наиболее устойчивых и многослойных противостояний в современной мировой политике, в основе которого лежат исторические, идеологические и стратегические противоречия. Его истоки восходят к периоду Гражданской войны в Китае (1945–1949 гг.), завершившейся победой Коммунистической партии (на кит. яз.: 中国共产党) и провозглашением Китайской Народной Республики [Никольский 2024: 6–7]. Несмотря на отсутствие прямого военного столкновения с 1950-х гг., конфликт между КНР и Тайванем продолжает оставаться активным. В современный период напряженность усиливается из-за демонстрации военной мощи Китая в Тайваньском проливе, проведения военных учений Народно-освободительной армией Китая и растущего давления Пекина на международных партнеров Тайваня. В основе противостояния КНР и провинции Тайвань лежат три измерения:

– идеолого-символическое, связанное с вопросами национального единства (в официальном политическом дискурсе КНР Тайвань рассматривается как «неотъемлемая часть Китая» (на кит. яз.: 台湾是中国的一部分), а идея «воссоединения родины» (на кит. яз.: 祖国统一) интерпретируется как ключевой элемент реализации концепции «Китайской мечты» (на кит. яз.: 中国梦);

– военно-стратегическое (КНР наращивает военный потенциал в районе Тайваньского пролива, тогда как Тайвань реализует стратегию асимметричной обороны);

– идентификационное (внутри тайваньского общества постепенно усиливаются процессы формирования собственной национальной идентичности, отличной от китайской, что проявляется в риторике Демократической прогрессивной партии) [Лычагин, Комаров 2017].

В настоящее время конфликт между материковым Китаем и Тайванем оказывает существенное влияние на политическую и военно-стратегическую повестку не только в Восточной Азии, но и на глобальном уровне [Lousche 2022]. Следовательно, конфликт «КНР — пр. Тайвань» представляет собой сложный политико-идеологический феномен, в котором переплетаются вопросы национальной идентичности, легитимности, безопасности и геополитического баланса в течение XX–XXI вв. Поэтому его исследова-

ние чрезвычайно актуально в аспекте политической лингвистики.

Современный конфликтный медиадискурс представляет собой особую сферу речевого взаимодействия, где речевые стратегии и тактики выполняют не только информационную, но и имиджевую, идеологическую, ценностно-регулятивную и другие функции¹. Ее изучение представляет интерес для гуманитарной науки, поскольку политические конфликты отражают объективные противоречия, присущие системе межгосударственных взаимодействий и детерминированные различиями в политико-экономических интересах, идеологических установках, культурных ценностях, социально-классовой структуре и стратегических приоритетах государств [Курбонова, Абдурахмон 2020].

Обозначенный тип дискурса формируется в условиях цифровизации медиасферы, в рамках которой электронные СМИ рассматриваются не только как эволюционное продолжение печатных изданий, но и как самостоятельная коммуникативная система со специфическими функциями и механизмами воздействия [Иванова 2016: 90–91].

Одним из ключевых направлений исследования в китайском медиадискурсе является анализ феномена «лица» — культурно-коммуникативного вектора, направленного на поддержание позитивного социального имиджа участников коммуникации [Нагибина, Куликова 2021: 76] и на предотвращение угрозы репутационных потерь.

Лицо — не только «наиболее семиотизированная часть» человеческого тела, кодирующая внутренние психические состояния и выражающая их через внешние признаки [Арутюнова 1997: 59–60], но и «воплощение нравственности и морали» [胡先晋 2006: 45]. 面子 (мяньцзы) — это отношение или поведение, которое индивид / группа индивидов демонстрирует с целью сохранения своей репутации, достоинства и престижа [Медведева, Толстогузова 2020: 73]. Основной идеей концепции «лица» является избегание «открытой критики и конфронтации» [Скальная, Лукьянова 2024: 135]. Несмотря на значительное внимание исследователей к феномену «лица» в контексте теории вежливости [Brown, Levinson 1978; Gu 1990], концепции дистанции власти [Hofstede 2001], теории «поддержания» лица в конфликтной коммуникации [Ting-Toomey 2017: 125], а также к стратегии сохранения лица в межкультурном и монокультурном деловом вза-

¹ Цапина Е. А. Обозначение речевых тактик в диалоге: лингвопрагматический анализ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2008. 128 с.

имодействии¹, пути реализации стратегии «сохранение лица» в конфликте «КНР — пр. Тайвань», в том числе субстратегии «сохранения коллективного лица», в медиадискурсе политического противостояния остаются недостаточно изученными.

Объектом нашего исследования является конфликтный медиадискурс между материковым Китаем и провинцией Тайвань в новостных текстах официальных СМИ обеих сторон в июне 2022 г. — августе 2023 г. Предметом исследования выступают лексико-семантические маркеры речевой субстратегии «сохранения коллективного лица» в новостных некреолизованных текстах медиадискурса КНР и Тайваня с учетом реализующих ее речевых тактик.

Цель статьи — описать лексико-семантические маркеры реализации субстратегии «сохранения коллективного лица» в медиадискурсе конфликта между материковым Китаем и провинцией Тайвань, определить специфику их функционирования в речевых практиках обеих сторон.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Под речевой субстратегией «сохранение коллективного лица» мы понимаем один из путей достижения стратегии «сохранение лица», представляющий собой линию речевого поведения, воплощенную в одной или нескольких речевых тактиках, направленных на поддержание гармоничного коммуникативного пространства между Китаем и Тайванем и на минимизацию угрозы их совместному социальному имиджу.

Речевые тактики определяются как дискурсивно-семантические единства формы и содержания, соответствующие этапам реализации субстратегии и воплощающие ее задачи. Классификация тактик в рамках исследуемой речевой субстратегии осуществляется с опорой на их функциональное предназначение.

Под лексико-семантическими маркерами (далее — ЛСМ) понимаются ключевые слова и сочетания слов, наиболее часто встречающиеся в тактиках отдельной речевой субстратегии.

Материалом исследования послужили некреолизованные новостные тексты информационного и аналитического типа, тематически связанные с освещением конфликта между КНР и провинцией Тайвань и опубликованные на порталах материкового Китая — «人民日报» (617 текстов), провин-

ции Тайвань — «SET三立新聞網» (681 текст) за июнь 2022 г. — август 2023 г. Общий объем новостных текстов — 1298, из них в 367 реализуется субстратегия «сохранение коллективного лица». Отметим, что отдельный текст мог демонстрировать как одну речевую тактику, так и несколько различных тактик, направленных на достижение обозначенной субстратегии.

Использовались дискурс-анализ, объединяющий методы коммуникативно-прагматического, контекстологического и интенционального анализа, а также корпусный анализ, позволяющий выявить и количественно описать лексико-семантические маркеры тактик субстратегии «сохранение коллективного лица», установить их частотность и на этой основе определить «ядровые» маркеры каждой тактики.

Для выявления речевых тактик и ЛСМ, реализующих речевую субстратегию «сохранение коллективного лица», был сформирован корпус новостных текстов из ведущих медиапорталов: «人民日报» — для материалов материкового Китая и «SET三立新聞網» — для публикаций Тайваня. Выбор данных новостных платформ обусловлен тем, что они представляют собой ведущие новостные порталы материкового Китая и провинции Тайвань, ориентированные на широкую аудиторию.

«人民日报» («Жэньминь жибао») принадлежит издательскому дому *People's Daily Press* и является центральным партийным изданием: с 1948 г. газета функционирует как официальный орган ЦК КПК и рассматривается как наиболее авторитетный канал выражения партийно-государственной позиции. Основной контент — ежедневные новости, политические разъяснения, редакционные статьи и комментарии, которые задают нормативную рамку интерпретации событий. Масштаб аудитории подтверждается официальными показателями: в 2023 г. тираж печатной версии превышал 3,56 млн экземпляров, а цифровая экосистема газеты включает приложение, соцсети и видеоплатформы с крайне высоким суммарным охватом [人民网].

«SET三立新聞網» («SET Сяньли синьвэньван») входит в медиахолдинг *Sanlih Entertainment Television*. Портал преимущественно публикует оперативные новостные материалы, представленные в виде статей и видеосюжетов. Его аудитория охватывает широкие группы населения, следящие за

¹ Васильева Е. Д. Роль стратегий сохранения «лица» в межкультурном и монокультурном деловом взаимодействии : дис. ... канд. филол. наук: 19.00.05. Москва, 2022. 186 с.

внутренней повесткой Тайваня и международными событиями. Масштаб аудитории подтверждается данными метрики Monthly Active Users и сайта Taiwan Network Information Center (https://www.twinc.tw/en_index.php): на 2024 г. среднее количество пользователей в месяц достигало 14 млн жителей Китая (среди которых 43 % мужского и 57 % женского населения).

Выбор данных платформ как ключевых новостных порталов обусловлен:

- статусом официального партийно-государственного СМИ и ключевого источника «нормативного» политического медиадискурса КНР для «人民日报» и проправительственного источника Демократической прогрессивной партии Тайваня — «SET三立新聞網»;
- масштабом охвата и высокой институциональной значимостью, обеспечивающими репрезентативность материалов для анализа стратегий/тактик сохранения лица в конфликте;
- аутентичностью китайскоязычного дискурса, в котором в условиях конфликта системно реализуются стратегии легитимации, смягчения конфликтности и коллективного «сохранения лица»;
- доступностью архивов и полнотой освещения темы конфликта «Китай — пр. Тайвань» в исследуемый период.

Тексты отбирались с использованием встроенной поисковой системы порталов по ключевым словам (*大陆 / материковый Китай, 台湾 / Тайвань, 台独 / независимость Тайваня, 中国共产党 (сокр.: 中共) / коммунистическая партия, 民主进步党 (сокр.: 民进党) / демократическая прогрессивная партия Тайваня, 台湾问题 / тайваньский вопрос, 两岸关系 / отношения между двумя берегами, 台海局势 / ситуация в Тайваньском проливе, 两岸对立 или 两岸对抗 / противостояние двух берегов, 九二共识 / «Консенсус 1992 года» между Китаем и Тайванем, 佩洛西窜访台湾 / визит Пелоси на Тайвань, 佩洛西 / Пелоси, 美方干涉台湾事务 или 美方插手台湾问题 / вмешательство американской стороны в тайваньский вопрос, 军事演习 / военные учения, 军事行动 / военная операция, а также 中国人民解放军 (сокр.: 解放军) / Народно-освободительная армия Китая).*

Далее с использованием языка программирования Python и его библиотеки Jieba была проведена предварительная обработка (автоматическая сегментация слов → токенизация → фильтрация служебной лексики: удаление стоп-слов и пунктуации) и

частотный анализ корпуса текстов. Базовый список стоп-слов для китайского языка был дополнен вручную с учетом тематической специфики политического новостного дискурса, что позволило устранить дублирующие публикации и выявить ключевые лексико-семантические маркеры тактик.

Для системного описания выявленных тактик вводится понятие «профиль тактики», под которым понимается совокупность основных описательных и количественных параметров тактики, позволяющих зафиксировать ее место и роль в структуре той или иной (суб)стратегии (в нашем случае — «сохранения коллективного лица»). Профиль тактики включает: наименование и определение тактики, частотность ее реализации в корпусе, частотность лексико-семантических маркеров, а также тактическую плотность маркеров. Использование данного понятия обеспечивает комплексное представление о тактике как дискурсивной организации субстратегии.

Частотность тактики — количество текстов или дискурсивных фрагментов корпуса, в которых зафиксирована реализация соответствующей тактики. Частотность ЛСМ — общее число употреблений конкретных ЛСМ, репрезентирующих данную тактику, в анализируемом корпусе. В свою очередь, под тактической плотностью маркеров (или плотностью маркеров) в настоящем исследовании понимается относительная доля употреблений лексико-семантических маркеров конкретной тактики по отношению к суммарному массиву маркеров всех тактик, реализующих одну и ту же субстратегию.

Расчет тактической плотности маркеров осуществлялся на основе суммарного количества употреблений маркеров каждой тактики по следующей формуле:

$$(N_i / N_s) \times 100 \% = \text{Тактическая плотность маркеров,}$$

где N_i — суммарное количество употреблений лексико-семантических маркеров конкретной тактики, а N_s — общее количество употреблений маркеров всех тактик субстратегии «сохранения коллективного лица» в корпусе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Тактики субстратегии «сохранения коллективного лица» и их маркеры

Анализ китайскоязычных новостных публикаций о конфликте «КНР — пр. Тайвань» позволил выделить пять устойчивых (неоднократно повторяющихся) тактик субстратегии «сохранения коллективного лица»: тактика категоричного утверждения необходимости принятия действий, тактика волевого единства, тактика апелляции к культурно-

исторической общности народа, тактика констатации фактов и тактика указания на законность предпринимаемых действий. Каждая тактика реализуется через специфический набор ЛСМ, обеспечивающих однозначную тактическую атрибуцию фрагмента.

▪ **Тактика категоричного утверждения необходимости принятия действий** — совокупность речевых приемов, направленная на демонстрацию решимости и непреклонности властной группы или государства в отношении своих действий и политики. Данная тактика является наиболее репрезентативной и реализуется в 36,11 % анализируемых текстов. Основными ЛСМ выступают следующие слова и устойчивые выражения: *必将 (必將) / непременно, 必须 (必須) / необходимо, 毫不动摇 (毫不動搖) / непоколебимо, 义无反顾 (義無反顧) / без колебаний, 绝不允许 (絕不允許) / абсолютно недопустимо, 不可阻挡 (不可阻擋) / неприступный, 不应 (不應) / не следует, 绝不退让 (絕不退讓) / ни шагу назад*, а также характерные модели:

- *坚决 (堅決) / твердый, решительно + A;*
- *坚守 (堅守) / упорно защищающий + A;*
- *强化 (強化) / укреплять, усиливающий + A.*

В представленных моделях компонент А выступает в качестве переменной позиции. В китайской речи он может реализовываться в форме именной и глагольной групп, предикативного словосочетания, а в ряде случаев — целого предикативного комплекса. Его синтаксическая функция определяется линейным расположением в предложении и коммуникативной установкой говорящего, а не морфологическими показателями. Например: *中国军队的职责就是坚决捍卫国家主权和领土完整, 并必将为此采取一切坚决、强有力的措施 / Долг китайской армии заключается в решительной защите национального суверенитета и территориальной целостности, и она обязательно примет все решительные и мощные меры для этого* (人民日报, 03.08.2022) — в высказывании отражена решительная позиция китайских властей, подчеркнута готовность китайской армии действовать в интересах защиты суверенитета и общей безопасности; в утверждении *他會堅守民主制度、強化國防自衛能力, 會對話衝突降低衝突的風險 / Он будет решительно поддерживать демократическую систему, укреплять национальную оборону и возможности самообороны, а также вести диалог для снижения риска конфликта* (SET三立新聞網, 31.08.2023) — акцентируется внимание на

том, что кандидат в президенты от Гоминьдана Хоу Юй настроен на поиск мирного взаимодействия с Китаем, чтобы избежать эскалации и снизить напряженность в регионе.

▪ **Тактика волевого единства** направлена на демонстрацию внутренней сплоченности группы или сообщества, выражение согласованности действий и коллективной решимости, подчеркивание совместной ответственности и готовности действовать как единое целое перед внешними вызовами или угрозами. Она зафиксирована в 5,04 % текстов корпуса. Ее маркерами являются: *中国梦 (中國夢) / Китайская мечта, 统一 (統一) / объединение, 共识 (共識) / консенсус, 拥护 / поддерживать, 同心同德 / придерживаться одних стремлений и одних устоев; 同舟共济 / объединить усилия*. Отметим, что в настоящей тактике ключевыми паттернами являются:

- *A + 支持 (支援) / поддерживать, поддержка;*
- *A + 团结 (團結) / единство;*
- *团结 (團結) / единомышленный, единомышленно + A;*
- *A+ 齐心 (齊心) / единство;*
- *齐心 (齊心) / заодно, единомышленный + A;*
- *共同 / совместно, совместный + A;*
- *携手 (攜手) / рука об руку, сплоченный + A.*

Например, в новостной статье тактика волевого единства, представленная в высказывании *全社会都要有仁爱之心、关爱之情, 共同努力使他们能够健康成长 / Все общество должно обладать сердцем сострадания и заботы, совместными усилиями обеспечивая их здоровый рост* (人民日报, 01.06.2022), используется для мобилизации аудитории, формирования ощущения общей цели и ответственности, а также для укрепления внутренней сплоченности и коллективной идентичности. Автор, цитируя Си Цзиньпина и акцентируя внимание на необходимости совместных усилий в реализации «Китайской мечты», подчеркивает, что успех и будущее общества зависят от вклада каждого.

В настоящей публикации редактор, описывая различные позиции населения Тайваня, приводит в пример высказывание известной китайской певицы и актрисы из Гонконга, носившей титул «азиатской поп-дивы» Ли Минь (псевдоним: Coco Lee), в котором выражается идея коллективного единства и используется призыв к согласованности действий: *李玟特別加上一句「中國人要團結! 不要讓外人干涉咱們! / Coco Lee намеренно добавила фразу: «Китайцы должны быть едины! Не позволяйте иностранцам вме-*

шиваться в наши дела!» (SET三立新聞網, 03.08.2022).

▪ **Тактика констатации фактов** — единство речевых приемов, направленных на подчеркивание объективности, проверяемости информации, подтверждающей правоту и легитимность действий группы лиц или государства. Обращение к фактам способствует укреплению доверия к позиции коллектива, демонстрации рациональности и обоснованности принимаемых решений. Тактика реализуется в 5,44 % анализируемых публикаций.

К наиболее частотным ЛСМ тактики констатации фактов нами отнесены: *事实上 (事實上) / фактически, 数据显示 (數據顯示) / согласно данным, 据统计 (據統計) / данные показывают, 截至 (截至) / по состоянию на, а также устойчивые сочетания субъективной модальности: 有明确证据 (有明確證據) / обладать явными доказательствами, 明确指出 (明確指出) / ясно указывать, 客观反映 (客觀反映) / объективно отражать, 报导 (報導) / сообщать, информировать. Характерные модели:*

- *事实 (事實) / фактически, фактический + А;*
- *А + 事实 (事實) / факт;*
- *表明 / указывать на + А.*

Так, например, представитель Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Чжу Фэнлянь прокомментировала статус Тайваня как неотъемлемой части Китая, отметив: *台湾是中国的一部分。尽管海峡两岸尚未统一，但大陆和台湾同属一个中国的事实从未改变，也不可能改变 / Тайвань является частью Китая. Хотя два берега Тайваньского пролива еще не объединены, тот факт, что материковая часть страны и Тайвань принадлежат единому Китаю, никогда не менялся и не может быть изменен (人民日报, 27.04.2023).* Данное высказывание реализует субстратегию сохранения коллективного лица Китая, поскольку с помощью безапелляционного утверждения «одного Китая» говорящий закрепляет легитимность и историко-политическую правоту КНР, представляя ее позицию как единственно нормальную и не подлежащую сомнению. Тактика констатации фактов подтверждается употреблением характерной модели с лексемой *事实 (事實)*, что соответствует схеме: *事实 + А*, придающей высказыванию статус объективной данности.

В тайваньских СМИ авторы статей используют *事实上 / фактически* для объективной констатации и опоры на проверяемые данные: *事实上, 中國刻意曲解二戰時期*

的文件, 包括開羅宣言、波茲坦公告以及舊金山合約, 最主要的目的就是企圖脅迫台灣 / **Фактически, большинство из 23 соглашений, подписанных в прошлом между Фондом обмена проливами и Ассоциацией по связям через Тайваньский пролив, все еще действуют, включая механизмы судоходства, торговли, карантина, экспорта сельскохозяйственной продукции и туризма, причем материковая часть Китая по-прежнему реализует большинство из них в соответствии с духом соглашений** (SET三立新聞網, 25.05.2023). Фактологическая подача снижает оценочность и конфликтность: вместо обвинений подчеркивается реальность продолжающегося практического взаимодействия двух сторон.

▪ **Тактика указания на законность предпринимаемых действий** — комбинация речевых приемов, направленная на легитимизацию действий и решений группы или государства с помощью апелляции к законам, нормам, международным соглашениям или историческим прецедентам. Тактика вселяет уверенность, что коллектив действует не только решительно, но и законно, морально оправданно. Доля публикаций, в которых реализуется данная тактика, составляет 28,20 %.

Тактика указания на законность предпринимаемых действий основана на использовании следующих ЛСМ в медиа КНР и Тайваня: *宪法 (憲法) / конституция, 法理 / правовые нормы, 国际法 (國際法) / международное право, 符合国际法 (符合國際法) / в соответствии с международным правом, 合法权利 (合法權利) / законные права, 依法行事 / действовать по закону; 依法 / согласно закону, 符合国际规范 (符合國際規範) / в соответствии с международными нормами, 合法程序 / законные процедуры, 遵守国际法 (遵守國際法) / соблюдать международное право, 严格遵守 / строго соблюдать, 依法办理 (依法辦理) / действовать по закону, 根据法律 / в соответствии с законом. Для тактики характерны модели маркеров: *А + 权* или *权 + А*, где *权* переводится как «весомый, приспосабливаться, действовать по, право».*

Следующее высказывание из медиа материкового Китая квалифицируется нами как тактика указания на законность предпринимаемых действий: *《中华人民共和国宪法》及《反分裂国家法》《中华人民共和国国家安全法》等法律, 庄严宣示台湾是中华人民共和国的神圣领土的一部分, 中国的主权和领土完整不容分割 / Такие законы, как Конституция Китайской Народной Республики, Закон о*

борьбе с отделением и Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики, торжественно провозглашают, что Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики и что суверенитет и территориальная целостность Китая не могут быть разделены (人民日报, 06.08.2022). В тексте используются прямые ссылки на нормативно-правовые акты («中华人民共和国宪法», «反分裂国家法», «中华人民共和国国家安全法»), что создает авторитетный и юридически обоснованный контекст. Упоминание конкретных законов служит лексическим маркером законности, демонстрирует, что действия государства опираются на официальные правовые нормы.

В свою очередь, власти Китайской Республики (Тайваня) в новостных статьях также применяют тактику указания на законность предпринимаемых действий для приведения аргументов без прямой констатации конфронтации о том, что Тайвань — это самостоятельное независимое государство: **台灣政府重申, 所有加強島嶼防衛的措施皆嚴格遵守《中華民國憲法》及國家安全相關法律。所有措施均旨在保護公民安全及確保台灣民主制度的穩定發展。同時, 政府強調, 任何舉措均遵循法律規範及國際準則, 並未對他方構成挑釁或威脅 / Правительство Тайваня подтверждает, что все действия по укреплению обороноспособности острова строго соответствуют Конституции Республики Китай и законам о национальной безопасности. Все меры направлены исключительно на защиту граждан и обеспечение стабильного развития демократии на Тайване. При этом правительство подчеркивает, что любая инициатива направлена на соблюдение законности и международных норм, без провокаций и угроз другим сторонам** (SET三立新聞網, 18.10.2022). Упоминание Конституции и законов о национальной безопасности Тайваня создает юридическое оправдание предпринимаемых действий, где ЛСМ выполняют риторическую функцию легитимации.

▪ **Тактика апелляции к культурно-исторической общности народа** в рамках субстратегии коллективного сохранения лица КНР и Тайваня представляет собой совокупность речевых приемов, направленных на снятие конфликтной остроты через упоминание общей культурной, исторической и этнической основ двух берегов пролива. В условиях конфронтационной ситуации она выполняет «смягчающую» функцию: конфликт переводится из плоскости прямого политического противостояния в плоскость

общности происхождения, традиции и коллективной памяти. Статистический анализ показал, что данная тактика реализуется в 25,21 % анализируемых текстов корпуса.

Ключевыми ЛСМ этой тактики выступают слова и устойчивые выражения, подчеркивающие единую культурно-историческую рамку: **中华民族 (中華民族) / китайская нация, 中华文化 (中華文化) / китайская культура, 优秀传统文化 (優秀傳統文化) / выдающаяся традиционная культура, 文化自信 / культурная уверенность, 社会主义先进文化 (社會主義先進文化) / передовая социалистическая культура, 两岸同胞 (兩岸同胞) / соотечественники двух берегов одного пролива, 革命文化 / революционная культура, а также формулы этнородственной близости **血脉相连 (血脈相連) / связаны кровными узлами, 同根同源 / одного корня и происхождения, 国家情怀 (家國情懷) / патриотизм**. Эти маркеры сигнализируют принадлежность фрагмента к тактике, потому что прямо активизируют образ «общей семьи/общего культурного дома», где разногласия трактуются как временные и преодолимые.**

Например: **两岸同胞同宗同源, 是骨肉天亲、血浓于水的一家人 / Соотечественники по обе стороны Тайваньского пролива имеют общее происхождение и являются одной семьей, связанной кровью и родством** (人民日报, 12.08.2022).

ЛСМ **中华民族 / китайская нация и 中华儿女 / китайские сыновья и дочери** задают надполитическую категорию общей нации, в которой Тайвань и материк оказываются частями одного цивилизационного целого. Формула **同宗同源 / общее происхождение** (функциональный эквивалент маркера **同根同源**) закрепляет идею общего происхождения, а устойчивые выражения **骨肉天亲、血浓于水、一家人 / кровь — не вода, мы одна семья** активизируют семантическое поле маркера **血脉相连** — метафору кровного родства. Тем самым конфликт представляется не как противостояние внешних акторов, а как временное «внутри-семейное» расхождение, потенциально разрешимое без утраты общего социального имиджа.

В следующем высказывании тактика проявляется в более мягкой, эмоционально-ценностной форме, что типично для тайваньских медиа: **让两岸感受到『一樣的家國情懷』 / Пусть люди по обе стороны Тайваньского пролива почувствуют одинаковое чувство национальной идентичности**

и патриотизма (SET三立新聞網, 06.04.2023).

Маркер 家國情懷 / патриотизм маркирует общую культурно-историческую рамку «родного дома/родины» и входит в семантическое поле концептов 中华民族/中华文化 / идеи исторической родины и цивилизационной общности, хотя не называет их напрямую. Конструкция 两岸感受到“一樣的... усиливает эффект идентификации за счет симметризации переживания: стороны описываются как носители одного и того же историко-культурного чувства. Следовательно, фрагмент не фиксирует юридическую позицию и не заявляет о действиях, а выстраивает общий культурный горизонт, где конфликт выглядит вторичным по отношению к глубинной общности.

2. Система организации лексико-семантических маркеров в тактиках

В целях описания системной организации ЛСМ тактик, реализующих субстратегию «сохранения коллективного лица», применим полевой подход. Совокупность маркеров каждой тактики представляют собой семантически и функционально однородное поле, внутри которого элементы распределяются по степени репрезентативности и устойчивости, а также по характеру их участия в формировании тактического значения.

Использование полевой модели обусловлено необходимостью не только выявить набор ЛСМ, но и установить степень их функциональной значимости в реализации конкретной тактики. Полевой подход позволяет дифференцировать маркерный состав каждой тактики на ядерную и периферийную зоны.

Ядерные маркеры характеризуются высокой частотностью и семантической устойчивостью, они обеспечивают распознаваемость тактики в рамках стратегии; периферийные маркеры менее частотны и более контекстно зависимы, выполняют уточняющие и поддерживающие функции. Полевой анализ показал, что каждая тактика организуется с помощью ограниченного набора доминирующих маркеров при наличии вариативной периферии.

В рамках тактики категоричного утверждения необходимости принятия действий зафиксировано 1059 употреблений маркеров. Ядерную зону образуют единицы 必须, 坚决 и 必将, которые задают модально-волевою рамку обязательности, безальтернативности и неизбежности действия. Их статус как ядерных определяется высокой внутритактической частотностью и стабильной воспроизводимостью: маркер 必须 составляет 38,6 %, 坚决 — 34,2 % от вхождений, что в

совокупности обеспечивает 72,8 % внутритактического распределения. Периферийную зону формируют маркеры 决不, 毫不动摇, 绝不允许, 不可阻挡 и др. — 27,2 % вхождения в тактику, которые усиливают экспрессивность и категоричность высказывания, однако используются менее равномерно и активируются преимущественно в специфических контекстах.

Тактика указания на законность предпринимаемых действий характеризуется 749 употреблениями маркеров. Ядерную зону составляют маркеры 法治 и 依法, легитимирующие действия через апелляцию к правовому порядку и нормативным основаниям. Их ядерный статус обусловлен высокой концентрацией: 法治 охватывает 53,7 %, а 依法 — 27,1 % внутритактических вхождений. Периферийные маркеры (宪法, 基本法, 法定, 权威, 维护国家安全 и др.) в соотношении 19,2 % выполняют функцию уточнения правового режима и институциональной авторитетности, усиливая эффект юридической обоснованности.

Тактика апелляции к культурно-исторической общности народа представлена 806 повторяющимися маркерами. Ядерную зону формирует маркер 中华民族, на который приходится 79,0 % всех внутритактических вхождений. Его доминирование обусловлено способностью формировать надполитическую цивилизационную рамку, в которой конфликт осмысливается не как самостоятельная ценностная категория, а как временное расхождение на фоне историко-культурной общности. Такие маркеры, как 中华文化 (9,1 %), 优秀传统文化 (5,1 %), 文化自信 (3,1 %) и др., образуют периферийную зону, конкретизируя различные аспекты общности и функционируя как уточняющие элементы вокруг ведущего идентификационного ядра.

В тактике констатации фактов зафиксировано 409 употреблений маркеров. Ядерную зону образуют маркеры 事实 (57,9 %) и 表明 (26,3 %), которые формируют эффект доказательности и объективной проверяемости информации и в совокупности охватывают 84,2 % внутритактического распределения. Периферийные маркеры (数据显示, 据统计, 截至, 净增长 и др.) выполняют функцию фактологической и статистической конкретизации, обслуживая отдельные тематические фрагменты текста и не обладая высокой степенью воспроизводимости.

Тактика волевого единства характеризуется наименьшим суммарным количеством маркерных употреблений — всего 299 вхождений. Ядерную зону формирует маркер

тук, который составляет 48,5 % всех внутривидовых вхождений и задает базовую семантику сплоченности и коллективной ответственности. Остальные формулы (共同努力, 凝聚共识, 同心同德, 同舟共济 и др.) образуют периферийную зону и активируются ситуативно, преимущественно в мобилизационных и эмоционально-оценочных контекстах.

Представленный анализ ядерных и периферийных маркеров отражает внутривидовую организацию лексико-семантических средств и позволяет выявить степень стандартизации каждой тактики. Для сопоставления тактик между собой на уровне субстратегии «сохранения коллективного лица» далее используется показатель тактической плотности маркеров, входящий в состав профиля тактики.

В результате расчетов установлено, что наибольшей плотностью маркеров характеризуется тактика категоричного утверждения необходимости принятия действий, на долю которой приходится около 31,9 % всех маркерных тактических употреблений в составе субстратегии. Существенную долю также занимают тактика апелляции к культурно-исторической общности народа (24,3 %) и тактика указания на законность предпринимаемых действий (22,5 %), что свидетельствует о высокой значимости данных тактик в формировании коллективного имиджа и легитимации позиции стороны конфликта. Напротив, тактики констатации фактов (12,3 %) и волевого единства (9,0 %) обладают сравнительно низкой тактической плотностью, что указывает на их вспомогательный характер и более ограниченную роль в общей структуре субстратегии.

Таким образом, показатель тактической плотности маркеров дополняет полевой и частотный анализ, позволяя перейти от описания внутренней организации тактик к их сопоставлению на уровне субстратегии в целом и выявить количественно доминирующие способы дискурсивного «сохранения коллективного лица».

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показал, что субстратегия «сохранения коллективного лица» в китайскоязычном медиадискурсе конфликта «КНР — пр. Тайвань» реализуется с помощью определенного структурно организованного набора речевых тактик, каждая из которых обладает специфическим маркерным составом. Введение понятия профиля тактики позволило системно описать их репрезентативность с учетом частотности тактик, частотности лексико-семантических маркеров и тактической плотности маркеров. Полевой

анализ выявил четкое разграничение ядерных и периферийных маркеров, что свидетельствует о различной степени стандартизации тактик и устойчивости их языковой реализации. Количественные данные подтверждают доминирование тактики категоричного утверждения необходимости принятия действий, а также значимую роль тактик указания на законность предпринимаемых действий и апелляции к культурно-исторической общности народа. Эти тактики характеризуются высокой тактической плотностью маркеров и формируют основу дискурсивного конструирования коллективного имиджа. Тактика констатации фактов и тактика волевого единства, напротив, демонстрируют более низкие показатели частотности и плотности, выполняя вспомогательные и ситуативные функции. В совокупности полученные результаты позволяют рассматривать субстратегию «сохранения коллективного лица» как многоуровневую и количественно дифференцированную систему тактических средств, устойчиво воспроизводимую в медиадискурсе.

ИСТОЧНИКИ

1. SET三立新聞網 = Новостной портал «SET Санли синьвэньван». — URL: <https://www.setn.com/> (дата обращения: 19.09.2025).
2. 人民日报。 = Жэньминь жибао. 2025. — URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/pc/layout/202504/16/node_01.html (дата обращения: 06.09.2025).
3. 人民网. 人民日报社社会责任报告 (2023年度) = Жэньминь Жибао онлайн. Отчет о социальной ответственности Жэньминь Жибао (данные на 2023 г.). — URL: <https://gongyi.people.com.cn/n1/2024/0531/c151132-40247952-3.html> (дата обращения: 01.12.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. О стыде и стуже / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 59–79.
2. Иванова, М. В. Речь журналистов электронных СМИ / М. В. Иванова // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ : сб. науч. статей. — Москва, 2016. — С. 86–94. — EDN YHORWP.
3. Курбонова, З. М. Сценарии развития политических конфликтов и пути их предотвращения. Часть 1 / З. М. Курбонова, А. Н. Абдурахмон // Вопросы политологии. — 2020. — Вып. 1 (53). — Т. 10. — С. 156–162. — DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.016. — EDN NZQJPY.
4. Лычагин, А. И. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты / А. И. Лычагин, И. Д. Комаров // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2017. — № 3. — С. 530–538. — DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538. — EDN ZEWETF.
5. Медведева, Н. Б. Роль системы деловых связей «гуанси» (关系 guānxi) и концепции лица «мяньцзы» (面子 miànzǐ) в китайской бизнес-культуре / Н. Б. Медведева, Е. В. Толстогузова // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: поиски общих закономерностей : сб. материалов IX Всерос. науч.-практ. конф. — Биробиджан : [б. и.], 2021. — С. 71–76. — EDN SIOKQY.
6. Нагибина, И. Г. Китайский дискурс: концепция культурологического анализа : моногр. / И. Г. Нагибина, Л. В. Куликова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 180 с. — ISBN 978-5-7638-4419-1. — EDN UNDNZS.
7. Никольский, М. В. Китай против Тайваня. Война в воздухе / Михаил Никольский. — Москва : Яуза : Эксмо, 2024. — 208 с. — ISBN 978-5-04-198112-9.
8. Скальная, О. А. Коммуникативный концепт «работа над

лицом» в китайской культуре: понятие и формы / О. А. Скальная, Н. А. Лукьянова // Миссия интеллектуалов в современном мире: проблемы, ограничения, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 30 ноября 2023 г. — 01 марта 2024 г. / КузГТУ ; под ред. Н. Н. Равочкина, М. И. Баумгар-тэна. — Кемерово : [б. и.], 2024. — EDN NIJYDN.

9. Brown, P. Universals in language use: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // *Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction* / ed. E. Goody. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1978. — P. 56–289.

10. Gu, Yueguo. Politeness phenomena in modern Chinese / Gu Yueguo // *Journal of Pragmatics*. — 1990. — Vol. 14 (2). — P. 237–257.

11. Hofstede, G. Culture's recent consequences: Using dimension scores in theory and research / G. Hofstede // *International Journal of cross-cultural management*. — 2001. — Vol. 1. — No. 1. — P. 11–17.

12. Lousche, J. R. National Identity and Nationalism in Taiwan / J. R. Lousche. — Norwich University, 2022. — URL: <https://apps.dtic.mil/sti/trecms/pdf/AD1185020.pdf> (date of access: 28.09.2025).

13. Ting-Toomey, S. Conflict face-negotiation theory: Tracking its evolutionary journey / S. Ting-Toomey // *Conflict management and intercultural communication* / eds. X. Dai, G. M. Chen. — Routledge, 2017. — P. 123–143.

14. 胡先晋. 中国人的脸面观 = Ху Сяньцзинь. Интерпретация китайского «лица» // *中国社会心理学评论*, 2006. — № 1. — 45–46 页.

MATERIALS

1. SET Sanli Xinwenwang. (2025). News portal. Available at September 19, 2025 from <https://www.setn.com/>.

2. People's Daily. (2025). Official newspaper. Available at September 6, 2025 from http://paper.people.com.cn/rmrb/pc/layout/202504/16/node_01.html.

3. People's Daily Online. (2024). Renmin Ribao she shehui zeren baogao (2023 niandu) = People's Daily social responsibility report (2023). Available at December 1, 2025 from <https://gongyi.people.com.cn/n1/2024/0531/c151132-40247952-3.html>.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1997). O styde i stuzhe = On shame and cold. *Problems of Linguistics*, 2, 59–79.

2. Ivanova, M. V. (2016). Rech' zhurnal'istov elektronnykh SMI. Rech' zhurnal'istov elektronnykh SMI = Journalistic speech in electronic media. *Learning to speak Russian: Issues of contemporary language in electronic media. Collection of scholarly articles*, 86–94. Moscow. EDN YHORWP.

3. Kurbonova, Z. M., Abdurakhmon, A. N. (2020). Stsenarii razvitiya politicheskikh konfliktov i puti ikh predotvrashcheniya. Chast' 1 = Scenarios of political conflict development and ways

of their prevention. Part 1. *Problems of Political Science*, 10(1/53), 156–162. DOI 10.35775/PSI.2020.53.1.016. EDN NZQJPY.

4. Lychagin, A. I., Komarov, I. D. (2017). Tayvan'skiy vopros: vneshnie i vnutrennie determinanty = The Taiwan issue: external and internal determinants. *RUDN Journal of International Relations*, 17(3), 530–538. DOI 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538. EDN ZEWETF.

5. Medvedeva, N. B., Tolstoguzova, E. V. (2021). Rol' sistemy delovykh svyazey «guanxi» (关系 guānxi) i kontseptsii litsa «mianzi» (面子 miànzi) v kitayskoy biznes-kul'ture = The role of guanxi relations and the concept of face (mianzi) in Chinese business culture. *Picture of the World in Systemic-Structural and Anthropological Aspects: Search for General Patterns: Collection of Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conf.*, 71–76. Birobidzhan. EDN SIOKQY.

6. Nagibina, I. G., Kulikova, L. V. (2021). *Kitayskiy diskurs: kontseptsiya kul'turologicheskogo analiza* = Chinese discourse: A cultural analysis perspective. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 180 p. ISBN 978-5-7638-4419-1. EDN UNDNZS.

7. Nikol'skiy, M. V. (2024). *Kitay protiv Tayvanya. Voyna v vozdukh* = China against Taiwan: The air war. Moscow: Yauza; Eksmo, 208 p. ISBN 978-5-04-198112-9.

8. Skal'naya, O. A., Lukyanova, N. A. (2024). Kommunikativnyy kontsept «rabota nad litsom» v kitayskoy kul'ture: ponyatie i formy = The communicative concept of “working on face” in Chinese culture. *The mission of intellectuals in the modern world: problems, limitations, prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Kemerovo. EDN NIJYDN.

9. Brown, P., Levinson, S. (1978). Universals in language use: Politeness phenomena. *Questions in politeness: Strategies in social interaction* (Ed. E. Goody), 56–289. Cambridge: Cambridge Univ. Pr.

10. Gu, Yueguo (1990). Politeness phenomena in modern Chinese. *Journal of Pragmatics*, 14(2), 237–257.

11. Hofstede, G. (2001). Culture's recent consequences: Using dimension scores in theory and research. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 1(1), 11–17.

12. Lousche, J. R. (2022). *National identity and nationalism in Taiwan*. Norwich University. Available at September 28, 2025 from <https://apps.dtic.mil/sti/trecms/pdf/AD1185020.pdf>.

13. Ting-Toomey, S. (2017). Conflict face-negotiation theory: Tracking its evolutionary journey. *Conflict management and intercultural communication* (Eds. X. Dai, G. M. Chen), 123–143. Routledge.

14. Hu, Xianjin (2006). Zhongguoren de lianmian guan = Chinese views on face. *Zhongguo shehui xinlixue pinglun*, 1, 45–46.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Gul'zhan D. Raspaeva¹✉, Ahmad Jamil²✉

^{1,2} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹ raspaevagd@susu.ru✉, SPIN code: 8751-1959, <https://orcid.org/0000-0002-1922-9345>

² ahmadjamil1575@gmail.com✉

Specific Features of Metaphorical Models in Pakistani, Russian and American Political Discourse (2018–2024)

ABSTRACT. *The aim of the article is to analyze metaphorical models in the political discourse of Pakistan, Russia and the United States that form national ideologies and foreign policy narratives. The practical research material includes a corpus of 102 metaphors selected over the period from 2018 to 2024. It was found that Pakistan's leaders use metaphors related to the source domains "architecture", "disaster", "animals", "kinship ties" and "military affairs"; Russian politicians prefer military, historical, zoomorphic and mythological metaphors to represent the geopolitical strategy and economic power of the country; American leaders employ the metaphors with the source domains "biology", "medicine" and "crisis" to activate pre-election debates and evoke an emotional response from American society. The metaphors function as dynamic rhetorical tools in the contexts, turning complex issues into easily understandable concepts for constructing a political narrative.*

KEYWORDS: *political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, metaphorical units, cognitive linguistics, language units, political discourse, geopolitics, geopolitical strategies, politicians, national ideology, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Pakistani media, Russian media, American media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Raspaeva Gul'zhan Dzhambulovna, Candidate of Philologues, Associate Professor of Department of Foreign Languages, South Ural State University (National Research University); Chelyabinsk, Russia.*

Jamil Ahmad, Master's Degree Student, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: *Raspaeva G. D., Jamil Ahmad. (2026). Specific Features of Metaphorical Models in Pakistani, Russian and American Political Discourse (2018-2024). In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 80-86. (In Russ.).*

Гульжан Джамбуловна Распаева¹✉, Ахмад Джамиль²✉

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ raspaevagd@susu.ru✉, SPIN-код: 8751-1959, <https://orcid.org/0000-0002-1922-9345>

² ahmadjamil1575@gmail.com✉

Особенности метафорических моделей в пакистанском, российском и американском политическом дискурсе (2018–2024)

АННОТАЦИЯ. *Цель статьи — анализ метафорических моделей в политическом дискурсе Пакистана, России и США, формирующих национальные идеологии и внешнеполитические нарративы. В качестве материала был составлен корпус из 102 метафор за период с 2018 по 2024 г. Было обнаружено, что пакистанские лидеры используют метафоры, относящиеся к сферам-источникам «архитектура», «стихийные бедствия», «животные», «родственные связи» и «военное дело»; российские политики предпочитают военные, исторические, зооморфные и мифологические метафоры для представления геополитической стратегии и экономической мощи страны; американские лидеры используют метафоры, относящиеся к сферам-источникам «биология», «медицина» и «кризис» для активизации предвыборных дебатов и эмоциональной реакции американского общества. Метафоры функционируют как динамичные риторические инструменты в контекстах, превращая сложные явления в легко понятные концепции для конструирования политического нарратива.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, метафорические единицы, когнитивная лингвистика, языковые единицы, политический дискурс, геополитика, геополитические стратегии, политические деятели, национальная идеология, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, пакистанские СМИ, российские СМИ, американские СМИ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Распаева Гульжан Джамбуловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ИЛиМК, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, email: raspaevagd@susu.ru.*

Джамиль Ахмад, магистрант ИЛиМК, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, email: ahmadjamil1575@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Распаева, Г. Д. Особенности метафорических моделей в пакистанском, российском и американском политическом дискурсе (2018–2024) / Г. Д. Распаева, Джамиль А. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 80-86.*

INTRODUCTION

Political discourse is a complex and strategic form of communication that shapes public opinion, legitimizes power, and emphasizes ideological narratives [Chudinov 2006; Ruzhentseva 2019; Budaev 2020, 2023]. The relevance of this research article is explained by necessity to select appropriate speeches in political linguistics, discourse analysis, and international relations. By conducting a cross-cultural comparison of political metaphors, it fills a gap in existing literature, which often focuses on Western contexts, by incorporating understudied perspectives from Pakistan and Russia alongside the U.S.A. T. A. Van Dijk describes it as «a class of genres defined by a social domain, namely that of politics, and thus by a specific group of actors (politicians) and a specific kind of institutional setting (government, parliament, political media)» [Van Dijk 1997: 34]. N. Fairclough further argues that it is «a mode of language use embedded in power relations» [Fairclough 2003: 45], while P. Chilton emphasizes its strategic role in «managing public perception» [Chilton 2004: 12].

Metaphors serve as fundamental elements for political debate in such circumstances. Political metaphors function as intellectual tools which create powerful emotions while simplifying complex political dynamics and framing problems according to specific ideological frameworks [Chudinov 2001]. The use of metaphors functions both as rhetorical tools and shapes public perceptions about world relations along with state identity and government systems.

The application of metaphors throughout political discussion leads to several negative consequences. Public perception becomes manipulated through oversimplified presentation of complex issues and through binary thought structures which establish “*us vs. them*” and “*good vs evil*” divisions. Metaphors, as G. Lakoff and M. Johnson demonstrate, are not mere ornaments but «fundamental structures of thought» that shape ideological frameworks [Lakoff, Johnson 1980: 156].

Cognitive linguistics uses the original research of G. Lakoff and M. Johnson to understand metaphorical models through their definition of metaphors as key mental structures rather than ornamental language [Lakoff, Johnson 1980: 156]. Research in Critical Discourse Analysis (according to N. Fairclough and T. A. Van Dijk) shows political metaphors operate as fundamental instruments that both create ideological frameworks and preserve social power dynamics and construct public understanding of reality [Fairclough 2003; Van Dijk 1997]. Pakistani political metaphors have received limited academic investigation [Shah 2022] despite thorough

examinations of Western metaphors in the U.S. space. S. Ahmed, A. Khan identify Pakistani political metaphors as merging religious («State of Madina») and militaristic («economic jihad») elements, reflecting the nation's socio-political fabric [Ahmed 2020; Khan 2021]. The Russian discourse, according to V. Ozyumenko, relies heavily on militaristic and historical metaphors to frame geopolitical conflicts [Ozyumenko, Larina 2021].

J. Charteris-Black notes that metaphors «persuade by simplifying complex realities» [Charteris-Black 2011: 67], while A. Musolff highlights their role in constructing «discursive scenarios» [Musolff 2016: 112]. The distinct metaphorical patterns reflect the nation's distinctive societal structure. The available studies reveal an important scholarly need to explore political metaphor analyses between Pakistan and Russia and the United States while investigating the impact of native cultural and geopolitical environments on political phrasing. The research evaluates ideological functions alongside manipulative capabilities of dominant metaphorical models across Pakistani, Russian and U.S. political discourse from 2018 to 2024.

The aim of this article is to analyze the dominant metaphorical models in the political discourses of Pakistan, Russian, and the USA and to reveal how they reflect and shape national ideologies and foreign policy narratives.

MATERIALS AND METHODS

The political texts of both printed and electronic Pakistani, Russian and American media containing metaphorical word usage were used as materials for the study. 102 metaphorical word usages were considered (approximately an equal number in Pakistani, Russian and American sources). The article analyzed the metaphors used by Pakistani political leaders: Imran Khan, Hina Khair, Shehbaz Sharif, Bilawal Bhutto, Ishaq Dar; the Russian politicians: Vladimir Putin, Sergei Lavrov, Anton Siluanov, Dmitry Medvedev; the politicians of the USA: Donald Trump, Kamala Harris, Barack Obama.

The methodology of this research is based on the theory of conceptual metaphor (G. Lakoff, M. Johnson) and the theory of metaphorical modeling based on the cognitive-discursive paradigm (E. V. Budaev, A. P. Chudinov and others), and is also based on discourse analysis (V. I. Karasik, E. S. Kubryakova, A. P. Chudinov and others).

The methodology of metaphor research in the discourse of the subject of political activity is used in the article. When using this technique, we try to identify the metaphorical models that are characteristic of the discourse of a particular subject of political communication.

It should be noted that metaphors carry a certain pragmatic potential that transform people's priority systems and their behavior, since metaphors are based on a linguistic and pragmatic orientation. The leaders of different countries impose their own metaphors both in national politics and in the daily routine of life. Within the framework of this methodology, we attempt to find practical confirmation of how metaphors in the speech of politics affect the mass consciousness and encourage the adoption of certain political decisions.

The following methods were used in the course of the work: cognitive-discursive analysis, contextual analysis, comparative analysis where the linguistic and cultural characteristics of the phenomena were taken into account.

Let's consider the metaphors of Pakistani politicians.

1) *Pakistan is a fortress of Islam that must stand strong against storms of extremism* [The Express Tribune 20.03.2021].

It frames Pakistan as a defensive boundary against extremism («storms»), appealing to religious nationalism. This was said by Imran Khan, the former prime minister of Pakistan and chairman of Pakistan Tehreek e Insaaf (PTI). It is a political party of Pakistan which is very popular there. I. Khan's statement employs an architectural metaphor («fortress») and a natural disaster metaphor («storms»). I. Khan uses «fortress» to describe Pakistan's dual role as a boundary between external forces and sacred Islamic territory whereas «storms» depict extremism as incoming attacks from outside sources. Through this metaphor I. Khan seeks to generate religious nationalism by targeting conservative voters while uniting Islam with national identity. Through these metaphors, the military action receives justification because it presents counterterrorism as defensive rather than aggressive while simultaneously directing public attention toward non-domestic threats.

2) *Foreign debt is a python squeezing the breath out of our development* [Dawn, 15.06.2024].

This statement has been given by Hina Khair, the former minister of state for foreign Affairs & senior politician (Pakistan People's Party). The example combines an animal metaphor «python» with a violence metaphor «squeezing breath». It clearly illustrates the suffocating and voracious nature of the national debt crisis. It is reported by major news outlets like Dawn and Geo News. With the help of the metaphor *Python squeezing the breath of out of our development* H. Khair critiques the debt policies through visceral imagery. Through the metaphor «python», the politician depicts financial debt as an oppressive predator which slowly but steadily chokes off economic advancement to the reader.

The politician criticizes statesmanlike borrowing practices which include the rival political opponents by symbolism of debt as a dangerous python which crushes the life out of its victims via «squeezing breath». Through the thematic imagery, the leader positions the PPP (Pakistan People's Party) as financially wise by warning audience about debt-related problems that emerge from exuberant borrowing.

3) *China is our iron brother; their support is the backbone of CPEC*. [The Diplomat, 20.07.2024].

This example employs a kinship metaphor «iron brother» combined with an anatomical metaphor «backbone». This is stated by S. Sharif, the Prime Minister of Pakistan & President of Pakistan Muslim League-Nawaz (PML-N). He stressed this during a speech or meeting related to the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) to reaffirm the strong, unbreakable strategic alliance with China and highlight its critical importance to Pakistan's infrastructure and economic future. It was posted on the official PML-N website, the Prime Minister's Office website and reported by all major Pakistani media. The «iron brother» description represents China's position as Pakistan's strongest dependable friend because iron symbolizes an unbreakable connection between the nations. The metaphor describes Chinese support as the critical backbone behind the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) so that the project would experience complete failure without it. Through this metaphor, S. Sharif validates China as Pakistan's lead strategic alliance partner while facing economic challenges while explaining why the country should maintain Chinese investments despite debt concerns. The metaphor helps Pakistan to demonstrate stable bilateral ties against Western interference in its foreign policy framework.

4) *The nation is a ship; if we row in different directions, we will drown together* [Geo News, March 2024].

It is said by B. Bhutto, the current foreign minister of Pakistan in Public rally in Rawalpindi, reported by Geo News. B. Bhutto's statement employs a cohesive nautical metaphor to frame the nation's political situation. The metaphor describes Pakistan as the lone ship on a bad journey with a rowing in opposite directions meaning the destructive political disunity and partisanship of the two opposing parties, and the ominous and frightening result of the motionless sinking as a unit which the nation would suffer as a result of an economic meltdown or a failed state would leave no one behind. This bright metaphor was mainly employed as a way of fostering unity of the country by giving a strong warning to the political wrangling to an extent that his party (PPP) would be the glue

above the fray. Moreover, the visuals were made to create a sense of danger and immediacy, so that the abstract threat of political unrest would become immediate and concrete to the masses, and to reduce a complex political crisis to a story that the general public could easily relate to, that of collective survival, and one immune to partisan politics.

5) *We are all soldiers in the battle for Pakistan's economic survival* [PML-N Twitter/X, May 2024].

This is the televised address to the nation by S. Sharif, the current Prime minister of Pakistan after the budget presentation. S. Sharif's statement uses a military metaphor to frame the nation's economic crisis. The metaphor casts the severe economic challenges as a "battle," a life-or-death struggle requiring a wartime mentality and recasts all citizens as «soldiers», implying that their role is one of discipline, sacrifice, and obedience to a central command in the national effort. The politician employs this metaphor with a clear purpose to mobilize the public by creating a sense of urgency and shared duty and also to justify the implementation of difficult and potentially unpopular economic reforms, such as severity measures and tax hikes by presenting them as necessary wartime orders, and to foster a sense of collective responsibility, shifting the focus from government action to a universal call for sacrifice from every citizen.

6) *India's aggression is a wildfire; we must build firewalls with diplomacy* [the United Nations General Assembly, Dawn News, September 2023].

The example is connected with Ishaq Dar, former Foreign Minister & Senior Politician (PML-N). He said this in response to a specific act of Indian aggression (cross-border shelling, the controversial statement from Delhi) to frame the threat as rapid and destructive while positioning Pakistan's diplomatic response as a necessary and strategic defense. A news report from Dawn also directly quotes the line used a hybrid metaphor that begins with a natural disaster metaphor («wildfire») and concludes with a technological metaphor («firewalls»). The «wildfire» imagery characterizes India's actions as a rapidly spreading, destructive, and dangerous force that is difficult to control, suggesting an immediate and escalating threat. In response, the «firewalls» component shifts the framing, proposing a modern, strategic, and controlled barrier built not with technology but with «diplomacy» to contain the threat. I. Dar uses this metaphor to achieve several key objectives: firstly, to clearly assign the role of aggressor to India by painting its actions as an uncontrollable force of nature; secondly, to position Pakistan as a rational and strategic actor in seeking sophisticated, non-military solutions to de-escalate tensions and finally, to ad-

vocate for a specific policy approach (diplomacy) by making it seem like the most logical and effective «firewall» against a potentially catastrophic confrontation.

So, Pakistani politicians use metaphors with the source spheres: architecture, disaster, animals, kinship, nautical and military to show complicated political confrontation in the country.

Let's analyze the examples of Russian politicians' metaphors.

1) *Russia is an unbreakable shield protecting multipolar world order from Western aggression* [Rossiyskaya Gazeta, 04.02.2022].

This example is connected with S. Lavrov, Russian Foreign Minister and said in February 2022 to frame the war as a defensive and necessary action against a hegemonic West. It positions Russia as a global protector of sovereign nations. The metaphor states Russia as a shield which intends to present protective nation status while avoiding the label of aggressor. It sparks Russian Patriotism through appealing to historical perceptions about Western threats. This geopolitical metaphor succeeds because it transforms complicated international relationships into compelling visual representations which strengthen unity among citizens and draw support from the other nations.

2) *These unconscious hamsters, serving a foreign policy agenda, are leading their own countries to a total collapse. They are like mindless rodents running towards a cliff* [Dmitry Medvedev's official Telegram channel, November 2023].

The statement by Dmitry Medvedev employs the example of zoomorphic metaphor that compares Western politicians to «unconscious hamsters» and «mindless rodents». The metaphor describes the western leaders as servile animals which blindly go over a pre-programmed course (serving a foreign policy agenda) towards a self-destructive end (running towards a cliff). The metaphor discloses that Western political elites are stripped of their agency and rationality which make them dehumanized and belittled. D. Medvedev's comparison tends to discredit their rule by making them mere rodents, reject the validity of their foreign policy, and demonstrate the West not as a strategic threat but as a group of untalented actors that are doomed to failure. The metaphor is used to strengthen the domestic morale of Russians because it implies that opponents of Russia are weak and irrational, at the same time reminding an international audience to question the foreign policy of Western politicians leading to self-destruction.

3) *Our economy is a phoenix rising from sanctions' ashes* [TASS, 25.03.2022].

This statement was given by A. Siluanov, Russian Finance Minister. He stated in March

2022, after the imposition of severe Western sanctions. The purpose was to project confidence and resilience, assuring the Russian public that the economy would not only survive but be reborn stronger.

It employs a powerful mythological metaphor drawn from the phoenix legend, combined with a destruction-rebirth metaphor («rising from ashes»). Russia possesses transformative abilities like the phoenix thus the Western sanctions have yielded an environment where the nation can reemerge stronger than before. Through his description of sanctions as «ashes» A. Siluanov redefines their harmful effects into a period which precedes economic rebirth so the economy will manifest strength beyond its original form.

4) *Russia's sovereignty is a mighty oak with deep historical roots* [Rossiyskaya Gazeta, October, 2024].

The example was said by V. Putin, the President of Russian Federation during his presidential address to the federal assembly. In order to frame the country's political identity, V. Putin uses a potent organic metaphor. The «deep historical roots» clearly anchor this strength in a lengthy, unbroken, and unalterable national history, while the «mighty oak» represents Russia's sovereignty as something old, strong, resilient. V. Putin uses this metaphor to serve a clear ideological purpose of promoting an anti-Western narrative. The politician normalizes Russia's current political system by equating it with a massive tree, implying that it is an organic, unavoidable, and permanent entity by evoking a timeless connection to the land and history, this imagery states him as the defender of this enduring legacy.

5) *The West, in its desire to dominate, is acting like a cancerous tumor in international relations. It is metastasizing, trying to absorb and subordinate everything to its will* [Speech and Q&A at the Gorchakov Fund, January 18, 2024].

The statement by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov, delivered during a speech and Q&A at the Gorchakov Fund employs a potent medical-pathological metaphor. On the one hand, S. Lavrov describes the West as a cancerous tumor metastasizing in global relations portraying the western foreign policy not as a contesting force in politics but as a disease full of cancerous cells and threatening to the survival of the host. The connotation of this metaphor is that the influence of the West is necessarily destructive and out of control and aims to feed on and take hold of healthy tissues (sovereign nations). This metaphor was used by S. Lavrov to demonize the Western geopolitical ambitions, which gives a moral rationale to the confrontational position taken by Russia. It is used to put the conflict not in the context of a war but a necessary response in self-defense of the global body

politic marshalling both domestic and international support by making Russia look like a surgeon combating a fatal disease. The medical imagery of the metaphor is intended to instill fear and a sense of urgency as an acceptable treatment to prevent the transmission of a deadly ideological disease.

6) *Sanctions are barbed wire trying to cage the Russian bear — but bears break cages* [Izvestia, April, 2024].

This metaphorical statement was given by Dmitry Medvedev, Deputy Chairman of the Russian Security Council. It frames sanctions as a cruel but flimsy attempt at containment, while invoking the national symbol of the bear to portray Russia as inherently powerful. The metaphor constructs a vivid narrative where the «Russian bear» symbolizes the nation's raw, untamable power and primal strength, while the «barbed wire» of sanctions is portrayed as a cruel but flimsy attempt by the West to imprison and control it. D. Medvedev employs this metaphor with the obvious goal of propagandizing, defending Russia's economic tenacity and portraying an unavoidable triumph. He dismisses the severe economic pain of sanctions as a temporary inconvenience by claiming that Russia's strength will ultimately shatter any Western constraints. He presents the conflict as a natural struggle between a powerful bear and a man-made cage.

So, Russian politicians prefer to use zoomorphic, mythological, organic and animal metaphors in order to show the true goals of the geopolitical ideology aimed at building and protecting the country from the destructive and perverse narrative of Western states.

Let us see the examples of American politicians' metaphors.

1) *America is a rotting carcass being picked apart by vultures* [The New York Times, March 19, 2018].

The statement was given by Donald Trump employing a biological metaphor («rotting carcass») combined with an animal metaphor («vultures») to create an image of the national decline. Through «rotting carcass» imagery, D. Trump depicts America as a fatal national entity whose irreversible decomposition parallels the «vultures» characterization of undocumented immigrants who feed on national desolation. Through the symbolism the metaphor turns immigration policy into a powerful emotional symbol which represents an attack against the national identity.

2) *MAGA extremists are termites eating democracy's foundation* (the Editorial column, 23.07.2022).

The statement was given by the former American President Joe Biden. J. Biden's

statement employs an entomological metaphor («termites») combined with an architectural metaphor («democracy's foundation») to characterize the threat posed by far-right political movements. J. Biden's «termites eating democracy's foundation» frames MAGA as systemic threat, leveraging architectural imagery [Charteris-Black, 2011: 91]. The «foundation» metaphor demonstrates how core democratic elements like electoral transparency and judicial freedom remain at risk of destruction. J. Biden adopts this analogy to demonstrate how the MAGA movement endangers democracy through persistent harm to its fundamental structure and he uses this approach to prevent vilifying MAGA supporters.

3) *Trump's lies are poison in the bloodstream of our nation* [The New York Times, 22.08.2021].

Kamala Harris's statement employs a medical metaphor that frames disinformation as a toxic biological threat. D. Trump's false statements function as dangerous contaminants that attack the whole body politic through a system that penetrates like an immediate toxic substance. Using national identification with an infected organism K. Harris explains that D. Trump's false statements endanger the entire population in an equal manner regardless of political background. The medical analogy enables her to condemn risky language while speaking in a controlled manner, to express serious worries.

4) *The GOP has become a hostage situation led by extremists* [the interview with *The Atlantic*, October, 2024].

The statement was given by Barack Hussein Obama, American politician who served as the 44th president of the United States from 2009 to 2017. B. Obama uses a crisis metaphor to describe the state of the Republican Party as a violent crime. The metaphor describes the party as a «hostage», which means that its traditional institutions, members, and principles are being held against their will. The «extremists» are the armed captors who have taken control through force. B. Obama employs this metaphor to reach some political goals: to criticize the GOP's direction by saying that it is no longer a functioning political party; to turn moderate conservatives and independents against the Republican party by painting it as dangerously overtaken by radicals, and to get Democratic and centrist voters to take action by making them feel like they need to «rescue» American politics from dangerous extremism.

5) *This American carnage stops right here and stops right now... From this day forward, a new vision will govern our land. From this moment on, it's going to be only America First*

[Donald Trump's Inaugural Address, January 20, 2017].

Donald Trump's statement, delivered during his Inaugural Address on January 20, 2017, at the U.S. Capitol, employs a violent disaster metaphor («American carnage»). This metaphor frames the socio-economic and political condition of the nation prior to his presidency not merely as a period of difficulty, but as a scene of bloody, widespread slaughter and physical devastation, evoking imagery of a battlefield or a catastrophic accident. Trump, as the newly inaugurated president, used this stark and shocking metaphor to achieve several core objectives central to his political identity. Firstly, it serves to dramatically criticize the preceding political era and its leadership, painting the recent past as a failure of historic proportions. Secondly, it creates a powerful sense of crisis and urgency that justified his promised radical break from established policies, encapsulated in the slogan «America First.» Finally, by presenting himself as the singular force who can stop this «carnage,» the metaphor positioned his inauguration as a moment of national salvation, appealing directly to the grievances of his base and establishing a narrative of the restoration against a backdrop of imagined chaos and decay.

6) *Gun violence is an epidemic tearing community apart* [Kamala Harris's speech in C-SPAN, June, 2022].

Kamala Harris uses a powerful medical metaphor to frame the issue of gun violence. She defines gun violence as a contagious, rapidly spreading, and widespread public health crisis that necessitates a systemic, science-based response similar to disease containment by calling it «an epidemic», rather than a collection of isolated crimes or a fixed problem. K. Harris employs this metaphor to accomplish some goals: firstly, to move the issue out of the political sphere and reframe it as a nonpartisan public health emergency; secondly, to draw attention to the significant social harm caused by gun violence, illustrating the destruction of the social fabric, just as a disease ravages a body.

So, the metaphors with the various source spheres (biology, medicine, crisis, horticulture) used by the American politicians are aimed at imposing their ideological postulates to achieve their contradictory narratives.

CONCLUSION

This cross-cultural analysis of political metaphors in Pakistan, Russia, and the United States reveals that metaphor is far more than a rhetorical device; it is a fundamental cognitive tool for constructing political reality. Despite their vastly different political systems and cultural contexts, political elites in all three nations consistently

employ metaphorical models to simplify complex issues, legitimize power, delegitimize opponents, and mobilize public sentiment.

The study demonstrates that each country exhibits distinct metaphorical preferences rooted in its unique geopolitical and socio-cultural landscape. Pakistani discourse is characterized by a blend of religious, organic and crisis-based metaphors, reflecting its identity as a post-colonial state navigating complex alliances and internal divisions. The Russian rhetoric, in contrast, relies heavily on militaristic, zoomorphic, historical-mythological, medical and pathological and organic-sovereignty metaphors, projecting an image of eternal strength, historical destiny, and resilience against a hostile West. The American political language, while diverse, frequently utilizes medical-biological, architectural-systemic and horticultural metaphors to debate the health of its democracy and the nature of internal threats.

Ultimately, this research confirms that political metaphors are potent instruments of ideology. They frame problems in a way that pre-determines acceptable solutions, naturalizes specific power structures, and emotionally charges political discourse. By systematically analyzing these metaphorical models, we gain a deeper understanding of how national identities are forged, geopolitical stances are justified, and public consent is manufactured across the globe. The language of politics is, indeed, a language of metaphor, and decoding it is essential for understanding the underlying forces that shape international relations and domestic politics in the 21st century.

REFERENCES

1. Budaev, E. V. (2020). Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya = Comparative political metaphorology. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii. ISBN: 978-5-6044793-2-2. EDN EJLKDK.
2. Budaev, E. V., Pologova, K. V. (2023). Metaphors From the Source Domain "Inanimate Nature" in the Political Narrative of the "BLM Movement" (Based on the Publications in The Seattle Times). *Political Linguistics*, 1(97), 42–49. DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_05. EDN EHPVNN.
3. Ruzhentseva, N. B. (2019). Kognitivno-stilicheskie protsessy v politicheskom narrative populiarnykh pechatnykh SMI = Cognitive-stylistic processes in the political narrative of popular print media. *Issues of cognitive linguistics*, 1, 66–74. DOI 10.20916/1812-3228-2019-1-66-74. EDN VVBGXP.
4. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Moscow: Flinta. ISBN: 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.
5. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. ISBN: 5-7186-0277-8. EDN QCNXBJ.
6. Ahmed, S. (2020). Metaphors and populism in Pakistan's political discourse. *Journal of South Asian Studies*, 15(2), 45–60.
7. Charteris-Black, J. (2011). Politicians and rhetoric. S.I.: Palgrave Macmillan. DOI 10.1057/9780230319899. EDN FAURHG.

8. Chilton, P. (2004). Analyzing political discourse. London: Routledge, XII, 226 p.
9. Fairclough, N. (2003). Analysing discourse. London: Routledge, VIII, 200 p.
10. Khan, A. (2021). Political rhetoric and media framing in Pakistan: a case study of Imran Khan's speeches. *Journal of Political Studies (University of Punjab)*, 28(2), 67–89.
11. Lakoff, G. (2002). Moral politics : how liberals and conservatives think. Chicago: Univ. of Chicago Press, XII, 471 p.
12. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live by. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 237 p.
13. Musolff, A. (2016). Political metaphor analysis. London: Bloomsbury, VIII, 216 p.
14. Ozymenko, V. I., Larina, T. V. (2021). Threat and fear: pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 746–766. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766. EDN IHWFYFN.
15. Shah, N. (2022). Gender and political language in Pakistan: a feminist critical discourse analysis. *South Asian Review*, 43(1), 112–130.
16. Van Dijk, T. A. (1997). Discourse as social interaction. Vol. 2. London: Sage, VIII, 324 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. — ISBN: 978-5-6044793-2-2. — EDN EJLKDK.
2. Будаев, Э. В. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом нарративе «BLM movement» (по материалам газеты «The Seattle Times») / Э. В. Будаев, К. В. Пологова // Политическая лингвистика. — 2023. — № 1 (97). — С. 42–49. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_05. — EDN EHPVNN.
3. Руженцева, Н. Б. Когнитивно-стилистические процессы в политическом нарративе популярных печатных СМИ / Н. Б. Руженцева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2019. — № 1. — С. 66–74. — DOI 10.20916/1812-3228-2019-1-66-74. — EDN VVBGXP.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2006. — ISBN: 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.
5. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — ISBN: 5-7186-0277-8. — EDN QCNXBJ.
6. Ahmed, S. Metaphors and populism in Pakistan's political discourse / S. Ahmed // Journal of South Asian Studies. — 2020. — V. 15, Iss. 2. — P. 45–60.
7. Charteris-Black, J. Politicians and rhetoric / J. Charteris-Black // Palgrave Macmillan. — 2011. — DOI 10.1057/9780230319899. — EDN FAURHG.
8. Chilton, P. Analyzing political discourse / P. Chilton // London : Routledge, 2004. — XII, 226 p.
9. Fairclough, N. Analysing discourse / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — VIII, 200 p.
10. Khan, A. Political rhetoric and media framing in Pakistan : a case study of Imran Khan's speeches / A. Khan // Journal of Political Studies (University of Punjab). — 2021. — Vol. 28, Iss. 2. — P. 67–89.
11. Lakoff, G. Moral politics: how liberals and conservatives think / G. Lakoff. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 2002. — XII, 471 p.
12. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. — 237 p.
13. Musolff, A. Political metaphor analysis / A. Musolff. — London : Bloomsbury, 2016. — VIII, 216 p.
14. Ozymenko, V. I. Threat and fear: pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse / V. I. Ozymenko, T. V. Larina // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Vol. 25, Iss. 3. — P. 746–766. — DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766. — EDN IHWFYFN.
15. Shah, N. Gender and political language in Pakistan : a feminist critical discourse analysis / N. Shah // South Asian Review. — 2022. — Vol. 43, Iss. 1. — P. 112–130.
16. Van Dijk, T. A. Discourse as social interaction. Vol. 2 / T. A. Van Dijk. — London : Sage, 1997. — VIII, 324 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.131.1'42+81'38
ББК Ш161.1-51+Ш147.31-51+Ш105.55

ГРНТИ 16.31.25; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Екатерина Алексеевна Сидельникова¹✉, Евгения Викторовна Яковлева²✉

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e.sidelnikova_7@mail.ru✉, SPIN-код: 1417-7239, <https://orcid.org/0009-0008-6850-8640>

² Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, evgeniyaviktorovnast@yandex.ru✉, SPIN-код: 8037-1250, <https://orcid.org/0009-0005-0348-9862>

Религиозный дискурс как инструмент косвенной политизации (на примере рождественских посланий Патриарха Кирилла и Папы Франциска, 2022–2024 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется феномен косвенной политизации, понимаемой как кодирование политически релевантных смыслов через категории, не принадлежащие политической сфере (сакральные, этические, экзистенциальные), при которой источником легитимации высказывания выступает сакральный или моральный авторитет религиозного лидера. На материале симметричного корпуса рождественских посланий (2022–2024 гг.) Патриарха Кирилла и Папы Франциска выявляются и сопоставляются устойчивые лингвопрагматические стратегии, опосредующие данный процесс. Методологическую основу составляет синтез критического дискурс-анализа, вскрывающего идеологические импликации языковых практик, и лингвопрагматики, изучающей использование языковых единиц для достижения коммуникативных целей. Цель работы — доказать, что выбор стратегий конструирования границ сообщества и фреймирования актуальных кризисов напрямую зависит от институциональной позиции церкви: поместной, интегрированной в национально-цивилизационный контекст, или глобального морального авторитета.

Анализ выявил две устойчивые модели. Дискурс Патриарха Кирилла реализует модель «внутренней сплоченности», для которой характерны эксклюзивное иерархическое «мы», космологическая природа «другого» как вечной данности и релятивизирующее фреймирование конфликтов через их перевод в план духовного испытания. Дискурс Папы Франциска следует модели «открытого призыва», основанной на инклюзивном горизонтальном «мы», диагностической природе «другого» как проблемы, подлежащей решению, и конкретизирующее фреймирование с прямым названием кризисов и призывами к действию. Основным выводом исследования является то, что степень и форма политизации определяются не богословскими различиями, а социально-политическим позиционированием института. Результаты вносят вклад в политическую лингвистику, дискурс-анализ и изучение публичной роли религии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозный дискурс, религиозные тексты, косвенная политизация, лингвопрагматический анализ, конструирование границ сообщества, фреймирование актуальных кризисов, речевые жанры, речевая деятельность, рождественские послания, Рождество, поздравительные тексты, языковые средства, языковая личность, лингвоперсонология, религиозные лидеры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Сидельникова Екатерина Алексеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, email: e.sidelnikova_7@mail.ru.

Яковлева Евгения Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Департамент лингвистики, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, email: evgeniyaviktorovnast@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сидельникова, Е. А. Религиозный дискурс как инструмент косвенной политизации (на примере рождественских посланий Патриарха Кирилла и Папы Франциска, 2022–2024 гг.) / Е. А. Сидельникова, Е. В. Яковлева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 87-92.

Ekaterina A. Sidelnikova¹✉, Evgeniya V. Iakovleva²✉

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e.sidelnikova_7@mail.ru✉, SPIN code: 1417-7239, <https://orcid.org/0009-0008-6850-8640>

² North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, evgeniyaviktorovnast@yandex.ru✉, SPIN code: 8037-1250, <https://orcid.org/0009-0005-0348-9862>

Religious Discourse as a Tool for Indirect Politicization (Based on the Christmas Messages by Patriarch Kirill and Pope Francis, 2022—2024)

ABSTRACT. This article examines indirect politicization as a discursive phenomenon in which politically relevant meanings are encoded through non-political categories (sacral, ethical, and existential), and the sacral or moral authority of a religious leader functions as a source of utterance legitimation. Based on a symmetrical corpus of Christmas messages (2022—2024) by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia and Pope Francis, the study identifies and compares stable linguopragmatic strategies that mediate this process. The methodological framework integrates critical discourse analysis,

which uncovers ideological implications of linguistic practices, with linguopragmatics, which examines how language units serve communicative purposes. The aim of the study is to demonstrate that the choice of strategies for constructing community boundaries and framing contemporary crises is directly determined by the church's institutional positioning: as a local entity embedded in a national-civilizational framework or as a global moral authority.

The analysis reveals two distinct and stable models. Patriarch Kirill's discourse realizes the model of "internal consolidation", characterized by an exclusive, hierarchically structured "we", a cosmological conception of the "other" as an eternal feature of the fallen world, and relativizing framing of conflicts through their transition into the realm of spiritual trial. Pope Francis's discourse follows the model of "open appeal", based on an inclusive, horizontally structured "we", a diagnostic conception of the "other" as a problem to be solved, and specifying framing that directly names crises and issues explicit calls to action. The study concludes that the degree and the form of politicization is determined not by theological differences but by the institution's socio-political positioning. The findings can make a contribution to political linguistics, discourse studies, and research on the public role of religion.

KEYWORDS: religious discourse, religious texts, indirect politicization, linguopragmatic analysis, constructing community boundaries, framing contemporary crises, speech genres, speech, Christmas messages, Christmas, congratulation texts, language means, linguistic personality, linguopersonology, religious leaders.

AUTHOR'S INFORMATION: Sidelnikova Ekaterina Alekseevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Iakovleva Evgeniya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

FOR CITATION: Sidelnikova E. A., Iakovleva E. V. (2026). Religious Discourse as a Tool for Indirect Politicization (Based on the Christmas Messages by Patriarch Kirill and Pope Francis, 2022—2024). In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 87-92. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Религиозный дискурс утратил замкнутость внутренней конфессиональной коммуникации и превратился в публичный инструмент формирования общественной повестки, легитимации социальных порядков и конкуренции идеологических нарративов [Fairclough 1995: 17–18; Карасик 2004: 203–207; Бужинская 2018: 81; Макарова 2019: 99]. Его адаптация к массовой аудитории проявляется в упрощенной лексике, эмоциональной риторике и поликодовых формах при сохранении сакральной авторитетности [Кулова 2014: 97].

Наиболее ярким инструментом такой трансформации выступает жанр программного послания религиозного лидера, сочетающий традиционную каноническую форму с ориентацией на широкую аудиторию. Религиозный дискурс, воплощенный в официальных посланиях церковных иерархов, приобретает черты политической коммуникации, поскольку «тот, на кого ложится ответственность за текст, считается его автором», а институциональный статус Патриарха или Папы Римского предопределяет восприятие их высказываний как имеющих общественно-политическое значение [Чудинов 2012: 54]. Сравнительный анализ таких текстов позволяет выявить не столько прямые политические заявления, сколько устойчивые, опосредованные механизмы политизации, которые имплицитно формируют коллективное сознание посредством системного языкового выбора [Ван Дейк 2013: 74–78; Чернявская 2006: 11–13].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от констата-

ции факта вовлечения религии в политическую сферу к системному анализу дискурсивных технологий, посредством которых этот процесс институционально кодируется. Ключевой вопрос заключается в том, как религиозный лидер, сохраняя формальную приверженность сакральному метаязыку, транслирует политически релевантные смыслы.

В данной работе кодирование таких смыслов через категории, не принадлежащие политической сфере (сакральные, этические, экзистенциальные), трактуется как косвенная политизация. Определяющим критерием в конкретном случае выступает не степень эксплицитности упоминания событий, а источник легитимации высказывания: религиозный лидер говорит не как политический актер (представитель государства или партии), а как носитель сакрального или морального авторитета. В отличие от прямой политизации (открытые призывы, оценка решений властей, адресные обращения к политикам), косвенная политизация сохраняет формальную нейтральность религиозного дискурса, одновременно формируя у аудитории определенную интерпретацию событий. Поэтому даже прямое название конфликта («война в Украине») остается косвенной политизацией, поскольку легитимируется этической, а не политической юрисдикцией.

Теоретико-методологической основой работы выступает синтез критического дискурса-анализа, вскрывающего идеологические импликации языковых практик [Fairclough 1995: 17; Van Dijk 2006: 362], и лингвопрагматики, изучающей использование языковых средств для достижения коммуни-

кативных целей [Thomas 1995: 23; Формановская 2002: 47]. Такой подход позволяет связать макросоциальные функции дискурса (легитимация, мобилизация) с микроанализом конкретных приемов — дейктических систем, оценочной номинации, фреймирующих нарративов [Шейгал 2000: 147–150]. Согласно В. Е. Чернявской, дискурс выступает не как нейтральное отражение реальности, а как активный инструмент ее конструирования, через который институты формируют доминирующую картину мира и маргинализируют альтернативные интерпретации [Чернявская 2006: 18–20]. Ключевым механизмом легитимации сакрального становится встраивание текущих событий в библейские, эсхатологические или этические нарративы [Астапов 2024: 178], что позволяет, как показывает Р. Водак, транслировать политическую позицию имплицитно — через риторику угрозы и морализацию конфликта [Wodak 2015: 5–8].

Эмпирической базой исследования выступает симметричный корпус рождественских посланий Патриарха Кирилла и Папы Франциска за 2022–2024 г. Предметом анализа являются лингвопрагматические стратегии косвенной политизации, а именно стратегии конструирования границ сообщества (состав «мы» и природа «другого») и фреймирования актуальных кризисов (релятивизирующее и конкретизирующее). Целью ставим выявить и сопоставить данные стратегии, доказав их системную зависимость от институционального позиционирования авторов.

Мы исходим из того, что дискурсивные стратегии определяются двумя ключевыми переменными: источником легитимации (национально-цивилизационная миссия против универсальной этической юрисдикции) и конститутивной аудиторией (верные чада поместной Церкви против всего человечества). Отсюда вытекает гипотеза: публичный дискурс Патриарха Кирилла будет реализовывать стратегию национально-религиозной сплоченности через эксклюзивную идентичность, космологическую природу «другого» и релятивизирующее фреймирование конфликтов, тогда как дискурс Папы Франциска выстраивается согласно стратегии открытого призыва через инклюзивную идентичность, диагностическую природу «другого» и конкретизирующее фреймирование проблем.

Данный процесс будет анализироваться через призму двух ключевых лингвопрагматических стратегий, выделенных на основе теоретического аппарата КДА.

Во-первых, это **стратегия конструирования границ сообщества**, которая реали-

зуется через систему местоимений, форм обращения и оппозиции «свой — чужой», создавая воображаемую общность с четкими или размытыми границами. Она включает два взаимосвязанных аспекта: (1) состав «мы» — кто включается в сообщество (только «верные чада» определенной Церкви или все человечество); (2) природа «другого» — как конструируется внешняя граница (космологическая данность или диагностируемая проблема). Выбор границ «мы» и природы «другого» неотделим: эксклюзивное «мы» автоматически формирует жесткую внешнюю границу, тогда как инклюзивное «мы» трансформирует или размывает ее.

Во-вторых, это **стратегия фреймирования актуальных кризисов**, которая определяет способ встраивания текущих событий в надситуативный нарратив (метафизический, этический, эсхатологический), задавая их публичную оценку и предписываемую реакцию. В ее рамках выделяются два типа: (1) релятивизирующее фреймирование — перевод событий в план вечных категорий («испытание», «падший мир»), выполняющее функцию внутренней стабилизации; (2) конкретизирующее фреймирование — локализация событий в историческом времени и пространстве с этической оценкой, выполняющее функцию внешней мобилизации.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИТОРИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Анализ трехлетнего корпуса выявляет две устойчивые модели косвенной политизации, каждая из которых реализуется через согласованную систему лингвопрагматических приемов.

Дискурс Патриарха Кирилла воспроизводит модель внутренней сплоченности. Стратегия конструирования границ сообщества проявляется в эксклюзивной, иерархической и сакральной общности. Структура обращения неизменна во всех трех посланиях и следует четкой иерархии сверху вниз: «Возлюбленные о Господе архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!» [Кирилл 2022; 2023; 2024]. Местоимение «мы» определяется строго внутрицерковными границами: «верные чада Русской Православной Церкви» (заголовок каждого послания). Ключевые маркеры единства — сакральные: «общая чаша» [Кирилл 2022], «единство духа и союза мира» [Кирилл 2024]. Природа «другого» соответствует космологической данности: зло представлено как неустранимая характеристика падшего мира («злые силы» [Кирилл 2022],

«мир во зле лежит» [Кирилл 2023]). В послании 2022 года противопоставление «последней нищете вертепа» и «благодарности Творцу» усиливает образ мира как пространства заточения («дом в условиях изоляции» воспринимается как «тюрьма») в отличие от Церкви, где обретается свобода. В послании 2024 года бинарность выражена через противопоставление любви к Богу и людям — страху, недоверию, тревоге и отчаянию, маркируемым как «оковы», связанные с «губительным поветрием» и «неуверенностью в завтрашнем дне». Функция данной стратегии — внутренняя стабилизация: мобилизация верующих на сохранение единства перед лицом неустрашимого внешнего зла.

Стратегия фреймирования актуальных кризисов у Патриарха Кирилла носит релятивизирующий характер: события последовательно переводятся в план духовного испытания через общие категории — «нынешнее тревожное время», «испытание» [Кирилл 2022], «военные события, омрачающие... торжество» [Кирилл 2023], «трудные обстоятельства» [Кирилл 2024]. Такое фреймирование снимает давление неопределенности, замещая политическую сложность этико-духовной ясностью и предлагая верующим путь внутреннего укрепления как адекватную реакцию на внешние потрясения.

Дискурс Папы Франциска реализует модель открытого призыва. Стратегия конструирования границ сообщества формирует инклюзивное, горизонтальное и этически определяемое сообщество. Обращения максимально универсальны: «Dear brothers and sisters in Rome and throughout the world»

[Francis 2022; 2023], «Dear sisters and brothers» [Francis 2024]. В 2024 году призыв достигает предела инклюзивности: «I invite every individual, and all peoples and nations... to become pilgrims of hope» [Francis 2024]. Коллективное «мы» формируется не по конфессиональному, а по этическому принципу — через солидарность с жертвами и готовность к действию. В него явно включаются маргинализированные группы («those who have lost their homes... prisoners» [Francis 2024]). Природа «другого» носит диагностический характер: это не вечная данность, а преходящая болезнь мира — «icy winds of war» [Francis 2022], «the mindset of war, an aimless voyage, a defeat without victors» [Francis 2023], «walls of separation» [Francis 2024]. Даже «the Prince of this world» противопоставлен не конкретной группе, а «the lover of life» вообще. Функция стратегии — внешняя мобилизация: выявление проблем для их преодоления через диалог и действие.

Стратегия фреймирования актуальных кризисов у Папы Франциска — конкретизирующая: конфликты называются прямо с указанием сторон («war in Ukraine» [Francis 2022], «the people of Gaza» [Francis 2023]), жертвы персонифицируются («the little Jesuses of today» [Francis 2023]). Такое фреймирование формирует императив к действию через прямые призывы: «May the sound of arms be silenced... May there be the boldness needed to open the door to negotiation» [Francis 2024].

Для наглядного и системного представления выявленных закономерностей ниже приводится сопоставительная таблица.

Таблица 1

Сопоставление лингвопрагматических стратегий косвенной политизации в рождественских посланиях Патриарха Кирилла и Папы Франциска (2022—2024 гг.)

Аналитическая категория	Патриарх Кирилл: модель внутренней сплоченности	Папа Франциск: модель открытого призыва
Конструирование границ сообщества	<ul style="list-style-type: none"> • Состав «мы»: эксклюзивная, иерархическая общность с четкими внутрицерковными границами («верные чада Русской Православной Церкви»). • Природа «другого»: космологическая данность — зло как вечная, неустрашимая характеристика падшего мира («злые силы», «мир во зле лежит»). • Функция: внутренняя стабилизация — мобилизация на сохранение единства перед лицом неустрашимого внешнего зла. 	<ul style="list-style-type: none"> • Состав «мы»: инклюзивное, горизонтальное сообщество с размытыми границами («братья и сестры по всему миру»). • Природа «другого»: диагностируемая проблема — «чужое» как болезнь мира, подлежащая преодолению («icy winds of war», «walls of separation»). • Функция: внешняя мобилизация — выявление проблем для их решения через диалог и действие.

Аналитическая категория	Патриарх Кирилл: модель внутренней сплоченности	Папа Франциск: модель открытого призыва
Фреймирование актуальных кризисов	<ul style="list-style-type: none"> • Тип: релятивизирующее — перевод событий в план духовного испытания и вечных категорий. • Приемы: обобщенная риторика кризиса («нынешнее тревожное время», «испытание», «военные события, омрачающие торжество», «трудные обстоятельства»). • Функция: внутренняя стабилизация — замещение политической сложности этико-духовной ясностью. 	<ul style="list-style-type: none"> • Тип: конкретизирующее — локализация событий в историческом времени и пространстве с этической оценкой. • Приемы: прямое название сторон конфликта («war in Ukraine», «the people of Gaza»), персонификация жертв («the little Jesuses of today»), призывы к действию («May the sound of arms be silenced...»). • Функция: внешняя мобилизация — формирование императива к действию.

Таблица демонстрирует, что различия в дискурсивных стратегиях обусловлены институциональной позицией: поместная Церковь (национально-цивилизационный контекст) и глобальный моральный авторитет (универсальная этическая юрисдикция).

ВЫВОДЫ

Исследование подтверждает, что форма политизации религиозного дискурса определяется не богословскими различиями, а институциональной позицией организации в системе международных отношений. Анализ рождественских посланий (2022–2024 гг.) выявил две устойчивые модели: Московский патриархат воспроизводит стратегию внутренней сплоченности (эксклюзивное «мы», космологическая природа «другого», релятивизирующее фреймирование), тогда как Святой престол реализует стратегию открытого призыва (инклюзивное «мы», диагностическая природа «другого», конкретизирующее фреймирование).

Перспективой дальнейшего исследования выступает переход от анализа косвенной политизации как текстового феномена к изучению ее рецепции (каким образом аудитория интерпретирует стратегии конструирования границ сообщества и фреймирования кризисов, выявленные в моделях «внутренней сплоченности» и «открытого призыва»). Эмпирическая проверка, через фокус-группы или эксперимент с измерением установок, позволит установить, достигают ли данные стратегии заявленных функций (внутренней стабилизации или внешней мобилизации) в восприятии реальных адресатов, тем самым преодолев разрыв между дискурсивным замыслом и его социальными последствиями.

ИСТОЧНИКИ

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Рождественское послание (2022) / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Фома. — 2022. — 6 янв. — URL: <https://foma.ru/rozhdestvenskoe-poslanie-svjatejshego-patriarha-moskovskogo-i-vseja-rusi-kirilla-v-2022-godu.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Рождественское послание (2023) / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Фома. — 2023. — 7 янв. — URL: <https://foma.ru/rozhdestvenskoe-poslanie-2023-svjatejshego-patriarha-moskovskogo-i-vseja-rusi-kirilla.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Рождественское послание (2024) / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Царь-Храм. — 2024. — 6 янв. — URL: https://www.tsar-hram.ru/page_text/31392/ (дата обращения: 18.10.2025).

Francis, Pope. Christmas Message (Urbi et Orbi) (2022) / Pope Francis // The Holy See. — 2022. — 25 Dec. — URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi/documents/20221225-urbi-et-orbi-natale.html> (date of access: 18.11.2025).

Francis, Pope. Christmas Message (Urbi et Orbi) (2023) / Pope Francis // The Holy See. — 2023. — 25 Dec. — URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi/documents/20231225-urbi-et-orbi-natale.html> (date of access: 18.11.2025).

Francis, Pope. Christmas Message (Urbi et Orbi) (2024) / Pope Francis // The Holy See. — 2024. — 25 Dec. — URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi/documents/20241225-urbi-et-orbi-natale.html> (date of access: 18.11.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Астапов, С. Н. Легитимация сакрального в современных дискурсах о чуде / С. Н. Астапов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2024. — Т. 42, № 4. — С. 175–199. — DOI 10.22394/2073-7203-2024-42-4-175-199. — EDN OTULGX.

2. Бобырева, Е. В. Теория дискурса: религиозный дискурс : учеб. / Е. В. Бобырева. — Красноярск : Научно-инновационный центр, 2023. — 226 с. — ISBN 978-5-907608-16-0. — DOI 10.12731/978-5-907608-16-0. — EDN NIRDPG.

3. Бочаров, С. Г. О религиозной филологии / С. Г. Бочаров // Сюжеты русской литературы. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 585–600. — EDN RSFRVZ.

4. Бужинская, Д. С. Роль медийно-религиозного дискурса в духовной жизни современного российского общества / Д. С. Бужинская // Гуманитарно-педагогические исследования. — 2018. — Т. 2, № 3. — С. 80–85. — EDN YNMHJB.

5. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. — Москва : Либроком, 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-

2.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — ISBN 5-7333-0143-0.

7. Кулова, Л. З. Особенности религиозного дискурса в масс-медиа / Л. З. Кулова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 9(39), ч. 1. — С. 96–98. — ISSN 1997-2911. — URL: <https://www.gramota.net/articles/phil20141725.pdf> (дата обращения: 10.10.2025). — EDN SKENDL.

8. Макарова, А. С. Особенности современного религиозного медиадискурса (на материале сайта «Православие и мир») / А. С. Макарова // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Урал. фед. ун-т, 2019. — Ч. 2. — С. 97–100. — EDN QVLOXU.

9. Новокрещенных, Е. В. Проблема религиозного дискурса — дискурс религии или дискурс о религии? / Е. В. Новокрещенных // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2013. — № 10. — С. 162–167. — EDN ROVXDB.

10. Попова, Т. Л. Религиозный дискурс как особый вид институционального дискурса / Т. Л. Попова // Инновационные технологии в образовательной деятельности : материалы Всерос. науч.-метод. конф. — Нижний Новгород : [б. и.], 2018. — С. 308–315. — EDN YRWDHF.

11. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. — Москва : Русский язык, 2002. — 213 с. — ISBN 5-200-03192-3.

12. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. — Санкт-Петербург : Наука, 2006. — С. 11–22. — EDN TCJLWL.

13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59. — EDN PCAVQP.

14. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград : Перемена, 2000. — 368 с. — EDN NLROTZ.

15. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — London : Longman, 1995. — 265 p. — ISBN 0-582-21980-9, 0-582-21984-1.

16. Thomas, J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics / J. Thomas. — London : Longman, 1995. — 224 p. — ISBN 0582291518, 9780582291515.

17. Dijk, T. van. Discourse and manipulation / Teun van Dijk // *Discourse & Society*. — 2006. — Vol. 17, Iss. 3. — P. 359–382. — DOI 10.1177/0957926506060250.

18. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — London : SAGE Publications, 2015. — 248 p. — ISBN 1473933595, 9781473933590.

MATERIALS

Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. Christmas Message (2022, Jan. 6). Available at Oct. 18, 2025 from <https://foma.ru/rozhdestvenskoe-poslanie-svjatejshego-patriarha-moskovskogo-i-vseja-rusi-kirilla-v-2022-godu.html>.

Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. Christmas Message (2023, Jan. 7). Available at Oct. 18, 2025 from <https://foma.ru/rozhdestvenskoe-poslanie-2023-svjatejshego-patriarha-moskovskogo-i-vseja-rusi-kirilla.html>.

Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus'. Christmas Message (2024, Jan. 6). Available at Oct. 18, 2025 from https://www.tsar-hram.ru/page_text/31392/.

Francis, Pope. Christmas Message (Urbi et Orbi) (2022, Dec. 25). Available at Nov. 18, 2025 from <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi/documents/20221225-urbi-et-orbi-natale.html>.

Francis, Pope. Christmas Message (Urbi et Orbi) (2023, Dec. 25). Available at Nov. 18, 2025 from <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi/documents/20231225-urbi-et-orbi-natale.html>.

Francis, Pope. Christmas Message (Urbi et Orbi) (2024, Dec. 25). Available at Nov. 18, 2025 from <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi/documents/20241225-urbi-et-orbi-natale.html>.

REFERENCES

1. Astapov, S. N. (2024). Legitimizatsiya sakral'nogo v sovremennykh diskursakh o chude = Legitimization of the Sacred in Modern Discourses on Miracles. *State, Religion, and Church in Russia and Abroad*, 42(4), 175–199. DOI 10.22394/2073-7203-2024-42-4-175-199. EDN OTULGX.

2. Bobyreva, E. V. (2023). Teoriya diskursa: religioznyy diskurs = *Discourse Theory: Religious Discourse. A Textbook*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyy tsentr, 226 p. ISBN 978-5-907608-16-0. DOI 10.12731/978-5-907608-16-0. EDN NIRDPG.

3. Bocharov, S. G. (1999). O religioznoy filologii = On Religious Philology. *Plots of Russian Literature*, 585–600. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. EDN RSFRVZ.

4. Buzhinskaya, D. S. (2018). Rol' mediyno-religioznogo diskursa v dukhovnoy zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva = The Role of Media-Religious Discourse in the Spiritual Life of Modern Russian Society. *Humanitarian and Pedagogical Research*, 2(3), 80–85. EDN YNMHJB.

5. Deyk, T. A. van (2013). Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow: Librokom, 344 p. ISBN 978-5-397-03766-2.

6. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnozis, 390 p. ISBN 5-7333-0143-0.

7. Kulova, L. Z. (2014). Osobennosti religioznogo diskursa v mass-media = Features of Religious Discourse in the Mass Media. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 9(39), part 1, 96–98. ISSN 1997-2911. Available at Oct. 10, 2025 from <https://www.gramota.net/articles/phil20141725.pdf>. EDN SKENDL.

8. Makarova, A. S. (2019). Osobennosti sovremennogo religioznogo mediadiskursa (na materiale sayta «Pravoslavie i mir») = Features of modern religious media discourse (based on the website “Orthodoxy and the World”). *Digitalization of communicative and cultural memory: the role of journalism as a social institution. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conf. Part 2*, 97–100. Ekaterinburg: Ural Fed. Univ. EDN QVLOXU.

9. Novokreshchennykh, E. V. (2013). Problema religioznogo diskursa — diskurs religii ili diskurs o religii? = The problem of religious discourse: discourse of religion or discourse about religion? *Tyumen State University Herald. Humanitates*, 10, 162–167. EDN ROVXDB.

10. Popova, T. L. (2018). Religioznyy diskurs kak osobyy vid institutsional'nogo diskursa = Religious discourse as a special type of institutional discourse. *Innovative technologies in educational activity: Proc. of the All-Russian scientific-methodical conf*, 308–315. Nizhny Novgorod. EDN YRWDHF.

11. Formanovskaya, N. I. (2002). Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod = Speech communication: a communicative-pragmatic approach. Moscow: Russkiy yazyk, 213 p. ISBN 5-200-03192-3.

12. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy = Discourse as an Object of Linguistic Research. *Text and Discourse. Problems of Economic Discourse*, 11–22. St. Petersburg: Nauka. EDN TCJLWL.

13. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discursive Characteristics of Political Communication. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. EDN PCAVQP.

14. Sheygal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Volgograd: Peremena, 368 p. EDN NLROTZ.

15. Fairclough, N. (1995). Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 265 p. ISBN 0-582-21980-9, 0-582-21984-1.

16. Thomas, J. (1995). Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. London: Longman, 224 p. ISBN 0582291518, 9780582291515.

17. Dijk, T. van. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 17(3), 359–382. DOI 10.1177/0957926506060250.

18. Wodak, R. (2015). The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: SAGE Publications, 248 p. ISBN 1473933595, 9781473933590.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.112.2'42:811.112.2'373.23+81'27
 ББК Ш143.24-51+Ш143.24-316+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6

Ольга Анатольевна Ткаченко

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия,
 olga.tkachenko88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2302-8922>

Имя для парламентской коалиции: от традиций до цифровой лингвокреативности

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются стратегии именованности коалиций в современной Германии, где под коалицией понимается союз двух или более партий, заключающийся с целью формирования правительства и/или получения устойчивого большинства мест в парламенте на федеральном уровне. Цель исследования заключается в раскрытии концептуального содержания номинативной стороны партийно-коалиционного бренда с позиции диахронии, поскольку активно меняющаяся общественно-политическая действительность напрямую отражается в наименовании политического бренда. В рамках исследования применяется комплексный полифункциональный подход, объединяющий методы ономастики, политической лингвистики и медиалингвистики: метод извлечения ономастического материала из цифровых медиаисточников, лексико-семантический, этимологический и словообразовательный анализ материала, а также дискурс-анализ с целью раскрытия воздействующего эффекта официальных и креативных именных форм. Особое внимание уделяется реализации лингвокреативности в цифровой медиасреде, для обозначения которой предлагается термин «цифровая лингвокреативность». Показано, что в результате цифровой лингвокреативности в германском политическом медиадискурсе на фоне смены правительства возникло множество оригинальных наименований для правящей коалиции ФРГ. В работе описаны лингвокреативные эксперименты, реализуемые на разных языковых уровнях. Среди основных средств лингвокреативности, реализуемых в цифровом пространстве, особое место занимают прецедентность и метафоризация. Подчеркивается тесная связь цифровой лингвокреативности с созданием смехового и дискредитирующего эффекта на фоне растущей агрессии по отношению к власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, ономастика, имя коалиции, коалиция, цифровая лингвокреативность, цифровые технологии, немецкий язык, политические партии, Фридрих Мерц, прецедентность, прецедентные имена, политический дискурс, лингвокреативный эксперимент, колический эффект, дискредитирующий эффект, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, метафорические единицы, когнитивная лингвистика, языковые единицы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ткаченко Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия, email: olga.tkachenko88@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ткаченко, О. А. Имя для парламентской коалиции: от традиций до цифровой лингвокреативности / О. А. Ткаченко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 93-101.

Ol'ga A. Tkachenko

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, olga.tkachenko88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2302-8922>

Naming a Parliamentary Coalition: From Traditions to Digital Linguocreativity

ABSTRACT. The article examines coalition naming strategies in contemporary Germany, where a coalition is defined as an alliance of two or more parties aimed at forming a government and/or obtaining a stable majority of seats in parliament at the federal level. The aim of the study is to describe the conceptual content of the nominative side of the party-coalition brand from the standpoint of diachrony, since the actively changing socio-political reality is directly reflected in the name of the political brand. The study uses a complex multifunctional approach that combines methods of onomastics, political linguistics, and media linguistics: the method of extracting onomastic material from digital media sources, lexico-semantic, etymological and word-formation analysis of the material, as well as discourse analysis with the aim of exploring the manipulative effect of official and creative nomination forms. Particular attention is paid to the realization of linguocreativity in the digital media environment, for which the term “digital linguocreativity” is suggested. It is shown that, as a result of digital linguocreativity in German political media discourse against the backdrop of government change, many original names for the ruling coalition of the FRG have emerged. The paper describes linguocreative experiments conducted at various linguistic levels. Among the main linguocreativity means used in the digital space, precedent phenomena and metaphorization occupy a special place. The study emphasizes close ties between digital linguocreativity and the creation of humorous and discrediting effects on the background of growing aggression towards the authorities.

KEYWORDS: political linguistics, onomastics, coalition name, coalition, digital linguocreativity, digital technologies, German language, political parties, Friedrich Merz, precedent nature, precedent names, political discourse, linguocreative

experiment, humorous effect, discrediting effect, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, metaphorical units, cognitive linguistics, language units.

AUTHOR'S INFORMATION: Tkachenko Ol'ga Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication, Humanitarian Institute, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

FOR CITATION: Tkachenko O. A. (2026). Naming a Parliamentary Coalition: From Traditions to Digital Linguocreativity. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 93-101. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях активно меняющейся общественно-политической действительности неизбежно возникает необходимость именования новых реалий, акторов и продуктов сферы политики. При этом политический нейминг все чаще рассматривают как важный этап формирования сильного политического бренда [Недяк 2013; Гудкова, Лаптев 2003]. Рассмотрение нейминга политических партий на германском материале, в том числе электорального нейминга, выявило, что социально-политическая реальность напрямую отражается на концептуальном содержании номинативной стороны партийных брендов, поэтому в условиях кризиса стратегии нейминга могут приобретать изобретательный характер, а в новых именах партий, преимущественно неофициального типа, отражаются как претензии к действующей власти, так и актуальные потребности общества, тем самым партийные имена приобретают форму эффективного инструмента политической коммуникации [Ткаченко 2023]. Кроме того, с активным переходом политической коммуникации в цифровое пространство отмечается широкий интерес германской аудитории к номинативной стороне партийного бренда как возможности через народные наименования выразить свое отношение к политической силе.

Однако нейминг коалиций ФРГ, которые по типу обозначаемых объектов также относятся к общественно-политической сфере и активно функционируют в политическом дискурсе и политической коммуникации, не получил детального освещения в отечественном и зарубежном научном поле; попытка описать традиции наименования коалиций современной Германии, а также раскрыть новые тенденции имянаречения предпринята в настоящей работе. При этом нам видится релевантным уделить особое внимание народному неймингу в цифровой среде, в частности рассмотрению ономастического материала, возникшего в результате так называемой цифровой лингвокреативности, с позиции прагматико-коммуникативного потенциала и лингвокреативного эксперимента.

Следует отметить, что современные исследования лингвокреативности выступают

активно развивающимся лингвистическим направлением, что обусловлено особым вниманием к изучению лингвокреативных процессов с позиции языкового сознания человека. Однако, несмотря на большой объем работ, посвященных лингвокреативности, немалая часть вопросов в рамках изучения этого феномена остается нерешенной. Само понятие «*лингвокреативность*» трактуется исследователями по-разному, однако большинство из них сходятся во мнении, что креативное использование языка определяется в первую очередь как когнитивная способность создавать инновационные приемы выражения смыслов на основе уже имеющейся знаковой системы [Casini 2020]. При этом в работе [Беяевская 2022] подчеркивается, что неординарное использование языковых средств, способствующее повышению эффективности прагматического воздействия в процессе коммуникации, не обязательно строится на нарушении языковой нормы; напротив, лингвокреативность основывается на знании языковой системы. Иными словами, лингвокреативность представляет собой нетривиальный подход носителя языка к использованию уже существующих языковых единиц на основе функционирующих в языке механизмов [Шилихина, Паньин 2025]. При этом подобный языковой подход предполагает создание определенного эффекта: комического, художественного, экспрессивного и др.

Лингвокреативные процессы рассматривают сегодня в самых различных дискурсах: научном, социокультурном, медийном, политическом и др. Спектр охватываемых тем в рамках изучения лингвокреативности также широк. Если говорить о политическом дискурсе, то исследователи обращают свой научный взор на изучение лингвокреативных элементов (лингвокреатем) в политических плакатах [Филатова 2022], а также в интернет-комментариях к новостным и политическим видеосообщениям [Иванченко 2025]. Кроме того, предметом исследования становятся как лингвокреативные словообразовательные приемы на материале политических антропонимов, реализуемые в интернет-коммуникации [Канашина 2023], так и лингвокреативность как фактор формирования образа политической партии в блогосфере

[Болотова 2024] и др. Знакомство со множеством работ по изучению лингвокреативности в политическом дискурсе указывает на активную реализацию лингвокреативных процессов в цифровом пространстве в различных политических поддискурсах. Таким образом, нам видится целесообразным говорить о *цифровой лингвокреативности*.

Обоснованность внедрения в научный оборот этого термина, ранее не отмеченного в научном дискурсе, объясняется, на наш взгляд, тем, что в настоящее время понятие «цифровой» имеет широкую палитру значений. В работе [Маринова 2023] автор, исследуя семантическую структуру одного из ключевых понятий современного общества, отмечает формирующуюся на протяжении нескольких лет полисемию лексемы «цифровой», которая еще не нашла отражения в лексикографических источниках. На основе анализа практически неограниченной словесной комбинаторики исследователь выделяет новое значение слова: «реализуемый, осуществляемый, существующий в интернете». В этом значении понятие «цифровой» синонимично целому ряду атрибутивных единиц, используемых для номинации объектов и явлений виртуальной действительности: *виртуальный, электронный, сетевой, онлайн-, интернет-, кибер-, веб-*. Кроме того, в научном обороте нами отмечены множественные терминологические комбинации в сфере лингвистики с включением понятия *цифровой*: *цифровая лингвистика, цифровой текст, цифровые лингвистические задачи, цифровой переводчик, цифровые лингвопроцессы, цифровой словарь* и др. Все вышесказанное, на наш взгляд, указывает на правомерность использования термина «цифровая лингвокреативность», под которой нами понимается способность носителя языка, реализуемая в интернет-среде, модифицировать существующие в языке языковые средства или создавать новые языковые знаки на основе уже существующих с целью создания определенного эффекта или образа.

В контексте языковой идентичности исследователи сегодня сходятся во мнении, что словотворчество является одной из важных составляющих языковой идентичности немецкой нации, что особенно ярко проявляется в цифровой среде [Никитина 2015; Кузнецова, Чигашева 2025; Ткаченко 2022]. Результатом языковой креативности становится появление множества новых ономастических единиц, составляющих большой объем политического ономастикона, при этом сама цифровая медиасреда способствует развитию ономастической системы сферы политики.

Следует отметить, что последние несколько лет в партийно-идеологическом ландшафте Германии наблюдаются существенные трансформации. Политические объединения переживают системный кризис, который ставит под вопрос дальнейшее существование как традиционных партий, так и правящих коалиций [Бирюков 2015]. Подобные сдвиги внутри политической системы страны вносят изменения также в систему нейминга партий и коалиций. Кроме того, растущее влияние цифровых процессов и широкое распространение интернет-технологий в современной политической коммуникации формирует новые номинативные тенденции, которые уже обнаруживаются в номинативных моделях, предложенных в цифровой среде для новой правительственной коалиции 2025 года, в состав которой вошли Христианско-демократический союз (ХДС) / Христианско-социальный союз (ХСС) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ); именно эти лингвокреативные именные формы и будут рассмотрены нами далее.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В парламентской системе Германии коалиция представляет собой союз двух или более партий или их парламентских фракций, заключающийся с целью формирования правительства, поскольку получение абсолютного большинства мест одной партией в парламенте, особенно на федеральном уровне, маловероятно [BPD]. При этом формирование коалиций в значительной степени находится вне контроля избирателей и отдано на усмотрение партий. Кроме того, формирование коалиции может оказать решающее влияние на целую эпоху. Например, формирование коалиции из ХДС/ХСС (Христианско-демократического союза (ХДС) и Христианско-социального союза), СвДП (Свободной демократической партии) и Немецкой партии в послевоенный период в Западной Германии ознаменовало смену парадигмы: Федеративная Республика трансформировалась из канцлерской демократии с доминирующим положением главы правительства в партийную или коалиционную демократию, в которой канцлер выступает в роли координатора и должен учитывать интересы партнеров по коалиции [Andersen, Woyke 2021]. Таким образом, формирование коалиций в парламенте обусловлено характером политической системы ФРГ; они представляют собой временные союзы, обычно создаваемые на один срок полномочий.

Как было отмечено выше, история формирования первого коалиционного прави-

тельства ФРГ берет свое начало в послевоенной Западной Германии в 1949 г. Поскольку традиционно выборы в Бундестаг проходят раз в четыре года, то, начиная с 1949, избирается правящая коалиция, которая играет центральную роль в политической жизни страны. В зависимости от состава и партийной принадлежности коалициям часто присваивают описательные названия, мотивированные в большинстве случаев цветовой символикой партий, входящих в состав коалиции. Так, наиболее известны такие коалиции, как «Черно-желтая» коалиция, представляющая собой союз ХДС/ХСС и СвДП, где черный цвет символизирует ХДС/ХСС, а желтый — соответственно СвДП; была у власти в 1961–1966, 1982–1998, 2009–2013 годах. В состав «Красно-черной» или «Большой коалиции» в 1966–1969, 2005–2009, 2013–2021 годах входили ХДС/ХСС и СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), цветом-символом последней является красный. «Красно-зеленая» коалиция в 1998–2005 годах состояла из СДПГ и Партии зеленых. Таким образом, красный, черный, желтый и зеленый цвета стали основополагающими ориентирами в политическом ландшафте Германии, образуя партийно-политический спектр и обозначая идеологическую позицию отдельной партии и коалиции в целом.

Нам видится целесообразным упомянуть об истоках возникновения цветовой символики в современной политической сфере Германии. Подробно этимология цвета в германской партийной системе описана в работе [Туманова 2023], в которой автор описывает историю закрепления отдельного цвета за определенной партией. Отметим лишь, что традицию присваивать партиям цветовую символику связывают с развитием медиакратии после Второй мировой войны. Политическая коммуникация стала больше ориентироваться на новое ведущее средство массовой информации — цветное телевидение; появление цветовой символики на телеэкранах способствовало более эффективной коммуникации между акторами. Виделось крайне важным продвигать партийный цвет через новые медиаканалы, в том числе оказывая влияние на аудиторию посредством цветовой символики [Heller 2004]. Так, изначально черный цвет, олицетворявшийся ХДС, не играл никакой роли в

партийном имидже ХДС и был присвоен союзу оппозиции как консерваторам с большой поддержкой духовенства; данный цвет ассоциировался преимущественно с облачением священников. Однако молодежная организация при блоке ХДС/ХСС «Молодежный союз» (Junge Union) трансформировала черный цвет в партийный бренд. В ходе масштабной политической кампании 2004 года слоган «Черный — это красиво» (Black ist beautiful), неоднократно использовавшийся в рекламе с конца 1960-х годов, стал эффективной формой самопрезентации [Ewert 2004: 7].

Таким образом, выбор номинативной стратегии указания цвета в имени коалиции объясняется доминированием цветовой символики в обозначении германских политических партий в политической коммуникации и их идеологической ориентацией [Чигашева 2021: 79]. Кроме того, подобные имена являются колористическими полифункциональными метафорическими наименованиями, поскольку цвет, с одной стороны, эксплицитно выполняет индивидуализирующую и констатирующую функцию в политическом ономастическом ландшафте, с другой стороны, имплицитно выражает идеологическую идею агонального плана. При этом подобные цветковые имена-метафоры не выражают оценочности и носят скорее официальный характер.

Кроме того, цветковые наименования коалиций нередко выступают семантическими дериватами для создания новых креативных имен коалиций. В результате развертывания колористических метафор отмечаются новые метафорические наименования, выражающие коннотацию. Так, в партийно-коалиционной метафоросистеме современной Германии обнаруживаются наименования, отличающиеся образностью, построенной на сходстве новых метафорических образов с цветовой символикой коалиций.

Наиболее доминантной моделью является однотипная модель со сферой-мишенью «ГОСУДАРСТВО». Топоним в составе метафорического наименования коалиции мотивирован триколором государственных флагов (рис. 1).

Другая модель, также отличающаяся высокой продуктивностью, включает сферу-мишень «ФРУКТЫ И ЯГОДЫ» (рис. 2).

ХДС	ЗЕЛЕННЫЕ	СвДП	Jamaika-Koalition (коалиция ЯМАЙКА)
СДПГ	ХДС	ЗЕЛЕННЫЕ	Kenia-Koalition (коалиция КЕНИЯ)
ХДС	СДПГ	СвДП	Deutschland-Koalition (коалиция ГЕРМАНИЯ)

Рис. 1. Метафорические модели со сферой-мишенью «ГОСУДАРСТВО»

ХДС	СДПГ	ССВ	Brombeer-Koalition (коалиция ЕЖЕВИКА)
ЗЕЛЕННЫЕ	ССВ	СДПГ	Feige-Koalition (коалиция ИНЖИР)
СвДП		ЗЕЛЕННЫЕ	Limette-Koalition (коалиция ЛАЙМ)
ЗЕЛЕННЫЕ		ХДС	Kiwi-Koalition (коалиция КИВИ)

Рис. 2. Метафорические модели со сферой-мишенью «ФРУКТЫ И ЯГОДЫ»

Нельзя не упомянуть также яркий метафорический образ, возникший после образования правительственной красно-желто-зеленой коалиции между СДПГ, СвДП и Зеленой партией. Коалиция получила название «Светофор» (Ampelkoalition) также в соответствии с цветовой символикой партий, которые вошли в состав правящей коалиции. Выбранное метафорическое наименование для коалиции обладает высоким образным потенциалом. Заданные в исходном значении признаки устройства, регулирующего движение, эксплицитно выражаются и в новом метафорическом обозначении коалиции, поскольку коалиция «регулирует» ход принятия правительственных решений. Подобное наименование послужило множественной языковой игре как в германских, так и российских медиа.

Как отмечается в работе [Чудинов 2013: 27], «система метафорических моделей — это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией». Таким образом, природоморфная и социоморфная метафора наиболее доминантна в коалиционной метафоросистеме Германии. При этом в описанных метафорических наименованиях коалиций цвет является основой для выбора сферы-мишени. Однако, как отмечают эксперты, политическая теория цвета в современных реалиях не характеризуется последовательностью и объективным отражением идеологической ориентации: Партия зеле-

ных не такая уже и зеленая, красные сегодня лишь красноватые [WELT].

В результате, с одной стороны, цвета по-прежнему используются в качестве основных ориентиров на политической арене. С другой стороны, привычные ассоциации цветов как символов политических позиций отдельных партий ослабевают. Эти изменения уже обнаруживаются в номинативных предпочтениях новой правительственной коалиции 2025 года, в состав которой вошли партии ХДС/ХСС и СДПГ. В таком составе партии уже четыре раза формировали Большую коалицию. Первый раз это было в 1966 году; остальные три Большие коалиции на федеральном уровне были созданы при канцлере Ангеле Меркель (ХДС). При этом нынешний лидер ХДС Фридрих Мерц высказался о желании выбрать другое имя для коалиционного правительства, поскольку по итогам выборов количественно коалиция сильно уступает любой из предыдущих Больших коалиций и наименоваться сейчас таким образом было бы некорректно: „Eine 'GroKo' kann man die geplante Koalition mit diesen knappen Mehrheiten im Parlament ja eigentlich nicht mehr nennen“, sagte der Unionskanzlerkandidat» [Tagesschau]. Им были предложены имя *Koalition von Aufbruch und Erneuerung* (Коалиция прорыва и обновления) и более традиционное наименование с включением цветовой символики *schwarz-rote-Arbeitskoalition* (Черно-красная рабочая коалиция). Метафорическое наименование *Koalition von Aufbruch und Erneuerung* отличается высо-

ким прагматико-коммуникативным потенциалом, а также агональным воздействием, преобразуя существующее в сознании адресата традиционное представление о коалиции. Однако в итоге официальным именем правящей коалиции стало *schwarz-rote-Arbeitskoalition*. При этом включение в наименование смыслового концепта «работа» несет энергетическую нагрузку и указывает на целевые установки коалиции.

Особого внимания заслуживает участие цифровой аудитории в выборе нового имени для правящей коалиции, а также имена, которые возникли в результате цифрового лингвокреативного имянаречения. Так, в цифровом медиапространстве были предложены корпуса альтернативных имен для правительственной коалиции. Рассмотрим детально эти наименования, а также дадим характеристику лингвокреативным экспериментам на разных языковых уровнях. На новостных порталах [SWR] и [Stern] представлены списки подходящих, по мнению цифровой аудитории, для коалиции наименований. Большинство наименований характерна единая словообразовательная и графическая модель: **AIKo** (Altherren-Koalition-Ein Drittel Frauen reicht / Коалиция пожилых господ — Одной трети женщин достаточно), **BiKo** (Bierdeckel-Koalition — Jetzt anschreiben, später zahlen / Коалиция пивных подставок — Сейчас записать на счет, потом расплатиться), **DeAl** (Demokratische Alternative / Демократическая альтернатива), **KleinKo** (Kleine Koalition / Малая коалиция), **ReKo** (Regierende Koalition / Правящая коалиция), **SchuKo** (Schuldenkoalition / Долговая коалиция), **SchwaRo** (Schwarz-Rote Koalition / Черно-красная коалиция) и др.

Имена предложены в форме вторичной (аббревиатурной) и первичной (расшифровке аббревиатуры) номинаций. При этом аббревиатуры, выступающие как самостоятельные именные формы, представляют собой слоговые аббревиатурные наименования с графическим выделением второго слога (написание с заглавной буквы) как активного элемента, формирующего смысловой акцент. Выбор единой словообразовательной модели мотивирован краткой формой *GroKo*, которую использовал сам Фридрих Мерц в интервью газете *Bild*. Сама по себе краткая форма для именования коалиций нетипична. Использование канцлером ФРГ сокращения *GroKo* привело к намеренному эксплуатированию краткого имени в цифровой среде как реакции на нарушение нормы употребления именной формы.

На фонетическом уровне лингвокреативность проявляется в различных повторах:

KoKo (Kompromisskoalition), **KleinKo** (Kleine Koalition), **RamboZamboKo** (RamboZambo-Koalition), **SoKo** (Sondervermögen-Koalition). Повторение одинаковых согласных (аллитерация) и гласных звуков (ассонанс), повторение слогов способствует, на наш взгляд, возникновению комического эффекта; высмеивание правящей коалиции посредством иронично звучащих наименований подрывает имидж правительства и оказывает дискредитирующее воздействие.

Лексико-семантический уровень характеризуется прецедентностью наименований. Использование прецедентного феномена в политическом дискурсе является популярным приемом создания комического эффекта. Посредством прецедентных феноменов или фраз автор привносит в свой текст многоплановость, что способствует иерархизации смысла, созданию подтекста, дополнительного имплицитного смысла [Нецветаева 2023: 106]. Так, имя **RamboZamboKo** (RamboZambo-Koalition / «РэмбоЗамбо» коалиция) отсылает к предвыборной песне, которую ведущий шоу «Du gewinnst hier nicht die Million bei Stefan Raab» Штефан Рааб посвятил тогда еще кандидату на пост канцлера от ХДС/ХСС Фридриху Мерцу. После победы альянса ХДС/ХСС на федеральных выборах кандидат в канцлеры от ХДС/ХСС не смог сдержать улыбку и в своей победной речи заявил, что сегодня в доме Аденауэра будет Рэмбо Замбо: *Heute Abend feiern wir. Und ab morgen früh wird gearbeitet, ...Jetzt darf auch mal Rambo Zambo im Adenauer-Haus sein* [RND]. Песня, как и сама цитата г-на Мерца, прочно закрепилась за имиджем политика; подобное коалиционное имя, включающее прецедентный маркер, эксплицитно может указывать на несерьезность политических шагов коалиции и нарушение ожиданий электората в отношении коалиционной политики.

Кроме того, в результате цифровой лингвокреативности возникли имена *AFriko* (*Alte-Fritz-Koalition* / Коалиция старого Фрица) и *Friko* (*Fritzes Koalition* / Коалиция Фрица), которые выступают маркером прецедентной ситуации. Напомним, что именем «Фрице» нарек Фридриха Мерца бывший канцлер ФРГ Олаф Шольц. Во время предвыборной кампании в программе новостей *ZDF Heute Journal* он заявил, что «Фрице» Мерц любит нести чепуху: „Fritze“ Merz erzählt „Tünnkram“. Отметим, что согласно Корпусу немецкого языка [DWDS] имя «Фрице» используется в некоторых германских диалектах в пренебрежительном значении для обозначения неблизкого знакомого. Личные нападки канцлера Олафа Шольца на

лидера ХДС Фридриха Мерца в интервью телеканалу *ZDF* вызвали споры о сниженном тоне предвыборной кампании [*ZDF*]. Использование инвектив, а также наречение прозвищем политического оппонента являются одной из форм проявления коммуникативной агрессивности. При этом рассматриваемые имена для коалиции, отсылающие к прозвищу «Фрице» с отрицательной коннотацией, могут трактоваться как специальный знак агональности, подчеркивающий неуважительное отношение к политическому противнику и способствующий формированию негативного образа оппонента как в цифровой медиасфере, так и в сознании электората.

Особого внимания заслуживают расшифровки кратких именных форм коалиций. По своей структуре они представляют собой полимотивированные наименования, в которых в качестве языковых механизмов лингвокреативности используется метафоризация для достижения прагматико-коммуникативного воздействия. В метафорике имен *Altherren-Koalition* — *Ein Drittel Frauen reicht* (Коалиция пожилых господ — Одной трети женщин достаточно), *Bierdeckel-Koalition* — *Jetzt anschreiben, später zahlen* (Коалиция пивных подставок — Сейчас записать на счет, потом расплатиться), *Schuldenkoalition* (Долговая коалиция) и *Sondervermögen-Koalition* (Коалиция Особого имущества) отражается состояние современного социума, культуры и отношения к власти. На фоне политических потрясений внутри страны отмечается развитие национальной системы политических метафор. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества (в рассматриваемом материале это долги, квотирование рабочих мест для женщин, особое имущество государства, возраст политических деятелей), быстро становятся центрами метафорического притяжения. Кроме того, анализируемые имена отличаются метафорической агрессивностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, описание традиций имянаречения коалиционных союзов современной Германии в диахронном аспекте выявило, что в рассматриваемом ономастическом пространстве наблюдаются изменения, которые обусловлены в первую очередь активно трансформирующейся общественно-политической действительностью.

Несмотря на доминантный характер колористического обозначения коалиций, которые выступают семантическими дериватами для создания креативных имен-метафор коалиций, в современных реалиях привычные ассоциации цветов как символов

политических позиций отдельных партий ослабевают, что формирует новый взгляд на нейминг коалиционных союзов. Так, правительственная коалиция 2025 года на фоне множественных кризисов внутри страны отдала предпочтение традиционной номинативной модели с указанием идеологической ориентации посредством цвета, но при этом включила свежий метафорический концепт со сферой-мишенью «труд».

Цифровая лингвокреативность может рассматриваться как реакция цифровой аудитории и медиа на новую правительственную коалицию страны, где к стимулам проявления цифровой лингвокреативности можно отнести лингвокреативный потенциал немецкоязычной аудитории, создание комического и дискредитирующего эффекта через иронично-оскорбительные наименования, а также сублимацию агрессии к новой власти через эмоционально окрашенное имянаречение. Описание лингвокреативных приемов в цифровом пространстве на разных языковых уровнях свидетельствует о высоком лингвокреативном потенциале аудитории в осмыслении коалиционных наименований, выражающемся в уверенном владении техникой словообразования, включая образование кратких именных форм, а также развитой лексико-семантической и графической креативностью.

ИСТОЧНИКИ

1. Das Kreuz mit dem Kreuz // *Die Welt*. — 2000. — 18 июня. — URL: <https://www.welt.de/print-wams/article614257/Das-Kreuz-mit-dem-Kreuz.html> (дата обращения: 22.04.2025).
2. Fritze // *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)*. — URL: <https://www.dwds.de/wb/Fritze> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Koalition // *Bundeszentrale für politische Bildung (bpb)*. — 2021. — URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/handwoerterbuch-politisches-system/202048/koalition/> (дата обращения: 22.04.2025).
4. Merz mit ‚Rambo Zambo‘: Was das Zitat bedeutet — und was Raab damit zu tun hat // *RND*. — 2024. — 15 мая. — URL: <https://www.rnd.de/medien/merz-mit-rambo-zambo-was-das-zitat-bedeutet-und-was-raab-damit-zu-tun-hat-Z2V6FD2PMNFWXM4WJEELPJ5R4Q.html> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Scholz im ZDF-Interview: Fritze Merz erzählt gern Tünkram // *ZDF heute*. — 2024. — 17 января. — URL: <https://www.zdfheute.de/politik/deutschland/scholz-merz-tuenkram-bundes-tagswahl-attacken-100.html> (дата обращения: 22.04.2025).
6. So kann man es eigentlich nicht mehr nennen: Merz wünscht sich anderen Namen für mögliche Wiederauflage der ‚Groko‘ // *Der Tagesspiegel*. — 2024. — 10 сентября. — URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/so-kann-man-es-eigentlich-nicht-mehr-nennen-merz-wuenscht-sich-anderen-namen-fur-moegliche-wiederauflage-der-groko-13419016.html> (дата обращения: 22.04.2025).
7. Stimmen Sie ab“RamboZamboKo“, „Albanien-Koalition“: Wie soll die Merz-Regierung heißen? // *Stern*. — 2024. — 10 сентября. — URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/schluss-mit-groko---wie-soll-eine-koalition-aus-union-und-spd-heissen--35577676.html> (дата обращения: 22.04.2025).
8. Wie soll die neue Koalition im Bundestag heißen? // *SWR*. —

2024. — 10 сентября. — URL: <https://www.swr.de/swr1/rp/wie-soll-die-neue-koalition-im-bundestag-heissen-100.html> (дата обращения: 22.04.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беляевская, Е. Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? / Е. Г. Беляевская // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 3 (53). — С. 62–73. — DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73. — EDN KBGYLX.
- Бирюков, Н. Ю. Политические партии Германии: вызовы системной трансформации / Н. Ю. Бирюков // Перспективы. Электронный журнал. — 2015. — № 4 (4). — С. 62–68. — EDN VXCXMSX.
- Болотова, А. Ю. Роль лингвокреативности в формировании образа Коммунистической партии Китая в русскоязычной блогосфере / А. Ю. Болотова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2024. — № 22. — С. 154–165. — EDN DGKWHT.
- Гудкова, Н. И. Политический брэндинг в системе современного политического имиджмейкерства / Н. И. Гудкова, Л. Г. Лаптев // Акмеология. — 2003. — № 2. — С. 51–55. — EDN OZIDRB.
- Иванченко, Т. А. Лингвистическая креативность в интернет-комментариях (на материале сетевых комментариев к новостным и политическим видеосообщениям на немецком языке) / Т. А. Иванченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18, № 6. — С. 2243–2249. — DOI 10.30853/phl20250314. — EDN OHGQKV.
- Канашина, С. В. Лингвокреативные словообразовательные приемы в политических антропонимах на материале англоязычных интернет-мемов / С. В. Канашина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2023. — Т. 29, № 3. — С. 153–159. — DOI 10.18287/2542-0445-2023-29-3-153-159. EDN WYBIO.
- Кузнецова, Е. Д. Гендерная лингвокреативность современного немецкого языка (на примере дискурса А. Бербок) / Е. Д. Кузнецова, М. А. Чигашева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 73–84. — EDN TXBSZO.
- Маринова, Е. В. Семантическая структура слова *цифровой* в русском языке XXI в.: проблема описания / Е. В. Маринова // LI Международная научная филологическая конференция: сборник тезисов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. — С. 1092–1093. — EDN HDHSKF.
- Недяк, И. Л. Маркетингизация политики в логике и концепциях политического маркетинга / И. Л. Недяк // PolitBook. — 2013. — № 4. — С. 31–46. — EDN SGILOR.
- Нецветова, Л. Н. Лингвокреативность в дискурсивном конструировании медиаобраза политика / Л. Н. Нецветова // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. — Иркутск: Аспринт, 2023. — Вып. 6. — С. 103–112. — EDN RCHCVV.
- Никитина, О. А. Словотворчество как проявление лингвокреативности современной немецкой языковой личности / О. А. Никитина // Филология и человек. — 2015. — № 1. — С. 47–57. — EDN TKVQHN.
- Ткаченко, О. А. Политический бэкромим как инструмент критики власти / О. А. Ткаченко // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 4 (43). — С. 467–470. — DOI 10.34680/2411-7951.2022.4(43).467-470. — EDN LYUMBW.
- Ткаченко, О. А. Политический нейминг: тенденции и стратегии / О. А. Ткаченко // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 4 (49). — С. 352–356. — DOI 10.34680/2411-7951.2023.4(49).352-356. EDN YGNQWW.
- Туманова, Е. О. Колористические эонимы как результат языковой рефлексии политической системы Германии с 1978 по 2021 годы / Е. О. Туманова // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 79–90. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_09. — EDN CZHRVU.
- Филатова, А. Г. Лингвокреативные элементы как способ реализации коммуникативных стратегий в политическом плакате / А. Г. Филатова // Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — Т. 92, № 3. — С. 124–130. — DOI 10.18522/2070-1403-2022-92-3-124-130. EDN FHJANJ.
- Чигашева, М. А. Культурно-маркированная лексика политического дискурса Германии: моногр. / М. А. Чигашева,

М. А. Елизарьева, Т. С. Ларина, А. П. Крячкова. — Москва: МГИМО-Университет, 2021. — 203 с. — ISBN: 978-5-9228-2455-2. — EDN JPIIA.

- Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: [б. и.], 2013. — 176 с. — ISBN: 978-5-7186-0504-4. — EDN QZIQHN.
- Шилихина, К. М. Лингвокреативность и языковая игра: почему возникает комический эффект? / К. М. Шилихина, Е. А. Паньин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2025. — № 1. — С. 24–31. — DOI 10.17308/lic/1680-5755/2025/1/24-31. — EDN STDXXWG.
- Andersen, U. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland / U. Andersen, W. Woyke (Hg.). — 8., aktual. Aufl. — Heidelberg: Springer VS, 2021.
- Casini, S. Language Creativity: A Semiotic Perspective / S. Casini. — Lanham: Lexington Books, 2020. — 192 p.
- Ewert, S. Black is black! Oder “Wir Schwarzen müssen zusammenhalten” / S. Ewert // Die Entscheidung. Sonderheft “black”. — 2004. — Vol. 52. — P. 7.
- Heller, E. Wie Farben wirken. Farbpsychologie, Farbsymbolik, kreative Farbgestaltung / E. Heller. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004. — ISBN 3499619601, 9783499619601.
- Korte, K.-R. Wahlen in Ostdeutschland: Vielleicht wird's ja eine Brombeer-Koalition / K.-R. Korte // Die Zeit. — 2024. — 28 August.

MATERIALS

- Das Kreuz mit dem Kreuz (2000, 18 June). *Die Welt*. Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.welt.de/print-wams/article614257/Das-Kreuz-mit-dem-Kreuz.html>.
- Fritze (n.d.). Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.dwds.de/wb/Fritze>.
- Koalition (2021). *Bundeszentrale für politische Bildung* (bpb). Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.bpb.de/kurzknapp/lexika/handwoerterbuch-politisches-system/202048/koalition/>.
- Merz mit ‘Rambo Zambo’: Was das Zitat bedeutet — und was Raab damit zu tun hat (2024, 15 May). *RND*. Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.rnd.de/medien/merz-mit-rambo-zambo-was-das-zitat-bedeutet-und-was-raab-damit-zu-tun-hat-Z2V6FD2PMNFWX4M4WJEELPJ5R4Q.html>.
- Scholz im ZDF-Interview: ‘Fritze Merz erzählt gern Tünkram (2024, 17 Jan.). ZDF heute. Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.zdfheute.de/politik/deutschland/scholz-merz-tuenkram-bundestagswahl-attacken-100.html>.
- So kann man es eigentlich nicht mehr nennen: Merz wünscht sich anderen Namen für mögliche Wiederauflage der ‘Groko (2024, 10 Sept.). *Der Tagesspiegel*. Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.tagesspiegel.de/politik/so-kann-man-es-eigentlich-nicht-mehr-nennen-merz-wunscht-sich-anderen-namen-fur-moegliche-wiederauflage-der-groko-13419016.html>.
- Stimmen Sie ab “RamboZamboKo”, “Albanien-Koalition”: Wie soll die Merz-Regierung heißen? (2024, 10 Sept.). *Stern*. Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.stern.de/politik/deutschland/schluss-mit-groko---wie-soll-eine-koalition-aus-union-und-spd-heissen--35577676.html>.
- Wie soll die neue Koalition im Bundestag heißen? (2024, 10 Sept.). *SWR*. Available at Apr. 22, 2025 from <https://www.swr.de/swr1/rp/wie-soll-die-neue-koalition-im-bundestag-heissen-100.html>.

REFERENCES

- Belyaevskaya, E. G. (2022). Linguistic creativity: a violation of the norm? *Issues of psycholinguistics*, 3(53), 62–73. DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73. EDN KBGYLX.
- Biryukov, N.Yu. (2015). Politicheskie partii Germanii: vyzovy sistemnoy transformatsii = Political parties in Germany: challenges of systemic transformation. *Prospects. Electronic journal*, 2, 207–219. EDN VXCXMSX.
- Bolotova, A.Yu. (2024). Rol' lingvokreativnosti v formirovaniy obraza Kommunisticheskoy partii Kitaya v russkoyazychnoy blogosfere = The role of linguo-creativity in shaping the image of the Communist Party of China in the Russian-language blogosphere. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 22, 154–165. EDN DGKWHT.
- Gudkova, N. I., Laptev, L. G. (2003). Politicheskiy brending

v sisteme sovremennogo politicheskogo imidzhmeykerstva = Political branding in the system of modern political image-making. *Acmeology*, 2, 51–55. EDN OZJDRB.

5. Ivanchenko, T.A. (2025). Lingvisticheskaya kreativnost' v internet-kommentariyakh (na materiale setevykh kommentariyev k novostnym i politicheskim videosobshcheniyam na nemetskom yazyke) = Linguistic creativity in Internet comments (based on online comments on news and political video messages in German). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 18(6), 2243–2249. DOI 10.30853/phil20250314. EDN OHGQKV.

6. Kanashina, S.V. (2023). Lingvokreativnye slovoobrazovatel'nye priemy v politicheskikh antroponimakh na materiale angloyazychnykh internet-memov = Linguo-creative word-formation techniques in political anthroponyms based on English-language Internet memes. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 29(3), 153–159. DOI 10.18287/2542-0445-2023-29-3-153-159. EDN WYBIIH.

7. Kuznetsova, E. D., Chigasheva, M. A. (2025). Gendernaya lingvokreativnost' sovremennogo nemetskogo yazyka (na primere diskursa A. Baerbock) = Gender linguo-creativity of modern German (on the example of A. Baerbock's discourse). *Political Linguistics*, 3(111), 73–84. EDN TXBSZO.

8. Marinova, E.V. (2023). Semanticheskaya struktura slova tsifrovoy v russkom yazyke XXI v.: problema opisaniya = Semantic structure of the word digital in the Russian language of the 21st century: a problem of description. *LI International Scientific Philological Conference. Collection of abstracts*, 1092–1093. Saint Petersburg: St. Petersburg State University.

9. Nedyak, I. L. (2013). Marketizatsiya politiki v logike i konceptsiyakh politicheskogo marketinga = Marketization of politics in the logic and concepts of political marketing. *PolitBook*, 4, 31–46. EDN SGILOR.

10. Netsvetaeva, L.N. (2023). Lingvokreativnost' v diskursivnom konstruirovani mediaobraza politika = Linguo-creativity in the discursive construction of a politician's media image. *Linguistics and linguodidactics in light of modern scientific paradigms. Iss.* 6, 84–91. Irkutsk: Asprint.

11. Nikitina, O. A. (2015). Slovtvorchestvo kak proyavlenie lingvokreativnosti sovremennoy nemetskoy yazykovoy lichnosti = Word creation as a manifestation of linguo-creativity of the modern German linguistic personality. *Philology and Man*, 1, 47–57. EDN TKVGQH.

12. Tkachenko, O. A. (2022). Politicheskii bekronim kak instrument kritiki vlasti = Political backronym as a tool of criticism of power. *Scientific Notes of Novgorod State University*, 4(43),

467–470. EDN LYUMBW.

13. Tkachenko, O. A. (2023). Politicheskii neyming: tendentsii i strategii = Political naming: trends and strategies. *Scientific Notes of Novgorod State University*, 4(49), 352–356. DOI 10.34680/2411-7951.2023.4(49).352-356. EDN YGNQWW.

14. Tumanova, E. O. (2023). Koloristicheskie eonimy kak rezultat yazykovoy refleksii politicheskoy sistemy Germanii s 1978 po 2021 gody = Colouristic aeonyms as a result of linguistic reflection on the political system of Germany from 1978 to 2021. *Political Linguistics*, 2(98), 79–90. DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_09. EDN CZHRVU.

15. Filatova, A. G. (2022). Lingvokreativnye elementy kak sposob realizatsii kommunikativnykh strategiy v politicheskom plakate = Linguo-creative elements as a way of implementing communicative strategies in a political poster. *Humanities and social sciences*, 92(3), 124–130. DOI 10.18522/2070-1403-2022-92-3-124-130. EDN FHJANJ.

16. Chigasheva, M. A., Elizar'eva, M. A., Larina, T. S., Kryachkova, A. P. (2021). Kul'turno-markirovannaya leksika politicheskogo diskursa Germanii = Culturally marked vocabulary of the political discourse of Germany. Moscow: MGIMO-Universitet. ISBN: 978-5-9228-2455-2. EDN JPJIIA.

17. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii = Essays on modern political metaphorology. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. ISBN: 978-5-7186-0504-4. EDN QZIQHH.

18. Shilikhina, K. M., Pan'in, E. A. (2025). Lingvokreativnost' i yazykovaya igra: pochemu voznikaet komicheskiy effekt? = Linguo-creativity and language play: why does a comic effect arise?. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 24–31. DOI 10.17308/lic/1680-5755/2025/1/24-31. EDN STDXWG.

19. Andersen, U., Woyke, W. (Eds.). (2021). Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland (8th ed.). Heidelberg: Springer VS.

20. Casini, S. (2020). Language Creativity: A Semiotic Perspective. Lanham: Lexington Books.

21. Ewert, S. (2004). Black is black! Oder "Wir Schwarzen müssen zusammenhalten". *Die Entscheidung. Sonderheft "black"*, 52, 7.

22. Heller, E. (2004). Wie Farben wirken. Farbpsychologie, Farbsymbolik, kreative Farbgestaltung. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.

23. Korte, K.-R. (2024, August 28). Wahlen in Ostdeutschland: Vielleicht wird's ja eine Brombeer-Koalition. *Die Zeit*.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27+811.581'373.49
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш171.1-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Ян Линь^{1,2}

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, yanglin9420@yandex.ru, SPIN-код: 8745-9610

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Способы образования китайских политических эвфемизмов

АННОТАЦИЯ. Китайско-российские отношения продолжают укрепляться, что повышает значимость изучения политических эвфемизмов в китайском языке. Политические эвфемизмы играют важную роль в политической деятельности, поскольку они позволяют тонко и опосредованно выражать деликатные, острые или требующие особой осторожности вопросы, избегая недопонимания и конфликтов, которые могут возникнуть при использовании прямых формулировок, и тем самым способствуя гармоничному и плавному политическому диалогу. Актуальность данного исследования обусловлена увеличением количества эвфемизмов в дипломатическом и политическом дискурсе, а также в официальных документах и текстах. Предметом исследования выступают китайские политические эвфемизмы. Цель работы — выявить способы их образования с лексической, грамматической и стилистической точек зрения на примере заявлений представителей Министерства иностранных дел КНР и правительственных докладов, а также проанализировать важную роль и культурный подтекст данных эвфемизмов в политической коммуникации. В заключение предлагаются рекомендации по оптимизации языкового оформления политического дискурса. Материалом исследования послужили эвфемистические выражения, используемые в официальных новостных сообщениях, опубликованных Министерством иностранных дел КНР и Центральным народным правительством КНР. В работе применяются аналитический, описательный и индуктивный методы. Проведённое исследование позволило сделать вывод о том, что основные способы образования политических эвфемизмов включают лексические, грамматические и стилистические механизмы. Результаты работы могут быть использованы в таких областях, как лингвистика, лексикография, изучение китайского языка и преподавание китайского языка как иностранного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая лингвистика, дипломатический дискурс, китайская дипломатия, дипломаты, китайский язык, политические эвфемизмы, способы образования эвфемизмов, министры иностранных дел, китайские политики, политические тексты, политические заявления, политическая риторика, речевые жанры, риторические приемы, лексикология китайского языка, грамматика китайского языка, стилистика, языковая личность, лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Линь, ассистент Центра дополнительного образования, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов; аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, email: yanglin9420@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Линь. Способы образования китайских политических эвфемизмов / Ян Линь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 102-109.

Yang Lin^{1,2}

¹ RUDN University, Moscow, Russia, yanglin9420@yandex.ru, SPIN code: 8745-9610

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Methods of Formation of Chinese Political Euphemisms

ABSTRACT. The continued strengthening of China-Russia relations enhances the significance of studying political euphemisms in the Chinese language. Political euphemisms play a crucial role in political activities, as they allow sensitive, contentious, or delicate political content to be expressed subtly and indirectly. This helps prevent misunderstandings and conflicts that may arise from direct expressions, thereby promoting harmonious and smooth political dialogue. The relevance of this study can be attributed to the growing number of euphemisms in diplomatic and political discourse, as well as in official documents and texts. The focus of this research is on Chinese political euphemisms. The aim of the study is to identify the methods of their formation from the lexical, grammatical, and stylistic perspectives, using the example of the statements by the representatives of the Chinese Ministry of Foreign Affairs and government reports, as well as to analyze the important role and cultural connotations of these euphemisms in political communication. The conclusion contains advice on optimizing linguistic formulation of political discourse. The practical research material encompasses euphemistic expressions used in official news releases published by the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China and the Central People's Government of the People's Republic of China. The research methods employed include analytical, descriptive, and inductive approaches. The undertaken research makes it possible to conclude that the main methods of formation of political euphemisms include lexical, grammatical, and stylistic mechanisms. The findings can be used in such fields as linguistics, lexicography, Chinese language studies, and teaching Chinese as a foreign language.

KEYWORDS: political discourse, political linguistics, diplomatic discourse, Chinese diplomacy, diplomats, Chinese language, political euphemisms, method of formation of euphemisms, Ministers of Foreign Affairs, Chinese politicians, political texts, political statements, political rhetoric, speech genres, rhetoric techniques, Chinese lexicology, Chinese grammar, stylistics, linguistic personality, linguopersonology.

© Ян Линь, 2026

AUTHOR'S INFORMATION: Yang Lin, Assistant Lecturer at the Centre for Continuing Education, Institute of Foreign Languages, RUDN University; Post-Graduate Student of Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Yang Lin. (2026). Methods of Formation of Chinese Political Euphemisms. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 102-109. (In Russ.).

Китай и Российская Федерация поддерживают всеобъемлющее партнерство стратегического взаимодействия, основанное на принципах ненаправленности против третьих сторон, неприсоединения к военным союзам и неконфронтационности. Отношения между двумя странами характеризуются высоким уровнем политического доверия, взаимовыгодным экономическим сотрудничеством, активным культурным обменом и тесной координацией на международной арене. Это партнерство вносит значительный вклад в укрепление региональной и глобальной стабильности [МИД КНР, 2024].

Китайские политические эвфемизмы отражают культурные традиции и политическую мудрость, а их формирование обусловлено комплексом социально-политических и культурных факторов. Глубокое изучение системы китайских политических эвфемизмов позволяет анализировать искусство владения политическим языком, понимать внутреннюю логику политической культуры и повышать эффективность политической коммуникации.

Ряд китайских исследователей, таких как Чжан Цзинби (2003), Ян Цзин (2012), Ван Цзюань (2005) и У Цзюнь (2006) — преимущественно специалисты в области английской филологии, — считают, что политические эвфемизмы в основном функционируют в сферах внутренней политики, дипломатии и военного дела. Чжан Цзинби (张竞碧, 2003) выделяет два основных аспекта употребления политических эвфемизмов: внутренние отношения (включая социальные проблемы, партийные интересы и деятельность государственных институтов) и международные отношения (преимущественно дипломатическая риторика и военная сфера) [Чжан Цзинби 2003: 77]. Ян Цзин (杨璟, 2012) к основным сферам применения относит внутреннюю политику, внешнюю политику и военные вопросы, отмечая, что многие социальные проблемы требуют использования политических эвфемизмов для смягчения формулировок [Ян Цзин 2012: 77]. Ван Цзюань (王隽, 2005) и У Цзюнь (吴俊, 2006)

включают в сферу политических эвфемизмов государственное управление, военную деятельность и международные отношения. При этом Ван Цзюань выделяет официальные, военные и дипломатические эвфемизмы [Ван Цзюань 2005: 213–215], а У Цзюнь — официальные, военные и эвфемизмы международного общения [У Цзюнь 2006: 52–54].

Другие китайские лингвисты, включая Ван Ци (2019), Чэнь Ли (2013) и Юй Синя (2014) — преимущественно представители русистики, — расширяют область политических эвфемизмов до экономики и социальной жизни. Ван Ци (王琦, 2019) включает в политический дискурс эвфемизмы, связанные с политикой, экономикой, военным делом и социальной сферой, в том числе обозначения социально уязвимых групп и определенных профессий [Ван Ци 2019: 1]. Чэнь Ли (陈黎, 2013) относит к сфере политических эвфемизмов вопросы государственной власти, дипломатии, экономики и международных отношений¹. Юй Синь (于鑫, 2014) выделяет следующие основные объекты политической эвфемизации: дипломатическую деятельность, действия правоохранительных органов, протестные акции, спецслужбы, привилегированные группы, негативные экономические явления, военные действия, национальные меньшинства и маргинальные слои населения [Юй Синь 2014: 8–9]. У Юйцунцзы (吴侯聪, 2019) указывает, что политические эвфемизмы используются преимущественно при описании негативных действий, мероприятий и характеристик².

Таким образом, китайские исследователи в целом сходятся во мнении, что политические эвфемизмы охватывают такие сферы, как дипломатия, экономика, военная деятельность и социальные отношения.

В работе российского лингвиста Ж. Ж. Варбот проанализированы следующие лексико-семантические способы образования эвфемизмов: заимствования, описательные выражения, определения, обобщенные наименования, использование местоимений [Вар-

¹ 陈黎. 俄语政治委婉语研究. 复旦大学硕士学位论文, 2013. 第 14 页. = Чэнь Ли. Исследование русских политических эвфемизмов : дис. ... магистра. — Фуданьский университет, 2013. — С. 14.

² 吴侯聪. 俄语媒体语言中政治委婉语的语用研究. 大连理工大学硕士学位论文, 2019. 第 24-29 页. = У Юйцунцзы. Прагматическое исследование политических эвфемизмов в русском медиадискурсе : дис. ... магистра. — Даляньский технологический университет, 2019. — С. 24–29.

бот 1997: 345]. Л. П. Крысин в исследовании «Эвфемизмы в современной русской речи» выделяет такие языковые способы образования эвфемизмов, как слова-определители с диффузной семантикой (например, «некоторый»); номинации с общим значением (например, «акция», «изделие»); заимствования и термины (например, «канцер» вместо «рак»); аббревиатуры (например, «ВМ» вместо «высшая мера»); слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства (например, «прихрамывает»); глаголы с приставкой «под-» (например, «подъехать»)¹ [Крысин 2004]. В. П. Москвин предлагает классификацию, включающую следующие средства образования эвфемизмов: метонимия (в частности, металепсис), метафора, антифразис, замена близкочувственным словом, прономинализация, использование родовых понятий, антономазия, эллипсис, книжная лексика, нарочито неточные выражения, синекдоха, мейозис, прямые обозначения, термины и заимствования [Москвин 2001: 58–70].

А. М. Кацев выделяет следующие способы образования эвфемизмов: семантические изменения (сужение значения, метонимия, метафора, семантический контраст); изменения формы слова (сокращения, словосложение, аффиксация, контаминация, звуковое сходство); заимствования [Кацев 1979: 129–163]. М. Л. Ковшова описывает такие способы оформления эвфемизмов, как подмена значения, обозначение неполноты признака или действия, сужение и расширение значения, использование заимствованной семантики и создание аббревиатур [Ковшова 2007: 48–52]. Среди китайских исследователей Ли Цзюньхуа предлагает классификацию по способам образования: фонетические, лексические, грамматические и стилистические эвфемизмы [Ли Цзюньхуа 2007: 52–83]. Шао Цзиньхан выделяет фонетические, лексико-семантические и грамматические способы, при этом в рамках лексико-семантического подхода различает концептуальную метафору, концептуальную метонимию, антонимы, синонимы и указательные местоимения, а в грамматическом — синтаксические и морфологические средства². В результате сопоставительного анализа примеров из китайского и русского языков нами были выделены следующие основные способы образования эвфемизмов: фонетические, лексико-семантические, грамматиче-

ские и стилистические.

Лексические способы

1) Лексико-семантическое ослабление и преобразование

В политическом дискурсе одним из распространенных приемов эвфемизации является замена лексических единиц, обладающих негативной коннотацией или прямо обозначающих проблему, на более нейтральные или смягченные выражения. В правительственных отчетах при описании вопросов экономического развития это проявляется особенно ярко, например: *термин экономический спад* (jīngjī shuāitūi — *экономический спад*) часто заменяется эвфемизмом *экономический спад* (jīngjī zēngzhǎng fànguǎn — *замедление экономического роста*). Термин «рецессия» имеет выраженную негативную коннотацию, поскольку указывает на серьезный экономический спад и кризисные явления, что может способствовать формированию нестабильных общественных настроений. В то же время выражение «замедление темпов роста» отличается нейтральной окраской: оно объективно описывает динамику экономических процессов, не акцентируя кризисный аспект. Такой подход смягчает восприятие экономической ситуации и сохраняет пространство для маневра в рамках государственной политики.

毛宁: 在当前全球经济增长放缓、地缘冲突延宕背景下, 东亚形势总体保持稳定, 区域经济一体化持续推进。Перевод: Мао Нун: «В условиях замедления темпов роста мировой экономики и затяжных геополитических конфликтов общая ситуация в Восточной Азии сохраняет стабильность, а региональная экономическая интеграция продолжает углубляться» (МИД Китая, 23.07.2024) [Источник 1].

В сфере занятости эвфемизация проявляется через замену термина *失业* (shīyè — безработица) на *下岗* (xiàgǎng — уход с должности). Если *失业* акцентирует потерю трудовых перспектив и несет негативно-пассивную коннотацию, то *下岗* в китайском контексте подразумевает временное прекращение трудовой деятельности. Такая лексическая замена смягчает психологическое восприятие, формируя представление о временном и управляемом характере изменения трудового статуса, что способствует снижению социальной напряженности. 针对下岗职工再就业召开专题会议。Перевод: Сле-

¹ Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1-2. С. 28–49. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>.

² 邵军航. 委婉语研究. 上海: 上海外国语大学, 2007. 140 页. = Шао Цзиньхан. Исследование эвфемизмов: PhD / Шанхайский университет иностранных языков. Шанхай, 2007. — С. 64–71.

циализированное совещание по программе **трудоустройства после увольнения (повторное трудоустройство) сокращенных работников** (Правительство КНР, 27.01.2024) [Источник 2].

2) Использование слов с диффузным и размытым значением

Слова с диффузной семантикой способствуют созданию политических эвфемизмов в политическом дискурсе благодаря их семантической неопределенности.

承诺如申报出现失信行为, 接受有关部门按照法律、法规和国家有关规定处理。 Перевод: **Обязуется, что в случае выявления фактов невыполнения обязательств, заявленных при декларировании, подчинится мерам воздействия, применяемым соответствующими уполномоченными органами в соответствии с законодательством, подзаконными актами и государственными нормативными требованиями** (Правительство КНР, 27.03.2025) [Источник 3].

国际社会有关各方应保持冷静克制, 秉持客观公正, 推动冲突降级, 尽快开辟人道救援通道。 Перевод: **Все заинтересованные стороны международного сообщества должны сохранять хладнокровие и сдержанность, придерживаться объективного и справедливого подхода, способствовать деэскалации конфликта и в кратчайшие сроки обеспечить открытие гуманитарных коридоров** (МИД Китая, 16.11.2023) [Источник 4].
Формулировка «заинтересованные стороны» позволяет избежать прямого указания на конкретных ответственных лиц, что смягчает тон высказывания и помогает предотвратить возможные дипломатические разногласия.

3) Добавление эвфемистических элементов

В официальном дискурсе и социальной политике используется эвфемистический термин **残障人** (cánzhàng rén — человек с ограниченными возможностями), образованный путем добавления компонента **障** (zhàng — барьер). Данная номинация акцентирует функциональные ограничения, а не статус инвалидности. Такой лингвистический прием смягчает стигматизацию и демонстрирует уважительный подход к социальным группам с особыми потребностями. **残障辅助领域。聚焦残障弱势人群的“信息无障碍”建设。** Перевод: **Сфера вспомогательных технологий для людей с ограниченными возможностями здоровья ориентирована на создание условий „информационной доступности“ для уязвимых групп населения, включая лиц с инвалидностью** (Правительство КНР, 21.07.2023) [Источник 5].

毛宁: **我不了解你提到的具体情况, 对个人**

言行我也不作评论。 Перевод: **Мао Нин: «Мне не известна конкретная ситуация, о которой вы упомянули, и я не комментирую отдельные высказывания»** (МИД Китая, 09.09.2024) [Источник 6].
Использование местоимения «я» придает высказыванию неформальный характер и позволяет дистанцироваться от официальной позиции, ограничивая персональную ответственность говорящего. Например, формулировка «мне кажется» вместо «Правительство считает» смягчает степень официальности высказывания.

当前日中关系发展确实不太理想。 Перевод: **Нынешний этап китайско-японских отношений не может быть охарактеризован как идеальный** (МИД Китая, 13.04.2017) [Источник 7].

目前全省有31.8%的个体工商户对下半年经营情况预测不太乐观。 Перевод: **По состоянию на текущий момент, 31,8 % от общего числа индивидуальных предпринимателей провинции дают не очень оптимистичные прогнозы относительно коммерческой деятельности во втором полугодии** (Правительство КНР, 25.08.2023) [Источник 8].

Грамматические способы

1) Использование пассивного залога

Пассивный залог играет ключевую роль в политической эвфемизации, позволяя акцентировать объект действия при одновременном сокрытии его субъекта в дискурсе. Данная грамматическая стратегия способствует достижению основной цели эвфемизмов — смягчения или камуфлирования семантики описываемых событий и явлений. **亚洲近代曾有过被殖民被侵略的惨痛遭遇。** Перевод: **В новейшей истории Азии горький опыт колонизации и внешней агрессии был пережит рядом стран** (МИД Китая, 10.10.2024) [Источник 9].
Данная формулировка позволяет избежать прямого указания на конкретные государства и минимизировать акцент на субъектах исторических действий.

2) Изменение порядка слов

这种开历史“倒车”、冒天下之大不韪的错误行径, 注定遭到国际社会正义力量的抵制和反对, 也注定不可能得逞。 Перевод: **Подобные ошибочные действия, идущие вразрез с ходом истории и бросающие вызов общепризнанным нормам, неизбежно вызовут сопротивление и осуждение со стороны прогрессивных сил международного сообщества и в конечном итоге окажутся безуспешными** (МИД Китая, 06.05.2024) [Источник 10].

经济持续回升向好基础还需巩固。 Перевод: **Экономика сохраняет тенденцию к постепенному восстановлению, однако этот**

рост **требует укрепления фундаментальной основы** (Правительство КНР, 16.03.2024) [Источник 11].

Стилистические способы

1) Метафора

Метафора функционирует как выразительный риторический инструмент в китайском политическом эвфемистическом дискурсе, устанавливая аналогии между абстрактными, сложными или идеологически чувствительными концепциями и конкретными образами для облегчения понимания и смягчения формулировок. Например, в правительственных отчетах движущая сила инноваций в экономике описывается метафорой «новый двигатель», что не только визуализирует ее потенциал, но и имплицитно транслирует соответствующую концепцию, смягчая изложение. Аналогично, в дипломатическом дискурсе МИД КНР метафора «**伙伴关系**» (huǒbàn guānxì — партнерские отношения) подчеркивает готовность к сотрудничеству, смягчая прямолинейность формулирования политических интересов, что повышает доступность и гибкость коммуникации.

在两国元首战略引领下, **中俄伙伴关系**始终保持高水平运行。Перевод: **Благодаря стратегическому курсу, определяемому президентами двух стран, китайско-российское партнерство успешно развивается, демонстрируя устойчивую динамику на высоком уровне** (МИД Китая, 29.04.2023) [Источник 12].

上个世纪50年代可以称为两国关系的**蜜月期**。Перевод: **Период 1950-х годов можно считать «медовым месяцем» в отношениях между двумя странами** (МИД Китая, 31.05.2019) [Источник 13].

Культурно-значимые метафоры, включая пословицы, поговорки и крылатые выражения, обеспечивают имплицитную передачу смыслов. Концепция международного сотрудничества «**一带一路**» (yī dài yī lù — Пояс и путь) опирается на культурные коннотации исторического Шелкового пути. Лексические элементы «**带**» (dài — пояс) и «**路**» (lù — путь) трансформируются в метафоры связности и кооперации, подчеркивая на международной арене приверженность Китая принципам взаимной выгоды. Данная лингвистическая стратегия позволяет избежать излишней политизации дискурса и способствует его лучшему восприятию глобальной аудиторией.

王毅: 在涉台问题上玩火将**搬起石头砸自己的脚**。Перевод: **Ван И: «Попытки игры на тайваньском вопросе аналогичны ситуации, когда „поднимают камень, чтобы уронить его себе на ногу“»** (МИД Китая,

12.07.2019) [Источник 14].

2) Метонимия

Метонимия служит механизмом эвфемизации, основанным на замене прямого обозначения ассоциативно связанным понятием. В политическом дискурсе это проявляется в использовании топонимов для обозначения государственных институтов. Чжуннаньхай 中南海 (Zhōngnánhǎi — правительственный комплекс, руководство Китая) и **白宫** (Báigōng — Белый дом) используются в качестве метонимических обозначений высших органов власти КНР и США соответственно. Данная лингвистическая стратегия смягчает идеологизированные коннотации прямого наименования институтов, придавая высказыванию лаконичность, имплицитность и культурную насыщенность.

中国经济怎么看、怎么办? **中南海**释放三点重要信号。Перевод: **Китайская экономика: как оценивать ситуацию и какие меры принимать? Чжуннаньхай (Руководство Китая) обозначило три ключевых ориентира** (Правительство КНР, 17.07.2019) [Источник 15].

这意味着在**白宫**施压下, 美国公司得以控制该地区的**关键港口**。Перевод: **Данная ситуация свидетельствует о том, что ключевые порты региона перешли под контроль частных американских компаний в результате системного давления со стороны **Белого дома**** (МИД Китая, 05.03.2025) [Источник 16].

Использование выражения **橄榄枝** (gǎnlǎn zhī — «оливковая ветвь») как символа мира в дипломатических переговорах и международных заявлениях, в частности фразы **伸出橄榄枝** (shēnchū gǎnlǎn zhī — «протянуть оливковую ветвь»), позволяет выразить стремление к миру и примирению. Такой подход обладает большей поэтичностью и эвфемистичностью по сравнению с прямым выражением «стремиться к миру», что обогащает язык и придает гибкость дипломатическому дискурсу.

在空间技术等多个领域, 中国向全世界伸出的**“橄榄枝”**已开花结果。Перевод: **В таких сферах, как космические технологии, «оливковая ветвь», протянутая Китаем всему миру, уже принесла плоды** (Правительство КНР, 24.04.2024) [Источник 17].

3) Каламбуры

Каламбуры используют семантическую или фонетическую омонимию для создания смысловой многозначности в политическом дискурсе, передавая скрытые политические намерения.

中国外交在习近平总书记**领航掌舵**下取得重要进展。Перевод: **Под твердым руководством и четким стратегическим курсом**

Генерального секретаря Си Цзиньпина китайская дипломатия достигла значительных успехов (МИД Китая, 07.03.2025) [Источник 18].

阿富汗民众度过了艰难冬天，正迎来新的春天。Перевод: Афганцы, преодолев суровую зиму, вступают в долгожданную весну (МИД Китая, 25.03.2022) [Источник 19].

4) Эллипсис

中非全方位合作不仅有效帮助非洲加快发展，也带动国际社会更加重视并加大对非投入。Перевод: Всестороннее партнерство между Китаем и Африкой не только вносит весомый вклад в ускоренное развитие континента, но и способствует повышению внимания и росту (инвестиционной активности) международного сообщества в отношении региона (МИД Китая, 21.02.2025) [Источник 20].

Официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь провел регулярную пресс-конференцию. Корреспондент «Reuters» задал вопрос: «Я заметил, что сегодня на вас темный галстук. Несет ли это какой-либо специальный смысл в связи с текущей международной обстановкой?» Ван Вэньбинь: **不需要我跟你多说了吧? Перевод: Мне действительно нужно это объяснять?** (МИД Китая, 22.03.2022) [Источник 21]

耿爽表示，中国在乌克兰问题上的立场经得起历史的检验，始终是公正和理性的，希望美方能反思自己的言行举止。Перевод: Представитель МИД КНР Гэн Шуан подчеркнул, что позиция Китая по украинскому вопросу имеет историческую обоснованность, отличается последовательной сбалансированностью и объективностью. Он также выразил надежду, что американская сторона пересмотрит свою позицию и подходы (МИД Китая, 16.01.2025) [Источник 22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайские политические эвфемизмы представляют собой сложную лингвистическую систему, объединяющую лексические, грамматические и стилистические средства выражения с культурно-прагматическими элементами и политической стратегией. Данный лингвопрагматический феномен играет ключевую роль в политической коммуникации, формировании имиджа и координации международных отношений.

Конкретные механизмы реализации эвфемии включают: лексические способы (лексико-семантическое ослабление и преобразование, использование слов с диффузным и размытым значением, добавление эвфемистических элементов), грамматиче-

ские способы (использование пассивного залога, изменение порядка слов), стилистические способы (метафора, метонимия, каламбур, эллипсис). С помощью указанных лингвистических инструментов достигается точная передача политических сообщений, поддерживается коммуникативная гармония и демонстрируются особенности китайской политической культуры.

ИСТОЧНИКИ

- 2024年7月23日外交部发言人毛宁主持例行记者会 UCL. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/202407/t20240723_11458771.shtml.
- 弘扬“四下基层”优良传统 矢志为民造福 UCL. — URL: https://www.gov.cn/yaowen/shipin/202401/content_6928783.htm.
- 关于做好2025年享受税收优惠政策的集成电路企业或项目、软件企业清单制定工作的通知 — URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202504/content_7016929.htm.
- 中国政府中东问题特使翟隽出席第15届地中海南方论坛开幕式 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxw_673019/202311/t20231116_11181158.shtml.
- 五部门关于征集虚拟现实先锋应用案例的通知 UCL. — URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202307/content_6893408.htm.
- 2024年9月9日外交部发言人毛宁主持例行记者会 UCL. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhs_673025/202409/t20240909_11487663.shtml.
- 驻日本使馆与日中友好议员联盟举办交流活动 UCL. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/zwbdt_673032/gzhd_673042/201704/t20170413_7385756.shtml.
- 浙江召开个体经济高质量发展大会 UCL. — URL: https://www.gov.cn/lianbo/difang/202308/content_6900081.htm.
- 李强在第27次东盟与中日韩领导人会议上的讲话 (全文) UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202412/t20241218_11497059.shtml.
- 2024年5月6日外交部发言人林剑主持例行记者会 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhs_673025/202405/t20240506_11293362.shtml.
- 今年前2个月国民经济稳中有升 UCL. — URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202403/content_6939923.htm.
- 驻哈巴罗夫斯克总领事姜笑洋参加总领馆赴阿穆尔州进行领事服务现场办公活动 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zwbdt_673032/jghd_673046/202305/t20230506_11071552.shtml.
- 戴秉国在“俄罗斯和中国：新时代的合作”国际研讨会开幕式上的致辞 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201905/t20190531_7946111.shtml.
- 王毅：在涉台问题上玩火将搬起石头砸自己的脚 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxw/201907/t20190712_359226.shtml.
- 中国经济怎么看、怎么办？中南海释放三点重要信号 UCL. — URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-07/17/content_5410570.htm.
- 2025年3月5日外交部发言人林剑主持例行记者会 UCL. — URL: http://to.china-embassy.gov.cn/fyrth/202503/t20250305_11568706.htm.
- 探秘宇宙 共襄星汉——写在第九个“中国航天日”之际 UCL. — URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202404/content_6947244.htm.
- 中共中央政治局委员、外交部长王毅就中国外交政策和对外关系回答中外记者提问 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202503/t20250307_11570443.shtml.
- 王毅同阿富汗临时政府代理外长穆塔基举行会谈 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2020/kjgzbdffyq_699171/202203/t20220325_10655422.shtml.
- 王毅会见安哥拉外长安东尼奥 UCL. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxw/202502/t20250221_11560264.shtml.

21. 2022年3月22日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 UCL. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjdt_674879/fyrbt_674889/202203/t20220322_10654158.shtml.

22. 耿爽大使在安理会审议乌克兰问题时的发言 UCL. — URL: http://un.china-mission.gov.cn/chn/hyyfy/202501/t20250117_11537053.htm.

23. Министерство иностранных дел КНР. — 2024. — URL: 王毅谈中俄关系的“五个始终”_中华人民共和国外交部 (fmprc.gov.cn) (дата обращения: 09.04.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Варбот // Русский язык : энцикл. / под ред. Ю. Н. Караулова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Дрофа, 1997. — С. 345. — ISBN 5-85270-248-X.

2. Коробейникова, О. А. Политические эвфемизмы как способ языковой манипуляции (на материале рекламной предвыборной кампании 2008 года в США) / О. А. Коробейникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 10. — С. 157–161. — EDN NDNOCJ.

3. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое. — Москва : Языки славянских культур, 2004. — С. 262–286. — EDN SAPSKX.

4. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 320 с. — ISBN: 978-5-94244-015-2. — EDN XHUUUT.

5. Морозов, М. А. Политические эвфемизмы как средство манипулирования в современной публицистике / М. А. Морозов // Мир русского слова. — 2015. — № 1. — С. 24–29. — EDN TUJGYL.

6. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58–70. — EDN UIASHV.

7. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2007. — 264 с. — ISBN: 978-5-9710-0137-9. — EDN QSXUHZ.

8. Околышев, Д. А. Роль эвфемизмов в формировании оценочных отношений к местной власти в дискурсе российских и китайских медиа / Д. А. Околышев, И. С. Карабулатова // Мир науки, культуры, образования. — 2025. — № 3 (112). — С. 584–586. — DOI 10.24412/1991-5497-2025-3112-584-586. — EDN TVTNXA.

9. Сунь, М. эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсе / Сунь М. // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 228–234. — EDN QEWFTG. [Euphemisms in modern Russian and Chinese diplomatic discourse]

10. Фэн, Г. Прагматическая функция политических эвфемизмов в современном медийном дискурсе (на материале публикаций ведущих китайских газет) / Фэн Г. // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 210–217. — EDN JWCGNG. [The pragmatic function of political euphemisms in modern media discourse (based on the publications in major Chinese newspapers)]

11. 王隽. 委婉语在政治领域中的应用. 华中农业大学学报 (社会科学版), 2005, 第 213-215 页. = Ван Цзюань. Применение эвфемизмов в политической сфере // Журнал Центрально-Китайского аграрного университета (Социальные науки). — 2005. — С. 213-215.

12. 王琦. 西班牙语政治话语中的委婉语构成手段探析. 齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版), 2019, (01), 第 128-129 页. = Ван Ци. Анализ способов образования эвфемизмов в испаноязычном политическом дискурсе // Журнал Цицзярского университета (Философия и социальные науки). — 2019. — № 1. — С. 128–129.

13. 李军华. 汉语委婉语研究. 北京: 中国社会科学出版社, — 2010. — 256 页. = Ли Цзюньхуа. Исследование китайских эвфемизмов. — Пекин : Издательство Китайской академии социальных наук, 2010. — 256 с.

14. 吴俊. 西方国家政治领域中的委婉语. 中国民航飞行学院学报, 2006, (02), 第 52-54 页. = У Цзюнь. Политические эвфемизмы в западных странах // Журнал Китайского института гражданской авиации. — 2006. — № 2. — С. 52–54.

15. 张竞碧. 政治活动中的英语委婉语. 湖北工学院学报, 2003, (5), 第 77 页. = Чжан Цзинби. Политические эвфемизмы в английском языке // Журнал Хубэйского технологического института. — 2003. — № 5. — С. 77.

16. 于鑫. 俄语政治委婉语探析. 天津外国语学院学报, 2014, (2), 第 8-9 页. = Юй Синь. Анализ русских политических эвфемизмов // Журнал Тяньцзиньского университета иностранных языков. — 2014. — № 2. — С. 8–9.

17. 杨璟. 浅谈法语政治委婉语. 郑州航空工业管理学院学报 (社会科学版), 2012, (2), 第 77 页. = Ян Цзин. Краткий анализ французских политических эвфемизмов // Журнал Института авиации Чжэнчжоу (Социальные науки). — 2012. — № 2. — С. 77.

MATERIALS

1. July 23, 2024 Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning hosts regular press conference. UCL. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/202407/t20240723_11458771.shtml.

2. Carrying forward the fine tradition of “four trips to the grassroots level”, and making a commitment to the people's welfare UCL. URL: https://www.gov.cn/yaowen/shipin/202401/content_6928783.htm.

3. Notice on the formulation of the list of integrated circuit enterprises or projects and software enterprises enjoying preferential tax policies in 2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202504/content_7016929.htm.

4. Chinese government's special envoy on Middle East issues, Zhai Jun, attends the opening ceremony of the 15th Southern Mediterranean Forum UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxw_673019/202311/t20231116_11181158.shtml.

5. Five Departments' Notice on Soliciting Pioneering Application Cases of Virtual Reality UCL. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202307/content_6893408.htm.

6. September 9, 2024 Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning Hosts Regular Press Conference UCL. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhs1_673025/202409/t20240909_11487663.shtml.

7. Embassy in Japan and Japan-China Friendship Parliamentarians' Union organize exchange activities UCL. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zwb1_673032/gzhd_673042/201704/t20170413_7385756.shtml.

8. Zhejiang holds conference on high-quality development of individual economy UCL. URL: https://www.gov.cn/lianbo/difang/202308/content_6900081.htm

9. Li Qiang's Speech at the 27th ASEAN-China-Japan-ROK Leaders' Meeting (full text) UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202412/t20241218_11497059.shtml.

10. May 6, 2024 Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian Hosts Regular Press Conference UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhs1_673025/202405/t20240506_11293362.shtml.

11. National Economy Rises Steadily in the First 2 Months of the Year UCL. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202403/content_6939923.htm.

12. Consul General in Khabarovsk Jiang Xiaoyang participates in the Consulate General's consular service on-site visit to Amur Region UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zwb1_673032/jghd_673046/202305/t20230506_11071552.shtml.

13. Dai Bingguo's speech at the opening ceremony of the international symposium “Russia and China: Cooperation in the New Era” UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201905/t20190531_7946111.shtml.

14. Wang Yi: Playing with fire on Taiwan-related issues will lead to stoning UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxhd/201907/t20190712_359226.shtml.

15. What to think and do about China's economy? Zhongnanhai releases three important signals UCL. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-07/17/content_5410570.htm.

16. Ministry of Foreign Affairs Spokesperson Lin Jian hosts regular press conference on March 5, 2025 UCL. URL: http://to.china-embassy.gov.cn/fyrth/202503/t20250305_11568706.htm.

17. Exploring the Universe, Dancing, Starry Night - On the occasion of the 9th China Space Day UCL. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202404/content_6947244.htm.

18. Member of the Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party of China (CPC) and Foreign Minister Wang

Yi answered questions from Chinese and foreign journalists on China's foreign policy and external relations UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202503/t20250307_11570443.shtml.

19. Wang Yi Holds Talks with Mottaki, Acting Foreign Minister of Afghan Interim Government UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2020/kjgzbd/yq_699171/202203/t20220325_10655422.shtml.

20. Wang Yi Meets with Angolan Foreign Minister Antonio UCL. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbhd/202502/t20250221_11560264.shtml.

21. Ministry of Foreign Affairs Spokesperson Wang Wenbin chaired a regular press conference on March 22, 2022 UCL. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjdt_674879/fyrbt_674889/202203/t20220322_10654158.shtml.

22. Statement by Ambassador Geng Shuang at Security Council deliberations on Ukraine UCL. URL: http://un.china-mission.gov.cn/chn/hyyfy/202501/t20250117_11537053.htm.

23. Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 2024. URL: 王毅谈中俄关系的“五个始终”_中华人民共和国外交部 (fmprc.gov.cn) (date of access: 09.04.2024).

REFERENCES

1. Warbot, J. J. (1997). Tabu. *Russian language. Encyclopedia* (ed. by Y. N. Karaulov), 345. Moscow: Drofa. ISBN 5-85270-248-X.

2. Korobeynikova, O. A. (2010). Politicheskie ehvfemizmy kak sposob yazykovoy manipulyatsii (na materiale reklamnoy predvybornoy kampanii 2008 goda v SSHA) = Political Euphemisms as a Means of Linguistic Manipulation (Based on the 2008 US Election Campaign Advertising). *Current Issues in the Humanities and Natural Sciences*, 10, 157–161. EDN NDNOCJ.

3. Krysin, L. P. (2004). Ehvfemizmy v sovremennoy russkoy rechi = Euphemisms in modern Russian speech. *Russian word, our own and others*, 262–286. Moscow: Languages of Slavic Cultures. EDN SAPSKX.

4. Kovshova, M. L. (2007). Semantics and pragmatics of euphemisms. A Brief Thematic Dictionary. Moscow: Gnosis, 320 p. ISBN: 978-5-94244-015-2. EDN XHUUUT.

5. Morozov, M. A. (2015). Politicheskie ehvfemizmy kak sredstvo manipulyrovaniya v sovremennoy publitsistike = Political Euphemisms as a Means of Manipulation in Contemporary Journalism. *The World of the Russian Word*, 1, 24–29. EDN TUJGYL.

6. Moskvin, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and ways of formation. *Issues of Linguistics*, 3, 58–70. EDN UIASHV.

7. Moskvin, V. P. (2007). Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language. 2nd ed. Moscow: LENAND, 264 p. ISBN: 978-5-9710-0137-9. EDN QSXUHZ.

8. Okolyshev, D. A., Karabulatova, I. S. (2025). Rol' ehvfemizmov v formirovaniy otsenochnykh otnosheniy k mestnoy vlasti v diskurse rossiyskikh i kitayskikh media = The Role of Euphemisms in Shaping Evaluative Attitudes Toward Local Authorities in the Discourse of Russian and Chinese Media. *The World of Science, Culture, Education*, 3(112), 584–586. DOI 10.24412/1991-5497-2025-3112-584-586. EDN TVTNXA.

9. Sun', M. (2024). Ehvfemizmy v sovremennom russkom i kitayskom diplomaticheskom diskurse = Euphemisms in modern Russian and Chinese diplomatic discourse. *Political Linguistics*, 2(104), 228–234. EDN QEWF TG.

10. Fehn, G. (2023). Pragmaticheskaya funktsiya politicheskikh ehvfemizmov v sovremennom mediyom diskurse (na materiale publikatsiy vedushchikh kitayskikh gazet) = The pragmatic function of political euphemisms in modern media discourse (based on the publications in major Chinese newspapers). *Political Linguistics*, 5(101), 210–217. EDN JWCNGG.

11. 王隽. 委婉语在政治领域中的应用. 华中农业大学学报 (社会科学版), 2005, 第 213-215 页. = Wang Juan (2005). The use of euphemisms in the political sphere. *Journal of Central China Agricultural University (Social Sciences)*, 213–215.

12. 王琦. 西班牙语政治话语中的委婉语构成手段探析. 齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版), 2019, (01). 第 128-129 页. = Wang Qi. Analyzing the ways of forming euphemisms in Spanish-language political discourse. *Journal of Qiqihar University (Philosophy and Social Sciences)*, 1, 128–129.

13. 李军华. 汉语委婉语研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2010. 256页. = Li Junhua (2010). A study of Chinese euphemisms [汉语委婉语研究]. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Publishing House, 2010, 256 p.

14. 吴俊. 西方国家政治领域中的委婉语. 中国民航飞行学院学报, 2006, (02). 第 52-54 页. = Wu Jun (2006). Political euphemisms in Western countries. *Journal of the China Institute of Civil Aviation*, 2, 52–54.

15. 张竞碧. 政治活动中的英语委婉语. 湖北工学院学报, 2003, (5). 第 77 页. = Zhang Jingbi (2003). Political euphemisms in English. *Journal of Hubei Institute of Technology*, 5, 77 p.

16. 于鑫. 俄语政治委婉语探析. 天津外国语学院学报, 2014, (2). 第 8-9 页. = Yu Xin (2014). Analyzing Russian political euphemisms. *Journal of Tianjin University of Foreign Languages*, 2, 8–9.

17. 杨璟. 浅谈法语政治委婉语. 郑州航空工业管理学院学报 (社会科学版), 2012, (2). 第 77 页. = Yang Jing (2012). A brief analysis of French political euphemisms. *Journal of Zhengzhou Institute of Aeronautics (Social Sciences)*, 2, 77 p.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).

Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 81'25+811.411.21'373

ББК Ш118+Ш161.131-36

ГРНТИ 16.21.49; 16.41.21

Код ВАК 5.9.8

Тамам Ризвановна Касумова^{1✉}, Саодат Махмадкуловна Тиллоева^{2✉}

^{1,2} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ s06026836@gmail.com✉

² saodat9@mail.ru✉, SPIN-код: 3327-2440, <https://orcid.org/0000-0002-8511-7894>

Особенности перевода арабских фразеологизмов, выражающих метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена анализу особенностей перевода арабских фразеологических единиц, репрезентирующих универсальную концептуальную метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык. Предметом исследования выступают фразеологизмы арабского языка, их семантические и структурные характеристики, а также способы их передачи в русскоязычном переводе. Целью работы является выявление и систематизация специфических переводческих проблем и оптимальных стратегий их решения при передаче данной метафоры в межъязыковой коммуникации. Для достижения поставленной цели использован комплексный метод, включающий сравнительно-сопоставительный анализ арабских и русских фразеологизмов, метод компонентного анализа семантики, а также элементы контекстуального и лингвокультурного анализа. Методология исследования опирается на положения когнитивной лингвистики, переводоведения и теории межкультурной коммуникации. В ходе работы было установлено, что передача фразеологизмов, выражающих метафору «Жизнь — это Путь», зачастую требует применения различных переводческих трансформаций: лексических, грамматических и лексико-грамматических. Результаты исследования показывают, что в зависимости от степени эквивалентности образов и коннотаций могут быть применены такие стратегии, как подбор полного или частичного эквивалента, калькирование, описательный перевод или компенсация. Выявлены случаи культурно-специфической интерпретации отдельных образов, затрудняющие прямой перевод. Полученные результаты имеют практическую значимость для теории и практики перевода, преподавания арабского и русского языков как иностранных, разработки учебных пособий по переводу, а также для лексикографической работы. В заключение подчеркивается, что успешный перевод таких фразеологизмов требует от переводчика не только глубокого владения языками, но и понимания лингвокультурных особенностей обоих народов, что позволяет сохранить метафорическую образность и коммуникативную функцию исходного текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арабский язык, фразеология арабского языка, фразеологизмы, фразеологические единицы, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, языковые единицы, переводоведение, переводческая деятельность, русский язык, русские переводы, когнитивная лингвистика, переводческие трансформации, межкультурная коммуникация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Касумова Тамам Ризвановна, соискатель кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: s06026836@gmail.com.

Тиллоева Саодат Махмадкуловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: saodat9@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Касумова, Т. Р. Особенности перевода арабских фразеологизмов, выражающих метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык / Т. Р. Касумова, С. М. Тиллоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 110-118.

Tamam R. Kasumova^{1✉}, Saodat M. Tilloeva^{2✉}

^{1,2} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ s06026836@gmail.com✉

² saodat9@mail.ru✉, SPIN code: 3327-2440, <https://orcid.org/0000-0002-8511-7894>

Specific Features of Translation of Arabic Phraseologisms Based on the Conceptual Metaphor “Life is a Path” into Russian

ABSTRACT. This article analyzes some specific features of translating Arabic phraseological units representing the universal conceptual metaphor “Life is a Path” into Russian. The research object embraces Arabic phraseological units of the abovementioned type, their semantic and structural characteristics, as well as the ways of their translation into Russian. The aim of the work is to identify and systematize specific translation problems and optimal strategies for their solution in conveying this metaphor in interlanguage communication. To achieve this goal, the study employs a complex method including comparative analysis of Arabic and Russian phraseological units, the method of component analysis of semantics, as well

as elements of contextual and linguocultural analysis. The research methodology is based on the principles of cognitive linguistics, translation studies and the theory of intercultural communication. In the course of the work, it was found that the translation of phraseological units based on the metaphor "Life is a Path" often requires the use of various translation transformations: lexical, grammatical and lexico-grammatical. The results of the study show that, depending on the degree of equivalence of images and connotations, strategies such as selecting a full or partial equivalent, calquing, descriptive translation, or compensation can be applied. Cases of culturally specific interpretation of individual images have been identified, making direct translation difficult. The results obtained have practical significance for the theory and practice of translation, teaching Arabic and Russian as foreign languages, developing translation textbooks, as well as for lexicographical work. In conclusion, it is emphasized that the successful translation of such phraseological units requires from the translator not only a deep command of languages, but also an understanding of the linguistic and cultural characteristics of both peoples, which allows preserving the metaphorical imagery and the communicative function of the source text.

KEYWORDS: Arabic language, Arabic phraseology, phraseologisms, phraseological units, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual models, language units, translation studies, translation activity, Russian language, Russian translations, cognitive linguistics, translation transformations, intercultural communication.

AUTHOR'S INFORMATION: Kasumova Tamam Rizvanovna, Degree Applicant of Department of Professionally Oriented Linguistic Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Tilloeva Saodat Makhmadkulovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Professionally Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kasumova T. R., Tilloeva S. M. (2026). Specific Features of Translation of Arabic Phraseologisms Based on the Conceptual Metaphor "Life is a Path" into Russian. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 110-118. (In Russ.).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА

Теоретическую базу исследования составили:

– в области переводоведения: труды В. Г. Гака и Б. Б. Григорьева, содержащие общетеоретические принципы и практические аспекты перевода, а также исследования О. В. Иванкиной¹ и А. В. Кунина², посвященные специфике перевода образной фразеологии и выявлению основных способов ее передачи;

– в области фразеологии: работы Н. Н. Кирилловой и Э. М. Солодухо, представляющие компаративный подход к изучению фразеологических единиц и теорию фразеологического сближения между языками, что важно для сопоставительного анализа;

– в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики: исследование С. М. Кравцова, акцентирующее внимание на связи фразеологии с языковой картиной мира и концептуальной метафорой, что позволяет глубже осмыслить метафору «Жизнь — это Путь» в арабском и русском языках.

Методологическая база исследования включает в себя:

– сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявить сходства и различия в структуре и семантике арабских и русских фразеологизмов, выражающих исследуемую метафору, опираясь на принципы, разработанные в работах Н. Н. Кирилловой и Э. М. Солодухо;

– метод компонентного анализа, применяемый для детализированного изучения семантической структуры фразеологических единиц;

– контекстуальный и лингвокультурный анализ, используемый для определения функционирования фразеологизмов в различных речевых ситуациях и учета культурно обусловленных коннотаций, как это рассматривается в исследованиях С. М. Кравцова;

– элементы описательного метода для классификации и систематизации выявленных языковых единиц и переводческих решений в соответствии с общей теорией перевода В. Г. Гака и Б. Б. Григорьева, а также рекомендациями О. В. Иванкиной и А. В. Кунина.

Таким образом, комплексный подход, основанный на сочетании фундаментальных теоретических положений и разнообразных методов, обеспечивает всесторонний анализ проблемы перевода арабских фразеологизмов, репрезентирующих метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Исследование углубляет представления о природе концептуальной метафоры «Жизнь — это Путь» в арабской фразеологии и расширяет теоретические положения переводоведения в части межъязыковой передачи образных средств. Работа вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики, демонстрируя лингвокультурную специфику универсальных концептов.

¹ Иванкина О. В. Основные способы перевода образной фразеологии. URL: <http://study-english.info/article081.php> (дата обращения: 20.09.2025).

² Кунин А. В. О переводе английских фразеологизмов. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/transl-book-kunin.shtml (дата обращения: 20.10.2025).

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Полученные результаты могут быть использованы в практике перевода (особенно при работе с художественными и публицистическими текстами), в процессе преподавания арабского и русского языков как иностранных, при составлении двуязычных фразеологических словарей и учебных пособий по переводу.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили арабские фразеологические единицы, выражающие концептуальную метафору «Жизнь — это Путь», которые были извлечены методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

– Баранов Х. К. Арабско-русский словарь (1985);

– Фавзи А. М., Шкляров В. Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь (1989);

– Мухаммед М. Д. Словарь идиоматических выражений современного арабского языка (معجم التعبير الاصطلاحي فى العربية المعاصرة) (2003);

– Академия арабского языка. Толковый словарь арабского языка «аль-Му'джам аль-Васит» (المعجم الوسيط). (2004).

Общий объем выборки составил более 150 фразеологических единиц, релевантных для заявленной тематики. При необходимости дополнительно привлекались контексты употребления из различных электронных корпусов арабского языка и художественной литературы для уточнения семантики и прагматики исследуемых выражений.

ВВЕДЕНИЕ

Передача фразеологических единиц (ФЕ) из одного языка в другой, особенно тех, что обладают выраженной образностью, сопряжена с существенными сложностями [Кириллова 1986: 40]. Это обусловлено их природой: многие из этих оборотов несут в себе глубокую эмоциональную нагрузку, являются стилистически маркированными и глубоко укоренены в национальной культуре, отражая ее уникальные особенности и мировосприятие. Более того, при переводе фразеологии крайне важен учет контекста употребления, поскольку он может модифицировать или даже существенно расширять семантическое поле фразеологизма, придавая ему новые оттенки значения, не всегда зафиксированные в словарных дефинициях. Таким образом, контекст выступает ключевым фактором, определяющим адекватность переводческого решения.

С точки зрения перевода, все фразеологические единицы традиционно подразделяются на две основные категории: те, для которых существуют соответствующие эквиваленты в языке перевода, и те, что не имеют прямых аналогов и требуют особого подхода [Гак 1997]. Исходя из степени совпадения лексических, грамматических, семантических и стилистических характеристик между исходным фразеологизмом и его потенциальным переводным эквивалентом, в науке о переводе выделяются различные типы соответствий. К ним относятся:

– полные эквиваленты — ФЕ, которые максимально совпадают по всем параметрам — значению, стилю, образности и частотности употребления, обеспечивая полное тождество в обоих языках. Некоторые исследователи называют их «моноэквивалентами», подчеркивая их однозначность;

– выборочные (вариантные) эквиваленты — представляют собой несколько возможных вариантов перевода, каждый из которых может быть адекватен в определенном контексте или стилистическом регистре, что дает переводчику выбор из нескольких равноценных соответствий;

– частичные эквиваленты — ФЕ, которые совпадают с оригиналом лишь по одному или нескольким параметрам (например, по значению, но не по образности или стилю), требуя от переводчика адаптации для достижения полноценной передачи смысла;

– контекстуальные эквиваленты — формируются исключительно в рамках конкретного контекста и не являются словарными соответствиями, а создаются переводчиком для адекватной передачи значения и функции ФЕ в данном отрывке. К этому типу относится калькирование, представляющее собой создание нового фразеологизма в языке перевода путем дословного воспроизведения структуры и компонентного состава исходной ФЕ. Этот метод может быть успешным, если калькирование не нарушает норм языка перевода и не приводит к потере образности.

Дальнейшее рассмотрение каждого из этих типов эквивалентов позволит более детально осмыслить стратегии и сложности, возникающие при переводе арабских фразеологизмов, репрезентирующих метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык.

Метафорическая модель «Жизнь — это Путь» является одной из наиболее универсальных и широко распространенных в различных культурах. Она предполагает, что жизнь — это процесс движения, подобный путешествию или дороге, характеризуемый началом, направлением, целью, препятствиями и выбором маршрута.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ арабских ФЕ, отобранных из рубрики «Идти по жизни», подтвердил высокую продуктивность метафоры «Жизнь — это Путь». Были выявлены ФЕ, репрезентирующие различные аспекты данной метафоры.

I. Подконцепт «Начало пути»

В рамках исследования концептуальной метафоры «Жизнь — это Путь» одним из ключевых ее компонентов является подконцепт «Начало пути», обозначающий старт жизненного этапа. Анализ арабских фразеологических единиц, репрезентирующих этот подконцепт, демонстрирует высокую степень культурно-концептуальной эквивалентности с русским языком.

Рассмотрим представленные примеры:

1. Начало пути: *بداية الطريق* (*bidāyatu aṭ-ṭarīq*) — начало пути. Данная фразеологическая единица в арабском языке (*بداية الطريق*) буквально переводится как «начало дороги/пути». Ее лексико-грамматическая структура представляет собой сочетание существительного «начало» (*بداية*) в изафетной конструкции с существительным «путь/дорога» (*الطريق*). При переводе на русский язык используется фраза «начало пути». Здесь наблюдается полный эквивалент. Это обусловлено рядом факторов. Каждому компоненту арабской ФЕ (*بداية* — начало; *الطريق* — путь) соответствует прямой лексический эквивалент в русском языке. Сохраняется номинативная структура (существительное + существительное в родительном падеже), которая полностью соответствует арабской изафетной конструкции. Полностью сохраняется исходное значение «старт движения по маршруту». Основная метафора «Жизнь — это Путь» реализуется идентичным образом в обоих языках через этот оборот, обозначая старт жизненного пути человека. Отсутствуют какие-либо стилистические или коннотативные расхождения. Фразеологизм «*بداية الطريق*» является ярким примером полного эквивалента, демонстрирующего универсальность концепта «Начало Пути» и легкость его межъязыковой передачи в данном случае.

2. Начало пути: *انطلق في الحياة* (*inṭalaqa fi-ḥayāh*) — отправиться в жизнь. Арабская фразеологическая единица *انطلق في الحياة* дословно означает «двинуться/отправиться/ринуться в жизнь». Глагол *انطلق* (*inṭalaqa*) выражает идею стремительного или решительного начала движения, отправления. Сочетание с предлогом *في* (*fi*) и существительным *الحياة* (*al-ḥayāh*) конкретизирует направление этого движения — «в жизнь». Русский эквивалент «отправиться в жизнь» также пред-

ставляет собой полный эквивалент. Глагол «отправиться» точно передает значение арабского *انطلق* в данном контексте, обозначая начало пути/движения. Предложная конструкция «в жизнь» является прямым соответствием арабскому «*في الحياة*». Сохраняется глагольная конструкция, выражающая действие, направленное на объект (жизнь). Полностью сохраняется значение активного начала самостоятельного жизненного пути, вступления в самостоятельную жизнь. Метафора «Жизнь — это Путь» реализуется через глагол движения «отправиться», который имплицитно обозначает начало некоторого путешествия, т. е. жизненного пути. В обоих языках эта фраза идиоматична и обозначает один и тот же этап. Фразеологизм «*انطلق في الحياة*» также является полным эквивалентом, подчеркивая действие и динамику начала жизненного пути. Он дополняет номинативную структуру «*بداية الطريق*», предлагая активную, глагольную форму выражения того же концепта с сохранением метафорической образности.

Оба рассмотренных примера, репрезентирующих концепт «Начало пути» в рамках метафоры «Жизнь — это Путь», демонстрируют высокую степень полной эквивалентности при переводе с арабского на русский язык. Это свидетельствует о культурной универсальности и схожести образного мышления относительно концепта «Жизнь — это Путь» в данных лингвокультурах, что значительно облегчает переводческие задачи и минимизирует потери смысла или образности.

II. Подконцепт

«Направление движения»

1. *سار في الطريق الصحيح* — идти по правильному пути. Арабское выражение *سار في الطريق الصحيح* буквально означает «шел/двигался по правильной дороге». Глагол *سار* (*sāra*) указывает на движение, а сочетание *في الطريق الصحيح* (*fi aṭ-ṭarīq aṣ-ṣaḥīḥ*) — на его корректность и целенаправленность. В русском языке фраза «идти по правильному пути» является устоявшимся идиоматическим выражением. В данном случае наблюдается полный эквивалент. Каждому компоненту арабской ФЕ соответствует прямой лексический аналог в русском языке: «*سار*» — «идти» (в значении следования определенному курсу), «*الطريق الصحيح*» — «правильный путь». Сохранены глагольная конструкция и предложное управление, что обеспечивает структурное подобие. Значение «выбрать верный жизненный курс, принимать правильные решения, двигаться в верном направлении» полностью сохраняется. Метафорический образ «Жизнь — это Путь», где «правильный путь» символизиру-

ет успешное и добродетельное существование, идентичен в обеих культурах.

2. (انحرف عن الطريق) — отклониться от пути. Арабское انحراف عن الطريق дословно переводится как «отклонился/свернул с дороги». Глагол انحرف (inḥarafa) обозначает отступление от прямого направления, а предлог عن ('an) указывает на удаление от «الطريق» (пути). Русская фраза «отклониться от пути» также является общеупотребительным идиоматическим выражением. Данная ФЕ переводится полным эквивалентом. Глагол «انحرف» точно передается как «отклониться», а «الطريق» — как «путь». Предложное управление в обоих языках также соответствует. Сохраняется структура «глагол + предлог + существительное». Обе фразы означают «сбиться с верного курса, совершить ошибку, изменить первоначальное направление в жизни». Метафора «Жизнь — это Путь» и идея «отклонения» от него (как от нормы или заданной траектории) полностью совпадает.

3. (الوصول إلى الهدف) — достижение цели. Арабская ФЕ الوصول إلى الهدف буквально означает «прибытие/достижение к цели». Существительное الوصول (al-wuṣūl) выражает процесс достижения, а الهدف (al-hadaf) — конечную точку. Русская фраза «достижение цели» является стандартным полным эквивалентом. Слово «الوصول» хорошо передается как «достижение», а «الهدف» — как «цель». Обе фразы имеют номинативный характер (отглагольное существительное + существительное в родительном падеже). Полностью совпадает значение «успешное завершение задуманного, реализация поставленной задачи». Цель здесь выступает как конечная точка или пункт назначения «пути жизни», и это представление универсально.

4. (تحقيق النجاح) — достижение успеха. Арабское تحقيق النجاح дословно переводится как «реализация/осуществление успеха». Существительное تحقيق (taḥqīq) означает «реализация, достижение, осуществление», а النجاح (an-naǧāḥ) — «успех». Русское «достижение успеха» является общепринятым идиоматическим соответствием. Перевод осуществляется посредством полного эквивалента. «تحقيق» точно передается как «достижение» (в значении реализации), «النجاح» — как «успех». Номинативная структура (отглагольное существительное + существительное в родительном падеже) сохраняется. Смысл «успешного завершения дела, получения положительного результата» идентичен. Успех мыслится как желанная «цель» или «результат» жизненного «пути».

Большинство рассмотренных арабских фразеологических единиц, репрезентирующих подконцепты «Направление движения» и

«Цель пути» в рамках метафоры «Жизнь — это Путь», находят полные эквиваленты в русском языке, что свидетельствует о глубокой схожести концептуализации этих аспектов жизни в арабской и русской лингвокультурах. Полные эквиваленты позволяют полностью сохранить как лексико-грамматическую структуру, так и семантическое, стилистическое и образное содержание исходных фразеологизмов.

Дальнейшее исследование универсальной концептуальной метафоры «Жизнь — это Путь» требует анализа ее составляющих, таких как «Препятствия на пути» и «Выбор пути». Репрезентация этих подконцептов в арабской фразеологии и их перевод на русский язык демонстрируют как высокую степень совпадения, так и случаи, где переводческие решения могут быть отнесены к частичным эквивалентам.

III. Подконцепт «Препятствия на пути»

1. На пути: طريق مسدود (ṭarīq masdūd) — заблокированный путь. Арабская фразеологическая единица طريق مسدود буквально означает «дорога/путь закрытый/заблокированный». Она представляет собой номинативную конструкцию (существительное + прилагательное), которая прямо и однозначно указывает на физическое препятствие на дороге. В метафорическом смысле это выражение служит для обозначения жизненной ситуации, когда движение вперед невозможно, отсутствует решение или выход из положения. Русский эквивалент «заблокированный путь» является прямым идиоматическим соответствием. В данном случае мы имеем дело с полным эквивалентом. Слово «طريق» полностью соответствует «путь», а «مسدود» — «заблокированный». Сохраняется структура номинативного словосочетания (прилагательное + существительное). Исходное и переводное выражения абсолютно совпадают по значению: «отсутствие возможности двигаться дальше, наличие непреодолимой преграды». Метафора «Жизнь — это Путь», где преграда на пути символизирует жизненную проблему, является универсальной и воспроизводится без потерь. Фразеологизм طريق مسدود переводится как полный эквивалент, что подчеркивает общность восприятия критических ситуаций в жизни как тупика или непроходимой дороги.

2. (واجه صعوبات) — столкнуться с трудностями. Арабское выражение واجه صعوبات дословно означает «встретил/столкнулся с трудностями». Глагол واجه (wāḡaha) несет в себе значение прямого, непосредственного столкновения или встречи. Существительное صعوبات (su'ūbāt) — это множественное число от «трудность». Русский эквивалент

«столкнуться с трудностями» также является устоявшимся идиоматическим выражением. Глагол «واجه» идеально передается как «столкнуться» в данном контексте, а «صعوبات» — как «трудности». Сохраняется глагольная конструкция с предложным управлением, характерная для выражения действия, направленного на объект. Обе фразы означают «пережить, испытать сложные ситуации, иметь дело с препятствиями». Трудности здесь воспринимаются как некие преграды, которые встречаются человеку на его жизненном пути, что полностью соответствует образности метафоры «Жизнь — это Путь». Фразеологизм «واجه صعوبات» является полным эквивалентом, демонстрируя универсальность концепта столкновения с жизненными испытаниями.

IV. Подконцепт «Выбор пути»

1. (اختار طريقه) — выбрать свой путь. Арабское выражение اختار طريقه буквально переводится как «выбрал его (свой) путь». Глагол اختار (iḥtāra) означает «выбирать», а إضافة (taḥqāhu) — «его путь». Русский эквивалент «выбрать свой путь» является абсолютно точным идиоматическим соответствием. Глагол «اختار» соответствует «выбрать», а «طريقه» — «свой путь». Сохраняется глагольная конструкция с прямым дополнением, включающим посессивное значение. Значение «принять решение относительно своего будущего, определить направление своей жизни» полностью совпадает. Метафора «Жизнь — это Путь» здесь акцентирует субъектность человека в процессе принятия судьбоносных решений. Образ выбора из нескольких дорог идентичен в обоих языках. Фразеологизм اختار طريقه переводится как полный эквивалент, что свидетельствует об общности культурного понимания свободы выбора жизненного направления.

2. (سلك درياً) — проложить путь. Арабское سلك درياً буквально переводится как «пошел/вступил на путь» (или «прошел по пути»). Глагол سلك (salaka) означает «следовать по пути, идти по дороге, вступить на путь». Существительное درياً (darban) — это «путь, дорога». Таким образом, арабское выражение чаще подразумевает следование уже существующему или выбранному пути или вступление на него. Русский же эквивалент «проложить путь» имеет иную семантическую окраску. Данный перевод является частичным эквивалентом. Компоненты «سلك» и «درياً» не находят полного лексического соответствия в «проложить путь». В то время как «درياً» соответствует «путь», «سلك» (следовать, идти, вступать) не тождественно «проложить» (создать, открыть, сделать проходимым). Сохраняется глагольная кон-

струкция с дополнением. Арабское «سلك درياً» акцентирует идею выбора и следования по некому маршруту, возможно, уже существующему или устоявшемуся. Это может означать принятие определенного жизненного курса. Русское «проложить путь» акцентирует идею создания, открытия, пионерства, то есть создания такого пути, которого ранее не существовало или который требует усилий для своего формирования. Это часто связано с инновациями, преодолением препятствий и формированием нового направления.

Таким образом, основная идея (движение по пути жизни) сохраняется, но семантический оттенок действия (следовать и создавать) существенно различается. Метафора «Жизнь — это Путь» сохраняется, но акцент смещается. Если арабская фраза может быть нейтральной в отношении новизны пути, то русская явно указывает на новизну и созидательную роль субъекта. Фразеологизм سلك درياً переводится как частичный эквивалент, поскольку, несмотря на сохранение основной метафорической рамки, он демонстрирует существенное расхождение в семантике глагольного компонента. Русский перевод «проложить путь» привносит дополнительную коннотацию новаторства и созидания, которая не всегда присутствует в арабском оригинале, где акцент может быть сделан просто на выборе направления или следовании ему.

Анализ подконцептов «Препятствия на пути» и «Выбор пути» показал преобладание полных эквивалентов

(طريق مسدود, واجه صعوبات, اختار طريقه), что свидетельствует о глубинном сходстве в осмыслении универсальных жизненных ситуаций в арабской и русской лингвокультурах. Однако фразеологизм سلك درياً при переводе как «проложить путь» является примером частичного эквивалента. Это обусловлено различиями в семантической насыщенности глагольного компонента, где русский вариант придает действию более активный, созидательный и пионерский оттенок, чем его арабский прототип. Это подчеркивает необходимость внимательного анализа не только общего значения, но и коннотативных и стилистических особенностей компонентов при переводе фразеологических единиц.

В процессе перевода фразеологизмов, особенно тех, что глубоко укоренены в культурной матрице исходного языка, нередко возникают ситуации отсутствия полных эквивалентов в языке перевода. Это связано с уникальностью образности, культурных ассоциаций или специфической структуры, которая не находит прямого соответствия.

В таких случаях переводчик прибегает к стратегиям, направленным на максимально полную передачу семантики и прагматики исходного выражения, используя частичные эквиваленты, описательный перевод или компенсацию.

Рассмотрим ФЕ арабского языка, которые сложно перевести полным эквивалентом на русский:

1. ابن السبيل (ibn as-sabīl) — «Сын пути/дороги». Эта фразеологическая единица имеет глубокие корни в арабской культуре и исламской традиции. Она обозначает *путника, странника, человека в дороге*, который находится далеко от дома и, возможно, нуждается в помощи или гостеприимстве. В более широком смысле, особенно в религиозном контексте, это может быть любой человек, оказавшийся в затруднительном положении вдали от своих близких. Здесь метафора «пути» глубоко связана с идеей жизненного странствия и потенциальной уязвимости человека на этом пути. В русском языке нет одной фразеологической единицы, которая одновременно бы передавала и образ «сына пути», и коннотацию нуждающегося или одинокого путника, и его этический статус (право на помощь). Слова «путник» или «странник» близки по значению, но они лишены образности «сына» и не всегда несут коннотацию нужды или особого статуса, присущего «ابن السبيل» в арабском культурном контексте (например, в Коране «ابن السبيل» упомянут как один из получателей закята — обязательной милостыни). Фразы типа «человек в пути» или «оказавшийся в дороге» слишком нейтральны и не передают глубины идиомы. Чаще всего переводится как «путник», «странник» или «дорожный». Эти варианты передают основное значение, но теряют исходную метафорическую образность «сына пути» и специфические культурные коннотации. В зависимости от контекста, может быть использовано выражение «человек, оказавшийся в пути и нуждающийся в помощи/приюте» для максимально полной передачи значения, но это приводит к увеличению объема и потере лаконичности ФЕ.

«ابن السبيل» демонстрирует, как культурно-специфическая метафора, связанная с социальным и этическим аспектами «пути», не находит прямого соответствия в языке-реципиенте, требуя компромиссных переводческих решений.

2. قطع شوطاً طويلاً (qaṭa‘a shawṭan ṭawīlan). — «Пересек/прошел длинный отрезок». Эта фразеологическая единица метафорически используется для обозначения «пройти долгий путь», «сделать значительные успехи»,

«достигнуть многого в каком-либо деле или в жизни». Глагол قطع (qaṭa‘a) означает «пересекать, преодолевать», شوط (shawṭ) — «отрезок, дистанция, этап», а طويلاً (ṭawīlan) — «длинный». Таким образом, речь идет о преодолении значительного этапа на пути к какой-либо цели или в общем жизненном движении. Хотя в русском языке есть фразы типа «пройти долгий путь» или «проделать большую работу», они не являются точными фразеологическими эквивалентами в плане образности и лаконичности. «Пройти долгий путь» — это очень близкое по смыслу выражение и часто используется как перевод. Однако арабское «قطع شوطاً طويلاً» имеет более выраженную коннотацию *успешного преодоления дистанции*, а не просто *факта прохождения*. «Проделать большую работу» — передает идею значительных усилий и достижений, но теряет метафору «пути». Русские идиомы вроде «пройти огонь, воду и медные трубы» не подходят по коннотации, так как они описывают переживание трудностей, а не просто преодоление дистанции. В контексте, где важен акцент на усилиях, может быть использовано «преодолеть значительный этап» или «добиться существенного прогресса». «قطع شوطاً طويلاً» показывает, что даже при кажущейся близости образа («путь») нюансы глагольного действия (преодоление и прохождение) и конкретной номинации (отрезок и путь) могут приводить к отсутствию полного фразеологического эквивалента, требуя подбора частичных соответствий.

Анализ фразеологических единиц, не имеющих полных эквивалентов в русском языке, подчеркивает лингвокультурную специфику арабского мировосприятия, даже в рамках универсальной метафоры «Жизнь — это Путь». В таких случаях переводчик прибегает к стратегиям частичной эквивалентности или описательного перевода, стремясь максимально полно передать семантическое ядро и прагматику исходного выражения, жертвуя при этом частью образности или лаконичностью. Это подтверждает, что успех перевода фразеологии зависит не только от знания языков, но и от глубокого понимания культурных контекстов.

Настоящая статья была посвящена комплексному анализу особенностей перевода арабских фразеологических единиц, репрезентирующих универсальную концептуальную метафору «Жизнь — это Путь», на русский язык. В работе был рассмотрен широкий спектр фразеологизмов, классифицированных по тематическим подконцептам: «Начало пути», «Направление движения», «Цель пути», «Препятствия на пути» и «Вы-

бор пути». Особое внимание уделялось выявлению переводческих стратегий и типу эквивалентности (полный, частичный, описательный), что позволило выявить как универсальные, так и культурно-специфические аспекты данной метафоры.

Проведенный анализ показал, что значительная часть арабских фразеологизмов, реализующих метафору «Жизнь — это Путь», находит полные эквиваленты в русском языке. Примеры «بداية الطريق» (начало пути), «سار في الطريق الصحيح» (идти по правильному пути), «واجه صعوبات» (столкнуться с трудностями), «اختيار طريقه» (выбрать свой путь) демонстрируют практически полное совпадение лексической, грамматической, семантической и метафорической составляющих, что свидетельствует о глубинном универсализме данной концептуальной метафоры и схожести ее осмысления в арабской и русской лингвокультурах и значительно облегчает процесс перевода, позволяя сохранить исходную образность без существенных потерь.

Вместе с тем исследование выявило случаи, когда прямое фразеологическое соответствие отсутствует. Некоторые выражения, например «سلك درياً» (при переводе как «проложить путь» (вместо более буквально «следовать/вступить на путь»), показали себя как частичные эквиваленты, поскольку вносили дополнительные семантические оттенки (акцент на новаторстве и создании пути). Наиболее показательными в плане отсутствия прямых эквивалентов стали такие культурно-специфичные единицы, как «ابن السبيل» («сын пути» — путник, нуждающийся в помощи) или «قطع شوطاً طويلاً» («преодолеть длинный отрезок» — достичь многого), которые требуют использования частичных эквивалентов или описательного перевода. Эти расхождения обусловлены как семантическими нюансами глагольных компонентов, так и глубокой укорененностью в лингвокультурном контексте арабского мира, что не позволяет полностью воспроизвести образность и коннотации при дословной передаче.

Результаты исследования подтверждают актуальность комплексного подхода к переводу фразеологии, объединяющего положения переводоведения, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Полученные выводы имеют теоретическую значимость для развития теории фразеологии и сопоставительного языкознания, а также для углубления понимания межъязыковой передачи концептуальных метафор. Их практическая ценность проявляется в возможности использования в учебном процессе (преподавание арабского и русского языков, курсы

по теории и практике перевода), в разработке лексикографических источников, а также в непосредственной переводческой практике для достижения большей адекватности и эквивалентности.

В качестве перспектив дальнейших исследований представляется целесообразным расширить эмпирическую базу за счет анализа фразеологизмов, репрезентирующих другие подконцепты метафоры «Жизнь — это Путь» (например, «Окончание пути», «Скорость пути», «Спутники на пути») в арабском языке. Также перспективным направлением является изучение данной метафоры в контексте других концептуальных моделей (например, «Время — это Путь» или «Знание — это Путь») или сопоставление ее репрезентации в более широком круге семитских и славянских языков. Это позволит создать более полную картину межкультурной вариативности и универсальности концептуальных метафор, что, в свою очередь, будет способствовать совершенствованию теории и практики межкультурной коммуникации.

СЛОВАРИ

1. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. — Москва : Русский язык, 1985. — 943 с.
2. Борисов, В. М. Русско-арабский словарь / В. М. Борисов. — Москва : Русский язык, 1993. — 1136 с.
3. Джабер, Аби Дж. Арабско-русский словарь идиоматических выражений. Справочник переводчика / Аби Дж. Джабер, А. В. Капшук. — 2-е изд. — Москва : Издательский дом «ЯСК», 2019. — 456 с.
4. Фавзи, А. М. Учебный русско-арабский фразеологический словарь / А. М. Фавзи, В. Т. Шкляров. — Москва : Русский язык, 1989. — 614 с.
5. Мухаммед, М. Д. Словарь идиоматических выражений современного арабского языка = معجم التعبير الاصطلاحي في العربية المعاصرة / М. Д. Мухаммед. — Каир : Дар гариб, 2003. — 687 с.
6. Аль-Му'джам аль-Васит = المعجم الوسيط : Толковый словарь арабского языка / Академия арабского языка. — Каир : Академия арабского языка, 2004. — 1067 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азизова Ф. С., Методика обучения переводу английских фразеологических единиц на узбекский язык / Ф. С. Азизова // Вестник Университета Российской академии образования. — 2010. — № 5. — С. 74-76. EDN NTQNFХ.
2. Азимова, Н. Ф. Основные способы перевода образной фразеологии / Н. Ф. Азимова // Достижения науки и образования. — 2017. — № 5 (18). — С. 80–82. — EDN YOSHLZ.
3. Акрам, А. Х. Особенности фразеологии арабского языка / А. Х. Акрам // Наука и мир. — 2016. — № 6-3 (34). — С. 90–92. — EDN WBEVYH.
4. Бекиров, Р. А. Паремические выражения как объект фразеологии современного арабского языка / Р. А. Бекиров // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2014. — Т. 27 (66), № 3. — С. 43–48. — EDN VJMCCD.
5. Вучкович, Е. С. Функции приема замены компонента фразеологизма и их отражение в переводе / Е. С. Вучкович // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 1. — С. 158–167. — EDN RYCWVN.
6. Гак, В. Г. Теория и практика перевода: французский язык / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. — Москва : Интердиалект+, 1997. — 454 с. — ISBN 5-89520-002-8.
7. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод и литера-

турные взаимосвязи / Г. Р. Гачециладзе. — 2-е изд. — Москва : Советский писатель, 1980. — 255 с.

8. Закиров, Р. Р. Способы передачи фразеологии Корана в переводах на русский язык / Р. Р. Закиров. — Казань : [б. и.], 2020. — EDN ETTFFMI.

9. Кириллова, Н. Н. Сопоставительная фразеология романских языков : учеб. пособие к спецкурсу / Н. Н. Кириллова. — Ленинград : [б. и.], 1986. — EDN YHUUXC.

10. Кравцов, С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») / С. М. Кравцов. — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. — 311 с. — ISBN 978-5-8480-0668-1.

11. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. — Москва : Международные отношения, 1972. — 288 с.

12. Ма Цзя. Фразеологическое богатство русского и китайского языков с точки зрения переводческих возможностей / Цзя Ма // Искусство и образование. — 2021. — № 2. — С. 90–97. — DOI 10.51631/2072-0432_2021_130_2_90. — EDN VQNBQZ.

13. Максимова, А. М. Осторожно: фразеологизмы! : заметки переводчика / А. М. Максимова // Русский язык — Первое сентября. — 2019. — № 9/10. — С. 51–53.

14. Солдухо, Э. М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солдухо ; предисл. Н. М. Солдухо. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1989. — 296 с. — ISBN 5-7464-0040-8.

15. Холодник, Г. В. Лексико-семантические особенности формирования фразеологии арабского языка / Г. В. Холодник, Е. Н. Лучинская // Исследовательские парадигмы в современной филологии : материалы VIII Всерос. науч. конф. — Краснодар : [б. и.], 2024. — С. 108–112. — EDN SHFXUF.

DICTIONARIES

1. Baranov, Kh. K. (1985). *Arabsko-russkiy slovar'* = Arabic-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy yazyk, 943 p.

2. Borisov, V. M. (1993). *Russko-arabskiy slovar'* = Russian-Arabic Dictionary. Moscow: Russkiy yazyk, 1136 p.

3. Dzhaber, A. J., Kapshuk, A. V. (2019). *Arabsko-russkiy slovar' idiomaticheskikh vyrazheniy. Spravochnik perevodchika* = Arabic-Russian Dictionary of Idiomatic Expressions. Translator's Handbook. 2nd ed. Moscow: Izdatelskiy Dom YASK, 456 p.

4. Fawzi, A. M., Shklyarov, V. T. (1989). *Uchebnyy russko-arabskiy frazeologicheskiy slovar'* = Educational Russian-Arabic Phraseological Dictionary. Moscow: Russkiy yazyk, 614 p.

5. Muhammad, M. D. (2003). *Slovar' i diomaticheskikh vyrazheniy sovremennogo arabskogo yazyka* = معجم التعبير الاصطلاحي في العربية المعاصرة = Dictionary of idiomatic expressions of modern Arabic language. Cairo: Dar Gharib, 687 p.

6. Al-Mu'jam al-Wasit = المعجم الوسيط : Explanatory dictionary of the Arabic language (2004). Cairo: Academy of the Arabic Language, 1067 p.

REFERENCES

1. Azizova, F. S. (2010). Metodika obucheniya perevodu angliyskikh frazeologicheskikh edinit na uzbekskiy yazyk = *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 5, 74–76.

2. Azimova, N. F. (2017). Osnovnyye sposoby perevoda ob-

raznoy frazeologii = Basic Methods of Translating Figurative Phraseology. *Achievements of Science and Education*, 5(18), 80–82. EDN YOSHLZ.

3. Akram, A. Kh. (2016). Osobennosti frazeologii arabskogo yazyka = Features of phraseology of the Arabic language. *Science and the World*, 6-3(34), 90–92. EDN WBEVYH.

4. Bekirov, R. A. (2014). Paremicheskiye vyrazheniya kak ob'yekt frazeologii sovremennogo arabskogo yazyka = Paremich Expressions as an Object of Phraseology of the Modern Arabic Language. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philology. Social Communications*, 27(66, Iss. 3), 43–48. EDN VJMCCD.

5. Vuchkovich, E. S. (2014). Funktsii priema zameny komponenta frazeologizma i ikh otrazhenie v perevode = Functions of the method of replacing a phraseological component and their reflection in translation. *Bulletin of Moscow University. Series. 19, Linguistics and intercultural communication*, 1, 158–167.

6. Gak, V. G., Grigoriev, B. B. (1997). *Teoriya i praktika perevoda* = Theory and practice of translation. Moscow: Interdialekt.

7. Gachechiladze, G. R. (1980). *Khudozhestvennyy perevod i literaturnyye vzaimosvyazi* = Literary translation and literary relationships. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy pisatel', 255 p.

8. Zakirov, R. R. (2020). *Sposoby peredachi frazeologii Korana v perevodakh na russkiy yazyk* = Methods of transmitting phraseology of the Quran in translations into Russian. Kazan'. EDN ETTFFMI.

9. Kirillova, N. N. (1986). *Sopostavitelnaya frazeologiya romanskikh yazykov* = Comparative phraseology of Romance languages. A textbook for a special course. Leningrad.

10. Kravtsov, S. M. (2008). *Kartina mira v russkoy i frantsuzskoy frazeologii (na primere kontsepta «Povedenie cheloveka») = Worldview in Russian and French phraseology (on the example of the concept "Human Behavior")*. Rostov-on-Don: IPO PI YUFU.

11. Kulin, A. V. (1972). *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: opyt sistematizirovannogo opisaniya* = Phraseology of the Modern English Language: An Attempt at a Systematized Description. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 288 p.

12. Ma, Jia. (2021). *Frazeologicheskoe bogatstvo russkogo i kitayskogo yazykov s tochki zreniya perevodcheskikh vozmozhnostey* = Phraseological richness of Russian and Chinese languages from the perspective of translation possibilities. *Art and Education*, 2, 90–97. EDN VQNBQZ.

13. Maksimova, A. M. (2019). *Ostorozhno: frazeologizmy! : zametki perevodchika* = Beware: phraseological units! : Translator's notes. *Russian Language — First of September*, 9/10, 51–53.

14. Solodukho, E. M. (1989). *Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya (na materiale yazykov slavyanskoy, germanskoy i romanskoy grupp) = Theory of phraseological convergence (based on the material of Slavic, Germanic, and Romance language groups)*. Kazan: Kazan University Publishing House. ISBN 5-7464-0040-8.

15. Kholodnyak, G. V., Luchinskaya, Ye. N. (2024). *Leksiko-semanticheskiye osobennosti formirovaniya frazeologii arabskogo yazyka* = Lexical and semantic features of the formation of phraseology of the Arabic language. *Research paradigms in modern philology: Proc. of the VIII All-Russian scientific conf.*, 108–112. Krasnodar. EDN SHFXUF.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 81'373.611+811.161.1'42

ББК Ш105.20+Ш141.12-51+Ш105.3

ГРНТИ 16.21.45; 16.21.47

Код ВАК 5.9.5

Надежда Ильинична Коновалова^{1,2,3}, Ольга Алексеевна Михайлова^{2,4}, Юлия Николаевна Михайлова^{2,5}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

³ sakralist@mail.ru, SPIN-код: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

⁴ oamih@yandex.ru, SPIN-код: 9868-0927, <https://orcid.org/0000-0002-2386-7411>

⁵ jmikhailova@yandex.ru, SPIN-код: 8697-4990, <https://orcid.org/0000-0002-5361-567X>

Российский общественно-политический дискурс как «экспериментальное поле» адаптации иноязычных аббревиатур

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу потенциала русской словообразовательной системы в обработке иноязычных языковых единиц. Выявляются активные процессы в сфере деривации русского языка начала XXI века. Предмет исследования — функционирование англоязычной аббревиатуры MAGA, созданной на базе лозунга «Make America Great Again» («Сделаем Америку снова великой»), в российских массмедиа. Материалом для анализа стал современный общественно-политический дискурс, который рассматривается авторами как своеобразное поле реализации потенциала словообразовательной системы в адаптации заимствованных элементов (грамматической, семантической, деривационной и орфографической). Особое внимание уделено учету дискурсивных факторов при интерпретации идиоматики MAGA-дериватов, особенно тех, в которых наблюдается варьирование словообразовательного статуса: один и тот же звуковой комплекс выступает и в роли самостоятельной лексемы, и в роли словообразующей морфемы (префиксоида или второй основы сложения). Контекстуальный анализ производных в разных источниках за последние десять лет и использование инструментов корпусной лингвистики дает возможность выявить как актуальность производящего акронима MAGA, так и продуктивность конкретных словообразовательных моделей. Выявлена тенденция к актуализации экспрессивности аббревиатур (что в принципе нехарактерно для этого класса дериватов) в связи с экстралингвистическими факторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественно-политический дискурс, русский язык, английский язык, английские аббревиатуры, аббревиация, деривация, коммуникативное словообразование, словообразовательные механизмы, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, российские СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Россия, Екатеринбург, email: sakralist@mail.ru.

Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Россия, Екатеринбург, email: oamih@yandex.ru.

Михайлова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Россия, Екатеринбург, email: JMikhailova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коновалова, Н. И. Российский общественно-политический дискурс как «экспериментальное поле» адаптации иноязычных аббревиатур / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 119-127.

Nadezhda I. Konovalova^{1,2,3}, Olga A. Mikhaylova^{2,4}, Juliya N. Mikhaylova^{2,5}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

³ sakralist@mail.ru, SPIN code: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

⁴ oamih@yandex.ru, SPIN code: 9868-0927, <https://orcid.org/0000-0002-2386-7411>

⁵ jmikhailova@yandex.ru, SPIN code: 8697-4990, <https://orcid.org/0000-0002-5361-567X>

Russian Socio-Political Discourse as an “Experimental Field” for Adapting Foreign-Language Abbreviations

ABSTRACT. The article analyzes the potential of the Russian word-formation system in assimilating foreign language units and reveals active processes in the field of Russian language derivation in the early 21st century. The research object covers the functioning of the English-language abbreviation MAGA, created on the basis of the slogan “Make America Great Again” in the Russian mass media. The practical research material under analysis includes modern socio-political discourse, which is considered by the authors as a kind of field for realizing the potential of the Russian word-formation system in adapting borrowed elements (grammatical, semantic, derivational and orthographic). Special attention is paid to the con-

© Коновалова Н. И., Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., 2026

sideration of discursive factors in the interpretation of the idiomatics of MAGA derivatives, especially those which demonstrate variability of the word-formation status: one and the same sound complex acts both as an independent lexeme and as a word-forming morpheme (prefixoid or second composition stem). Contextual analysis of derivatives in various sources over the past ten years and the use of corpus linguistics tools makes it possible to identify both the relevance of the derivative (source) acronym MAGA and the productivity of specific word-formation models. The study has revealed the tendency to actualize the expressivity of abbreviations (which is, in principle, uncharacteristic of this class of derivatives) due to extralinguistic factors.

KEYWORDS: socio-political discourse, Russian language, English language, English abbreviations, abbreviation, derivation, communicative word-formation, word-formation mechanisms, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, Russian media, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Konovalova Nadezhda Ilyinichna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Mikhaylova Ol'ga Alekseevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Mikhaylova Juliya Nikolaevna, Candidate of Philology, Head of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Konovalova N. I., Mikhaylova O. A., Mikhaylova Ju. N. (2026). Russian Socio-Political Discourse as an "Experimental Field" for Adapting Foreign-Language Abbreviations. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 119-127. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современные дискурсивные практики демонстрируют активное обновление языковых ресурсов разных уровней в речевой деятельности, в первую очередь это касается заимствований и их адаптации в «принимающих» языках. Заметим, однако, что не менее яркие примеры отмеченной тенденции обнаруживает словообразовательная система, запускающая «механизмы моделирования производного слова ... под влиянием экстралингвистических причин: социального заказа, общественной значимости явления — и собственно лингвистических факторов: системных возможностей языка, семантических аналогий, синтагматических закономерностей, наличия / отсутствия оценочных и стилистических коннотаций» [Коновалова, Михайлова 2025: 79]. Интересным в этой связи представляется рассмотрение «стыковых» трансформационных процессов, например, деривационной обработки заимствований средствами русского словообразования [Гридина, Коновалова 2025; Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. 2025]. К такого рода процессам относится, в частности, включение иноязычных аббревиатур в словопроизводство по существующим в русском языке моделям.

Аббревиация — явление, распространенное во многих языках мира. Под аббревиацией мы понимаем «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части ком-

понентов исходной единицы» [Кубрякова 1981: 71].

На появление и широкую активизацию аббревиации в различных языках оказывают влияние языковой, социальный, дискурсивный, коммуникативный факторы [Ярмашевич 2013]. Изменчивые социальные и технологические условия способствуют популярности аббревиатур, использование которых имеет древние корни и которые активизируются в напряженные исторические эпохи и могут служить наглядным доказательством адаптивности языка к существованию общества.

Еще А. М. Селищев в известной книге о языке революции указывал на многовековое существование этого процесса: «В начале нашей эры и в особенности в средние века пользование аббревиатурами получило весьма широкое распространение... Способ аббревиатур весьма часто применялся и в позднее время» [Селищев 2017: 45]. Бум аббревиации наблюдался в послереволюционный период начала XX в., и аббревиатуры становятся знаком определенного времени и общества. «История страны передана аббревиатурами... Они входят не только в публицистику, но и в художественную литературу, не только в прозу, но и в стихи» [Кожевникова 2003: 148] и, в частности, «оцениваются как принадлежность тоталитарного режима („Архипелаг Гулаг“ А. Солженицына, „Факультет ненужных вещей“ Ю. Домбровского)» [Там же: 150].

На современном этапе широкое распространение сокращений обусловлено, в частности, появлением так называемого *texting language*, или *textese*, который распространился во многих странах и используется в

СМС и интернет-сообщениях. Термин введен лингвистом Дэвидом Кристалом в книге «Язык и интернет» [Crystal 2002]. Возникновение текстинга как варианта кодификации относится к 1990-м гг. и связано с необходимостью ограничения трафика мобильной связи, увеличения скорости набора текста, передачи большего объема информации без перегрузки текста, экономии времени. «Аббревиация сокращает материальную оболочку коммуникативных единиц, увеличивая тем самым скорость поступления информации» [Косарева 2004: 86]. Заметим, что при этом, безусловно, проблемным является вопрос о качестве обработки информации (полноты и точности заложенного в ней содержания) ее получателем.

Предметом исследования в данной статье является функционирование иноязычной аббревиатуры *MAGA* в российском общественно-политическом дискурсе, особенности ее использования в речевой деятельности представителями русской лингвокультуры.

Исследователи английского языка выделяют особый вид дериватов, называемых *акронимы*, основная задача которых состоит в более быстрой передаче и усвоении информации. По принятой в русском языке типологии аббревиатур акрониму соответствуют аббревиатуры инициального типа, образованные из сочетания начальных звуков слов [Русская грамматика 1980: 255]. Сегодня аббревиатуры активно вовлекаются в ядерную систему стандартных средств публицистики, поскольку, по мнению В. Г. Костомарова, акроним объединяет в себе два принципа газетно-публицистического стиля: стремление к стандарту и экспрессии [Костомаров 1971: 57]. И если экспрессия — онтологически заданное свойство массмедиа в целом, то аббревиатуры приобретают ее, как правило, в дискурсе.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для сбора материала использовался метод фокус-выборки с ключевым словом *MAGA* из наиболее авторитетных источников: НКРЯ, «Интегрум», Яндекс Вордстат, Google Books, лексикографических ресурсов «Академос» и Neolex. В пользу их репрезентативности «работали» критерии регулярной обновляемости и убедительной статистики. Адекватными задачам исследования считаем методы контекстуального анализа (для выявления семантических нюансов в структуре значения производных слов, не всегда имеющих однозначную интерпретацию, в том числе в силу оценочной акцентированности

семантики деривата); классификации (при определении тематических групп *MAGA*-дериватов, в которых наблюдается варьирование словообразовательного статуса описываемого акронима), инструменты корпусной лингвистики (для ранжирования частот продуктивности словообразовательных моделей и собственно инноваций и их употребления в динамическом аспекте — в течение последнего десятилетия, с момента появления аббревиатуры до настоящего времени).

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В современный русский язык проникает большое количество аббревиатур-заимствований в нетрансформированном или частично трансформированном виде. В процессе аббревиации происходит не только преобразование какой-то многословной языковой единицы в сокращенную, однословную (то есть в языковую единицу некоего другого типа) но и ее переосмысление. Многие аббревиатуры в процессе семантического развития приобретают дополнительные значения или оттенки и даже отрываются от исходных элементов.

Примета нашего времени — достаточно свободное текстовое функционирование аббревиатур, в том числе иноязычных.

Для текстов социополитической тематики характерно активное использование сокращений иноязычного происхождения. В политический дискурс включаются транслитерированные оригинальные названия зарубежных объектов. Эти названия подверглись процессу аббревиации еще в своем материнском дискурсе и транспонировались на почву других языков в уже «готовом» фонетическом облике.

И главное, что иноязычное сложносокращенное слово в условиях частого употребления быстрее, чем русское, перестает быть знаком полного словосочетания, лексикализуется и воспринимается как единое целое, без расшифровки [Михайлова 2022].

Слова появляются в своей цельносокращенной оболочке, и те, кто их часто использует, могут не знать, что обозначает каждая буква в отдельности, и не пытаются их расшифровывать, а воспринимают как данность. Эта закономерность распространяется на транслитерированные с иностранного языка единицы — как устоявшиеся, уже давно употребляемые, так и недавно появившиеся, пребывающие на стартовых позициях: *OPEC* (Oil Producing European Countries) — *ОПЕК*, *UNESCO* (United Nations Economic, Scientific, Cultural Organization) — Организация Объединенных наций по вопросам

образования, науки и культуры, *ЮНЕСКО*, *PIN* (Personal Identification Number) — личный идентификационный номер, *Wi-Fi* (Wireless Fidelity) — беспроводной доступ в Интернет, *NATO* (North Atlantic Treaty Organization) — Североатлантический альянс / *НАТО*, *FIFA* (Federation International Football Association) — Международная федерация футбола, *ФИФА*; *UEFA* (Union of European Football Associations) — Союз европейских футбольных ассоциаций, *УЕФА*.

Неисчерпаемым источником аббревиации стали описательные многословные наименования, которые, по справедливому замечанию Е. Д. Поливанова, не соответствовали «нормам языковой экономии, не допускающей, чтобы частое в коллективном обиходе и отчетливое понятие выражалось словосочетанием, а не единым словом» [Поливанов 1968: 29].

К этому типу относится появление аббревиатур на базе вводных сочетаний и предикативных конструкций, часто в межличностном общении в социальных сетях: *BTW* (by the way — между прочим), *IOW* (In other words — другими словами), *IMO* (In my opinion — по моему мнению), *PMJI* (pardon my jumping in — прошу прощения, что вмешиваюсь), *AFAIK* (as far as I know — насколько мне известно), *AFK* (Away from the keyboard — меня нет за клавиатурой), *ROFL / РОФЛ* (Rolling on the floor laughing — «катаюсь по полу от смеха»), *HAGO* (Have a good one — желаю хорошо провести время), *TTDPA* (Take The Damn Picture Already — Сделай этот чертов снимок). Аббревиатуры-высказывания появляются сегодня и в массмедиа, и в социальной рекламе: *HOOF*, Hands Off Our Forest — букв. руки прочь от нашего леса; *RFTW*, Run For The Woods — букв. Бегите в лес (Glossary of Forestry Terms and Acronyms. URL: <https://www.for.gov.bc.ca/code/training/fpc/>, дата обращения: 22.11.2025).

Анализ аббревиатур, функционирующих в газетных и журнальных статьях, показывает, что они способны не только переходить в категорию самостоятельных слов, но образовывать дериваты. Новообразования различного типа могут стать основой для дальнейших деривационных превращений, формирующих вокруг себя своеобразное «поле неогенности».

Вот несколько примеров аббревиатур, которые являются самостоятельными словами и имеют свое собственное значение, связанное с мотивирующей аббревиатурой: *CD-видео*, *CD-диск*, *CD-проигрыватель*, *CD-привод*, *SIM-карта*, *IP-телефония*, *GPS-навигатор*.

Всплески неологической активности связаны обычно с конкретными событиями и социальными процессами. Так, в русском словообразовании наиболее ярко аббревиация проявилась в начале XX в., в послереволюционный период. Тогда впервые появились специфические сложносокращенные слова, мотивирующей базой для которых стали различные предикативные конструкции, в том числе лозунги, правда это, насколько нам известно, нашло отражение лишь в антропонимиконе. Ср. женские имена: *Изиль* (исполняй заветы Ильича), *Даздрасмыгда* (да здравствует смычка города и деревни); мужские имена: *Орлетос* (Октябрьская революция, Ленин, труд — основа социализма), *Томик* (торжествуй марксизм и коммунизм) и др.

В русском языке XXI в. аббревиация тоже становится яркой тенденцией, при этом она актуализируется не только как процесс словопроизводства, но также и как результат заимствования.

Методологически значимым для цели нашего исследования является постулат относительно коммуникативной целесообразности словопроизводства, его зависимости от потенциала языковой системы и социальной значимости объекта, оказывающегося в фокусе деривационной номинации. А. Н. Сперанская предложила понятие «ключевая ситуация года» (по образцу известного словосочетания «ключевое слово», «ключевой символ эпохи» [Костомаров 1971] — это номинации ситуаций, которые отсылают к социально значимым событиям, генерирующим волну новых слов. Ср. также «слова текущего момента» [Шмелева 1993], одним из значимых параметров которых является «текстогенность — ... способность породить вокруг себя массу текстов, <которые> превосходят задачу обмена информацией» [Шмелева 2009: 65]). В этом случае информационное пространство массмедиа заполняется не только самими ключевыми словами, но и разнообразными «откликами», имеющими рефлексивный характер по поводу их формы и содержания (мемами, комментариями, каламбурами и т. п.).

В обзорах 2024 г. к ключевым ситуациям были отнесены результаты выборов президента Д. Трампа в США. Одним из слов, маркирующих названную ключевую ситуацию, явилась аббревиатура *MAGA* — относительно новое заимствование, созданное на базе лозунга.

В качестве объяснения аббревиатуры приведем фразу из самых первых публикаций 2017 года:

Тикером фонда является аббревиатура

MAGA, что расшифровывается как *Make America Great Again* (лозунг Дональда Трампа во время предвыборной кампании 2016 года). — Ежедневная деловая газета РБК; 17.10.2017.

В русском переводе — *Сделаем Америку снова великой*.

MAGA — американский политический лозунг, который в последнее время популяризировал Дональд Трамп во время своих президентских кампаний в 2016, 2020 и 2024 годах. Ранее этот лозунг также использовался в президентской кампании Рональда Рейгана в 1980-м.

Многие словесные инновации, прежде чем получить всеобщее распространение, возникают и апробируются именно в языке СМИ. Материал собирался в НКРЯ и базе «Интегрум» начиная с 2017 г., потому что ранее этого года ни в НКРЯ, ни в «Интегруме» слово не встречалось.

В НКРЯ, в газетном подкорпусе федеральных СМИ, первые две публикации относятся к 2018 г., в 2019 г. — 7, в 2020 г. — 3.

В «Интегруме» документов / примеров с этим словом значительно больше, и с каждым годом число растет:

- 2017 и 2018 — по 4 документа,
- 2019 — 7 документов,
- 2020 — 56 документов,
- 2021 — 7 документов,
- 2022 — 25 документов,
- 2023 — 21 документ,
- 2024 — 88 документов,
- 2025 — 318 документов.

Для адекватного восприятия и правильного их понимания говорящим необходимы не только языковые, но и экстралингвистические знания, а также жизненный опыт. В публикациях первых лет обычно приводится расшифровка аббревиатуры, а в последние годы уже нет. При этом отмечается, что «возникшее новое понятие, указывая на тот же объект, что и исходное, тем не менее будучи интегративным знаком, являет собой с лингвофилософской точки зрения некий иного характера объект. Обладая свойствами своих частей (вряд ли в полном объёме), новое аббревиатурное образование, со всей очевидностью, поднимается на более высокий уровень абстракции» [Кульпина 2021: 111].

Новизна аббревиатуры MAGA, особенности ее адаптации в русском языке отражаются в СМИ.

Грамматическая адаптация

В тех случаях, когда MAGA отмечается как самостоятельная лексема (несклоняемое существительное), контексты не фиксируют устойчивость ее родовой и числовой харак-

теристики, встречается употребление с контекстуальными «партнерами» по женскому, мужскому, среднему роду и даже как pluralia tantum:

MAGA расценила эту атаку как контрпродуктивную для зарождающихся мирных переговоров.

MAGA никогда не была в таком смятении, как за последние 72 часа.

Республиканская MAGA опоздала лет на пятнадцать в своих целях.

MAGA было последовательно на протяжении всей войны

«MAGA взбунтовалось. Говорят, Трамп ненастоящий!»

MAGA стал не просто политическим девизом, но и маркером культурных и политических различий в американском обществе.

Миллиардер Илон Маск, провозгласивший себя «темным MAGA» (Make America Great Again, предвыборный лозунг Трампа) (Ежедневная деловая газета РБК. 12.11.2024).

Но MAGA назвали ее «поджигательницей войны» (Время и деньги (Казань). 20.08.2024).

Такого рода грамматические колебания свидетельствуют о попытке узуса каким-то образом «приспособить» MAGA к словоизменительной парадигме существительных. Трудность этого процесса, кроме всего прочего, объясняется тем, что формальный показатель — финаль А в русском языке отмечается и для м. р., и для ж. р. Для несклоняемых аббревиатур чаще всего используется правило «главного слова в расшифрованном варианте», но это касается в основном буквенных аббревиатур (не всех!), мотивирующей базой которых являются кириллические написания. К тому же в нашем случае расшифровка аббревиатуры требует знания английского языка и экстралингвистического контекста.

Семантическая адаптация

Признаком того, что говорящий не знает основной фразы, которая легла в основу аббревиатуры, является размытость семантики слова в российских СМИ. «Укоренившаяся в языке новая интегративная аббревиатурная формация несёт в себе и большую целостность, и большую устойчивость по сравнению с полным наименованием объекта» [Кульпина 2021: 113].

Во-первых, MAGA значит чаще всего «**движение, партия, проект, лагерь**»: *Активно поддержало Дональда Трампа и движение MAGA (Make America Great Again) (Газета «Завтра». 17.11.2025); Есть трамповское движение MAGA (Make America Great*

Again — «Вернём Америке былое величие») (АиФ — Москва. 05.02.2025); *Теперь Флинн становится одним из лидеров в партии MAGA* (МК. 11.02.2021; 03.02.2025); *части Кремниевой долины переходят в лагерь MAGA* (Завтра. 19.07.2024).

Широкое распространение MAGA в стране и мире подчеркивается номинациями *страна MAGA* или отсылкой к другим странам: *Другие люди в стране MAGA также думают, как можно обеспечить выполнение соглашения*. (Время и деньги (Казань). 28.11.2024); *прямо MAGA с румынским акцентом // MAGA канадского разлива*.

Второе частотное значение — **«идеология, концепция, доктрина, программа, философия»**: *Уэст по-прежнему верен Трампу, концепции MAGA; Ультраглобализм концепции MAGA абсолютно неприемлем для союзников Вашингтона* (Газета «Завтра». 03.09.2021); *Люди, которые полностью согласны с основной частью повестки дня MAGA. Все это прекрасно укладывается в трамповскую политику MAGA* (МК. 02.10.2025); *Сейчас Трамп, начавший свою вторую каденцию, демонстрирует решимость снова применить принцип MAGA* (Монокль).

Еще одно употребление, связанное с данной аббревиатурой, — это **«атрибут, символ»**: *кепка, бейсболка*. Оно мотивировано образом самого Трампа в красной бейсболке с надписью MAGA:

За красную бейсболку MAGA (Make America Great Again; «Вернем Америке былое величие») вас могли побить в автобусе или на улице (Время и деньги (Казань). 05.11.2020).

Уэст по-прежнему верен Трампу, концепции MAGA (Make America Great Again) и красной бейсболке, символизирующей приверженность этой концепции (Деловой еженедельник «Профиль». 23.03.2020).

Шапки MAGA с надписью белыми буквами.

Деривационная адаптация

В политическом дискурсе средствам массовой информации отводится роль в фиксации и тиражировании новых акронимов/аббревиатур. Вследствие этого активизируется деривационный механизм и словообразовательный потенциал этих единиц. Современный политический дискурс порождает не только отдельные дериваты, но и целые парадигмы дериватов [Коновалова 2025], отражающих разные аспекты политического концепта.

В настоящее время еще немного производных слов, образованных аффиксальными способами от мотивирующей основы MAGA. В нашей выборке отмечено только

два деривата, образованных префиксальным способом:

Анти-MAGA — это движение, выступающее против суверенитета и капитализма в пользу авторитарного глобального правительства.

Продуктивность словообразовательного типа: существительное (в нашем случае акроним) + префикс *анти-* = существительное со значением «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным» отмечается именно в общественно-политической сфере. Возможно также рассматривать это слово как прямое заимствование, ср.: *The Dems' fanatic anti-MAGA sentiment is rendering polling pretty useless*. American Thinker (2022).

Или оппозиционная **нео-MAGA** со временем затухнет.

Такая модель: аббревиатура + префикс-соид *нео-* = существительное со значением «нечто новое по отношению к тому, что названо мотивирующим словом» — нетипична для русского словообразования. *Нео-* входит в группу «связанных компонентов интернационального характера» [РГ-80, т. I: 244], используемых для образования производных от однословных существительных с неусеченной основой (*неореализм, неонацизм*). По-видимому, в данном случае можно говорить либо о явлении аналогического характера при обновлении словообразовательных ресурсов, либо так же, как в предыдущем случае, о прямом лексическом заимствовании (*нео-MAGA*).

Самым продуктивным является способ образования сложных слов — композитов, модель с заимствованным англоязычным компонентом-акронимом. Новообразование *MAGA*, производное от предикативной конструкции, может быть представлено в виде фрейма как «структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин 2004: 62]. И словообразовательное гнездо в таком случае предстает как своеобразный деривационный текст, включающий все необходимые для его развертывания в дискурсе позиции:

1. Субъекты: (здесь и отдельные персоны, и целые группы людей из этой базы.

- *MAGA-республиканцы*
- *MAGA-активиста*
- *переворот во взглядах MAGA-президента*
- *MAGA-фракции*
- *Владимир Владимирович говорил о MAGA-американцах* (Комсомольская правда (msk.

кр.ru). 04.10.2025)

- *MAGA-фигура*
 - *MAGA-аудитория Карлсона тоже меняет свою позицию в вопросе Израиля* (Газета «Завтра». 01.10.2025)
 - *Тамошний обыватель, дескать, является обычным «MAGA-дегенератом»* (Газета «Завтра». 14.02.2024)
2. Деятельность MAGA.
- *MAGA-проверки на лояльность*
 - *MAGA-движения*
 - *Интересно, что в США есть и такое явление, как MAGA-коммунизм* (Газета «Завтра». 21.02.2024)
 - *MAGA-версия многополярного мира.*
 - *Но как его видит себе MAGA-стратегия?*
 - *Это и есть настоящая MAGA-геополитика, которая признаёт, пусть по-своему, многополярность* (Газета «Завтра». 16.12.2025).
 - *Попытки предложить свой сценарий регулирования подчинены приоритетным задачам MAGA-революции* (Россия в глобальной политике. 22.11.2025).
 - *Возможный MAGA-переворот в мировой политике означает не просто признание распада мирового порядка* (Россия в глобальной политике. 22.11.2025).

Высказывания типа *MAGA-революция, MAGA-переворот* подчеркивают оппозиционный характер движения. Употребления такого рода свидетельствуют, что структура фреймов новообразованных аббревиатур подвергается политико-культурологической трансформации, ср.: фрейм — «это модель культурно-обусловленного канонизированного знания» [Болдырев 2001: 36].

Синтаксическая структура высказываний с аббревиатурой *MAGA* подтверждает значимость этих же позиций, которые задают векторы формирования концепта в языковом сознании россиян.

В контекстах *MAGA* используется в разных синтаксических позициях:

– в синтаксической функции субъекта: *На самом деле MAGA его не хочет, не знает и не уважает* (МК. 02.07.2025); *Хочется, но MAGA не велит; «MAGA — это не обязательно полностью определённый набор идей», — сказал Бартлетт. MAGA — это то, где президент находится в данный момент. MAGA — это Трамп* (Газета «Завтра». 28.10.2025);

– в предикатной позиции как характеристизатор: *Он — MAGA до мозга костей* (Трамп об аргентинце Милее); *С одной стороны, он (Трамп) MAGA, а значит, изоляционист, политик, которого заботит в первую очередь благосостояние Америки* (Коммерсантъ. 29.12.2025);

– в позиции зависимого компонента в атрибутивных словосочетаниях: *фанатик MAGA; образцовой сторонницы MAGA; влиятельная медиаперсона MAGA; истеблишменте MAGA; электоральную базу MAGA; Но в целом сеть «пасторов MAGA» децентрализована и в этом плане абсолютно неуязвима* (Независимая газета. 21.02.2024); *Трамп выбрал воина MAGA Вэнса, отметили эксперты* (Завтра. 16.07.2024); *Силы MAGA полны решимости повести эту страну в обратном направлении* (Ежедневные Новости Владивостока (novostivl.ru). 02.09.2022); *В январе 2023 года несостоявшийся кандидат от республиканцев на пост штата в Нью-Мексико, называвший себя «королем MAGA», был арестован* (Газета «Завтра». 09.03.2023); *демократия оказалась под угрозой из-за «экстремистов MAGA»* (Газета «Завтра». 29.10.2023); *Он активный сторонник MAGA; истеблишмент MAGA.*

Орфографическая адаптация

В русскоязычном массмедийном сегменте анализируемый акроним отмечается в двух вариантах написания: *MAGA* и *МАГА* как в самостоятельном словоупотреблении, так и в статусе префиксоида в структуре дериватов.

Примерное равенство сил неоконгов и трампистов в элитах, а также сторонников МАГА и всевозможных меньшинств на улицах Америки придает неустойчивость режиму Дональда Трампа и девальвирует многие его идеи, включая создание триумвирата США — Россия — Китай (Независимая газета. 18.06.2025).

Сторонники MAGA выражают разочарование действиями Дональда Трампа (Bfm.ru>news/578028).

MAGA-движение считает, что США были когда-то великой страной, но потеряли этот статус из-за иностранного влияния (Ria.ru. 22.11.2025).

Такого рода орфографический «разнобой» можно, по-видимому, рассматривать как приметку активного освоения русскоязычными СМИ нового, но весьма популярного в политическом дискурсе феномена. Кроме того, подобная стратегия адаптации заимствований в целом характерна для современной языковой ситуации.

MAGA-дериваты как «игровые эксперименты» российских СМИ

Адаптация новой аббревиатуры в языке-реципиенте проявляется в следующем шаге — создании производных с использованием техник языковой игры. При этом обыгрывание анализируемого акронима может иметь как формальный, так и семантический ха-

рактик. Приведем некоторые наиболее показательные примеры.

Семантические трансформации:

«G» в трамповском «MAGA» вполне можно воспринимать как сокращение от «Grotesk», а не «Great» (Независимая газета. 14.11.2025).

«MAGA (Make America Great Again) теперь должно означать „Маскам вернули былое величие“, — сказал в эфире ведущий канала Стив Дуси, перефразировав предвыборный лозунг Дональда Трампа (Дональду Трампу примеряют маску // Коммерсант. 01.07.2020).

В Гренландии нашли способ ударить по имиджу Трампа: на острове стремительно набирают популярность бейсболки с надписью «Make America Go Away» (Заставьте Америку уйти), представляющей собой переосмысление известного лозунга Дональда Трампа «Make America Great Again» (Avia. pro).

В примерах подобного рода на основе приема дезаббревиации в шутивно-ироническом ключе обыгрывается мотивационная база аббревиатуры.

Формальные трансформации:

- Трамп хочет сделать Гренландию «снова великой». MAGA превращается в MGGA. Дании пора трястись (Overclockers.ru)

- Существует аббревиатура MEGA (Make Europe Great Again) — сделаем Европу снова великой (RBC.ru 13.01.2026).

Оба типа игровых трансформаций исходной аббревиатуры демонстрируют максимальную связь с политическим дискурсом двух американских выборов Трампа и современных геополитических реалий. Оказанные продукты словотворчества возможно декодировать только с учетом комплекса дискурсивных факторов. Как пишет Т. А. Гридина: «За внешней прозрачностью использованного приема всегда лежит не только значение конкретного знака, но и гораздо более широкий культурный контекст, имплицитные смыслы» [Гридина 2020: 60].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ функционирования единиц словообразовательного гнезда от аббревиатуры MAGA демонстрирует высокую экспрессивность и эмоциональность дериватов, для которых общественно-политический дискурс выступает как своеобразное «экспериментальное поле» адаптации в русском языке.

Однако проникновение в языковое сознание широких слоев общества заимствованных аббревиатур, адаптация их в чужой языковой системе — процесс небыстрый,

зависящий от значимости того ключевого события, с которым связана номинация. Можно предположить, что сами отаббревиатурные дериваты со временем уйдут в пассивный запас и станут историзмами, но для лингвистических исследований важным представляется анализ динамических процессов в языковой системе, «обкатывающей» в дискурсивных практиках свой деривационный потенциал.

Современный политический дискурс предоставляет возможность наблюдать, как происходит вовлечение иноязычного компонента в деривационные процессы с использованием русских словообразовательных механизмов.

ИСТОЧНИКИ

1. Викисловарь. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 20.09. 2024).
2. Интегрум-Профи. — URL: <https://integrum.ru/> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 320 с.
4. РГ-80 = Русская грамматика. В 2 т. Т. I. — Москва : Наука, 1980. — 783 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. статей / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. — С. 25–36. — EDN TZQJAP.
2. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, леже- в современном медиадискурсе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 32–39. — EDN ZVOMBH.
3. Гридина Т. А. Глава 1. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива — 5 / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2020. — С. 14–60. — EDN JBWRWP.
4. Кожевникова, Н. А. Аббревиатуры в русской литературе XX века / Н. А. Кожевникова // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. — Москва : Азбуковник, 2003. — С. 148–161. — EDN PJAVAU.
5. Коновалова, Н. И. Префиксоиды как средство выражения оценочности / Н. И. Коновалова // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2025. — № 2 (16). — С. 46–57. — DOI 10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57. — EDN TCNNZY.
6. Коновалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 75–83. — EDN MMJWXD.
7. Косарева, О. Г. Аббревиатура как одно из средств экономики и экспрессии речи (на материале современной прессы) / О. Г. Косарева // Иностранные языки в школе. — 2004. — № 2.
8. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. — Москва : Изд-во МГУ, 1971. — 266 с.
9. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — Москва : Наука, 1981. — 200 с.
10. Кульпина, В. Г. Новые тенденции в презентации и переводе аббревиатур как манифестация изменяющейся лингвопроизводительной реальности / В. Г. Кульпина, В. А. Татарина // Вестник Московского университета. — 2021. — Сер. 22, Теория перевода. — № 3. — С. 108–134. — EDN XQOEEQ.
11. Михайлова, О. А. Неодериваты с формантом -инг в языке современных российских медиа / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Русская речь. — 2025. — № 6. — С. 67–80. —

DOI 10.31857/S0131611725060052. — EDN HZEAHC.

12. Михайлова, Ю. Н. О чем говорят номинации-геймеронимы? / Ю. Н. Михайлова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 214–224. — EDN LCPOOF.

13. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики : сб. статей. — 2004. — № 1. — С. 53–64. — EDN OPVZVD.

14. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. — Москва : Наука, 1968. — 376 с.

15. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев. — Изд. 5-е. М. : URSS, 2017. — 250 с.

16. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // *Colloquium*. — 1993. — № 1. — С. 33–41.

17. Шмелева, Т. В. *Кризис* как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика. — 2009. — Вып. 2 (28). — С. 63–67. — EDN KUFVPX.

18. Ярмашевич, М. А. Структура и семантика аббревиатур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — Саратов, 2013. — № 3. — Т. 19. — С. 3–5. — EDN VJDXAN.

19. Crystal, D. *Language and the Internet* / David Crystal. — Cambridge Univ. Pr., 2002. — 282 p. — ISBN 3125390389, 9783125390386.

MATERIALS

1. Wikislovar' = Wiktionary. Available at Sept. 20, 2024 from <https://ru.wiktionary.org/wiki/>.

2. Integrum-Prof. Available at Oct. 21, 2024 from <https://integrum.ru/>.

3. Nelyubin, L. L. (2003). *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar' = Explanatory translation dictionary*. 3rd ed., revised. Moscow: Flinta, Nauka, 320 p.

4. RG-80 (1980) = *Russkaya grammatika = Russian Grammar*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 783 p.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2001). Kontsept i znacheniyе slova = Concept and meaning of the word. *Methodological problems of cognitive linguistics: collection of articles* (ed. I. A. Stermin), 25–36. Voronezh: Voronezh St. Univ. EDN TZQJAP.

2. Gridina, T. A., Konvalova, N. I. (2025). Assotsiativnyy potentsial prefiksoida: kvazi-, psevd-, lzhe- v sovremennom media-diskurse = The association potential of the prefixoids kvazi-, psevd-, lzhe- in modern media discourse. *Political Linguistics*, 2(110), 32-39. EDN ZVOMBH.

3. Gridina, T. A. (2020). Glava 1. Idiostilevyye rakursy yazykovoy igry: grotesknny mir Vagricha Bakhchanyana = Chapter 1. Idiostylistic Perspectives of Language Play: The Grotesque World of Vagrich Bakhchanyan. *Linguistics of Creativity* – 5, 14–60. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. EDN JBWRWP.

4. Kozhevnikova, N. A. (2003). Abbreviatury v russkoy literature XX veka = Abbreviations in Russian Literature of the Twentieth Century. *Russian Language Today. Issue 2. Active Language Processes of the Late 20th Century*, 148–161. Moscow: Azbukovnik. EDN PJAVAU.

5. Konvalova, N. I. (2025). Prefiksoidy kak sredstvo vyrazhe-

niya otsenochnosti = Prefixoids as a Means of Expressing Evaluation. *Verba. North-West Linguistic Journal*, 2(16), 46-57. DOI 10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57. EDN TCNNZY.

6. Konvalova, N. I., Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2025). Slovoobrazovatel'nyy potentsial politicheskogo diskursa = The word-forming potential of political discourse. *Political Linguistics*, 1(109), 75-83. EDN MMJWXD.

7. Kosareva, O. G. (2004). Abbreviatura kak odno iz sredstv ekonomii i ekspressii rechi (na materiale sovremennoy pressy) = Abbreviation as one of the means of economy and expression of speech (based on the modern press). *Foreign languages at school*, 2.

8. Kostomarov, V. G. (1971). Russkiy yazyk na gazetnoy polose. Nekotorye osobennosti yazyka sovremennoy gazetnoy publitsistiki = Russian language on the newspaper page. Some features of the language of modern newspaper journalism. Moscow: Izd-vo MGU, 266 p.

9. Kubryakova, Ye. S. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova = Types of linguistic meanings. Semantics of a derivative word*. Moscow: Nauka, 200 p.

10. Kul'pina, V. G., Tatarinova, V. A. (2021). Novyye tendentsii v prezentatsii i perevode abbreviatury kak manifestatsiya izmenyayushcheyся lingvomyslitel'noy real'nosti = New trends in the presentation and translation of abbreviations as a manifestation of the changing linguistic-mental reality. *Bulletin of Moscow University. Ser. 22, Translation Theory*, 3, 108–134. EDN XQOEEQ.

11. Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2025). Neoderivaty s formantom -ing v yazyke sovremennykh rossiyskikh media = Neo-derivatives with the formant -ing in the language of modern Russian media. *Russian Speech*, 6, 67–80. DOI 10.31857/S0131611725060052. EDN HZEAHC.

12. Mikhaylova, Yu. N. (2022). O chem govoryat nominatsii-geymeronimy? = What do gameronym nominations indicate? *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 20, 214–224. EDN LCPOOF.

13. Nikitin, M. V. (2004). Razvernutyye tezisy o kontseptakh = Detailed Theses on Concepts. *Issues of Cognitive Linguistics: Collection of Articles*, 1, 53–64. EDN OPVZVD.

14. Polivanov, Ye. D. (1968). Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu = Articles on General Linguistics. Moscow: Nauka, 376 p.

15. Selishchev, A. M. (2017). Yazyk revolyutsionnoy epokhi: Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926) = Language of the Revolutionary Era: From Observations on the Russian Language of Recent Years (1917-1926). 5th ed. Moscow: URSS, 250 p.

16. Shmeleva, T. V. (1993). Klyuchevyye slova tekushchego momenta = Key Words of the Current Moment. *Colloquium*, 1, 33–41.

17. Shmeleva, T. V. (2009). Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta = Crisis as a Key Word of the Current Moment. *Political Linguistics*, 2(28), 63–67. EDN KUFVPX.

18. Yarmashevich, M. A. (2013). Struktura i semantika abbreviatur = Structure and Semantics of Abbreviations. *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 3(Vol. 13), 3–5. EDN VJDXAN.

19. Crystal, D. (2002). *Language and the Internet*. Cambridge Univ. Pr., 282 p. ISBN 3125390389, 9783125390386.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.581'42+811.581'37+811.581'27+81'25
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-3+Ш171.1-006.3+Ш118

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ли Ян

Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, liyang9110@vip.qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-4793-8069>

Исследование стратегий перевода на русский язык безэквивалентной лексики: на примере «Курса лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию подходов к переводу на русский язык безэквивалентной лексики, содержащейся в сборнике «Курс лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования». Безэквивалентная лексика представляет особую трудность для переводчика, так как она несет уникальную национальную специфику, отображающую исторические, культурные и социальные реалии Китая, отсутствующие в сознании представителей иной культуры.

Особое внимание уделено рецепторному аспекту перевода, основанному на модели медиоперевода, где переводческий акт интерпретируется как медиация между двумя культурами. Рассматривается влияние культурных различий на качество перевода и предлагаются эффективные способы преодоления возможных препятствий, мешающих успешному восприятию текста представителями иностранной аудитории.

Основной задачей статьи является выявление оптимальных стратегий перевода, позволяющих успешно передавать культурные ценности и смыслы, характерные для китайского образовательного дискурса, русским читателям. Автор детально описывает методики перевода безэквивалентной лексики, включая культурную аккомодацию, нейтрализацию, трансформацию и элиминацию. Каждая из указанных методик иллюстрируется конкретными примерами из текста «Курса лекций», показывающими, каким образом каждая стратегия помогает решить задачи культурного взаимодействия и адекватного восприятия.

Анализ примеров перевода выявляет, что грамотное сочетание всех перечисленных стратегий позволяет создать полноценный перевод, сохраняющий как национальный колорит оригинала, так и смысловые нюансы, важные для полного осознания подходов к образованию и взглядов Си Цзиньпина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безэквивалентная лексика, переводоведение, переводческая деятельность, трудности переводов, китайский язык, русский язык, культурно-специфичная лексика, культурные реалии, лингвокультурология, китайская лингвокультура, китайские политики, методы перевода, переводческие трансформации, имплицитные смыслы текста.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Ян, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой, институт европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; пров. Гуандун, Гуанчжоу, Китай; email: liyang9110@vip.qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена при поддержке гранта Центра многоязычных переводов и распространения китайской культуры, ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук в университетах Гуандуна (ID: 2021WZJD008) — Проект обеспечения качества образования в университетах провинции Гуандун на 2024 год: учебно-методическое объединение по переводу с русского языка. (本文系广东省人文社科重点研究基地《多语种中华文化译介中心》(编号: 2021WZJD008)和2024年广东省级本科高校质量工程项目:《俄语翻译课程教研室》)的阶段性成果)。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Ян. Исследование стратегий перевода на русский язык безэквивалентной лексики: на примере «Курса лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования» / Ли Ян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 128-137.

Li Yang

South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, Guangdong, China, liyang9110@vip.qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-4793-8069>

Some Strategies for Translating Non-Equivalent Vocabulary Into Russian: A Case Study of “Understanding Xi Jinping’s Educational Philosophy”

ABSTRACT. This article explores the current approaches to translating non-equivalent vocabulary contained in the collection “Understanding Xi Jinping’s Educational Philosophy” into Russian. Non-equivalent vocabulary poses a particular challenge for translators as it conveys unique national specificity, reflecting the historical, cultural, and social realities of China, which may not be present in the consciousness of people from other cultures.

© Ли Ян, 2026

Special attention is given to the receptive aspect of translation, based on the model of medial translation studies, where the act of translation is interpreted as mediation between two cultures. The article explores the impact of cultural differences on the quality of translation and suggests effective methods for overcoming possible obstacles that hinder the successful perception of the text by foreign audiences.

The main task of the article is to identify optimal translation strategies that allow for the successful translation of cultural values and meanings characteristic of Chinese educational discourse for Russian readers. The author describes various methods of translating non-equivalent vocabulary in detail, including cultural accommodation, neutralization, transformation, and elimination. Each of these methods is illustrated with specific examples from the “Understanding Xi Jinping’s Educational Philosophy” demonstrating how each strategy helps address the challenges of cultural interaction and adequate perception.

The analysis of translation examples shows that a proper combination of all the abovementioned strategies enables the creation of a relevant translation that retains both the national flavor of the original and the semantic nuances essential for a deep understanding of Xi Jinping’s educational policies and views.

KEYWORDS: non-equivalent vocabulary, translation studies, translation activity, translation difficulties, Chinese language, Russian language, culturally specific vocabulary, cultural realities, linguoculturology, Chinese linguoculture, Chinese politicians, translation methods, translation transformations, implicit textual meanings.

AUTHOR’S INFORMATION: Li Yang, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

ACKNOWLEDGMENTS. This article was supported by the grant of “Center for Multilingual Translation and Dissemination Studies of Chinese Culture” (No. 2021WZJD008) and 2024 Guangdong University Quality Assurance Project: Teaching and Research Section of Russian Translation.

FOR CITATION: Li Yang. (2026). Some Strategies for Translating Non-Equivalent Vocabulary Into Russian: A Case Study of “Understanding Xi Jinping’s Educational Philosophy”. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 128-137. (In Russ.).

С углублением реализации инициативы «Один пояс, один путь» распространение китайской культуры за рубеж значительно ускорилось, и всё больше стран начинают лучше понимать Китай. Как отмечается, «процветание культуры ведёт к процветанию государства» — культурная коммуникация способствует укреплению взаимопонимания и признания Китая со стороны мирового сообщества, а также повышает международный статус страны. Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал важность продвижения китайской культуры за рубеж, призывая «донести до мира больше образцов выдающейся культуры с китайской спецификой, отражающей китайский дух и заключающей в себе китайскую мудрость».

Перевод является не только ключевым каналом для продвижения китайской культуры на мировую арену, но и важным инструментом для повышения международного влияния и конкурентоспособности Китая. Такие факторы, как недостаточное понимание китайской культуры у западной аудитории и некорректный выбор переводческих стратегий, создают для политики «выхода культуры за рубеж» беспрецедентные вызовы. Для содействия этому процессу ученые и эксперты прилагают значительные усилия, активно исследуя различные переводческие техники и методы, особенно в области перевода безэквивалентной лексики.

Под безэквивалентной лексикой понимаются «своеобразные слова, словосочетания, идиомы, присущие определенной куль-

туре, которые отражают уникальные формы деятельности, накопленные данным народом в ходе длительного исторического процесса и отличающиеся от других народов». Такая лексика прямо или косвенно отражает историческую культуру, народные обычаи и традиции нации, обладая ярко выраженной региональной и национальной спецификой.

Ученые ведут активные дискуссии относительно перевода безэквивалентной лексики. Российские исследователи, такие как Т. А. Казакова, подчеркивают сложность сохранения национальной окраски в процессе перевода, поскольку адекватная передача особенностей национального характера и культурных традиций тесно переплетается с проблемами языкового уровня [Казакова 2008: 78]. В. Н. Комиссаров также указывает, что безэквивалентные единицы выступают носителями национально-культурной информации и требуют от переводчика владения не только языковой, но и культурной компетенцией, а их передача осуществляется с помощью различных компенсаторных приемов — описательного перевода, калькирования и введения пояснительных комментариев [Комиссаров 2001]. А. Д. Швейцер, в свою очередь, рассматривает проблему перевода безэквивалентной лексики в рамках функционально-коммуникативного подхода, подчеркивая, что главная задача перевода таких единиц состоит не в формальной эквивалентности, а в сохранении коммуникативного эффекта оригинала [Швейцер 1988: 142].

Дополнительные теоретические обоснования позволяют расширить исследование

подходов к переводу безэквивалентной лексики, применяемых в «Курсе лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования». Одной из ключевых концепций является «Теория трансляции культурных явлений» (Cultural Transmission Theory), разработанная китайскими учеными. Она подразумевает глубокий анализ исторических, социальных и культурных нюансов, содержащихся в оригинальной лексике, а также использование приемов, таких как культурная нейтрализация, адаптация и трансформация, для преодоления межкультурных препятствий.

Модель трехуровневого анализа культурных феноменов (Three-tier Analysis Model), предложенная Ли Юйсюнем, дополняет этот подход. Первый уровень включает лингвистическое соответствие, второй — культурологическое осмысление, третий — психологическо-эмоциональную составляющую. Такое комплексное рассмотрение помогает глубже понять природу трудностей, возникающих при передаче уникальных культурных характеристик китайского языка¹.

Кроме того, важно учитывать влияние культурных кодов на процесс перевода, о чем пишут исследователи Ма Яньхуэй [Ма Яньхуэй 2017] и Ян Дашоу [Ян Дашоу 2015]. Национальное сознание и традиционные представления играют значительную роль в формировании уникальности каждого языка, и переводчикам необходимо осознавать эти особенности для эффективного осуществления своей миссии.

Методология интеграции культурных факторов в переводческий процесс, предложенная Бэй Юэ [Бэй Юэ 2018], также заслуживает внимания. Она включает три этапа: детальное изучение культурных объектов, выбор оптимальной переводческой стратегии и последующую проверку качества перевода посредством обратной связи от представителей целевой аудитории. Эти дополнения обогащают теоретическую основу исследования и предлагают практические рекомендации для улучшения качества перевода безэквивалентной лексики.

Проводя систематические исследования техник, стратегий и методов перевода безэквивалентной лексики на русский язык, ученые не только накопили богатый опыт для переводческой практики с другими типами текстов, но и предоставили ценные образцы для подражания.

В 1994 г. китайский ученый Се Тяньчжэнь в книге «Сравнительное литературо-

ведение и переводоведение» выдвинул концепцию переводоведения (*译介学 (теория перевода)*), а позднее в труде «Переводоведение» дал ее более точное определение. По его мнению, объектом исследования переводоведения являются процессы утраты, трансформации, добавления и расширения исходной информации при переходе с исходного языка на язык перевода, то есть не только собственно языковая трансформация. В рамках переводоведения изучение перевода культурных образов обычно основывается на сопоставлении культурных контекстов исходного и переводного языков. Основное внимание уделяется влиянию культурных различий и сходств между ними на эффективность передачи культурных образов, а также поиску способов преодоления барьеров, вызванных культурными различиями, с целью максимально точной передачи как внешнего облика, так и глубинного смысла культурных образов, что способствует распространению и восприятию национальных культур [Се Тяньчжэнь 1994].

Сборник «Курс лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования» (далее — «Курс лекций») был издан на китайском языке в июле 2020 года. Он состоит из вступления и девяти лекций, в которых всесторонне, системно и глубоко раскрываются основные позиции председателя Си Цзиньпина по вопросам образования. Русскоязычная версия данного издания опубликована Издательством исследования и преподавания иностранных языков и Издательством высшего образования. Наряду с ранее вышедшим английским изданием, версии на русском, французском, испанском и арабском языках имеют важное значение для зарубежных читателей, способствуя формированию у них понимания текущего контекста и содержания реформ и развития образования в Китае в новую эпоху, а также позволяя доносить голос работников китайского образования, умело рассказывать его историю.

Настоящая статья рассматривает перевод культурно нагруженных слов в «Курсе лекций» с позиции переводоведения (*译介学 — теория перевода*), с целью выявления переводческих стратегий, способствующих продвижению и распространению китайской культуры за рубеж, а также реализации концепции «выхода китайской культуры за рубеж».

Перевод представляет собой культурный диалог и обмен, преодолевающий языковые границы. Его цель — воссоздание смысла

¹ Ли Юйсюнь. Особенности перевода социально-культурных явлений // Вестник МГУ. Серия 22: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 125–133.

исходного текста в инокультурной среде. Ввиду существующих культурных различий между языком-источником и принимающим языком, переводчик обязан сглаживать и устранять элементы культурного конфликта. Это необходимо для предотвращения недопонимания и ошибочных интерпретаций, вызванных культурными лагунами, расхождениями или отсутствием эквивалентов. Следовательно, при переводе безэквивалентной лексики, для достижения как смысловой точности, так и культурной глубины, переводчик применяет такие стратегии, как культурная аккомодация (ассимиляция), культурная нейтрализация, культурная трансформация и культурная элиминация (устранение).

КУЛЬТУРНАЯ АККОМОДАЦИЯ

Описанный подход к переводу находит солидную теоретическую базу в трудах ведущих представителей российской школы переводоведения. Концепция культурной аккомодации как стратегии, направленной на сохранение элементов исходной культуры, соотносится с учением В. Н. Комиссарова об уровнях переводческой эквивалентности. Согласно его теории, использование буквального перевода с добавлениями соответствует высшим уровням эквивалентности — ситуативному и коммуникативному, когда переводчик сознательно сохраняет культурные элементы оригинала, обеспечивая при этом их адекватное восприятие в иноязычной среде.

Принцип активной роли переводчика как медиатора, способного гибко выбирать между различными переводческими приемами, был разработан А. Д. Швейцером [Швейцер 1988] в его теории коммуникативной равноценности. Ученый обосновал необходимость сознательной адаптации культурно маркированных единиц при сохранении инварианта смысла, что особенно актуально при переводе политико-идеологических текстов, насыщенных национально-культурной лексикой.

Классификация Л. С. Бархударова рассматривает такие приемы, как добавление и комментарий, как виды трансформаций перевода — конкретные операции по преобразованию текста для достижения эквивалентности. Согласно его теории, переводчик вправе использовать эти трансформации, когда денотативное значение сохраняется, но культурный компонент требует дополнительного разъяснения [Бархударов 1975].

В контексте перевода политического дискурса российские исследователи (С. В. Тюленев) подчеркивают особую важность стратегии культурной аккомодации, отмечая, что

она позволяет сохранить идеологический потенциал высказывания, обеспечивая при этом его доступность для иностранного реципиента [Тюленев 1988].

«Курс лекций» содержит значительный пласт безэквивалентной лексики, насыщенной национально-культурным колоритом. Используемая в нем стратегия культурной адаптации нацелена на максимально возможное сохранение культурных элементов оригинала. Как правило, переводчик стремится к дословному переводу (буквализму). Однако если буквализм может привести к непониманию, переводчик, выступая как активный медиатор, гибко прибегает к приему добавления или сносок для разъяснения культурного фона. Данный подход позволяет смягчить и минимизировать межкультурные конфликты и различия, тем самым способствуя достижению целей культурного обмена и адаптации.

Дословный перевод

Пример 1: 广大教师是打造中华民族“梦之队”的筑梦人, 要努力成为“有理想信念、有道德情操、有扎实学识、有仁爱之心”的好老师。

Педагоги — это «строители» мечты, создающие «команду мечты» китайской нации. Они должны стремиться соответствовать образу хорошего педагога с «идеалами и убеждениями, высокими нравственными качествами, твердыми знаниями и гуманным сердцем».

Благодаря выдающимся выступлениям и блестящей истории китайской команды по прыжкам в воду на международных соревнованиях ее называют «командой мечты». Во время визита в Пекинскую школу «Ба И» (八一) и обсуждения вопросов строительства преподавательского корпуса Генеральный секретарь Си Цзиньпин использовал эту метафору, чтобы выразить мысль о том, что великое возрождение китайской нации является величайшей мечтой, к которой она стремилась с Новейшего времени. Преподаватели несут важную историческую миссию и социальную ответственность, являясь ключевой силой в реализации этой мечты. В переводе используется калькирование: «команда мечты» для «梦之队» и «строители мечты» для «筑梦人». Это передает как важнейшее значение исторической миссии, возложенной на преподавательский корпус, так и твердую решимость сформировать несокрушимый, высококвалифицированный и чрезвычайной сильный преподавательский коллектив.

В Соединенных Штатах также есть своя «Команда мечты» — сборная США по бас-

кетболу, состоящая из профессиональных игроков НБА, представляющих высший мировой уровень мастерства. Эти команды объединяли в себе практически всех ведущих баскетболистов НБА своего времени и считались самыми мощными баскетбольными коллективами, отсюда и название «Команда мечты». Применение калькирования позволяет передать как внешний образ, так и глубинный смысл оригинального понятия «梦之队», усиливает чувство национальной гордости и находит отклик у целевой аудитории перевода.

Пример 2: 狠抓落实要有钉钉子的精神, 钉钉子往往不是一锤子就能钉好的, 而是要一锤一锤接着敲, 直到把钉子钉实钉牢。

Добиваться исполнения нужно, действуя в духе «вбивания гвоздей»: надежно удерживают не те гвозди, что загнаны с одного удара, а те, что вбивались удар за ударом, последовательно.

Метафора «вбивания гвоздей», основанная на хорошо знакомом всем действии, включает в себе глубокую философию: тщательность и доведение начатого до конца. Она подчеркивает непоколебимую решимость и последовательную настойчивость. Этот принцип, возведенный в ранг важной методологии, широко применяется в современной работе в таких сферах, как политика, экономика и обеспечение народного благосостояния. Русский аналог «вбивания гвоздей» также используется в переносном смысле, описывая кого-либо или что-либо, что решает проблему прямо и эффективно, подобно тому, как молоток точно и результативно вбивает гвоздь. Прямой перевод «вбивания гвоздей» создает яркий, наглядный образ, который легко воспринимается аудиторией перевода.

Буквальный перевод с комментарием

Пример 3: 问渠那得清如许, 为有源头活水来。

Отчего же в канале вода так чиста? Оттого что течет в нем живая вода родника.

Строки «Отчего же в канале вода так чиста? Оттого что течет в нем живая вода родника» принадлежат Чжу Си, философу эпохи Сун, и взяты из его цикла стихов «Размышления о чтении (Часть I)». Их смысл заключается в следующем: чтобы водоем оставался чистым и прозрачным, ему необходим непрерывный приток свежей воды из живого источника. Генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно использовал метафору «живой воды родника» для глубокого разъяснения фундаментальных принципов и эффективных путей развития культуры и

других сфер. Эти строки, открывающие «Курс лекций», символизируют исключительную важность, которую Си Цзиньпин придает образованию, в особенности работе по воспитанию строителей социализма и их преемников.

В ходе анализа мы выявили, что в английской версии был применен метод «буквальный перевод с комментарием» — добавлен источник цитаты: «*cited from a poem by Zhu Xi (1130-1200), a preeminent scholar and thinker of the Southern Song dynasty (1127-1279), who contributed to giving Confucian teachings new relevance*». Благодаря комментарию аудитория перевода смогла понять философский подтекст образа «живой воды родника», открыв для себя дверь в древнекитайскую философию. Такой подход позволяет читателям лучше понять образовательную мудрость, заключенную в выдающейся традиционной китайской культуре, способствует продвижению классической поэзии за рубежом и является важным способом распространения китайской культуры. Однако следует отметить, что добавление комментариев должно основываться на понимании культурного образа и иметь целью его передачу, в противном случае можно отклониться от первоначального замысла.

Отсутствие комментария в русскоязычной версии перевода, таким образом, может быть рассмотрено как осознанная переводческая стратегия, обусловленная спецификой восприятия целевой аудитории. Переводчик, ориентируясь на читателя, в чьей культуре присутствует устойчивая традиция академического востоковедения, предполагает наличие у него определенных фоновых знаний о китайской классической философии и поэзии. В данном случае переводчик отдает приоритет не эксплицитному разъяснению историко-философского генезиса образа «живой воды родника», а сохранению его поэтической цельности и метафорической силы. Такой подход, фокусирующийся на универсальном ядре метафоры — идее постоянного обновления из неиссякаемого источника, — позволяет добиться лаконичности и ориентирован на имплицитное, интуитивное понимание со стороны читателя, что само по себе является валидной стратегией культурной адаптации.

Буквальный перевод в сочетании с вольным

Пример 4: 既部署教育改革发展“过河”的任务, 也指导解决“桥或船”的问题, 为新时代建设教育强国提供了根本遵循和行动指南。

В них не только ставится задача достичь цели в ходе реформ и развития си-

стемы образования, образно говоря, «пересечь реку», но и указывается направление для решения вопроса о том, что выбрать для решения этой задачи «мост» или «лодку».

Русскоязычный перевод демонстрирует продуманное применение гибридной стратегии. Переводчик начинает с вольного перевода общей концепции задачи («ставится задача достичь цели в ходе реформ»), что подготавливает смысловую базу для последующего введения культурной метафоры. Ключевым элементом стратегии является использование вводного оборота «образно говоря», который выполняет важную функцию экспликации. Этот прием явно сигнализирует читателю о переходе к образному языку, подготавливая его к адекватному восприятию следующих за ним культурно-специфических образов — «пересечь реку», «мост» и «лодка», которые переданы с помощью буквального перевода.

Таким образом, переводчик выстраивает последовательный переход от общего смысла к конкретному образу, направляя читателя и обеспечивая плавность восприятия. Данная стратегия отражает стремление не только точно передать смысл и сохранить культурную образность, но и активно помочь реципиенту декодировать метафору, демонстрируя тонкий подход к медиации культурных различий.

Буквальный перевод с элементами адаптации

Пример 5: 习近平总书记指出, 要练就“金刚不坏之身”, 必须用科学理论武装头脑, 不断培植我们的精神家园。

Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин отмечает, что «неуязвимое тело» требует вооруженного научной теорией ума и непрерывно подпитываемого духа.

В представленном русскоязычном переводе используется стратегия буквального перевода с элементами адаптации. Калькирование буддийской метафоры «неуязвимое тело» (金刚不坏之身) является семантически точным и визуально выразительным, сохраняя исходный культурный архетип несокрушимости. Данный образ, будучи погруженным в контекст «вооружения научной теорией» и «подпитки духа», естественным образом активирует в восприятии читателя не только физическую, но и духовно-идеологическую составляющую. Таким образом, переводчику удается достичь двойного эффекта: с одной стороны, передать экзотический колорит исходного выражения, а с другой — обеспечить однозначное понимание его современного политико-

идеологического подтекста, связанного с духовной стойкостью и идеологической устойчивостью. Это решение наглядно демонстрирует эффективность избранного подхода для передачи сложных культурно-политических концептов.

КУЛЬТУРНАЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Культурная нейтрализация представляет собой стратегию адаптации, направленную на смягчение или нивелирование культурных элементов исходного текста. Ее применение позволяет избежать культурного конфликта или перегрузки целевого текста чуждыми культурными реалиями. Безэквивалентная лексика исходного языка зачастую содержит многозначные или полисемантические смыслы, которые невозможно в полной мере сохранить в культурном контексте языка перевода. Переводчик вынужден идти на взвешенные семантические потери, сознательно жертвуя частью исходных культурных коннотаций ради обеспечения точной передачи базового смысла. Хотя подобный подход в определенной степени ослабляет культурную насыщенность оригинала, он остается действенным средством обеспечения семантической ясности. К приемам культурной нейтрализации относится вольный перевод (передача смысла без буквального следования форме), генерализация (использование понятий с более широким значением), опущение и замена культурного компонента на нейтральный или общепринятый в языке перевода.

Эта стратегия коррелирует с концепцией доместификации, предложенной Лоуренсом Вентути, согласно которой перевод стремится адаптировать текст таким образом, чтобы свести к минимуму ощущение чуждости и приблизить его к восприятию целевой аудитории. В российской переводческой традиции подобные подходы находят отражение в исследованиях В. Н. Комиссарова, который рассматривал процесс нейтрализации как эффективный способ устранения межъязыковых несоответствий и снижения культурных барьеров [Комиссаров 2001].

Пример 6: 思想政治工作绝不是单纯一条线的工作……不能搞成“两张皮”……教育引导 学生立鸿鹄志, 做奋斗者。

Идейно-политическая работа ни в коем случае не является работой какого-либо одного подразделения или отдела... недопустимо действовать по принципу «одно оторвано от другого». ...Воспитывать у учащихся дух борьбы и стремления к идеалам.

В данном случае для передачи образных выражений «两张皮» и «鸿鹄志» применяется стратегия культурной нейтрализации через

вольный перевод. Поскольку данные культурно-специфические образы не имеют прямых соответствий в русской лингвокультуре, их буквальное воспроизведение привело бы к семантическим потерям или непониманию.

Метафора «两张皮», обозначающая формальное, поверхностное отношение к делу, когда внешние действия не подкреплены сущностью, точно передается описательным оборотом «одно оторвано от другого». Этот перевод ясно доносит идею недопустимости разделения теории и практики, сохраняя при этом критическую оценку, заложенную в оригинале.

Высокопоэтический образ «鸿鹄志» (досл. «цель лебедя/гуся»), восходящий к классической китайской литературе и означающий возвышенные стремления, также подвергся смысловой адаптации. Данное высказывание было произнесено Генеральным секретарем Си Цзиньпином во время его инспекционной поездки в Пекинский университет в мае 2018 года. В нем подчеркивается важность наличия высоких устремлений, а также необходимость прилагать упорные усилия и проявлять настойчивость в борьбе за достижение этих идеалов. Переводчик отказался от конкретного природного образа в пользу универсального понятия «стремления к идеалам», что полностью соответствует идейному посылу высказывания о воспитании целеустремленности.

Таким образом, переводчик, выступая в роли медиатора, сознательно пошел на смягчение культурного колорита, чтобы обеспечить точное восприятие ключевого сообщения — важности целостного подхода в работе и воспитания высоких устремлений. Этот подход демонстрирует, как стратегия культурной нейтрализации служит эффективным инструментом преодоления межкультурных барьеров в публицистических и политических текстах.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Культурная трансформация представляет собой стратегию культурной адаптации, при которой для передачи значения элемента исходной культуры используются культурные элементы языка перевода. Наиболее распространенным методом в рамках данной стратегии является ассимиляция. В отличие от культурной аккомодации, которая предполагает пассивное приспособление элементов исходной культуры к культуре перевода, культурная трансформация заключается в активном поиске переводчиком иных культурных символов в языке перевода для передачи смысла, эквивалентного исходному культурному элементу. Это обеспе-

чивает базовое единство коммуникативного эффекта между исходным текстом и переводом.

Стратегия культурной трансформации основана на принципе функционального аналога, разработанном исследователями А. Д. Швейцером [Швейцер 1988] и В. Н. Комиссаровым [Комиссаров 2001]. Эта методика оправдана, когда прямое перенесение оригинального образа нарушает целостность восприятия или приводит к потере выразительных оттенков. В таких ситуациях культурная нейтрализация оказывается недостаточно эффективной, так как не способна передать эмоциональную окраску и силу оригинального послания. Именно тогда переводчики обращаются к стратегии культурной трансформации, находя подходящие аналоги в языке перевода, которые сохраняют как основную идею, так и ее художественное воздействие на аудиторию.

Пример 7: 教育系统……完善决策程序, 增强法治意识, 既不能“拍脑袋”, 也不能越底线。

В системе образования... совершенствовать процессы принятия решений и правовое сознание, не позволяя себе действовать импульсивно или пересекать красные линии.

Пример 8: 确保全覆盖, 固本强基, 防止“木桶效应”。

Обеспечивать ее всеобъемлющий характер, укреплять фундамент, предотвращать «эффект самого слабого звена».

В представленных переводах наглядно демонстрируется стратегия культурной трансформации, где специфические китайские культурные образы заменяются концептуально близкими эквивалентами в русской лингвокультуре.

Идиома «拍脑袋» (досл. «хлопать по голове»), описывающая импульсивное принятие решений без должного анализа, переведена как «действовать импульсивно». Данное высказывание было сделано Генеральным секретарём Си Цзиньпином в мае 2018 года во время его встречи с преподавателями и студентами Пекинского университета. В нем подчеркивается, что система образования при принятии решений должна исходить из реального положения дел, широко развертывать исследовательскую работу и обеспечивать соответствие принимаемых решений фактическим обстоятельствам. Переводчик сознательно отказался от буквального воспроизведения телесного жеста, который мог бы вызвать недопонимание у русскоязычного читателя, выбрав семантически прозрачный вариант, точно передающий негативную коннотацию необдуманных действий.

Метафора «木桶效应» (досл. «эффект деревянного ведра»). Данная теория была выдвинута американским специалистом по менеджменту Лоуренсом Питером и используется для описания ситуации, когда при неравномерном распределении качеств именно наименее развитая часть часто определяет общий уровень. В выступлении на Всекитайском совещании по вопросам пропаганды и идеологической работы в августе 2013 г. Генеральный секретарь использовал словосочетание «эффект ведра» для выражения важности укрепления низовых организаций. Метафора, известная в китайском контексте как «эффект короткой доски», трансформирована в устоявшееся русское выражение «эффект самого слабого звена». Данная замена сохраняет исходную логику метафоры о зависимости общей эффективности от наиболее уязвимого элемента, но использует культурно приемлемый для русской аудитории образ из цепочки взаимосвязанных элементов.

Оба случая иллюстрируют, как культурная трансформация становится эффективным инструментом медиации, когда переводчик распознает потенциальный семантический барьер, находит в целевой культуре функциональный аналог, обеспечивает эквивалентность коммуникативного воздействия.

Такой подход демонстрирует высшую форму переводческого мастерства — способность не просто передавать слова, но перекодировать культурные концепты, сохраняя суть сообщения при изменении его культурной оболочки. Это особенно значимо в политико-образовательном дискурсе, где точность восприятия идеи превалирует над буквальным воспроизведением формы.

КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИМИНАЦИЯ (УСТРАНЕНИЕ)

Культурная элиминация подразумевает стратегию перевода, при которой культурные элементы исходного языка напрямую опускаются. Когда определенные культурные элементы исходного текста затрагивают религиозные, идеологические аспекты или ценностные ориентиры, их прямой перевод на принимающий язык может спровоцировать культурный конфликт или привести к информационной перегрузке. Следовательно, при условии, что это не влияет на общее понимание текста, медиатор часто прибегает к гибкому решению — удаляет такие культурно нагруженные элементы.

Данный подход согласуется с концепцией семиотического отбора, сформулированной в теории перевода. Согласно этой концепции, переводчик действует как своеобраз-

ный фильтр, пропускающий через себя лишь те элементы исходного текста, которые возможно адекватно перенести в систему принимающего языка. Остальная информация подвергается устранению либо упрощению.

В отечественной переводческой практике такая практика подробно анализировалась В. Н. Комиссаровым, который описал подобную стратегию как средство разрешения проблем, возникающих при столкновении с «непереводимыми лакунами». Подобный подход предусматривает осознанное исключение тех элементов исходного текста, которые невозможно полноценно перевести, чтобы сохранить общую доступность и четкость конечного продукта [Комиссаров 2001].

Пример 9: “横空大气排山去，砥柱人间是此峰” 在新时代全面开启建设教育强国的新征程中，我们要认真学习

«Растолкая хребты вокруг, я стою — небес опора!» Вступив в новую эпоху и вступив в новый поход во имя построения образовательной державы, мы должны старательно учиться.

Пример 10: 要牢牢把握正确舆论导向，始终绷紧导向这根弦，讲导向不含糊、抓导向不放松，“千磨万击还坚劲，任尔东南西北风”。

Необходимо крепко держать в руках правильное направление общественного мнения, не ослабляя хватку и бдительность, «не сгибаться ни перед лицом многочисленных невзгод, ни под напором суровых ветров».

Китайский язык часто использует такие стилистические фигуры, как параллелизм, антитеза, архаизмы и классические поэтические цитаты, что демонстрирует его литературную метафоричность. С одной стороны, это подчеркивает центральную тему, глубоко передавая «смысл за словами», а с другой — усиливает звучание и ритм, облегчает восприятие и придает политическим текстам особый эстетический эффект.

Пример 9. Строки «Растолкая хребты вокруг, я стою — небес опора!» выражают неостановимую тенденцию всестороннего запуска строительства мощной образовательной державы в новую эпоху, а также амбиции личных чувств и неукротимую решимость. Пример 10 «не сгибаться ни перед лицом многочисленных невзгод, ни под напором суровых ветров» заимствован из стихотворения «Бамбук и скала» (竹石) художника и каллиграфа эпохи Цин Чжэн Се. Их смысл в том, что бамбук, несмотря на все удары и трудности, становится лишь прочнее и устойчивее, что символизирует важность твердого следования верному курсу.

Если ввести в перевод идентичные концепции и переводить их дословно, это сместит информационный фокус. Поэтому в данном переводе применяется опущение (культурная элиминация). С точки зрения коммуникативного эффекта, хотя это и ослабляет формальную красоту, стратегия позволяет передать ключевую информацию и является адаптационным механизмом для предотвращения культурной перегрузки.

ВЫВОД

Рассматривая переводческую практику как деятельность посредника, медиопереводоведение (рецептивная эстетика) нацелено на максимально эффективную передачу культурных образов исходного текста, что способствует продвижению политики «выхода китайской культуры за рубеж». Перевод, осуществляемый в рамках данного подхода, не только доносит исходную информацию, но и позволяет читателям познать и усвоить культурное содержание, заложенное в оригинале.

С точки зрения медиопереводоведения, медиатор при работе с безэквивалентной лексикой «Курса лекций» гибко применял различные стратегии, а именно: культурную аккомодацию, культурную нейтрализацию, культурную трансформацию и культурную элиминацию. В большинстве случаев, чтобы сохранить яркость исходного культурного образа, использовалась стратегия культурной аккомодации через буквальный перевод, буквальный перевод с комментарием или его комбинация с вольным переводом. Для образов с выраженной национальной спецификой обычно применялась стратегия культурной нейтрализации (вольный перевод) или культурной трансформации (трансмутация). Что касается объемных фрагментов классической поэзии, предпочтение отдавалось стратегии культурной элиминации путем опущения.

Таким образом, гибкий выбор переводческих стратегий в соответствии с содержанием оригинала позволил зарубежным читателям понять политическую позицию и традиционную культуру Китая. Это, в свою очередь, содействует реализации курса «выхода китайской культуры за рубеж» и укреплению «мягкой силы» страны.

ИСТОЧНИКИ

1. 习近平总书记教育重要论述讲义/《习近平总书记教育重要论述讲义》编写组编. 北京: 高等教育出版社, 2020. 224页
2. Курс лекций с изложением важнейших суждений Си Цзиньпина по вопросам образования. — Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков: Издательство высшего образования, 2024. — 279 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. — Москва: Международные отношения, 1975. — 240 с.
2. Болдырева, А. С. Трудности в изучении китайского языка и перевода с китайского языка: основные ошибки и способы их устранения / А. С. Болдырева // Доклады Башкирского университета. — 2023. — Т. 8, № 3. — С. 77–92. — DOI 10.33184/dokbsu-2023.3.10. — EDN SQBWVJ.
3. Ван, Ю. Использование безэквивалентной лексики во фразеологизмах при переводе текстов с китайского языка на русский язык / Ван Ю // Начала Русского мира. — 2023. — № 2. — С. 11–14. — EDN HKUNMF.
4. Гу, Х. Лингвистические основы устного двустороннего перевода: русский — китайский / Гу Хунфэй. — Москва: Валент, 2002. — 128 с. — ISBN 5-93439-076-7.
5. Казакова, Т. А. Теория и практика перевода: учеб. пособие / Т. А. Казакова. — Санкт-Петербург: Перспектива: Союз, 2008. — 320 с. — ISBN 978-5-91413-004-3.
6. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. — Москва: ЭТС, 2001. — 424 с. — ISBN 5-93386-030-1.
7. Ма, Яньхуэй. Проблема перевода культурной нагрузки и пути ее решения / Ма Яньхуэй // Филология и культура. — 2017. — № 1. — С. 87–93.
8. Подоляка, И. В. Особенности перевода безэквивалентной лексики / И. В. Подоляка // Вестник науки. — 2025. — Т. 1, № 1 (82). — С. 205–210. — EDN TZQMZQ.
9. Се, Тяньчжэнь. Основы сравнительного литературоведения и переводоведения / Се Тяньчжэнь. — Тайбэй: Ецян, 1994. — 368 с.
10. Тюленев, С. В. Теория перевода / С. В. Тюленев. — Москва: Гардарика, 2004. — 336 с. — ISBN 5-8297-0204-5.
11. Фомичев, К. Н. Способы перевода безэквивалентной лексики в китайском языке / К. Н. Фомичев, В. А. Савченко // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: сб. науч. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2021. — С. 228–234. — EDN LJJTOV.
12. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И. И. Халеева. — Москва: Высшая школа, 1989. — 280 с. — EDN LBJQJN.
13. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — Москва: Наука, 1988. — 214 с. — ISBN 5-02-010882-0.
14. Ши, Хао. Основные принципы перевода культурных феноменов / Ши Хао // Международное научное обозрение. — 2016. — № 1. — С. 112–118.
15. Ян, Дашоу. Методы перевода безэквивалентной лексики в публицистическом тексте / Ян Дашоу // Журнал востоковедческих исследований. — 2015. — № 4. — С. 78–85.
16. Bai, Yue. Translation Strategies for Cultural Load in Chinese Discourse / Bai Yue // Journal of Foreign Languages. — 2018. — Vol. 41, No. 3. — P. 113–126.

MATERIALS

1. Xijiping Zongshuji Jiaoyu Zhongyao Lunshu Jiangyi (2024). “Xijiping Zongshuji Jiaoyu Zhongyao Lunshu Jiangyi” Bianxiezu Bian. Beijing: Gaodengjiaoyuchu banshe.
2. Understanding Xi Jinping's Educational Philosophy (2024). Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press; Higher Education Press, 279 p.

REFERENCES

1. Barkhudarov, L. S. (1975). Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevodov = Language and Translation. Issues of General and Specific Theory of Translations. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 240 p.
2. Boldyreva, A. S. (2023). Trudnosti v izuchenii kitayskogo yazyka i perevoda s kitayskogo yazyka: osnovnye oshibki i sposoby ikh ustraneniya = Difficulties in Learning Chinese and Translation from Chinese: Basic Mistakes and How to Eliminate Them. *Reports of Bashkir University*, 8(3), 77–92. DOI 10.33184/dokbsu-2023.3.10. EDN SQBWVJ.
3. Wang, Yu. (2023). Ispolzovanie bezekvivalentnoy leksiki vo frazeologizmakh pri perevode tekstov s kitayskogo yazyka na russkiy yazyk = Use of Non-Equivalent Vocabulary in Phraseologisms in Translating Texts from Chinese into Russian. *Principles of the Russian World*, 2, 11–14. EDN HKUNMF.

4. Gu, Kh. Linguistic foundations of oral two-way translation: Russian - Chinese. Moscow: Valent, 128 p. ISBN 5-93439-076-7.
5. Kazakova, T. A. (2008). Teoriya i praktika perevoda = Theory and practice of translation. Textbook. St. Petersburg: Perspektiva, Soyuz, 320 p. ISBN 978-5-91413-004-3.
6. Komissarov, V. N. (2001). Sovremennoe perevodovedenie = Modern translation studies. Textbook. Moscow: ETS, 424 p. ISBN 5-93386-030-1.
7. Ma, Yanhui (2017). The problem of translating cultural load and ways to solve. *Philology and culture*, 1, 87–93.
8. Podolyaka, I. V. (2025). Osobennosti perevoda bezekvivalentnoy leksiki = Features of Translation of Non-Equivalent Lexicon. *Herald of Science*, 1(1(82)), 205–210. EDN TZQMZQ.
9. Xie, Tianzhen (1994). Fundamentals of Comparative Literary Studies and Translation Studies. Taipei: Yeqiang, 368 p.
10. Tyulenev, S. V. Teoriya perevoda / S. V. Tyulenev. — Moskva : Gardariki, 2004. — 336 s. — ISBN 5-8297-0204-5.
11. Fomichev, K. N., Savchenko, V. A. (2021). Sposoby perevoda bezekvivalentnoy leksiki v kitayskom yazyke = Methods of Translating Non-Equivalent Vocabulary in Chinese. *Language and Intercultural Communication in Modern Conditions: Coll. of Scientific Articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conf.*, 228–234. Novosibirsk. EDN LJJTOV.
12. Khaleeva, I. I. (1989). Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language Speech. Moscow: Vysshaya shkola, 280 p. EDN LBJQJN.
13. Shveytser, A. D. (1988). Teoriya perevoda: status, problema, aspekty = Translation Theory: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka, 214 p. ISBN 5-02-010882-0.
14. Shi, Hao (2016). Basic Principles of Translating Cultural Phenomena. *International Scientific Review*, 1, 112–118.
15. Yan, Dashou (2015). Methods of Translating Non-Equivalent Vocabulary in Journalistic Texts. *Journal of Oriental Studies*, 4, 78–85.
16. Bai, Yue (2018). Translation Strategies for Cultural Load in Chinese Discourse. *Journal of Foreign Languages*, 41(3), 113–126.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'373+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Пэн Сыци

Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай, 0224101516@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0000-4896-9003>

Репрезентация концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России (2004–2025): лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ

АННОТАЦИЯ. Анализ дипломатического дискурса стал одним из актуальных исследовательских направлений в связи с развитием корпусных лингвистических методов. Актуальность данной статьи обуславливается тем, что работы, посвященные концепту дипломатического дискурса «партнерство», преимущественно опираются на качественные методы. Настоящее исследование посвящено анализу того, как концепт «партнерство» репрезентируется в дипломатическом дискурсе МИДа России в 2004–2025 гг. На основе корпуса официальных выступлений министра иностранных дел проводится лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ прилагательных-модификаторов, сопровождающих лексему «партнерство». Эпитеты классифицируются по трем модусам — структурно-институциональному, ценностно-оценочному и функционально-тематическому; определяется их частотность, контекстуальные функции и диахроническая динамика. Результаты показывают, что ядро описания партнерства формируют структурно-институциональные характеристики («стратегический», «всеобъемлющий», «диалоговый»), отражающие процесс стратегизации и институционализации внешнеполитического дискурса. Ценностно-оценочные определения («равноправный», «подлинный», «взаимовыгодный») отражают вариативность риторических акцентов и используются для маркирования дипломатической тональности в различные периоды. Функционально-тематические эпитеты («экономический», «частный», «антитеррористический») маркируют конкретные сферы сотрудничества и обладают выраженной повесточной обусловленностью. Диахронический анализ выявляет устойчивое смещение смысловых приоритетов от евроцентричной модели начала 2000-х гг. к евразийской и глобальной конфигурации партнерств в 2010–2020-х гг., что проявляется в выборе эпитетов и трансформации риторической структуры дипломатического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, партнерство, дипломатический дискурс, российская дипломатия, министры иностранных дел, российские дипломаты, политические тексты, корпусная лингвистика, русский язык, лексикология русского языка, лексическая семантика, лексические единицы, лексемы, концептосфера, концепты, языковая репрезентация, лексико-семантический анализ, риторико-дискурсивный анализ, эпитеты, диахроническая динамика, внешняя политика, международные отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пэн Сыци, аспирант, Институт русского языка, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пэн, Сыци. Репрезентация концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России (2004–2025): лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ / Пэн Сыци. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 138-152.

Peng Siqi

Shanghai International Studies University, Shanghai, China, 0224101516@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0000-4896-9003>

Representation of the Concept of “partnerstvo” in the Diplomatic Discourse of the Russian Foreign Ministry (2004—2025): A Lexico-Semantic and Rhetorical-Discursive Analysis

ABSTRACT. The analysis of diplomatic discourse has become one of the relevant research areas in connection with the development of corpus linguistic methods. The relevance of this article can be attributed to the fact that the works devoted to the concept of diplomatic discourse “partnerstvo” (partnership) are mainly based on qualitative methods. This study is devoted to the analysis of how the concept of “partnerstvo” is represented in the diplomatic discourse of the Russian Ministry of Foreign Affairs in 2004-2025. Based on the corpus of official speeches by the Minister of Foreign Affairs, the article carries out a lexico-semantic and rhetorical-discursive analysis of the modifying adjectives accompanying the lexeme “partnerstvo”. The epithets are classified into three modes: structural-institutional, evaluative, and functional-thematic; their frequency, contextual functions, and diachronic dynamics are identified. The results show that the core of the partnership description is formed by the structural-institutional characteristics “strategicheskij” (strategic), “vseob'emlyushchij” (comprehensive), and “dialogovyy” (dialogic), reflecting the process of strategization and institutionalization of foreign policy discourse. The evaluative epithets “ravnopravnyy” (equal), “podlinnyy” (genuine), “vzaimovyygodnyy” (mutually beneficial) reflect the variability of rhetorical accents and are used to mark diplomatic tonality in different periods. The functional-thematic epithets “ekonomicheskij” (economic), “chastnyy” (private), “antiterroristicheskij” (anti-terrorist) mark

specific areas of cooperation and have a pronounced agenda conditionality. The diachronic analysis reveals a steady shift of semantic priorities from the Eurocentric model of the early 2000s to the Eurasian and global configuration of partnerships in the 2010s and 2020s, which is manifested in the choice of epithets and the transformation of the rhetorical structure of diplomatic discourse.

KEYWORDS: political discourse, partnership, diplomatic discourse, Russian diplomacy, Ministers of Foreign Affairs, Russian diplomats, political texts, corpus linguistics, Russian language, Russian lexicology, lexical semantics, lexical units, lexemes, conceptsphere, concepts, linguistic representation, lexico-semantic analysis, rhetoric-discursive analysis, epithets, diachronic dynamics, foreign policy, international relations.

AUTHOR'S INFORMATION: Peng Siqi, Post-Graduate Student, Institute of Russian Language, Shanghai International Studies University, Shanghai, China.

FOR CITATION: Peng Siqi. (2026). Representation of the Concept of “partnerstvo” in the Diplomatic Discourse of the Russian Foreign Ministry (2004—2025): A Lexico-Semantic and Rhetorical-Discursive Analysis. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 138-152. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В современном дипломатическом дискурсе концепт «партнерство» занимает ключевое место и служит одним из базовых средств вербализации внешнеполитических приоритетов государства. Как отмечают исследователи, «партнерство» представляет собой самое базовое, распространенное и операционно удобное состояние межгосударственных отношений; без него невозможно строить дальнейшие двусторонние отношения [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. На протяжении последних двух десятилетий эта лексема функционирует не только как элемент официальной риторики, но и как инструмент концептуализации международных отношений.

С развитием корпусных методов анализ дипломатического дискурса стал одним из актуальных направлений в международной политической лингвистике. В китайской исследовательской традиции внимание сосредоточено прежде всего на конструировании национальной идентичности [Лю Пин, Дун Гэгэ 2024] и внешнеполитического имиджа¹, на переводе и распространении дипломатического дискурса [Ху Кайбао, Ли Чань 2018; Ху Кайбао, Тянь Сюйцзюнь 2018], на диахроническом сдвиге внешнеполитических акцентов [Тянь Сюйцзюнь, Ли Сяоцян 2020; Чжао Хуэйцзюнь, Цю Нэншэн 2023], а также на стратегиях речевых актов в дипломатическом дискурсе [Чэнь Яньпин, Чэнь Цзюань 2024; Хань Дань 2021]. Корпусные исследования дипломатических концептов, как правило, сосредоточены на определенных понятиях в официальных дискурсах или медиадискурсах. Так, Фань Синсин и Чэнь Ци [Фань Синсин, Чэнь Ци 2024] анализируют дискурсивные стратегии германских СМИ в освещении РСЕР (Всестороннего региональ-

ного экономического партнерства); Чжан Цайюнь² исследует выступления министра иностранных дел России о российско-китайском партнерстве за пятилетний период; Ли Дэфэн, У Кан и Ян Цяоянь [Ли Дэфэн, У Кан 2024; Ян Цяоянь 2023] рассматривают тексты о «Поясе и пути» соответственно в филиппинском официальном дискурсе и в китайско-американских медиа.

Исследования, непосредственно посвященные концепту «партнерство», до сих пор преимущественно опираются на качественные методы. Например, Сяо Си и Ма Чэн и Чжао Цзюнь и Лю Говэй [Сяо Си, Ма Чэн 2019; Чжао Цзюнь, Лю Говэй 2022] анализируют содержание, типологию и ценностную логику «партнерства» в китайской дипломатии; Гу Вэй [Гу Вэй 2015] рассматривает концептуальные основания и практические механизмы так называемой «сетевой» модели китайско-российской партнерской дипломатии. Однако количественные корпусные исследования «партнерства» как самостоятельного дипломатического концепта пока остаются явно недостаточно разработанными, что и определяет актуальность настоящей работы.

Настоящее исследование предлагает лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ того, как в дипломатическом дискурсе МИД России (2004–2025 гг.) описывается и интерпретируется концепт «партнерство». В центре внимания находятся прилагательные-модификаторы, сопровождающие «партнерство», их частотное распределение, семантическая типология и функции в дипломатическом описании взаимодействия. Рассматриваются всего три группы прилагательных-модификаторов — структурно-институциональные, ценностно-оценочные и функционально-тематические. Анализ их соотношения, а также временной

¹ См.: 田绪军. 基于语料库的中国外交形象演变研究(1949–2018). 博士学位论文, 上海交通大学, 2020. URL: <https://doi.org/10.27307/d.cnki.gsytu.2020.000607> (дата обращения: 09.11.2025).

² См.: 张彩云. 俄罗斯外交部长拉夫罗夫讲话中的俄中伙伴关系研究——基于语料库的批评话语分析. 硕士学位论文, 大连外国语大学, 2022. URL: <https://doi.org/10.26993/d.cnki.gslgc.2022.000220> (дата обращения: 09.11.2025).

динамики высокочастотных эпитетов внутри каждой группы позволяет выявить основные семантические и риторические способы концептуализации партнерства и проследить изменение его смысловых акцентов и риторической нагрузки в разные периоды. В конечном итоге это дает возможность установить, какие характеристики партнерства выходят на первый план на различных этапах внешнеполитического развития и как трансформация международной повестки влияет на выбор языковых средств.

1. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Источники и отбор корпуса

Эмпирическую базу исследования составили официальные тексты выступлений и заявлений министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова, опубликованные в разделе «Выступления Министра» на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации за период 2004–2025 г.¹ Дипломатический дискурс — это текст, организованный вокруг опорного концепта или дискурсивного топика [Демьянков 2002]. В данном случае таким топиком выступает лексема «партнерство». Были отобраны все тексты, содержащие эту лексему в любых морфологических формах (партнерство, партнерства, партнерству и др.). Все материалы были систематизированы по годам и сгруппированы в 22 подкорпуса (2004–2025), что в совокупности составило 2037 документов (около 3,45 млн токенов, см. табл. 1).

1.2. Извлечение и анализ прилагательных-модификаторов

Все тексты были приведены к единому формату «.txt» в среде Python с использованием библиотек *pandas*, *re*, *razdel*, *stanza* и др. Процедура включала следующие этапы:

- Сегментация предложений и отбор только тех, которые содержат целевую лексему «партнерство» или ее морфологические варианты. Это позволило сократить объем данных и сфокусироваться на релевантных контекстах².

- Токенизация, лемматизация и частеречная разметка (POS-tagging), выполненные на основе модели *Stanza* (Stanford NLP) для русского языка.

- Синтаксический анализ зависимостей (dependency parsing), обеспечивший возможность выделения грамматических связей, в первую очередь отношения типа *amod*, необходимых для идентификации прилагательных-модификаторов целевой лексемы.

В результате был получен аннотированный подкорпус, включающий примерно 105 тыс. токенов релевантных контекстов, структурированных по годам, что обеспечило возможность точного статистического и лексико-семантического анализа.

1.3. Обработка прилагательных-модификаторов

На основе зависимостного анализа были извлечены все отношения типа *ADJ* → *NOUN* (*amod*), в которых прилагательные модифицируют лексему «партнерство». Для каждого года была рассчитана их частотность. Далее прилагательные были распределены по трем семантическим модусам³:

Табл. 1. Токены по годам: статистика по количеству слов в собранном корпусе

Год	Количество токенов	Год	Количество токенов	Год	Количество токенов
2004	79789	2012	157633	2020	176500
2005	130705	2013	153730	2021	203308
2006	106525	2014	205010	2022	172360
2007	126038	2015	167750	2023	167189
2008	129865	2016	165775	2024	189930
2009	137775	2017	161284	2025	191760
2010	133411	2018	165333		
2011	132565	2019	195324		

¹ На официальном сайте МИД России самый ранний доступный корпус выступлений министра относится к 2004 г.; более ранние материалы не опубликованы. Сбор данных для настоящего исследования завершён 24 октября 2025 г. Адрес сайта — https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/, дата обращения: 24.10.2025.

² Детальный анализ контекста осуществлялся с обращением к полным текстам документов, а данная процедура предварительного сокращения данных была направлена исключительно на снижение вычислительной нагрузки при последующей токенизации и синтаксической обработке.

³ Географические прилагательные (напр. «российско-китайское», «евразийское») не включены в анализ, поскольку они обозначают участников взаимодействия, а не характеристики самого концепта партнерства.

– структурно-институциональный модус — характеризует форму и уровень организации партнерства (*стратегический, всеобъемлющий, диалоговый* и др.);

– ценностно-оценочный модус — отражает субъективное восприятие, риторическую тональность и идеологическую окраску взаимодействия (*подлинный, взаимовыгодный, доверительный, прочный* и др.);

– функционально-тематический модус — обозначает сферу или область сотрудничества (*экономический, гуманитарный, анти-террористический* и др.).

Классификация была выполнена вручную с опорой на лексикографические данные и контекстуальные признаки. Для семантической верификации использовался Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова¹; окончательное распределение по категориям определялось с учетом конкретного употребления в корпусе. После категоризации данные были агрегированы для построения долевых распределений и динамических графиков.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЛИК КОНЦЕПТА «ПАРТНЕРСТВО»

Настоящий раздел посвящен выявлению семантических характеристик и дискурсивных способов репрезентации партнерства через вышеуказанные прилагательные. Для

этого анализ строится по трем выделенным модусам, каждый из которых рассматривается в динамике — как по частотным показателям, так и по контекстуальному употреблению, что позволяет проследить эволюцию дипломатического представления о партнерстве в официальных речах МИД России.

2.1. Общая динамика и структура эпитетов

Статистический анализ употреблений лексемы «партнерство» в речах министра иностранных дел России за период 2004–2025 гг. выявил выраженную неравномерность распределения прилагательных, сопровождающих данный номинатив (см. рис. 1). Наибольшую долю составляют эпитеты структурно-институционального модуса — 1867 употреблений (около 76 %). Ценностно-оценочный модус представлен 343 примерами (14 %), а функционально-тематический модус — 236 (10 %). Такое соотношение показывает, что в дипломатическом дискурсе при характеристике партнерства преимущественно актуализируются его структурные и формальные параметры, тогда как оценочно-риторические и предметные аспекты занимают подчиненное положение. Это позволяет рассматривать партнерство прежде всего как институционализированную форму международного взаимодействия.

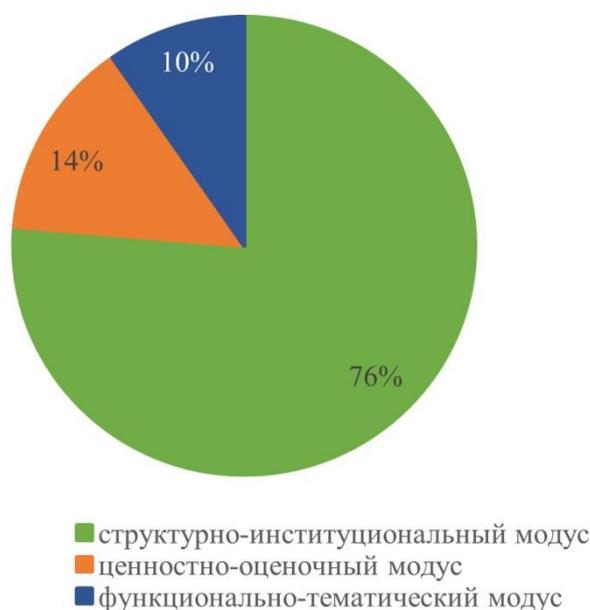

Рис. 1. Общая структура семантических эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004—2025 гг.)

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (дата обращения: 09.11.2025).

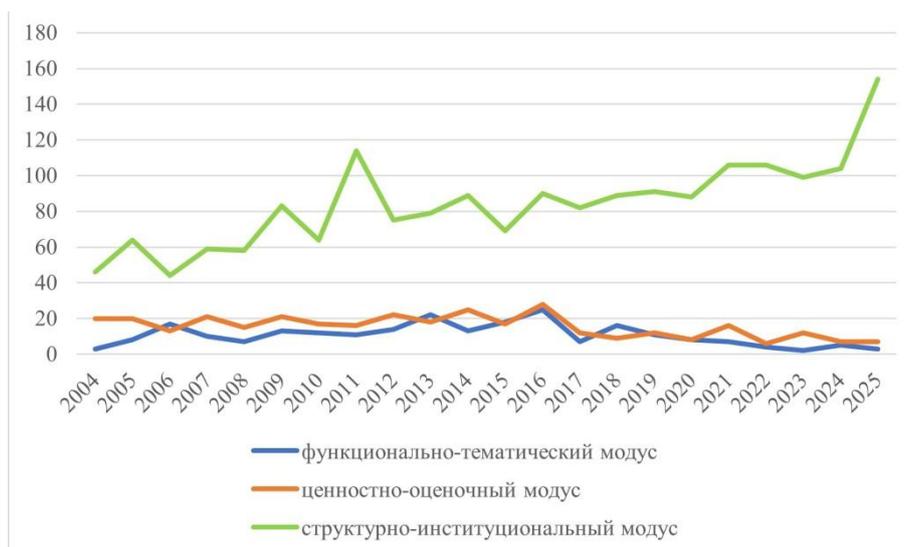

Рис. 2. Динамика эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

В диахронической перспективе (см. рис. 2) структурно-институциональный модус сохраняет устойчивое доминирование и демонстрирует общий рост. С начала 2010-х годов его частотность остается стабильно высокой и достигает максимума в 2025 г. (154 употр.), что почти втрое превышает показатель 2004 г. Подобная динамика отражает процесс институционализации и стратегизации концепта партнерства в официальной риторике. Напротив, ценностно-оценочный и функционально-тематический модусы демонстрируют умеренную волатильность и отсутствие долговременного восходящего тренда. Их относительные пики приходятся на 2010–2016 гг., после чего фиксируется устойчивое снижение. Такой переход, по-видимому, коррелирует с трансформацией внешнеполитического дискурса России после 2014 года. Как отмечают исследователи, именно в этот период усиливается ориентация российской внешней политики на институционализированные многосторонние форматы и долгосрочные евразийские инициативы [Неймарк 2023; Новиков 2018]. Таким образом, перераспределение частотности между тремя модусами отражает смещение дискурсивного центра тяжести в сторону форматов, подчеркивающих стратегическую направленность и институциональную рамочность партнерства.

На этом фоне становится особенно важным рассмотреть внутреннюю структуру каждого из модусов, их ведущие эпитеты и характерные контекстуальные функции, что и составляет предмет анализа последующих подразделов.

2.2. Структурно-институциональный модус: распределение и динамика

В структурно-институциональном модусе фиксируется ярко выраженная частотная концентрация (см. рис. 3): при широком спектре употребленных эпитетов высокочастотное ядро формируют лишь несколько лексем. Абсолютным доминантом выступает «стратегический» (1211 употр.; 65 %), значительно опережающий такие определения, как «всеобъемлющий» (7 %), «диалоговый» (6 %) и «привилегированный» (4 %). Это указывает на то, что партнерство в речах министра иностранных дел преимущественно конструируется как стратегически ориентированная и институционально закрепленная форма взаимодействия. «Всеобъемлющий», «диалоговый», «многоплановый» — менее частотные, но семантически значимые эпитеты — акцентируют многоуровневость и сбалансированность сотрудничества, подчеркивая открытость коммуникационных каналов, что соответствует общей тенденции к описанию партнерства как системы многостороннего взаимодействия.

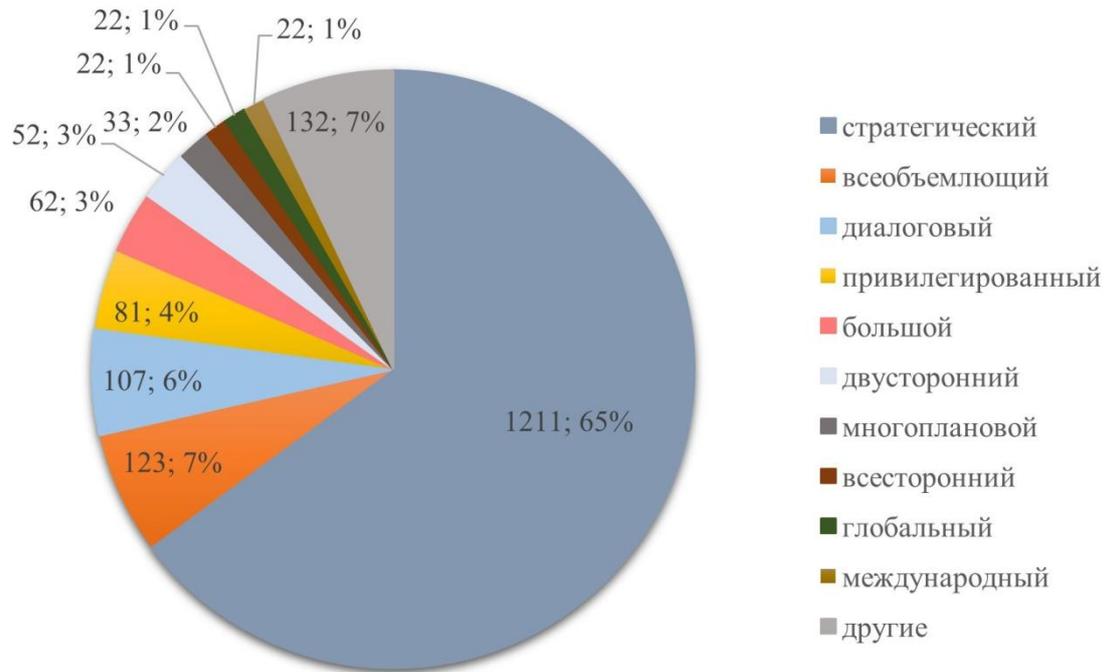

Рис. 3. Структурно-институциональный модус: частотность ключевых эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)¹

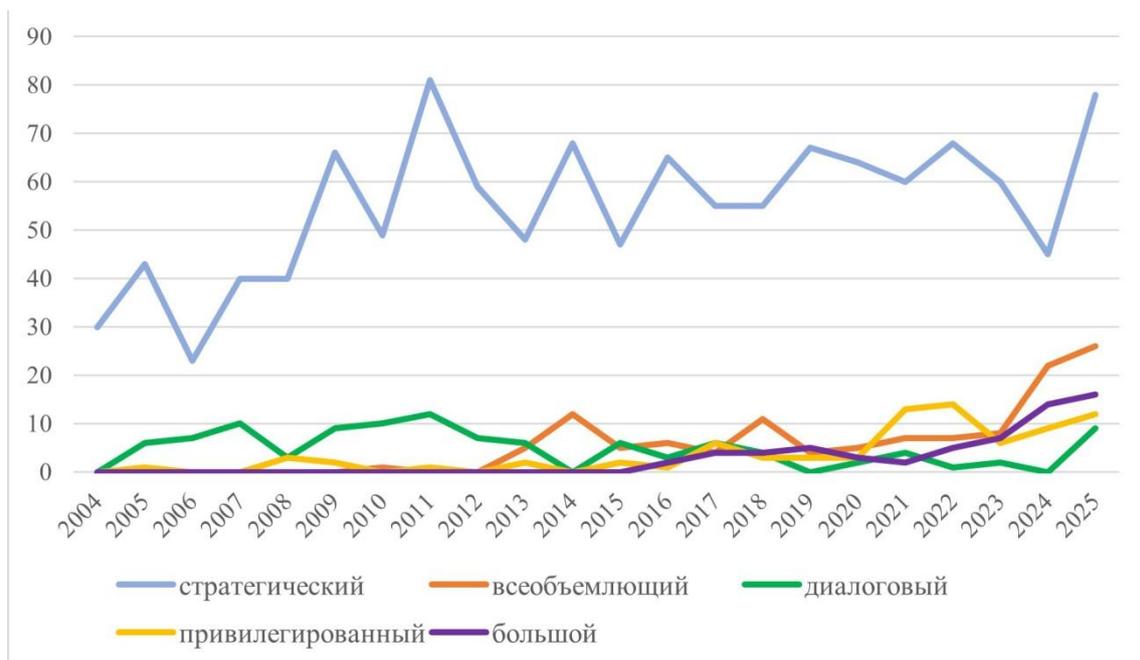

Рис. 4. Динамика частотности ведущих структурных эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

¹ Диаграмма демонстрирует долю наиболее частотных прилагательных, остальные объединены в категорию «другие».

На диахроническом уровне эпитет «стратегический» демонстрирует отчетливую динамику смещения внешнеполитических акцентов (см. рис. 4). В 2000-е годы он преимущественно соотносится со взаимодействием России и Европейского союза, где выражения типа «Никакие осложнения при этом не могут заставить нас свернуть с пути подлинного стратегического партнерства» (2004, 28 апреля) и «Россия сама развивает теснейшее стратегическое партнерство с ЕС» (2010, 27 октября) обозначают попытку России институционализировать сотрудничество с западными странами. Поэтому «стратегичность» в этот период выполняет прежде всего функцию характеристики формализованных механизмов диалога с Западом. В начале 2010-х годов наблюдается расширение спектра адресатов: наряду с ЕС эпитет все чаще применяется в контексте отношений с Китаем и Индией, что проявляется в формулировках «Визит зафиксировал новое качество российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия» (2012, 6 июня) и «Мы удвоены поступательным развитием многопланового российско-индийского привилегированного стратегического партнерства» (2011, 17 ноября). После 2014 года, на фоне ограничения сотрудничества с Западом, «стратегический» почти полностью переориентируется на страны Глобального Юга — прежде всего Китай, Индию, а также государства Азии, Африки и Латинской Америки. При упоминании партнерских отношений с Европейским союзом контекст, как правило, носит критико-обвинительный характер, подчеркивая пассивную позицию ЕС в вопросе восстановления двусторонних отношений, например: «Пока ЕС как организация не готов восстанавливать все механизмы нашего стратегического партнерства, а у нас были саммиты дважды в год» (2019, 21 апреля). Понятие «стратегическое партнерство» было введено в дипломатический лексикон Советского Союза в конце 1980-х гг. для обозначения формирующейся после окончания холодной войны атмосферы доброжелательности в отношениях между Москвой и Вашингтоном [Priyandita 2019]. Данное понятие рассматривается как инструмент корректировки глубокого дисбаланса международных отношений, а также как дипломатический механизм реагирования на общие вызовы и использования возможностей для сотрудничества; по своей природе оно представляет собой форму активного и конструктивного внешнеполитического поведения [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. Wilkins, один из наиболее авторитет-

ных исследователей данной концепции, подчеркивает, что подлинное «стратегическое партнерство» формируется из двух взаимодополняющих уровней: верхнего (superstructure) — в виде сотрудничества в сфере безопасности и базового (substructure) — в виде экономического и идеолого-политического взаимодействия [Wilkins 2018]. Рост частотности употребления термина «стратегическое партнерство» в российском внешнеполитическом дискурсе отражает стремление России к формированию предсказуемой международной среды мира и развития, а также к продвижению взаимовыгодного сотрудничества и экономического роста.

Эпитет «всеобъемлющий», занимающий второе место по частотности, преимущественно функционирует в составе устойчивых сочетаний типа «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие» или «всеобъемлющее стратегическое партнерство». Анализ материалов показывает, что в середине 2000-х годов данное определение впервые активно используется в отношении сотрудничества России с АСЕАН, в том числе в официальных документах формата «Совместная декларация о развитии и всеобъемлющем партнерстве», где акцент делается на институциональной проработке взаимодействия — от проектов и программ до механизмов реализации. Эта тенденция получила дальнейшее подтверждение в последующем развитии двусторонних отношений: «В 2018 г. оно (партнерство) вышло на стратегический уровень... сегодня наши отношения фактически находятся на уровне всеобъемлющего стратегического партнерства» (2022, 4 августа). Начиная с конца 2010-х годов выражение «всеобъемлющее партнерство» все более прочно закрепляется за российско-китайскими отношениями. В многочисленных двусторонних переговорах и итоговых заявлениях отношения России и Китая характеризуются как «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие», что трактуется как «ключевой приоритет российской внешней политики» (2018, 23 апреля). Параллельно в этот период появляются договорные формулировки в отношении ряда других государств. Например, Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с КНДР «осуществляется на практике на благо народов стран, стабильности в Северо-Восточной Азии и на евразийском континенте в целом» (2024, 1 ноября). Согласно существующим научным подходам, выражение «всеобъемлющее стратегическое партнерство» рассматривается как более высокий уровень по

сравнению с традиционным «стратегическим партнерством». Оно предполагает расширение сфер взаимодействия, повышение качества и институциональной глубины сотрудничества, а также придание ему долгосрочного и планового характера. Чем шире и глубже сотрудничество, тем выше степень переплетения интересов и интенсивность соперничества, а следовательно, тем значительнее возникающие трудности и вызовы [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. Активное формирование Россией новых направлений всеобъемлющего стратегического партнерства свидетельствует о стремлении исходить из рациональных позиций и долгосрочного видения при оценке возможных проблем и вызовов, а также о готовности конструктивно и ответственно управлять разногласиями и регулировать возникающие противоречия.

Употребление эпитета «привилегированный» концентрируется на обозначении «приоритетных партнеров» России в сфере внешних связей. В диахронической перспективе данное определение в ранний период встречается в контексте российско-французских отношений, где подчеркнута, что стороны «настроены на дальнейшее углубление взаимодействия по всем главным вопросам глобальной и региональной безопасности» (2008, 12 марта). Однако с 2010-х годов центр его применения заметно смещается в сторону российско-индийского трека, в рамках которого эпитет получает институционально закрепленный характер: в официальной риторике неоднократно подчеркивается, что отношения между Россией и Индией прошли последовательные этапы — от стратегического партнерства к привилегированному стратегическому партнерству, и далее к особо привилегированному стратегическому партнерству (2025, 28 сентября). Постоянное повышение статуса партнерства свидетельствует о всестороннем, многоуровневом и институционализированном характере российско-индийского партнерства. Одновременно после 2020 года наблюдается расширение круга применения выражения «привилегированное партнерство» на другие геополитические направления. В отношениях с Анголой оно используется для обозначения приоритетного сотрудничества, опирающегося на общую антиколониальную историческую память и долговременную политическую поддержку (2021, 13 октября); в диалоге со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива оно отражает стремления придать взаимодействию с государствами региона более высокий статус (2025, 11

сентября); в российско-казахстанских отношениях оно используется в сочетании с понятиями «союзничество» и «интеграционное взаимодействие», акцентируя особую плотность связей в евразийском пространстве (2025, 22 октября). Диахроническое расширение эпитета фиксирует стремление России в условиях формирующегося многополярного мира осуществлять дифференциацию ключевых партнеров.

Эпитеты «диалоговый» и «большой» функционируют преимущественно в составе устойчивых словосочетаний, что придает их употреблению узкую и институционально закрепленную направленность. Эпитет «диалоговый» практически полностью ограничен сочетанием «диалоговое партнерство Россия — АСЕАН». Контексты его употребления в выступлениях министра иностранных дел демонстрируют, что с момента официального установления данного формата в 1996 г. отношения между Россией и АСЕАН прошли поступательную эволюцию: от политического диалога — к институциональному оформлению, а затем — к стратегизации и многоаспектной координации. Прилагательное «большой» употребляется почти исключительно в составе выражения «Большое Евразийское партнерство». В речах С. В. Лаврова прослеживается, что с момента выдвижения концепции в 2016 г. «Большое Евразийское партнерство» прошло этап расширения рамочного пространства: «...развивающиеся через установление тесных связей между различными интеграционными объединениями... это и ЕАЭС, СНГ, АСЕАН, ШОС и ряд других интеграционных структур» (2025, 29 июня). На основе акцентов на «гармонизации различных интеграционных проектов на континенте» (2023, 27 ноября) инициатива рассматривается как «социально-экономический фундамент усилий по созданию в Евразии архитектуры равной и неделимой безопасности» (2025, 29 июня). В этой позиции «большой» выступает элементом фиксированного названия и служит указанием на межрегиональный характер инициативы, а не описательным определением собственно партнерства.

В структурно-институциональном модусе «партнерство» последовательно конструируется как формализованная и стратегически ориентированная модель взаимодействия, в которой доминирует эпитет «стратегический». Его динамика отражает смещение внешнеполитических акцентов: от попыток институционализировать диалог с ЕС в 2000-е годы — к укреплению связей с Китаем, Индией и другими государствами Глобального Юга после 2014 года. Реже упо-

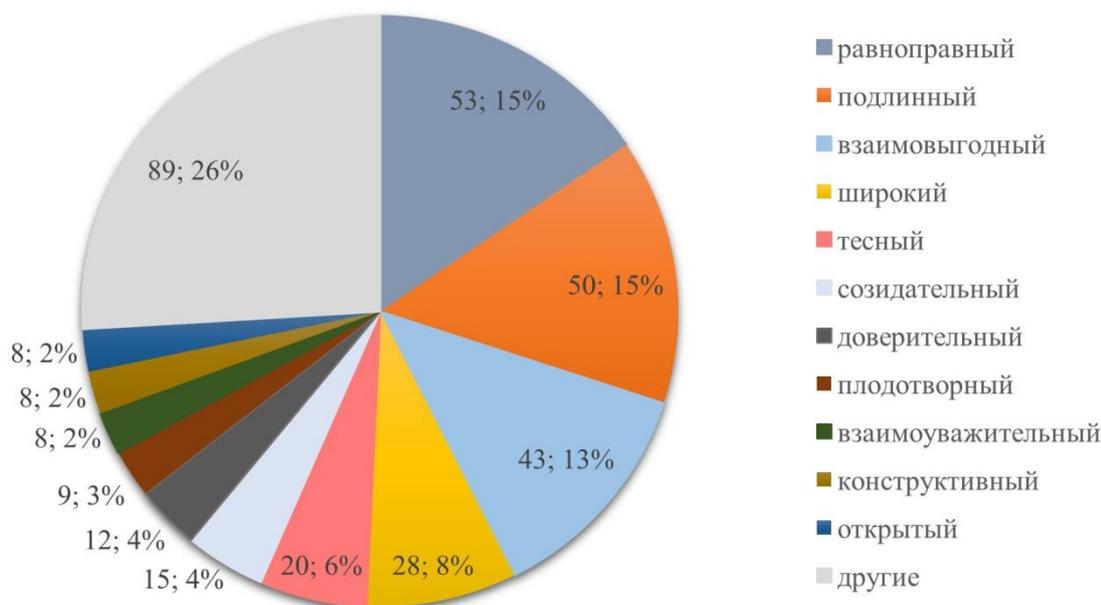

Рис. 5. Ценностно-оценочный модус: частотность ключевых эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004—2025 гг.)

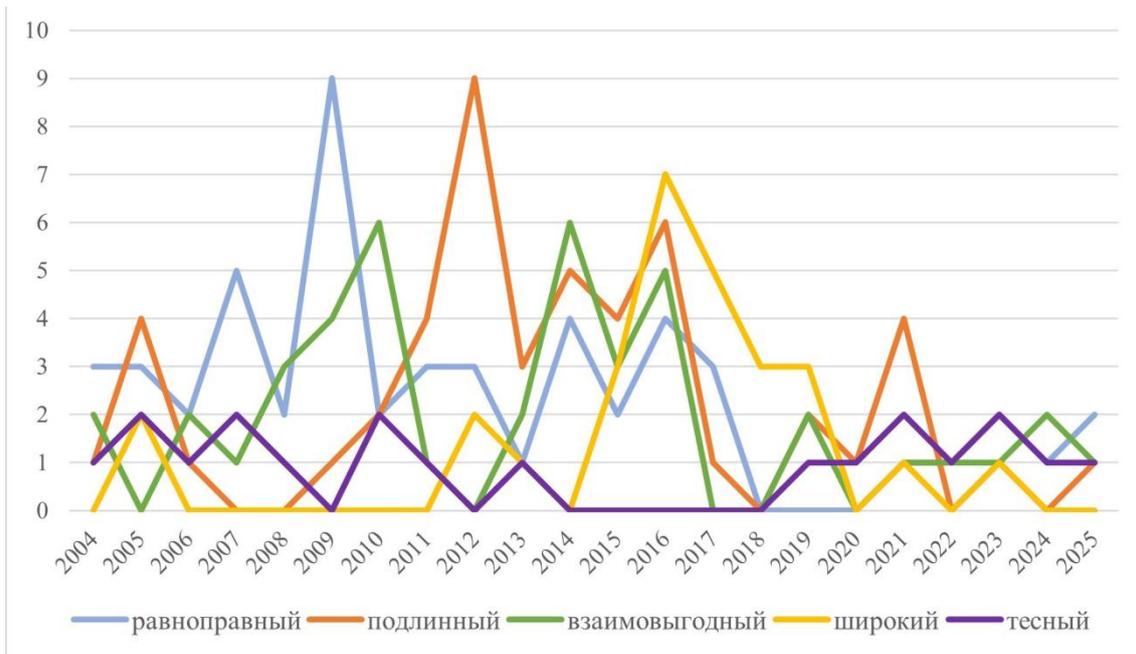
требляемые определения — «всеобъемлющий», «диалоговый» и «привилегированный» — фиксируются в четких институциональных форматах (АСЕАН, российско-китайские отношения, российско-индийское взаимодействие) и обозначают расширение сферы сотрудничества и усложнение механизмов координации.

2.3. Ценностно-оценочный модус: распределение и динамика

В рамках ценностно-оценочного модуса зафиксировано значительно большее лексическое разнообразие по сравнению со структурным (см. рис. 5), хотя общее количество употреблений заметно меньше. Наибольшую частотность демонстрируют прилагательные «равноправный» (53 употр.; 15 %) и «подлинный» (50 употр.; 15 %), за которыми следуют «взаимовыгодный» (43 употр.; 13 %) и «широкий» (28 употр.; 8 %). Менее частотные, но показательные эпитеты — «тесный», «конструктивный», «взаимоуважительный», «доверительный» — отражают позитивную оценочность, связанную с идеями доверия, сотрудничества и взаимного уважения.

В диахронической перспективе (см. рис. 6) частотность употребления эпитетов «равноправный» и «взаимовыгодный» постепенно возрастала с середины 2000-х годов, достигнув пика в 2008–2016 гг. На ранних этапах прилагательное «равноправный» в качестве одного из базовых принципов российской внешней политики преимущественно использовалось в контекстах взаимодей-

ствия с Европейским союзом, Азией и соседними странами, акцентируя равный статус России в многосторонних форматах и ее самостоятельную субъектность. Одновременно эпитет «взаимовыгодный» отражал прагматическую логику партнерства — стремление к симметрии интересов и балансу выгод, например, с арабскими странами, Грецией, Японией и т. д. Около 2009 г. частотность их совместного употребления заметно возросла, что было непосредственно связано с процессом перезагрузки российско-американских отношений. Министр отметил, что новоизбранный президент США Б. Обама имеет возможность «перенаправить российско-американское сотрудничество на качественно новый трек, воспользоваться возможностями, которые открываются в плане развития взаимовыгодного равноправного партнерства» (2009, 1 апреля), что отражает ожидаательно-позитивный характер риторики, а не опору на уже сложившуюся практику. Кроме того, подчеркивалось, что в сфере антитеррористической и общей безопасности у отношений между Россией и Европейским союзом необходимо «укреплять нормативную базу и разработать соответствующий документ, который обеспечивал бы взаимовыгодное равноправное партнерство» (2009, 12 февраля). В 2014–2016 гг. прилагательные «взаимовыгодный» и «равноправный» демонстрируют отчетливый рост употребления, формируя вторую по значимости частотную вершину. В этот период «взаимовыгодный» преимуществен-

но относится к экономической взаимосвя-

лишь как сотрудничество, но не как партнер-

Рис. 6. Динамика частотности ведущих ценностных эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

занности с европейскими партнерами, такими как Финляндия и Греция, а также с государствами Африки и Латинской Америки. Подчеркивается практическая значимость такого взаимодействия для социально-экономического развития, что ярко отражено в заявлении 2014 г. о Финляндии: «...наши отношения касаются взаимовыгодного партнерства, реализации совместных проектов, которые создают новые рабочие места и повышают благосостояние наших граждан» (2014, 10 июня). Одновременно прилагательное «равноправный» используется в основном для характеристики высокоуровневого политического доверия с ключевыми стратегическими партнерами, акцентируя доверительную основу и стратегическую координацию такого взаимодействия. Особенно показательна оценка российско-китайских отношений, данная в 2015 г.: «...ценности равноправного взаимоуважительного партнерства ...именно на этой философии базируются российско-китайские связи... в их основе — чувства искренней дружбы и симпатии наших народов, глубокое взаимное уважение и доверие, учет ключевых интересов друг друга, заинтересованность в процветании наших стран» (2015, 24 августа).

Эпитет «подлинный» выполняет функцию морально-оценочного усилителя и маркера политического доверия. Как отмечают исследователи, отношения при отсутствии базового доверия могут рассматриваться

ство [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. В 2000-х годах это определение преимущественно употреблялось в контексте российско-европейских и российско-японских отношений, где обозначало конструктивное и искреннее стремление к сотрудничеству. После 2012 г. сочетание «подлинное партнерство» все чаще употребляется вместе с прилагательным «стратегическое», что указывает на семантический переход от акцента на искренность к указанию на глубину взаимосвязей. Так, подчеркивалось, что «выход на уровень подлинного стратегического партнерства между Россией и Евросоюзом отвечал бы как императивам инновационного развития нашей страны, так и остро стоящим перед Евросоюзом задачам преодоления кризисного этапа» (2012, 10 октября). После 2014 г. в контекстах взаимодействия России с Китаем, Индией, а также странами Латинской Америки и Африки сочетание «подлинное партнерство» становится ключевым элементом внешнеполитического дискурса, обозначающим равноправное, неимперативное сотрудничество между незападными государствами, например: «...в духе подлинного стратегического партнерства развиваются отношения с Венесуэлой, Кубой, Никарагуа и Боливией» (2023, 3 февраля).

Прилагательное «широкий» проявляет последовательный сдвиг от декларативной открытости к обозначению конкретных ин-

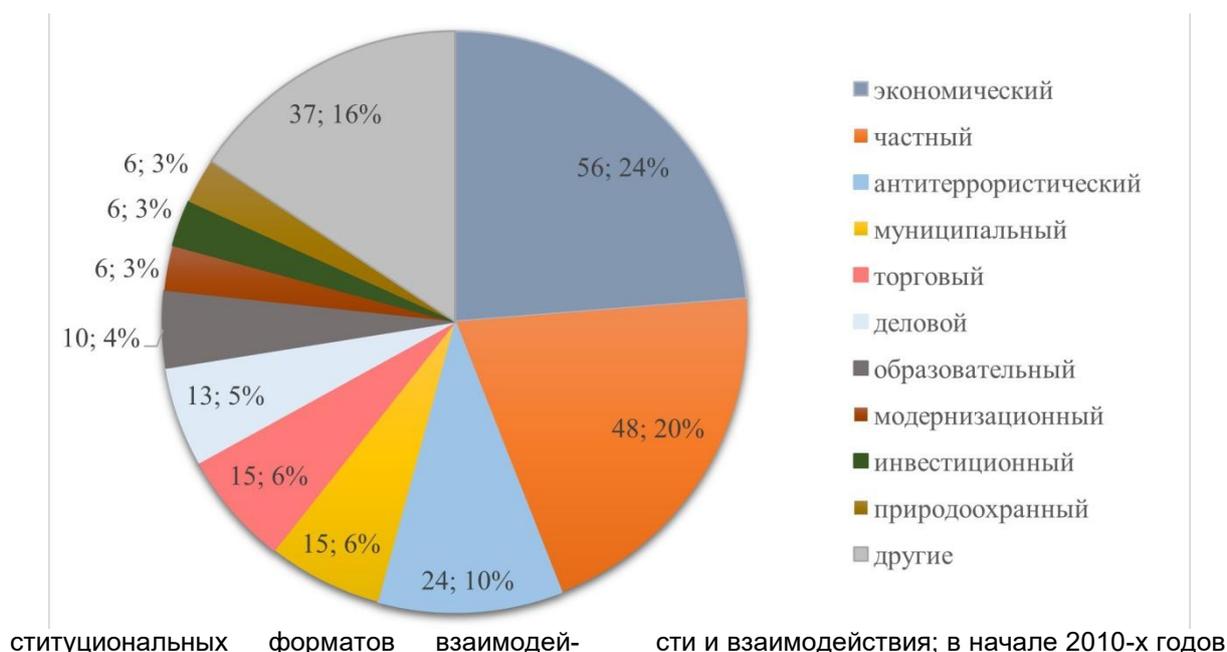

Рис. 7. Функционально-тематический модус: частотность ключевых эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

ствия. В середине 2000-х годов выражения типа «самое широкое партнерство» фиксируются в контекстах развития отношений с Польшей и европейскими государствами; в 2012 г. «широкое партнерство» характеризуется как фактор стабильности на Каспии и в Закавказье; с 2015–2016 гг. эпитет устойчиво связывается с евразийской интеграционной повесткой — «широкое экономическое партнерство», взаимодействие по линии ЕАЭС — ШОС — АСЕАН «с более демократичных позиций: никакие ограничения на подключение к этому процессу сейчас не выдвигаются» (2016, 31 мая). В этих контекстах он маркирует трансрегиональный характер инициатив и принцип их открытости. В отношениях с Западом «широкий» получает нормативный оттенок: отмечается, что стремление России к «широкому партнерству» не было поддержано, что формирует оппозицию между инклюзивными моделями сотрудничества и закрытой блоковой логикой: «...к сожалению, наше искреннее стремление наладить широкое партнерство (а мы действительно искренне стремились к этому), наше желание сделать его подлинно стратегическим не получило должной поддержки со стороны государств Запад» (2016, 8 ноября).

Употребление эпитета «тесный» демонстрирует относительную стабильность. В ранних годах он преимущественно используется для характеристики российско-европейских отношений, подчеркивая максимально возможную степень согласованно-

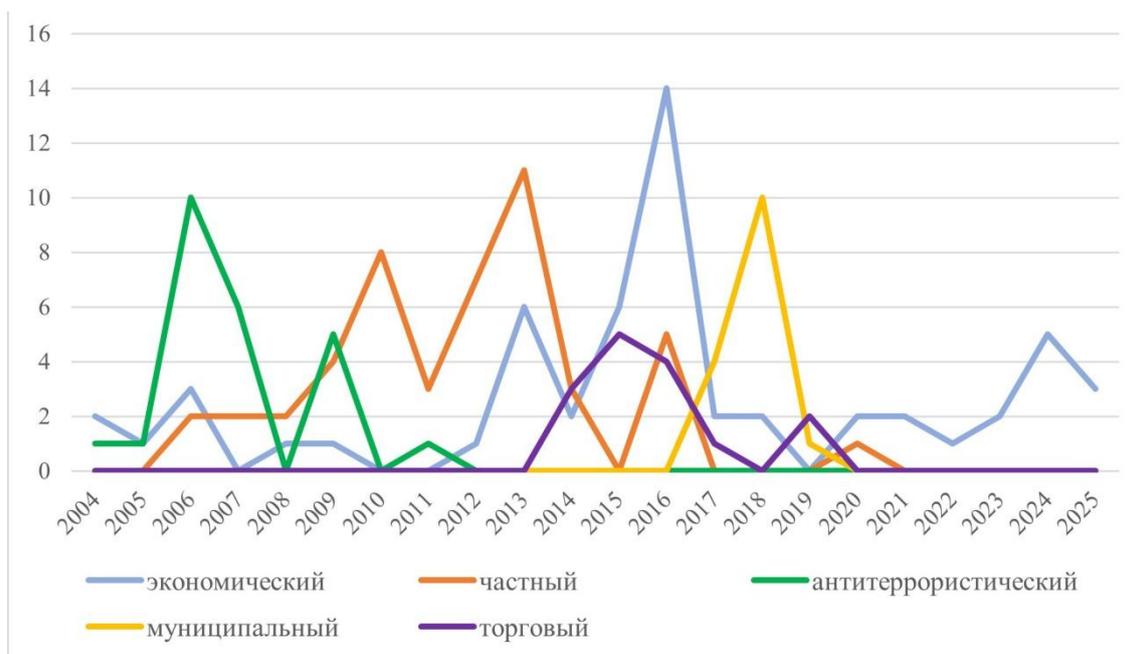
данный эпитет все чаще появляется в описании контактов России с США, где акцентируется высокий потенциал сотрудничества и отсутствие конфронтационной логики: в 2013 г. С. В. Лавров определяет диалог с американскими коллегами как «самое тесное партнерство» (2013, 10 августа). Начиная с 2019 г., выражение «тесного партнерства» заметно смещается в евразийскую плоскость: сотрудничество России и Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» описывается как «самое тесное партнерство», аналогичные формулы применяются к ЕАЭС и ряду государств СНГ (2019, 21 февраля).

В целом динамика ценностных эпитетов показывает, что «партнерство» используется как средство политической переориентации: оно объединяет идеи равноправия, взаимной выгоды и доверительного сотрудничества и тем самым фиксирует переход российской дипломатии от западнцентричных моделей к широким, многоаспектным форматам взаимодействия с государствами Глобального Юга и Востока.

2.4. Функционально-тематический модус: распределение и динамика

В корпусе данного исследования прилагательные функционально-тематического модуса представлены сравнительно ограниченно (около 10 % от общего числа), однако их семантическое распределение полно отражает внешние границы и политическую направленность концепта «партнерство» во внешнеполитическом дискурсе России.

По сводной диаграмме (см. рис. 7) вид-

но, что основную долю составляют «эконо-

Москве. В выступлениях Лаврова за 2006–

Рис. 8. Динамика частотности ведущих функционально-тематических эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

мический» и «частный», на которые приходится соответственно 24 % и 20 % всех модификаторов данного типа; далее следуют «антитеррористический» (10 %), «муниципальный» и «торговый» (примерно по 6 % каждый); остальные — «образовательный», «деловой», «природоохранный» и др. — встречаются значительно реже. Такое соотношение показывает, что прилагательные функционально-тематической группы концентрируются преимущественно в трех сферах: экономического взаимодействия, безопасности и социального сотрудничества.

Динамика по годам (см. рис. 8) демонстрирует выраженные фазовые всплески, которые тесно коррелируют с конкретными дипломатическими повестками. В 2000-е годы наиболее показательным атрибутом данной группы эпитетов стало слово «антитеррористический», чья частотность достигла пика в 2006–2007 гг. и практически исчезла из выступлений после 2010 г. Высокая интенсивность употребления в 2006–2007 гг. была напрямую связана с председательством России в «Группе восьми» и выдвижением инициативы государственно-частного антитеррористического партнерства. Эта инициатива, представленная на саммите G8 в Санкт-Петербурге и впоследствии институционализированная в форме Международной стратегии партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму, получила широкую поддержку и была окончательно утверждена на Глобальном форуме в

2007 г. последовательно акцентируется роль России как инициатора и координатора международных мер против терроризма: «...выдвинутая Россией в прошлом году в рамках председательства в „Группе восьми“ и поддержанная другими странами „восьмерки“ международная инициатива укрепления государственного и частного антитеррористического партнерства развивается, набирает обороты и привлекает новых сторонников» (2007, 22 ноября).

В 2010–2013 гг. прилагательное «частный» демонстрирует выраженный пик употребления в контекстах «партнерства», практически полностью ограничиваясь устойчивой конструкцией «государственно-частное партнерство (ГЧП)». Корпусные данные показывают, что выступления министра иностранных дел в этот период сосредоточены преимущественно на вопросах сотрудничества в Балтийском регионе, конкретно это пилотные проекты в Санкт-Петербурге, Калининграде, Литве, Швеции в сферах инноваций, охраны окружающей среды (вопрос утечки кислоты и переработки твердых отходов) и развития инфраструктуры (геологоразведки, бурения на воде и т. д.). Среди таких примеров «Санкт-Петербургская инициатива» рассматривается как первый успешный образец международного государственно-частного партнерства, направленного на улучшение экологического состояния Балтики. Лавров подчеркивает, что выдвинутая российской стороной

инициатива нацелена на «создание региональной сети, объединяющей деловое и научное сообщества, развитие приграничного сотрудничества и общественного мониторинга выполнения решений по защите экологии Балтики» (2013, 6 июня).

В 2015–2016-е годы прилагательное «экономический» закрепляется как один из ключевых функциональных маркеров концепта партнерства. Рост его частотности тесно связан с запуском и продвижением инициативы Евразийского экономического партнерства, озвученной Президентом В. В. Путиным на саммите «Россия — АСЕАН» в Сочи. В выступлениях С. В. Лаврова многократно подчеркнута, что эта инициатива характеризуется как проект, объединяющий ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, «охватывающий почти треть мировой экономики и опирающийся на принципы равноправия и взаимного учета интересов» (2016, 14 апреля). Контексты употребления слова «экономический» подчеркивают стремление Москвы формировать трансрегиональное пространство «открытой» кооперации, противопоставляемое Транстихоокеанскому партнерству, которое Лавров характеризует как «закрытый блок», ограниченный для внешних участников (2016, 2 сентября).

В 2017–2019 г. прилагательное «муниципальный» практически полностью связано с проектом «перекрестного» Года регионально-муниципальных партнерств Россия — Германия, который, как форма гражданской дипломатии, был официально объявлен на фоне ухудшения политического диалога между Москвой и Берлином после 2014 г. В речах С. В. Лаврова этот формат позволяет поддерживать взаимосвязи снизу вверх вне зависимости от политических разногласий: «...общественной дипломатии, сотрудничеству по линии регионов принадлежит особая роль в деле укрепления фундамента межгосударственных связей, поддержания доверия и взаимопонимания между народами». Таким образом лексема «муниципальный» подчеркивает переход партнерства из сферы межправительственного взаимодействия в плоскость горизонтальных связей между регионами и городами.

Прилагательное «торговый» в 2014–2019 г. употреблялось преимущественно в критическом дискурсе, фиксируясь в выражениях «Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство» и «Транстихоокеанское партнерство», выдвинутых Соединенными Штатами. В выступлениях министра эти форматы неоднократно характеризовались как «закрытые интеграционные блоки», «закрытые региональные торгово-интеграционные структуры» и «закрытые площадки», что

отражает озабоченность их негативными последствиями: «...инициаторы могут вольно или невольно вести дело к тому, чтобы универсальные принципы ВТО обесценивались» (2015, 20 мая). Подчеркивалось также стремление США «экономически оторвать Европу от России и выторговать себе максимально благоприятные условия» (2014, 13 сентября). В последующие годы, упоминая эти инициативы, министр подчеркивал, что они фактически «рассыпались», тогда как Большой Евразийский проект принципиально отличается от них по своей идеологии и логике открытости.

В целом распределение и динамика прилагательных функционально-тематического модуса имеют повосточно-детерминированный, фазовый характер: в разные периоды высокочастотные эпитеты тесно соотносятся с конкретными инициативами и механизмами, что свидетельствует о повторной контекстуализации концепта «партнерство» и его параллельном функционировании в нескольких тематических сферах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование позволило выявить ключевые механизмы репрезентации концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России за 2004–2025 г. Анализ эпитетов-модификаторов продемонстрировал многослойный характер описаний партнерства, отражающий институциональные приоритеты внешней политики, ее риторические акценты и тематическую динамику. Как отмечают Ван Шимин и Ши Чжицюань (2025), разнообразные формулы «партнерства» фиксируют различия в сфере взаимодействия, уровне сотрудничества и степени взаимного доверия. Появление множества таких определений указывает на то, что после окончания холодной войны, а особенно в XXI в., международные отношения приобрели все более комплексный характер: государства, исходя из собственных преимуществ и специфики, используют различные дипломатические инструменты для защиты национальных интересов и укрепления своего международного статуса и влияния. В материалах данного исследования это проявляется в том, что описания «партнерства» в выступлениях министра иностранных дел России обладают следующими характерными особенностями: структурно-институциональный модус на протяжении всего периода сохраняет устойчивое доминирование, что подтверждает тенденцию к стратегизации и институционализации концепта в официальной риторике. Эпитет «стратегический» формирует его смысловое

ядро, фиксируя переход от евроцентричной повестки 2000-х годов к углублению взаимодействия с Китаем, Индией и государствами Глобального Юга после 2014 г. Ценностно-оценочный модус демонстрирует собственную внутреннюю эволюцию: эпитеты «равноправный», «взаимовыгодный» и «подлинный» обозначают три ключевых направления — равенство, взаимность и доверие — и отражают смещение от риторики симметричного сотрудничества к формированию альтернативных норм взаимодействия в условиях многополярности. Функционально-тематический модус носит повосточно-детерминированный характер: эпитеты «экономический», «антитеррористический», «муниципальный», «торговый» тесно связаны с конкретными внешнеполитическими инициативами (председательство в G8, регионально-муниципальные проекты с Германией, формирование Большого Евразийского партнерства и др.), что показывает гибкость тематической рамки партнерства и ее способность адаптироваться к актуальным задачам дипломатической практики. В целом диахронический анализ эпитетов выявил постепенное смещение дискурсивного центра тяжести от ценностных и тематических характеристик в 2000 — начале 2010-х годов в сторону структурных — подчеркивающих устойчивость, стратегичность и институциональную оформленность взаимодействия.

Несмотря на широкую временную перспективу и системность проведенного анализа, настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, корпус включает только материалы МИД России и не охватывает президентские выступления или правительственные документы, что частично сужает возможности наблюдения за более широким государственным внешнеполитическим дискурсом. Во-вторых, проанализированная группа модификаторов включает только качественные прилагательные, непосредственно характеризующие «партнерство», тогда как атрибуты, обозначающие конкретные страны, регионы или международные организации, были намеренно исключены, чтобы сфокусировать внимание на семантических свойствах самого концепта. Такой подход обеспечивает чистоту лексико-семантического анализа, но оставляет вне поля зрения важный аспект — географическое распределение партнерства и типологию его адресатов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Прежде всего, возможно проведение диахронического анализа страновых, региональных и институциональных атрибутов партнерства с

целью выявления его геополитической конфигурации и динамики. Кроме того, представляется целесообразным расширить корпус за счет президентских речей, стратегических документов и материалов многосторонних площадок, что позволит реконструировать более полную картину российского внешнеполитического дискурса. Наконец, сравнение лексико-семантических особенностей концепта «партнерство» с другими ключевыми внешнеполитическими понятиями — такими как «сотрудничество», «взаимодействие», «координация» — может способствовать более точному определению места партнерства в общей семантической системе дипломатического языка России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 32–43. — EDN YZAJBR.
2. Неймарк, М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России / М. А. Неймарк. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2023. — 145 с. — ISBN 978-5-392-39573-6.
3. Новиков, Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России / Д. П. Новиков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2018. — № 13 (3). — С. 82–96. — EDN ZMUVNY.
4. 刘苹, 董格格. 中美外交部门新闻发布会的中国形象建构比较研究——基于语料库的批评话语分析 / 新闻与传播评论, 2024, 77(2): 106–118. = Лю Пин. Сравнительное исследование конструирования образа Китая в пресс-брифингах дипломатических ведомств КНР и США: корпусно-ориентированный критический дискурс-анализ / Лю Пин, Дун Гэгэ // Обзор журналистики и коммуникаций. — 2024. — № 77(2). — С. 106–118.
5. 李德凤, 吴侃. 基于语料库的区域国别研究——以“一带一路”中美主流媒体报道主题建模分析为例 / 外语电化教学, 2024, 218(4): 10–17+24. = Ли Дэфэн. Корпусное регионоведение: тематическое моделирование освещения «Пояса и пути» в китайских и американских СМИ / Ли Дэфэн, У Кан // Электронное обучение иностранным языкам. — 2024. — № 218 (4). — С. 10–17+24.
6. 杨巧燕. 菲律宾官方对中国“一带一路”倡议的认知及变化: 基于语料库的话语分析(2013–2022) / 南洋问题研究, 2023, 195(3): 31–48. = Ян Цяоянь. Восприятие Филиппинами инициативы «Пояс и путь» и его изменения: корпусный дискурс-анализ (2013–2022) / Ян Цяоянь // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. — 2023. — № 195(3). — С. 31–48.
7. 樊星星, 陈琦. 冲突化视域下德媒关于 RCEP 报道的辩题策略研究 / 上海理工大学学报 (社会科学版), 2024, 46(3): 226–232. = Фань Синсин. Стратегии аргументации в освещении RCEP немецкими СМИ в конфликтной рамке / Фань Синсин, Чэнь Ци // Журнал Шанхайского университета технологий (общественные науки). — 2024. — № 46 (3). — С. 226–232.
8. 汪诗明, 石稚瑄. 国际关系中的“伙伴关系”及其衍生概念解析 / 社会科学战线, 2025, 5: 94–104+282. = Ван Шимин. Концепт «партнёрство» и его производные категории в международных отношениях / Ван Шимин, Ши Чжисюань // Фронт социальных наук. — 2025. — № 5. — С. 94–104+282.
9. 田绪军, 李晓倩. 基于语料库的中国外交话语主题词演变研究 / 中国外语, 2020, 17(2): 16–25. = Тянь Сюйцзюнь. Эволюция ключевых слов китайского дипломатического дискурса: корпусное исследование / Тянь Сюйцзюнь, Ли Сюянь // Иностранные языки в Китае. — 2020. — № 17(2). — С. 16–25.
10. 肖晞, 马程. 中国伙伴关系: 内涵、布局与战略管理 /

国际观察, 2019, 2: 72–88. = Сяо Си. Китайская политика партнёрств: содержание, структура и стратегическое управление / Сяо Си, Ма Чэн // Международное обозрение. — 2019. — № 2. — С. 72–88.

11. 胡开宝, 李婵. 中国特色大国外交话语的翻译与传播研究: 内涵、方法与意义 / 中国翻译, 2018, 39(4): 5–12+129. = Ху Кайбао. Перевод и распространение дипломатического дискурса Китая: содержание, методы и значение / Ху Кайбао, Ли Чань // Китайский перевод. — 2018. — № 39 (4). — С. 5–12+129.

12. 胡开宝, 田绪军. 中国外交话语英译中的中国外交形象研究——一项基于语料库的研究 / 中国外语, 2018, 15(6): 79–88. = Ху Кайбао. Образ Китая в английских переводах китайского дипломатического дискурса: корпусное исследование / Ху Кайбао, Тянь Суйцзюнь // Иностранные языки в Китае. — 2018. — № 15 (6). — С. 79–88.

13. 赵会军, 邱能生. 中美外交近五年重心变化的语料库话语分析 / 外语电化教学, 2023, 5: 74–81+112. = Чжао Хуэйцзюнь. Изменение фокуса китайско-американской дипломатии за последние пять лет: корпусный дискурс-анализ / Чжао Хуэйцзюнь, Цю Нэншэн // Электронное обучение иностранным языкам. — 2023. — № 5. — С. 74–81+112.

14. 赵骏, 刘国伟. 国际法视角下的中国伙伴关系战略: 内涵、指向与路径 / 东南学术, 2022, 4: 209–216+248. = Чжао Цзюнь. Стратегия партнёрства Китая в международном праве: содержание, направления и пути реализации / Чжао Цзюнь, Лю Говэй // Юго-Восточная академия. — 2022. — № 4. — С. 209–216+248.

15. 陈艳平, 陈娟. 韩国外交话语中“请求-拒绝”问答互动的立场研究 / 外语导刊, 2024, 47(3): 92–101+160. = Чэнь Яньпин. Категории позиции в вопросно-ответных актах «просьба — отказ» в южнокорейском дипломатическом дискурсе / Чэнь Яньпин, Чэнь Цзюань // Путеводитель по иностранным языкам. — 2024. — № 47 (3). — С. 92–101+160.

16. 韩丹. 构式视阈下外交拒绝言语行为研究 / 外语与外语教学, 2021, 5: 37–46+148. = Хань Дань. Речевые акты отказа в дипломатическом дискурсе в перспективе конструкций / Хань Дань // Иностранные языки и их преподавание. — 2021. — № 5. — С. 37–46+148.

17. 顾炜. 中俄网状伙伴外交的概念内涵和实现路径 / 当代世界与社会主义, 2015, 5: 134–139. = Гу Вэй. Китайско-российская сетевая дипломатия партнёрств: содержание концепта и пути реализации / Гу Вэй // Современный мир и социализм. — 2015. — № 5. — С. 134–139.

18. Priyandita, G. From rivals to partners: Constructing the Sino-Indonesian strategic partnership / G. Priyandita // Global: Jurnal Politik Internasional. — 2019. — No. 21(1). — P. 1–26.

19. Wilkins, T. S. After a decade of strategic partnership: Japan and Australia ‘decentering’ from the US alliance? / T. S. Wilkins // The Pacific Review. — 2018. — No. 31 (4). — P. 498–514.

REFERENCES

1. Dem'yankov, V. Z. (2002). Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii = Political discourse as an object of political philology. *Political Science*, 3, 32–43. EDN YZAJBR.

2. Neymark, M. A. (2023). Evolyutsiya vneshnepoliticheskoy strategii Rossii. 3-e izd., pererab. i dop. = Evolution of Russia's foreign policy strategy (3rd revised and expanded ed.). Moscow: Prospekt, 145 p. ISBN 978-5-392-39573-6.

3. Novikov, D. P. (2018). Bol'shoye evraziyskoye partnerstvo: vozmozhnoye regional'noye vliyaniye i interesy Rossii = Greater Eurasian Partnership: potential regional impact and Russia's interests. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 13(3), 82–96. EDN ZMUVNY.

4. Liu, Ping, Dong, Gege (2024). Zhongmei waijiao bumen xinwen fabuhui de Zhongguo xingxiang jiangou bijiao yanjiu — jiyu yulaoku de piping huayu fenxi = A comparative study of China's image construction in Chinese and US MFA press

briefings: A corpus-based critical discourse analysis. *Journalism & Communication Review*, 77(2), 106–118.

5. Li, Defeng, Wu, Kan (2024). Jiyu yuliao ku de quyue guobie yanjiu — yi “Yidai Yilu” Zhongmei zhuliu meiti baodao zhuti moxing fenxi wei li = Corpus-based regional studies: topic modeling of “Belt and Road” coverage in Chinese and U.S. mainstream media. *Computer-Assisted Foreign Language Education*, 218(4), 10–17+24.

6. Yang, Qiaoyan (2023). Feilubin guanfang dui Zhongguo “Yidai Yilu” changyi de renzhi ji bianhua = The Philippines' perception of China's Belt and Road Initiative and its evolution: A corpus-based discourse analysis (2013–2022). *Studies on Southeast Asian Issues*, 195(3), 31–48.

7. Fan, Xinxin, Chen, Qi (2024). Chongtu hua shiyu xia Demei guanyu RCEP baodao de bianti celüe yanjiu = Argumentative strategies in German media coverage of RCEP within a conflict-framing perspective. *Journal of the University of Shanghai for Science and Technology (Social Science Edition)*, 46(3), 226–232.

8. Wang, Shiming, Shi, Zhixuan (2025). Guoji guanxi zhong de “huobanguanxi” ji qi yansheng gainian jixi = The concept of “partnership” and its derivatives in international relations. *Frontiers of Social Sciences*, 5, 94–104+282.

9. Tian, Xujun, Li, Xiaoqian (2020). Jiyu yuliao ku de Zhongguo waijiao huayu zhuti ci yanbian yanjiu = Evolution of key terms in Chinese diplomatic discourse: A corpus-based analysis. *Foreign Languages in China*, 17(2), 16–25.

10. Xiao, Xi, Ma, Cheng (2019). Zhongguo huobanguanxi: neihan, buju yu zhanlue guanli = China's partnership diplomacy: connotation, layout and strategic management. *International Review*, 2, 72–88.

11. Hu, Kaibao, Li, Chan (2018). Zhongguo tese daguo waijiao huayu de fanyi yu chuanbo yanjiu = Translation and dissemination of China's major-power diplomacy discourse: content, methods and significance. *Chinese Translators Journal*, 39(4), 5–12+129.

12. Hu, Kaibao, Tian, Xujun (2018). Zhongguo waijiao huayu yingyi zhong de Zhongguo waijiao xingxiang yanjiu — yixiang jiyu yuliao ku de yanjiu = China's diplomatic image in English translations of Chinese diplomatic discourse: A corpus-based study. *Foreign Languages in China*, 15(6), 79–88.

13. Zhao, Huijun, Qiu, Nengsheng (2023). Zhongmei waijiao jin wu nian zhongxin bianhua de yuliao ku huayu fenxi = A corpus-based discourse analysis of shifts in PRC—US diplomacy over the past five years. *Computer-Assisted Foreign Language Education*, 5, 74–81+112.

14. Zhao, Jun, Liu, Guowei (2022). Guojifa shijiao xia de Zhongguo huoban zhanlue: neihan, zhixiang yu lujing = China's partnership strategy in international law: content, orientation and paths. *Southeast Academic Research*, 4, 209–216+248.

15. Chen, Yanping, Chen, Juan (2024). Hanguo waijiao huayu zhong “qingqiu—jujue” wenda hudong de lichang yanjiu = Stance construction in request—refusal interactions in South Korean diplomatic discourse. *Guide to Foreign Languages*, 47(3), 92–101+160.

16. Han, Dan (2021). Goushi shiyu xia waijiao jujue yuyan xingwei yanjiu = Refusal speech acts in diplomatic discourse from a construction-grammar perspective. *Foreign Languages and Their Teaching*, 5, 37–46+148.

17. Gu, Wei (2015). Zhong-E wangzhuang huoban waijiao de gainian neihan he shixian lujing = The concept and implementation paths of China—Russia networked partnership diplomacy. *Contemporary World and Socialism*, 5, 134–139.

18. Priyandita, G. (2019). From rivals to partners: Constructing the Sino-Indonesian strategic partnership. *Global: Jurnal Politik Internasional*, 21(1), 1–26.

19. Wilkins, T. S. (2018). After a decade of strategic partnership: Japan and Australia “decentering” from the US alliance? *The Pacific Review*, 31(4), 498–514.

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.581'42+81'25+81'27
 ББК Ш171.1-51+Ш118+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Чанг Джуй Ченг

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китай, levchang0722@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4345-3822>

Прагмалингвистический анализ метафор движения в политическом дискурсе: перевод и интерпретация

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено изучению особенностей восприятия метафор движения разными типами интерпретаторов на материале второго инаугурационного обращения Цай Ин-вэнь и его официальных переводов на русский язык. Цель статьи — проанализировать, как переводчики и студенты-русисты интерпретируют извлеченные метафоры движения, служащие для описания исторической судьбы страны, а также изучить прагматический эффект их переводов. В ходе исследования используются метод семантического, дискурсивного и когнитивного анализа метафорических высказываний, сопоставительный анализ их переводов с исходным текстом, а также социолингвистический опрос как особый тип эксперимента. Анализ показал, что в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации восприятие метафор движения в политическом дискурсе представляет трудную задачу, прежде всего из-за различий в концептуализации пространства в китайском и русском языках, а также из-за расхождений в прагматических установках интерпретаторов. Эксперимент выявил, что адекватный перлокутивный эффект перевода достигается при условии сохранения исходного пространственного значения глаголов движения и прагматического потенциала метафоры. Результаты исследования могут быть использованы в когнитивной лингвистике, политической лингвистике, прагмалингвистике и теории перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, метафорические единицы, когнитивная лингвистика, языковые единицы, метафорические выражения, политические деятели, женщины-политики, тайваньские политики, китайский язык, интерпретация, интерпретатор, метафора движения, перлокутивный эффект, социолингвистический опрос, межъязыковая коммуникация, межкультурная коммуникация, переводоведение, политические переводы, переводческая деятельность, русский язык, русские переводы, политические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чанг Джуй Ченг, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики (Department of Slavic Languages & Literatures, NCCU), Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чанг Джуй Ченг. Прагмалингвистический анализ метафор движения в политическом дискурсе: перевод и интерпретация / Чанг Джуй Ченг. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 153-161.

Chang, Jui-Cheng

National Chengchi University, Taipei City, China, levchang0722@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4345-3822>

Linguopragmatic Analysis of Motion Metaphors in Political Discourse: Translation and Interpretation

ABSTRACT. The article studies the specific features of perception of motion metaphors by different types of interpreters based on the material of Tsai Ing-wen's second inaugural address and its official translations into Russian. The aim of the article is to analyze how translators and students interpret the selected motion metaphors that serve to describe the country's historical path, as well as to study the pragmatic effect of their translations. The research employs the methods of semantic, discourse, and cognitive analyses of metaphorical expressions, a comparative analysis of the target text with the source text, as well as a sociolinguistic survey as a specific type of experiment. The analysis demonstrates that in the situation of interlingual and intercultural communication, the perception of motion metaphors in political discourse is a difficult task, primarily due to the differences in the conceptualization of space in Chinese and Russian, as well as the divergences in pragmatic orientations of interpreters. The experiment has shown that the adequate perlocutionary effect of translation is achieved, given the original spatial meaning of the verbs of motion and the pragmatic potential of the metaphor are preserved. The findings of the study may be used in cognitive linguistics, political linguistics, pragmalinguistics, and translation studies.

KEYWORDS: political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, metaphorical units, cognitive linguistics, language units, metaphorical expressions, politicians, women-politicians, Taiwan politicians, Chinese language, interpretation, interpreter, motion metaphor, perlocutionary effect, sociolinguistic survey, interlingual communication, intercultural communication, translation studies, political translations, translation activity, Russian language, Russian translations, political texts.

AUTHOR'S INFORMATION: Chang, Jui-Cheng, Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi university, Taipei City, China.

FOR CITATION: *Chang, Jui-Cheng. (2026). Linguopragmatic Analysis of Motion Metaphors in Political Discourse: Translation and Interpretation. In Political Linguistics. No 1 (115), pp. 153-161. (In Russ.).*

В основе статьи лежит материал доклада, прочитанного на международной научной конференции «XXVI Филологические чтения. Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего: когнитивные исследования в парадигме интерпретационной лингвистики» (г. Новосибирск, НГПУ, Институт филологии и медиакоммуникаций, 16–17 октября 2025 г.).

A concise variant of the article was delivered as a report at the International Scientific Conference “XXVI Philological Readings. The Interpretive Potential of the Language System and the Creative Activity of the Speaker: Cognitive Research in the Paradigm of Interpretive Linguistics” (Novosibirsk, NSPU, Institute of Philology and Media Communications, October 16–17, 2025).

Настоящая статья является продолжением предыдущего исследования, в котором была проанализирована роль метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ» во втором инаугурационном обращении Цай Ин-вэнь, а также рассмотрены особенности ее передачи в официальных переводах на русский и английский языки [Чанг Джуй Ченг 2021: 41–68]. В предлагаемой работе анализ сосредоточен на сопоставлении официальных переводов на русский язык с оригиналом. Основное внимание в данном исследовании уделяется, во-первых, анализу особенностей интерпретации метафор движения, извлеченных из второй инаугурационной речи Цай Ин-вэнь, официальными переводчиками и студентами, изучающими русский язык как иностранный; во-вторых, рассмотрению перлокутивного эффекта переводов этих метафор с помощью социолингвистического опроса. Мы полагаем, что подобный анализ позволяет глубже раскрыть специфику коммуникативного акта «адресант — политический дискурс — адресат» и способствует развитию у студентов умений дифференцировать семантические признаки русских глаголов движения и лексем китайского языка, обозначающих движение, а также формированию компетенции перевода политических метафор.

В современной лингвистике наблюдается значительный интерес к изучению метафорических моделей в политическом дискурсе [Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001а, 2003; Балашова 2025: 69–77; Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь 2022: 126–134; Пименова, Родичева 2021: 779–791; Ларка 2021: 85–100; Ryazanova-Clarke, Koteyko 2009: 112–127]. С когнитивной точки зрения метафорическая модель рассматривается как один из способов концептуализации и описания сложных социально-политических явлений и процессов. В прагматическом аспекте она выступает как одно из наиболее эффективных средств речевого воздействия на адресата. Как убедительно отмечает А. П. Чудинов, метафорическая модель «позво-

ляет выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» [Чудинов 2001б: 26–27].

Как показали результаты наших предыдущих исследований [Чанг Джуй Ченг 2021: 41–68, 2022: 200–210, 2023: 85–104], Цай Ин-вэнь широко использовала в своих выступлениях метафорическую модель «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ». Использование этой модели способствует достижению таких воздействующих целей, как изменение представлений адресата об историческом опыте страны, укрепление социальной сплоченности общества и повышение уровня доверия населения к власти. Из сказанного следует, что при переводе выступлений Цай Ин-вэнь необходимо учитывать роль указанной метафорической модели в речи политика в целях сохранения ее прагматического потенциала, под которым понимается «типичное эмоциональное воздействие, которое способно оказать соответствующее высказывание на адресата» [Чудинов 2001а: 47].

Однако в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации перевод политических метафор неизбежно сопряжен с проблемой интерпретации [Демьянков 1989, 1999; Долинин 1985]. Под интерпретацией, вслед за В. З. Демьянковым, понимается «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [Демьянков 1999: 11]. Ученый выделяет аспекты, по которым можно классифицировать типы интерпретации: ориентация, противопоставление структурного типа интерпретации функциональному, объем домысливания и объем универсума дискурса.

По мнению В. З. Демьянкова, в рамках структурного типа интерпретации различаются первичная (распознавание элементов высказывания) и вторичная (переход от выражения к замыслу говорящего) [Демьянков

1989: 66–67]. Особое значение для нашего исследования имеет именно вторичная интерпретация, поскольку при передаче метафор движения во второй инаугурационной речи Цай Ин-вэнь, как и политических метафор вообще, на иностранные языки переводчику как первичному адресату необходимо не только воспринять информацию, но и понять коммуникативную установку первичного адресанта.

Не менее важен для нашего исследования и аспект «объем домысливания», позволяющий классифицировать интерпретацию по уровню: низкому (пересказ понятого) и высокому (добавление интерпретатором собственных мыслей и фантазий к тексту) [там же]. В условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации политические метафоры либо сохраняются с высокой степенью точности, либо подвергаются дополнительной обработке, что отражает субъективность переводчика как вторичного адресанта по отношению ко вторичному адресату.

В предлагаемом нами исследовании в роли вторичного адресата выступают студенты, изучающие русский язык как иностранный. В целях выявления как особенностей интерпретации студентами-русистами метафор движения во втором инаугурационном обращении Цай Ин-вэнь, так и оценки их передачи в официальных переводах был проведен социолингвистический опрос как особый тип эксперимента (о специфике эксперимента в прагмалингвистике см. [Матвеева, Ленец, Петрова 2014: 153–154]). Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято экспериментальное исследование восприятия студентами политических метафор и их переводов на русский язык. Подобные исследования ранее не проводились, что делает полученные результаты особо значимыми для когнитивной лингвистики, политической лингвистики, прагматики и теории перевода.

В опросе приняли участие 52 студента факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи: 11 изучают русский язык на протяжении 1–2 лет, 17 — 2–3 лет, 16 — 3–4 лет и 8 студентов — более 4 лет. Дополнительной целью эксперимента стало выявление влияния уровня владения русским языком на дифференциацию семантических признаков русских глаголов движения и лексем китайского языка, обозначающих движение.

Материалом эксперимента послужили три метафорических высказывания: *我們…走出獨裁體制的幽谷…* (букв. Мы <…> вышли из мрачного ущелья авторитарного режима <…>), *我們…一度走在被世界孤立的曠野之中…*

(букв. Мы <…> шли/ходили по обширной равнине, которая была изолирована от мира <…>); *…我們是一個在驚濤駭浪中走過來的國家* (букв. <…> мы — страна, прошедшая страшные валы и яростные волны), а также их официальные переводы на русский язык, опубликованные на сайтах «Панорама Тайваня» и «Русская служба Международного радио Тайваня (МРТ)».

Опросный лист разделен на две части. В первую часть листа был включен материал из оригинала, и по каждому из высказываний задан вопрос: «Прочитайте следующее высказывание и, исходя из вашего понимания, выберите наиболее подходящий глагол русского языка для передачи данной лексической единицы китайского языка» — и предложены глаголы движения. Во вторую же часть листа был включен материал из оригинала и переводов, и по каждому из высказываний предложен вопрос: «Сравните оригинальное высказывание и два варианта его перевода. Какой из них Вы больше предпочитаете» — и дополнительный вариант ответа «Оба варианта не нравятся».

В результате анализа метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ», широко использованной во второй инаугурационной речи Цай Ин-вэнь, был выявлен фрейм «Передвижение в пространстве». В рамках названного фрейма выделены следующие слоты: «Передвижение из ограниченного пространства в открытое», «Передвижение внутри бескрайнего пространства» и «Передвижение сквозь препятствия». Рассмотрим особенности интерпретации метафор движения переводчиками и студентами-русистами, а также результаты опроса, направленного на выявление перлокутивного эффекта переводов этих метафор.

1. Фрейм «Передвижение в пространстве»

Слот 1.1. «Передвижение из ограниченного пространства в открытое» (компоненты области цели: освобождение страны от ограничивающей системы)

Пример (1) *我們…走出獨裁體制的幽谷* (букв. Мы <…> вышли из мрачного ущелья авторитарного режима).

(«Тайваньская панорама») <…> мы **вышли** из мрака диктаторского правления.

(«Русская служба МРТ») Мы <…> **перешли** от авторитарного режима к демократии.

В приведенном высказывании реализуется метафора движения: народ метафорически осмысливается как путешественники, а авторитарный режим представляется как темное ограниченное пространство. Ключе-

вую роль здесь играет лексема китайского языка 走出, относящаяся к «глагольно-направительной конструкции»¹. Она состоит из двух морфем: первая указывает на способ движения и обозначает «движение, совершаемое ногами», вторая указывает на направленность изнутри наружу. Таким образом, данная лексема указывает на акт выхода из замкнутого пространства. Использование образного выражения 幽谷 (букв. 'мрачное ущелье') усиливает представление о предельной ограниченности пространства, вызывая ассоциации с теснотой и опасностью, что оказывает эмоциональное воздействие на адресата.

Лексема русского языка *выйти* имеет значение 'уйти откуда-л., оставить пределы чего-л.' [МАС 1985: 257] и, как отмечает Ю. Д. Апресян, обозначает «передвижение из замкнутого в более открытое пространство» [Апресян 1995: 490–491]. Из сказанного следует, что семантика лексемы китайского языка 走出 соотносится с семантикой русского глагола *выйти*. В этом случае уместно применить стратегию перевода политических метафор «сохранение эквивалентных метафорических образов в лингвистическом измерении» [Ли Минхуэй, Ли Юйхань 2022: 123]: использование лексемы русского языка *выйти* и прием дословного перевода («выйти из мрачного ущелья»), на наш взгляд, позволяют сохранить слот «передвижение из ограниченного пространства в открытое» и тем самым обеспечить прагматический потенциал метафоры движения.

Рассмотрим теперь официальные переводы. В первом варианте перевода («Тайваньская панорама») применена упомянутая выше стратегия перевода политических метафор. В переводе используется лексема *выйти*, что соответствует замыслу первичного адресанта. Следует отметить, что переводчик трансформирует метафорическую основу, смещая акцент с ограниченности пространства на оппозицию «свет — тьма». Что касается второго варианта перевода («Русская служба МРТ»), то в нем наблюдается высокий уровень интерпретации в аспекте «объем домысливания»: переводчик добавляет собственное толкование, используя лексему *перейти*, обозначающую смену политического режима. Однако использование данной лексемы не способно обеспечить прагматический потенциал метафоры движения. Кроме того, образное выражение 幽谷 (букв. 'мрачное ущелье') не передается, что приводит к утрате пространственного

образа и негативной оценки. Сопоставив приведенные варианты перевода, мы выдвигаем гипотезу: адекватный перлокутивный эффект перевода достигается, когда он сохраняет исходное пространственное значение глагола движения и прагматический потенциал метафоры. Данные проведенного социолингвистического опроса позволяют проверить это предположение.

Проанализируем результаты опроса. В первой части опросного листа предложены следующие лексемы: *выйти*, *уйти*, *пройти* и *перейти*. Их использование позволяет определить, насколько студенты различают семантические значения префиксов *вы-* 'выделиться из чего-н., направиться наружу' [Русская грамматика 1980: 357], *у-* 'удалиться откуда-н., покинуть (заставить покинуть) какое-н. место' [там же: 370], *про-* 'переместиться, продвигаться вперед, преодолеть расстояние' [там же: 367] и *пере-* 'переместиться из одного места в другое через предмет или пространство' [там же: 363]. Выбор данных префиксальных глаголов позволяет выявить, как информанты концептуализируют политические изменения: освобождение (*вы-*), удаление (*у-*), преодоление препятствий (*про-*) или переход / смена состояния (*пере-*).

Согласно результатам опроса, подавляющее большинство респондентов выбрало лексему *выйти* (студенты, изучающие русский язык 1–2 года: 73 %, 2–3 года — 76 %, 3–4 года — 63 % и более 4 лет — 75 %), что, по нашему мнению, наиболее соответствует прагматической цели первичного адресанта. В то же время часть информантов, преимущественно из групп с меньшим сроком обучения, склонялась к выбору лексемы *уйти* (1–2 года обучения: 18 %, 2–3 года — 24 %, 3–4 года — 31 % и более 4 лет — 0 %). Это позволяет заключить, что в процессе обучения русскому языку как иностранному требуется уделять специальное внимание семантике префиксов *вы-* и *у-*, организуя их сопоставительный анализ с эквивалентами в китайском языке. Это необходимо для формирования у студентов умений четко разграничить значения этих двух префиксов, что является важным для перевода метафор движения в политическом дискурсе.

Следует отметить, что 9 % респондентов первой группы (1–2 года) и 25 % опрошенных последней группы (более 4 лет) отдали предпочтение лексеме *пройти*. Подобный выбор, по нашему мнению, показывает, что информанты интерпретируют политические изме-

¹ Ду Хунцзюнь. Система приставочных глаголов движения в русском языке в сопоставлении с китайским языком : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. С. 7.

нения как процесс преодоления народом ограничений. Наконец, 6 % студентов, изучающих русский язык 3–4 года, выбрали лексему *перейти*, что может свидетельствовать об их интерпретации метафоры движения как указания на смену политического режима.

Результаты второй части опроса согласуются с результатами первой части. Абсолютное большинство участников опроса выбрало вариант перевода <...> *мы вышли из мрака диктаторского правления* (1–2 года обучения: 64 %, 2–3 года — 100 %, 3–4 года — 75 % и более 4 лет — 75 %). Меньшая часть респондентов предпочла вариант перевода *Мы <...> перешли от авторитарного режима к демократии* (1–2 года: 27 %, 2–3 года — 0 %, 3–4 года — 25 % и более 4 лет — 25 %). Наконец, 9 % опрошенных первой группы (1–2 года) отметили вариант ответа «Оба варианта не нравятся».

Результаты опроса показывают, что при оценке переводов данного высказывания независимо от уровня владения русским языком опрошенные чаще отдают предпочтение первому варианту. Полученные данные подтверждают наше предположение: сохранение исходного пространственного значения глагола движения и прагматического потенциала метафоры является ключевым условием для достижения адекватного перлокутивного эффекта при переводе такого типа политических метафор.

Проанализируем следующее метафорическое высказывание, которое может вызвать у адресата неоднозначную интерпретацию.

Слот 1.2. «Передвижение внутри бескрайнего пространства» (компоненты области цели: опыт международной изоляции и ограничений во внешнеполитическом развитии)

Пример (2) *我們...一度走在被世界孤立的曠野之中* (букв. *Мы <...> шли/ходили по обширной равнине, изолированной от мира*).

(«Тайваньская панорама») <...> *мы <...> выстояли, когда мир обрек нас на одинокое скитание по пустыне*.

(«Русская служба МРТ») <...> *мы когда-то были изолированы от мира*.

В приведенном высказывании страна и ее народ образно осмысляются как путешественники, тогда как дипломатическая изоляция страны от мирового сообщества метафорически представлена как беспредельное пространство. Главную роль в этом метафорическом высказывании играет лексема китайского языка *走在*, состоящая из двух морфем: первая обозначает «движение, совершаемое ногами», вторая указывает на

нахождение субъекта внутри пространства во время движения. Эта лексема выражает процессуальность и допускает как целенаправленное, так и ненаправленное передвижение, что соотносится с семантикой русских глаголов *идти* и *ходить*. Именно эта неоднозначность создает трудности при выборе эквивалента в переводе.

На наш взгляд, в безграничном пространстве трудно ориентироваться, и в подобных условиях путешественник оказывается неспособным достичь конечного пункта. В результате международной изоляции стране так же трудно определить приоритетные направления дальнейшего развития. Исходя из этого, при переводе указанного высказывания уместным представляется сохранение метафорических образов с использованием лексемы *ходить*, которая наиболее адекватно передает ненаправленность передвижения субъекта в пространстве.

Первый вариант перевода («Тайваньская панорама») стремится к максимально полному воспроизведению замысла первичного адресанта. В переводе используется лексема *скитание/скитаться*, означающая «переходить, переезжать из одного места в другое, проводить жизнь в странствиях» [МАС 1988: 109], что позволяет сохранить образ ненаправленного движения. Более того, использование данной лексемы, обладающей книжной окраской [Виноградов 1999: 638], придает переводу торжественный оттенок. При этом переводчик вносит дополнительную информацию: во-первых, отражается активное воздействие мирового сообщества (Агенса) на страну и ее народ (Пациенса); во-вторых, использование лексемы *одинокий* усиливает впечатление беспомощности положения страны; наконец, лексема *выстоять*, означающая «выдержать тяжелые испытания, не отступив перед ними, не сдаться в тяжелой борьбе» [МАС 1985: 283], придает переводу эмоционально-оценочную окраску, акцентируя стойкость в неблагоприятных условиях. Все перечисленные моменты свидетельствуют о высоком уровне интерпретации в рамках аспекта «объем домысливания». В результате перевод оказывается более экспрессивным и эмоциональным, чем оригинал. Во втором варианте перевода («Русская служба МРТ») метафора движения устранена: перевод ограничивается передачей факта изоляции и характеризуется низким уровнем интерпретации в рамках аспекта «объем домысливания».

Перейдем к анализу восприятия студентами приведенного высказывания и его вариантов перевода. В первой части опросного листа им были предложены две лексемы —

идти и *ходить*. Их выбор позволяет выявить не только понимание опрошенными семантических различий между указанными бесприставочными глаголами движения, но и особенности восприятия исторического опыта своей страны.

Согласно результатам опроса, большинство респондентов выбрали лексему *идти* (1–2 года обучения: 73 %, 2–3 года — 71 %, 3–4 года — 69 % и более 4 лет — 62,5 %), что показывает восприятие ими исторического опыта как целенаправленного развития страны вопреки внешним вызовам. В то же время определенная часть информантов склонялась к выбору лексемы *ходить* (1–2 года: 27 %, 2–3 года — 29 %, 3–4 года — 31 % и более 4 лет — 37,5 %), что подтверждает наше предположение о ненаправленности движения в условиях международной изоляции.

Результаты второй части опроса выявили неоднозначное отношение респондентов к переводам. Первый вариант перевода (<...> *мы* <...> *выстояли, когда мир обрек нас на одинокое скитание по пустыне*), отличающийся эмоциональной окрашенностью, получил больше предпочтений у студентов со стажем изучения языка более 4 лет (1–2 года обучения: 55 %, 2–3 года — 35 %, 3–4 года — 44 % и более 4 лет — 62,5 %). Второй вариант перевода (<...> *мы когда-то были изолированы от мира*) оказался более привлекательным для студентов второй и третьей групп (1–2 года: 45 %, 2–3 года — 59 %, 3–4 года — 50 % и более 4 лет — 25 %). При этом определенная доля респондентов выбрала вариант ответа «Оба перевода не нравятся» (2–3 года — 6 %, 3–4 года — 6 % и более 4 лет — 12,5 %). Результаты не только вновь подтверждают наше предположение, но и выявляют важную закономерность: эффект перевода, сохраняющего прагматический потенциал метафоры движения, непосредственно зависит от уровня подготовки адресата. В отличие от групп среднего уровня, более опытные информанты проявляют чувствительность к метафорической образности, отдавая предпочтение переводу, сохраняющему прагматический потенциал метафоры движения.

Анализируемый пример выявляет проблему перевода метафор движения, возникающую вследствие различий в концептуализации пространства в китайском и русском языках. Решению этой проблемы способствуют как сопоставительный анализ систем глаголов движения в обоих языках, так и использование переводческих стратегий, направленных на сохранение прагматического потенциала метафоры движения.

Рассмотрим последнее метафорическое высказывание и особенности его восприятия разными типами интерпретаторов.

Слот 1.3. «Передвижение сквозь препятствия» (компоненты области цели: преодоление серьезных политических и социальных кризисов на пути развития страны)

Пример (3)...*我們是一個在驚濤駭浪中走過來的國家* (букв. <...> *мы — страна, прошедшая страшные валы и яростные волны*)

(«Тайваньская панорама») <...> ***мы — страна, прошедшая через грозные штормы.***

(«Русская служба МРТ») <...> ***мы — народ, который смог выйти из величайших трудностей.***

В приведенном высказывании реализуется метафора движения, в которой страна осмысливается как путешественник, преодолевший все препятствия на своем пути, а кризисы образно представлены как грозные природные явления. В этом ключевую роль играет лексема китайского языка *走過來*, состоящая из трех морфем: первая обозначает «движение ногами», вторая — «преодоление или пересечение пространства», третья — «передвижение из другого пространства в пространство говорящего». Указанная лексема, по нашему мнению, в большей степени акцентирует идею преодоления трудностей, нежели успешного достижения нового этапа развития. Семантика данной лексемы соотносится с семантикой русского глагола движения *пройти*, имеющего такие значения, как 'преодолеть ходьбой какое-л. расстояние, пространство' [БАС 1961: 1123] и 'пережить, испытать, претерпеть (какое-л. состояние или влияние чего-л.)' [МАС 1987: 491]. Таким образом, для сохранения прагматического потенциала метафоры движения при переводе приведенного высказывания целесообразно использовать буквальный перевод образа страшных природных явлений с употреблением глагола движения *пройти*.

Сопоставление двух вариантов перевода с оригиналом показывает, что переводчики по-разному интерпретируют исходный текст через использование глаголов движения: в первом варианте перевода («Тайваньская панорама») используется лексема *пройти*, а во втором («Русская служба МРТ») — *выйти*. Отсюда ясно, что переводчик первого варианта рассматривает кризисные ситуации в развитии страны как некое пространство, которое можно преодолеть, что соответствует нашему предположению о прохождении трудных этапов развития страны.

Переводчик второй версии, напротив, воспринимает внутренние и внешние кризисы страны как замкнутое пространство, которое можно покинуть. Кроме того, в первом варианте перевода адекватно передано выражение китайского языка 驚濤駭浪 (букв. 'страшные валы и яростные волны') через образ грозных штормов. Во втором варианте данное выражение передано нейтрально — как *величайшие трудности*.

Изучим результаты социолингвистического опроса. В первой части опросного листа были предложены следующие префиксальные глаголы движения: *пройти, прийти, перейти, выйти*. Выбор указанных лексем обусловлен тем, что они демонстрируют ключевые семантические различия между префиксами *про-* 'переместиться, продвигнуться вперед, преодолеть расстояние' [Русская грамматика 1980: 367], *при-* 'достигнуть места, прибыть, соединиться с чем-н.' [там же: 366], *пере-* 'переместиться из одного места в другое через предмет или пространство' [там же: 363] и *вы-* 'выделиться из чего-н., направиться наружу' [там же: 357]. Особый интерес для нас представляет уровень понимания опрошенными семантическими различиями между этими префиксами. Как отмечалось выше, в анализируемом метафорическом высказывании акцент делается прежде всего на идее преодоления пространства (*про-*), а не на идеях достижения конечной точки (*при-*), смены пространства (*пере-*) или выделения из ограниченного пространства (*вы-*).

Согласно результатам опроса, большинство респондентов верно восприняли содержание высказывания, четко различили семантические оттенки предложенных глаголов движения и выбрали лексему *пройти* (1–2 года обучения: 82 %, 2–3 года — 64 %, 3–4 года — 75 % и более 4 лет — 100 %). В то же время часть опрошенных, главным образом студенты со стажем изучения русского языка менее 4 лет, отдали предпочтение другим вариантам (*прийти*: 1–2 года: 18 %, 2–3 года — 24 %, 3–4 года — 12,5 %; *перейти*: 2–3 года — 12 %, 3–4 года — 6,25 %; *выйти*: 3–4 года — 6,25 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что информанты с высоким уровнем языковой подготовки демонстрируют более точное понимание семантических различий русских глаголов движения и лексем китайского языка, обозначающих движение.

Теперь рассмотрим результаты второй части опроса. Значительная часть респондентов отдали предпочтение первому варианту перевода (<...> *мы – страна, прошедшая через грозные штормы*), в котором

адекватно передается эмоциональное воздействие исходного текста (1–2 года — 82 %, 2–3 года — 71 %, 3–4 года — 81 %, более 4 лет — 75 %). Меньшая часть опрошенных выбрала второй вариант (<...> *мы – народ, который смог выйти из величайших трудностей*): 1–2 года — 18 %, 2–3 года — 29 %, 3–4 года — 19 %, более 4 лет — 12,5 %. При этом 12,5 % информантов последней группы (более 4 лет обучения) указали вариант ответа «Оба варианта не нравятся». Таким образом, результаты опроса вновь подтверждают наше предположение, что для большинства информантов важно сохранение исходного пространственного значения глагола движения и прагматического потенциала метафоры.

Проделанное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, политический деятель использует метафоры движения при описании исторического опыта страны для достижения поставленных прагматических целей. Однако интерпретация подобных метафор в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации сопряжена с такими трудностями, как различия в концептуализации пространства в китайском и русском языках, а также необходимость донести до вторичного адресата эмоциональное воздействие исходного текста.

Во-вторых, сопоставительный анализ переводов с оригиналом показывает, что вариант «Тайваньской панорамы» в целом адекватно передает на русский язык как лексемы китайского языка, обозначающие движение, так и образные выражения, описывающие кризисные моменты в истории страны. Подобная переводческая стратегия, на наш взгляд, в наибольшей степени гарантирует достижение адекватного перлокутивного эффекта у вторичного адресата. В то же время вариант «Русской службы МРТ», несмотря на использование глаголов движения, сводится преимущественно к констатации факта, что не обеспечивает эмоционального воздействия, равноценного исходному тексту. Данные опроса подтверждают наше мнение: большинство респондентов, независимо от уровня владения языком, отдали предпочтение первому варианту перевода. Таким образом, выбор переводческой стратегии непосредственно влияет на обеспечение прагматического потенциала метафоры движения.

Наконец, результаты исследования показывают, что особенности восприятия метафор движения зависят от типа интерпретатора. Переводчики используют разные стратегии: от стремления сохранить метафорические образы до их нейтрализации.

Студенты-русисты же демонстрируют прямую зависимость: чем выше уровень владения языком, тем точнее их семантическая дифференциация русских глаголов движения и выше предпочтение варианту перевода, сохраняющему их исходное пространственное значение и прагматический потенциал метафоры.

Перспективным видится дальнейший сопоставительный анализ интерпретаций различных типов метафор, используемых в речах Цай Ин-вэнь, с целью выявления как общих закономерностей, так и специфики их восприятия в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. Полный текст инаугурационной речи Цай Ин-вэнь (оригинал). — 2020. — URL: <https://www.president.gov.tw/Page/586> (дата обращения: 22.07.2025).
2. Инаугурационная речь Цай Ин-вэнь (перевод «Тайваньская панорама»). — URL: https://taipanorama.tw/news_amp.php?unit=138&post=178021 (дата обращения: 25.07.2025).
3. Инаугурационная речь Цай Ин-вэнь — полный текст (перевод «Русская служба МРТ»). — 2020. — URL: <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93178> (дата обращения: 01.08.2025).

СЛОВАРИ

1. БАС 1948–1965 = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР, Институт русского языка. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 1948–1965.
2. МАС 1985–1988 = Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1985–1988.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.
2. Балашова, Л. В. Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 69–77. — EDN LEVHZP.
3. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Институт русского языка РАН, 1991. — 193 с. — EDN PVZSQJ.
4. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов ; Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. — 1138 с. — ISBN 5-88744-033-3.
5. Демьянков, В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. — Москва : Изд-во Московского университета, 1989. — 172 с. — ISBN: 5-211-01723-4. — EDN SFHRLV.
6. Демьянков, В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — 1999. — № 2. — С. 5–13. — EDN SIJPOP.
7. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. — Москва : Просвещение, 1985. — 288 с.
8. Ли, Минхуэй. Способы Перевода политической метафоры в политическом дискурсе на русском языке / Ли Минхуэй, Ли Юйхань // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2022. — № 5 (168). — С. 122–127. — EDN DJALWD.
9. Лю, Лифэнь. Анализ концептуальной метафоры «войны» в политическом дискурсе (на примере «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 2021 г.) / Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 126–134. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_14. — EDN COMIOP.
10. Матвеева, Г. Г. Основы прагмалингвистики : моногр. / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 232 с. — ISBN: 978-5-9765-1610-6. — EDN WBVSFI.

11. Пименова, М. В. Метафоры со сферами-источниками игра и школа в дискурсе политика (на примере интервью В. И. Матвиенко в период с 2017 по 2020 г.) / М. В. Пименова, А. А. Родичева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2021. — 18 (4). — С. 779–791. — DOI 10.21638/spbu09.2021.409. — EDN KFQPLD.

12. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — 788 с.

13. Чанг Джуй Ченг. Метафора пути в инаугурационной речи (на материале второго обращения Цай Ин-вэнь и его перевода на русский и английский языки) / Чанг Джуй Ченг // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. — 2021. — № 31. — С. 41–68.

14. Чанг Джуй Ченг. Метафорическая модель «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЕШЕСТВИЕ» в инаугурационной речи (на материале первого обращения Цай Ин-вэнь и его официального перевода на английский язык) / Чанг Джуй Ченг // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6 (96). — С. 200–210. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_22. EDN OJWTA.

15. Чанг Джуй Ченг. Когнитивное исследование метафоры пути и милитарной метафоры в политическом дискурсе (на материале обращения Цай Ин-вэнь по случаю Дня двух десятков 2022 года и его перевода на русский и английский языки) / Чанг Джуй Ченг // Критика и семиотика. — 2023. — № 1. — С. 85–104. — DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-85-104. — EDN GUZAGV.

16. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001а. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

17. Чудинов, А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе / А. П. Чудинов // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001б. — № 2. — С. 26–31.

18. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. — 248 с. — ISBN: 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

19. Lapka, O. Language of Persuasion: Analysis of Conceptual Metaphors in Political Discourse / O. Lapka // The Grove – Working Papers on English Studies. — 2021. — Iss. 28. — P. 85–110. — DOI 10.17561/grove.28.6607. EDN TIQZMX.

20. Ryazanova-Clarke, L. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? / L. Ryazanova-Clarke, N. Koteyko // Slavonica. — 2009. — No. 15 (2). — P. 112–127.

MATERIALS

1. Tsai, Ing-wen. (2020). Inaugural Address. Available at July 22, 2025 from <https://www.president.gov.tw/Page/586>.
2. Translation of “Taiwan Panorama” (2020). Tsai, Ing-wen’s Inaugural Address. Available at July 25, 2025 from https://taipanorama.tw/news_amp.php?unit=138&post=178021.
3. Translation of “Russian Service of Radio Taiwan International” (2020). Tsai, Ing-wen’s Inaugural Address. Available at August 1, 2025 from <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93178>.

DICTIONARIES

1. Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian language (1948–1965). BAS 1948–1965 = Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 volumes. Moscow, Leningrad: Publishing house of Academy of Sciences of the Soviet Union.
2. Evgen’eva, A. P. (Ed.) (1985–1988). MAS 1985–1988 = Dictionary of Russian language (Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian language, Ed. 3rd, ster.). Moscow: Russian language.

REFERENCES

1. Апресян, Ю. Д. (1995). Izbrannye trudy, tom II. Integral’noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija = Selected works. Volume II. Integral description of language and systematic lexicography. Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul’tury”, 767 p. ISBN 5-88766-045-7.
2. Balashova, L. V. (2025). Specifika realizacii destruktivnyh metafor v rechi ministra inostrannyh del RF S.V. Lavrova (2022–2024 gg.) = The Specificity of Realization of Destructive Metaphors in the Speech of the Minister of Foreign Affairs of the

- Russian Federation Sergey Lavrov (2022-2024). *Political Linguistics*, 2(110), 69–77. EDN LEVHZP.
3. Baranov, A. N., Karaulov, Ju. N. (1991). Russkaja političeskaja metafora. Materialy k slovarju = Russian political metaphor. Materials for the dictionary. Moscow: Institut russkogo jazyka RAN, 193 p. EDN PVZSQJ.
4. Vinogradov, V. V. (1999). Istorija slov = The history of words. Moscow: Rossijskaja akademija nauk. Otdelenie literatury i jazyka: Nauchnyj sovet «Russkij jazyk». Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1138 p. ISBN 5-88744-033-3.
5. Dem'jankov, V. Z. (1989). Interpretacija, ponimanie i lingvističeskie aspekty ih modelirovanija na JeVM = Interpretation, Understanding, and Linguistic Aspects of Their Modeling on Computers. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 172 p. ISBN: 5-211-01723-4. EDN SFHRLV.
6. Dem'jankov, V. Z. (1999). Interpretacija kak instrument i kak obekt lingvistiki = Interpretation as a tool and as an object of linguistics. *Journal of Philology*, 2, 5–13. EDN SIJPOP.
7. Dolinin, K. A. (1985). Interpretacija teksta = Interpretation of the text. Moscow: Prosveshhenie, 288 p.
8. Li, Minghui, Li, Yuhan (2022). Sposoby Perevoda političeskoj metafory v političeskom diskurse na russkom jazyke = The ways of translation of the political metaphor in the political discourse in the Russian language. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 5(168), 122–127. EDN DJALWD.
9. Liu, Lifen, Huang, Zhonglian (2022). Analiz konceptual'noj metafory «vojny» v političeskom diskurse (na primere «Poslanija Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju» 2021 g.) = Exploring the conceptual metaphor of “war” in political discourse: a case study of the 2021 presidential address to the Federal Assembly. *Political Linguistics*, 1(91), 126–134. DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_14. EDN COMIOP.
10. Matveeva, G. G., Lenec, A. V., Petrova, E. I. (2014). Osnovy pragmalingvistiki: monografija = Foundations of Pragmalinguistics. Monograph. 2nd ed., repr. Moscow: Flinta: Nauka, 232 p. ISBN: 978-5-9765-1610-6. EDN WBVSFI.
11. Pimenova, M. V., Rodičeva, A. A. (2021). Metafory so sferami-istochnikami igra i shkola v diskurse politika (na primere interv'ju V. I. Matvienko v period s 2017 po 2020 g.) = Metaphors with the sphere sources game and school in the discourse of politics (on the example of Valentina Matvienko's interviews from 2017 to 2020). *Bulletin of Saint Petersburg University*, 18(4), 779–791. DOI 10.21638/spbu09.2021.409. EDN KFPQLD.
12. Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). Russkaja grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfolologija = Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology. Moscow: Nauka, 788 p.
13. Chang, Jui-Cheng. (2021). Metafora puti v inauguracionnoj rechi (na materiale vtorogo obrashhenija Caj In-vjen' i ego perevoda na russkij i anglijskij jazyki) = The Path Metaphor in Inaugural Speech (on the material of the second address of Tsai Ing-wen and its translation into Russian and English). *Journal of Russian Philology*, 31, 41–68.
14. Chang, Jui-Cheng (2022). Metaforičeskaja model' “RAZ-VITIE STRANY – jeto PUTESHESTVIE” v inauguracionnoj rechi (na materiale pervogo obrashhenija Caj In-vjen' i ego oficial'nogo perevoda na anglijskij jazyk) = The Metaphorical Model “COUNTRY DEVELOPMENT is a JOURNEY” in the Inaugural Speech (On the Material of Tsai Ing-Wen's First-Term Inaugural Address and Its Official Translation Into English). *Political Linguistics*, 6(96), 200–210. DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_22. EDN OIJWTA.
15. Chang, Jui-Cheng (2023). Kognitivnoe issledovanie metafory puti i militarnoj metafory v političeskom diskurse (na materiale obrashhenija Caj In-vjen' po sluchaju Dnja dvuh desjatom 2022 goda i ego perevoda na russkij i anglijskij jazyki) = Cognitive Study of Path Metaphor and Military Metaphor in Political Discourse (Based on the Material of Tsai Ing-wen's Address on the Occasion of Double Tenth Day in 2022 and Its Translation in Russian and English). *Critique and Semiotics*, 1, 85–104. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-85-104. EDN GUZAGV.
16. Chudinov, A. P. (2001a). Rossija v metaforičeskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie političeskoj metafory (1991–2000) = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ, 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.
17. Chudinov, A. P. (2001b). Sportivnaja metafora v sovremenom rossijskom političeskom diskurse = Sports metaphor in contemporary Russian political discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 26–31.
18. Chudinov, A. P. (2003). Metaforičeskaja mozaika v sovremennoj političeskoj komunikacii = Metaphorical mosaic in modern political communication. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ, 248 p. ISBN: 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.
19. Lapka, O. (2021). Language of Persuasion: Analysis of Conceptual Metaphors in Political Discourse. *The Grove – Working Papers on English Studies*, 28, 85–110. DOI 10.17561/grove.28.6607. EDN TIQZMX.
20. Ryazanova-Clarke, L., Koteyko, N. (2009). The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, 15(2), 112–127.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Email: ap_chudinov@mail.ru

Заместители главного редактора: доктор филологических наук, профессор Эдуард Владимирович Будаев, доктор филологических наук, профессор Наталья Борисовна Руженцева.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955.

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Ссылка литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018

(см. образец). **В список литературы не включаются:** архивные документы и данные; сайты организаций, блоги, ссылки на социальные сети и под.; ГОСТ, стандарты, законы и законодательные акты, кодексы и иные нормативные документы, а также диссертации и авторефераты. Подобные материалы оформляются в виде подстрочной ссылки в тексте статьи.

- После основного списка литературы располагается список (References) с переводом русскоязычных источников на английский язык. Для транслитерации русского текста в латиницу рекомендуем использовать сайт <https://translit.net/>, вариант BGN Board of Geographic Names. При оформлении References следует придерживаться APA стиля (American Psychological Association Style).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
 - Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/J120v27n58 08 // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с.

Марьянских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьянских // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2026. ВЫПУСК 1 (115)**

Адрес редакции:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 26.02.2026. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 28.02.2026.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 18,7. Усл. печ. л. — 19,0. Тираж 500 экз. Заказ 5594.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе

Уральского государственного педагогического университета

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Email: uspu@uspu.ru